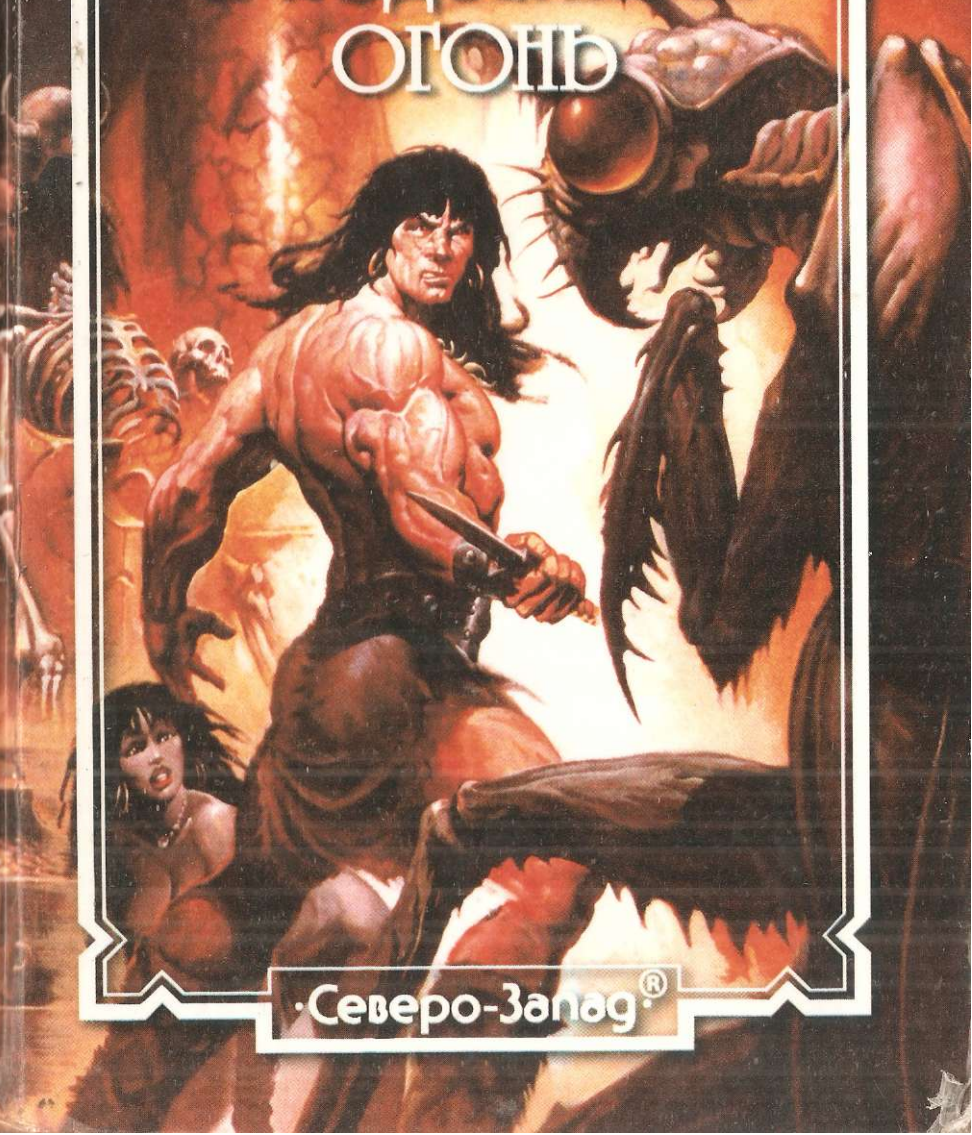

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ

•Северо-Запад®

КОНАН
И
ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К64

К64 **Конан и подземный огонь: Романы.** — СПб.:
«Северо-Запад», 1998. — 544 с.

ISBN 5-7906-0081-6

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации. Любые
попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора.*

© Ken Kelly, 1992
© «Северо-Запад», составление
и подготовка текста, серийное
оформление обложки и форзаца,
1998

ISBN 5-7906-0081-6

ОЛАФ БЬОРН ЛОКНИТ: СВОЯ ХАЙБОРИЯ

Еще несколько лет назад искушенный российский читатель не имел представления о том, что существует такой человек — Олаф Локнит... Однако у себя на родине, в Новой Зеландии, а также в Австралии и США мистер Локнит считается одним из мэтров жанра героической фэнтези, и его зачастую сравнивают с Гленом Куком, Джоном Мэддоксом Робертсом и Робертом Асприном.

Случилось так, что Олаф Локнит по приглашению издательства «Северо-Запад», с которым он долго и плодотворно сотрудничает, приезжал в Россию на несколько дней и выделил время для беседы с переводчиками его произведений, издающихся в нашей стране.

Мы — Андрей Мартыанов и Марина Кижина — переводили многие романы Олафа Локнита на русский язык и не могли упустить возможность встретиться с этим выдающимся писателем и взять у него интервью для российских читателей.

А. Мартыанов: — Мистер Локнит, благополучно ли вы добрались до Петербурга со своего, как вы выражаетесь, «края света»?

О. Локнит: — Это было очень здорово — настоящий Quest. Представьте: сначала вы должны сесть на самолет в Веллингтоне, прибыть в столицу Австралии Канберру, затем следует очень долгий перелет через весь Тихий океан в Лос-Анджелес... В оправдание этой задержки могу сказать, что у меня были дела в Соединенных Штатах Америки. С западного побережья США я прилетел в Нью-Йорк, где благополучно заснул в кресле «Конкорда»,

вылетающего в Лондон, а уже из британской столицы приехал в ваш потрясающий город. В общей сложности путешествие заняло пять дней, включая мое пребывание в Америке.

М. Кижина: — *Столько мучений — а ради чего?*

ОЛ: — Ради чего? Скажите, Марина, вы любите героическую фантастику?

МК: — *Ну... Конечно! Иначе я не занималась бы переводом ваших текстов и не писала бы свои книги по мере возможностей. А что вы имеете в виду?*

ОЛ: — Видите ли, друзья, фантастика, а особенно *fantasy*, является сейчас во всем мире одним из самых читаемых жанров. Представьте, что одну и ту же книгу одновременно держат в руках австралиец, немец, американец и русский... И в каждой стране один и тот же роман издан на национальном языке. На мой взгляд, это весьма способствует сближению всех народов нашего мира. И, разумеется, я считаю за честь издавать свои книги в вашей великой стране. Я был счастлив, получая в подарок от издательства «Северо-Запад» мои романы, вышедшие в серии «Конан». Если мои произведения, равно как и тексты многих других авторов, составляющих жизнеописание самого популярного в XX веке Вечного героя, читают в России, как и в странах так называемой «западной цивилизации», то у наших народов нет повода для разногласий — ведь нам нравится одно и то же.

АМ: — *Мистер Локнит, для меня всегда был загадкой облик известного писателя в обычной жизни. Кто вы такой? Не как литератор, а как обычный человек?*

ОЛ: — Все очень просто. Значительно проще, чем вы думаете. Неужели вы считаете, что я живу в горной пещере, где из мебели находятся только стул, стол и древняя пишущая машинка? И что я своего рода отшельник? Вовсе нет. Я только лишь гражданин Новой Зеландии и налогоплательщик, обычный представитель слоя, который в Америке называется «средним классом». И, конечно же, отнюдь не богатый человек. Живу я в пригороде Окленда — города на берегу Тихого океана, в сравнительно небольшом домике с садом. Замечу, что моя жена Мелани и две собаки занимают в доме гораздо больше места, чем я сам...

Ну, что еще?.. Иногда беру напрокат катер и езжу ловить рыбу в залив Хаураки или вожу семью на прибрежные острова, отдыхать. Много курю. Люблю пиво. Типичный новозеландец, если можно так выразиться... Ничего экстраординарного.

МК: — *Вы упомянули свою семью. Как ваши близкие относятся к тому, что вы профессионально занимаетесь литературой?*

ОЛ: — Следует начать издавека. Я изначально, в молодости, никогда не предполагал, что буду писать книги. Закончил колледж, университет в Окленде, получил диплом доктора медицины, а затем несколько лет работал врачом в спасательной службе и госпитале святой Вероники в городе Данидин на Южном острове. Когда один мой друг, американский писатель, неожиданно одобрил мои рассказы, писавшиеся просто ради удовольствия, для себя самого, и один из текстов был куплен оклендским издательством «Королева Елизавета», жена и старший сын посмотрели на меня как на спятившего. Однако Мелани, оценив присланный издателем чек, внезапно подбрела и сказала примерно следующее: «Пиши, пиши, нам как раз нужна новая машина». Прозаично, не правда ли?

А затем, когда мои дела как писателя пошли в гору, Мелани выделила мне отдельную комнату в доме, ранее бывшую комнатой для гостей, и начала смотреть на мое увлечение литературой куда более одобрительно. Конечно, супруга была несколько удивлена тем, что я однажды бросил медицинскую практику и стал профессиональным писателем — то есть зарабатывал на жизнь только литературой, — однако стерпела и этот выверт. И терпит уже почти пятнадцать лет.

АМ: — *В вашем имени прослеживаются скандинавские корни, а отнюдь не англосаксонские, как у большинства переселенцев в Австралию или Новую Зеландию...*

ОЛ: — Разумеется. Мои родители переехали в Новую Зеландию из Норвегии. Между прочим, я родился в северном полушарии, в одном из норвежских фюльков — Согн-Ог-Фьоране. Это к северу от Бергена. Городок, где я появился на свет, называется Вадхейм и стоит на северном

берегу Согне-фьорда. Когда мне исполнилось шесть лет, отец и мать перебрались в Новую Зеландию — это был 1956 год. Признаться, их выбор был правильным. Эти южные острова удивительно напоминают Скандинавию — такие же узкие заливы, островки, красивые горы... Да и климат подходящий — не столь жарко, как в Австралии. Новая Зеландия тоже страна эмигрантов, наподобие Америки, Канады или упомянутой Австралии, однако я могу на основе собственного опыта утверждать — в США, например, я бы жить не смог. Там очень беспокойно. А наша страна поражает всех приезжих своей патриархальной безмятежностью и спокойствием, а народ — уравновешенностью.

МК: — Ну что ж, если появится возможность — мы обязательно приедем к вам в Новую Зеландию, очень уж вкусно вы описали свою вторую родину. А теперь я хотела бы плавно перевести нашу беседу в несколько противоположное русло и узнать о другой стране, никогда, правда, не существовавшей. О Хайбории.

ОЛ (с улыбкой): — А вы уверены в своей правоте? Я имею в виду убеждение о нереальности Хайбории.

МК: — Нет, честно признаться. Хотя считается, что Хайбория — один из многочисленных «литературных миров», созданных писательским воображением. Что для вас Хайборийский мир, мистер Локнит?

ОЛ: — Интересная постановка вопроса... Если формулировать кратко, то я могу сказать, что Хайбория для меня — Вселенная, куда я езжу отдыхать и набираться впечатлений уже тринадцать лет подряд. Думаю, я там уже примелькался, особенно в Аквилонии и в Пограничье... Вы, наверное, слышали версию о том, что профессор Толкин, написавший «Властелина колец», попросту «вспомнил» о существовании Средиземья? Вот и я начинаю все сильнее полагать, что мало-помалу «вспоминаю» события, происходившие в те весьма отдаленные, однако столь интересные и героические времена. И что вижу историю Хайбории лишь под своим, особенным углом зрения, ничуть не претендуя на истинность собственных воззрений...

АМ: — Если мы заговорили о Хайбории и Конане, расскажите, почему вы решили продолжать дело, начатое Робертом Говардом.

ОЛ: — В этом есть определенная доля случайности. В середине 80-х годов меня заинтересовали некоторые романы, посвященные странствиям Конана. Раньше я относился к литературным сериалам примерно так же, как к комиксам — неприятное развлечение для подростков, и ничего больше. Туповатый герой, набор стандартных сюжетов и персонажей, работа по придуманному кем-то шаблону... А потом я незаметно вчитался и внезапно понял, что писателю достаточно посидеть и подумать, чтобы создать из тривиального сериала действительно стоящее произведение. Тогда же я решил попробовать свои силы на этом поприще. Получилась книга «Песчаные небеса» — своего рода роман-анекдот о Хайбории. Набор персонажей обычный — сам Вечный герой, разумеется, его подружка, верный спутник, пакостный маг, тупой правитель, злобные нелюди, потерявшийся волшебный артефакт, а также красавица, которую просто необходимо было спасти... Вам это ничего не напоминает?

АМ: — Это, несомненно, названный вами «стандартный набор». Я переводил «Песчаные небеса» и сам удивлялся: все вроде бы обычно, типичные персонажи занимаются положенным делом — спасают мир, ищут сокровища и убивают «плохих», но в то же время все это делается неправильно! Все повернуто с ног на голову.

ОЛ: — А что, по-вашему, «правильно», расскажите? Молчите? Вот-вот, мистер Мартыанов, вы, видимо, испугались необычности, читая этот роман. А следовало ли бояться того, что Конан разговаривал как живой человек, а не как бездумная машина для убийства, ограничиваясь рычащим возгласом «Кром!», и соображал самостоятельно, не прибегая к помощи еще одного неперенного типажа многих других романов — «мудрого наставника»? И я зачастую не понимал многих редакторов, с которыми я работал и которые требовали: «Ни в коем случае нельзя посмеиваться над Конаном! У читателя в этом случае возникнет мысль, что мы издевательски несерьезно относимся к любимому персонажу! Не забудьте, что он варвар!»

Между прочим, довольно странное представление о варварстве — в голове плавают только три-четыре мысли (с кем бы подраться, как заработать и потом заработанное пропить и так далее...), из слов используются одни междометия да ругательства, а сам герой представляет из себя этакое пугало для всех добропорядочных граждан. Вспомните исторические примеры, друзья мои. Между прочим, древние норвежцы были, что называется, «худшими из варваров», однако история донесла до нас повесть о том, как некий вождь викингов обставил в шахматы просвещенного арабского философа, едва уяснив для себя правила этой игры. Это наводит на размышления...

Многие авторы Хайборийского цикла, к сожалению, забывают, что варвары, к какому племени они бы ни относились (готскому, норвежскому, скифскому или киммерийскому), были на редкость умны, сообразительны и хитры, иначе они просто не выжили бы в том жестоком мире. А кроме того, варвары на редкость быстро проникались теми самыми «правилами игры», созданными развитой цивилизацией, и умели использовать новые знания себе во благо. Что ж тогда говорить о Конане, который с шестнадцати лет путешествовал по культурным странам, служил в гвардии Илдиза Туранского, например? Подумайте сами, описанного мною выше безмозглого трюмала стали бы держать при дворе высокообразованного арабского халифа где-нибудь в Багдаде или Дамаске?

МК: — Ради экзотики, наверное...

ОЛ: — А он дослужился бы, как Конан, до чина сотника личной гвардии правителя?

МК: — Нет!

АМ: — Итак, что же получается? Наш «стандартный» Вечный герой с маленькими мозгами и большим мечом испарился. Кто же приходит на его место?

ОЛ: — Конан из клана Канах, родом происходящий из Киммерии. Авантюрист, но разумный; воин, однако воин не ради убийства, а ради достижения цели, и прежде всего — человек, который, странствуя по миру, учился. Приобретая и копил опыт — как боевой, так и опыт общения с людьми разных социальных слоев. Вспомните, что Конан, выйдя из юношеского возраста, одинаково

адекватно смотрелся и в королевских покоях, и в самых грязных вертепах Шадизара. Это говорит только о выдающейся гибкости мышления и невероятной приспособляемости к любым обстоятельствам. Настоящая варварская черта. Нет нужды упоминать о том, что, не будь Конан на редкость умным и Достойным своего времени человеком, он никогда бы не завоевал симпатии самых умных и образованных людей своего времени и никогда не стал бы королем. И, разумеется, не смог бы править. А правил Конан Аквилонией почти двадцать лет» и, судя по всему, небезуспешно. Основатель королевства, святой Эпимитриус, никогда не провозгласил бы Кована своим наследником, будь он примитивным наемником.

МК: — Убедительные доводы. Но тогда получается, что до вас эти простые соображения никому не приходили в голову? Даже отцу-основателю жанра Роберту Говарду?

ОЛ: — Помните, мы только что говорили о стандартных сюжетах? А это порождает стандартность мышления. Очень многие авторы, особенно американцы, привыкшие к комиксам Я голливудскому конвейеру, пытались перещеголять друг друга, придумывая более запутанные Quest'bi, увеличивая количество разнообразных чудовищ, злобных колдунов и показывая, что Хайбория — прежде всего мир магии. Между прочим, чтобы скрыть недостатки сюжета, некоторые писатели все сваливают именно на магию — вот, мол, так пожелал волшебник, и поэтому произошло указанное событие. И, по-моему, почти никто не решается взглянуть на Хайборию с нетрадиционной точки зрения. Вот, например, как вы думаете, могли в Хайбории существовать террористы?

АМ: — Ну-у... Смотря что под этим понимать. В древней истории реальной Земли известны даже настоящие террористические организации — можно вспомнить небезызвестного Старца Горы из Аламута, Хасана-ибн-Саббаха. Это было в XII—XIII веках, и, если называть вещи своими именами, приспешники Старца Горы убийствами и диверсиями затерроризировали тогда весь Ближний Восток, даже на багдадского халифа покушались...

ОЛ: — Вот видите? Прямая аналогия из подлинной истории. Достаточно взглянуть на приведенный вами

пример с точки зрения писателя — и может получиться отличный роман про Хайборию и Конана, эдакий «Крепкий орешек» по-хайборийски. И необычно, и забавно, и масса столь любимых читателями героики с приключениями.

МК: — Действительно, необычная трактовка... А кто из современных авторов, создающих романы о Конане, на ваш взгляд, работает в том же ключе, что и вы?

ОЛ: — Можно вспомнить многих и точно так же многих забыть, и тогда мои коллеги обидятся. Но хотя бы троих я назову. Конечно же, это Джон Мэддокс Робертс, успешно сочетающий слегка пародийный стиль с редким теперь бытовым реализмом, крепостью сюжета и тщательной проработкой даже второстепенных персонажей. Он один из первых авторов, решившихся создать «хайборийский детектив». Думаю, вы помните его отличную книгу «Город негодяев». Однако, к сожалению, мистер Робертс не всегда следил за специфичностью терминологии, и, увидев в его книге формулировку «организованная преступность Шадизара», невольно начинаешь смеяться. Сомнений нет, в Шадизаре действительно существовала организованная преступность, но разве следует использовать в романе *fantasy* термины полицейского протокола?.. А вот Кристофер Грант и Натали О'Найт из Великобритании сделали и вовсе невозможное — впервые в Хайборийской антологии появилась серьезная многотомная историческая эпопея. Правда, не знаю почему, но этот текст — «Скрижаль Изгоев» — напомнил мне книгу римского полководца и писателя Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне». Такая вот странная аналогия...

АМ: — Вы упомянули о реализме. Иногда случается так, что, когда я занимаюсь переводом произведений некоторых других писателей, у меня волосы дыбом встают от нелепиц и ошибок. Уж не знаю, какова причина — то ли вопиющая необразованность авторов, не имеющих представления о географии, социологии, истории или этнографии, или просто безудержный полет фантазии... Вы вот специально занимаетесь историей, скажите, пожалуйста, у викингов (в Хайбории — нордхеймцев) были рогатые шлемы?

ОЛ: — Нет, конечно. Шлемы с укрепленными на них рогами животных использовались только в ритуальных целях. И хранились в калищах. Вы представляете, каким образом можно участвовать в битве в рогатом шлеме? Его незамедлительно зацепят и сорвут с головы. Если уж углубляться в историю доспеха, то можно сказать, что норманны и, разумеется, их хайборийские родственники, ассиры и ваниры, использовали либо гладкие шишаки с вертикальной стрелкой поносья или накладными железными глазницами, либо кольчужные оголовья... Признаюсь, меня и самого иногда удручают подобные исторические ляпы в некоторых книгах и фильмах — викинги в рогатых шлемах, древние греки в штанах, скандинавские дракары с прикованными к веслам гребцами... Для человека, серьезно занимающегося историей и читающего соответствующую литературу, это выглядит ужасающе. Все-таки литература должна еще и обучать, а не только развлекать.

МК: — Полностью с вами согласны. Но когда мы, переводя очередной роман, видим там утверждение: «Отряд ехал по степи, переночевал в одинокой сосновой рощице, а потом отправился дальше» (по той же степи), становится слегка не по себе. Это, конечно, мелочи, но, во-первых, этих мелочей иногда набирается слишком много, а во-вторых, они начинают резать глаза. Так и хочется спросить у автора: «Вы хоть раз бывали в степи? А если да, то укажите тот степной район, где вы обнаружили описываемую одинокую сосновую рощицу». В ваших текстах подобных перлов мы ни разу не встречали.

ОЛ: — Профессор Джон Толкин придумал очень красивый и правильный термин: «Literary credibility» — «литературная достоверность». Как ты можешь описывать горы, если никогда не бывал там? А если это необходимо, почитай нужные книжки, посмотри образовательные программы по телевизору, видео или, на худой конец, расспроси знающих людей. К сожалению, сейчас очень немногие придерживаются принципа литературной достоверности — что в описаниях природы, что в разработке характеров персонажей. Такие, с позволения сказать, произведения напоминают все те же комиксы — плохо очерченные картинке

размытыми силуэтами и главным героем, сжимающим в руках меч на первом плане. Но если ты хочешь сделать действительно хороший, интересный, реалистичный роман, если хочешь, чтобы читатель поверил в истинность описываемых событий, а не просматривал книгу только потому, что она «про Конана», изволь работать всерьез. А это значит, что нужно перекопать огромное количество литературы в поисках необходимой информации, получать консультации у специалистов, а самое главное — не только представить себя на месте героя, но и учесть, что он не может думать и действовать так же, как ты сам.

Меня несказанно поражает тот факт, что многие персонажи романов *fantasy* зачастую ведут себя, как черные подростки из Нью-Йоркского Бронкса, реагируя на различные ситуации подобно современному человеку — то есть неадекватно фантастическому или историческому пространству произведения. Почти не учитывается мощнейший мифологический и социальный менталитет человека тех времен. Конан, до 16 лет живший в своем клане Канах — кельтском клане, аналогичном ирландским или шотландским семьям I—III веков нашей эры, — никогда не стал бы бить кулаком по столу только потому, что он подсознательно, в соответствии с воспитанием и менталитетом человека из клана, знает: стол священен, это «рука богов», подающая еду. Он никогда не ударил бы старика, не смог бы пропить свое оружие или рубить им дрова — меч тоже является объектом мистического поклонения, своего рода «маленьким богом», воплощенным в тело клинка... Подобных примеров можно привести сотни. Историко-мифологический мир накладывает на автора великое множество ограничений, но почти все постоянно об этом забывают (а что скорее всего — просто не знают), перенося в Хайборию (да и в другие литературные Вселенные) примерно следующий американизированный стереотип поведения: «Hello, Bob! How are you? A drink?» Вы понимаете, о чем я?

АМ: — Даже лучше, чем хотелось бы. Работая с «Полуночной грозой», мы отметили, что некоторые персонажи действуют и разговаривают несколько необычно. Да, впрочем, деревенский мальчишка наподобие Эйвинда, ни-

когда не выбиравшийся дальше чем на ярмарку в соседнее село, и живущий в обществе, где сохранилось многое от родового строя, и не может вести себя по-другому... Что ж, с природой и менталитетом человека-персонажа все стало более-менее понятно. Но откуда вы берете подробнейшие описания городов, замков, обстановки, архитектуры? В «Полуночной грозе» впервые дано достаточно тщательное описание Тарантии с детализацией города, его улиц, зданий...

ОЛ: — Отчасти придумано самостоятельно, отчасти использованы исторические источники. Своего рода творческая переработка реального мира. Я сделал просто — взял карту Парижа XII века и, используя отрывочные сведения о Тарантии, начал прикидывать, где какая постройка могла находиться. Известно ведь, что все средневековые города строились по единому принципу: крепость — резиденция правителя постепенно окружалась домами горожан, внешними стенами, предместьями. Если уж Хайбория — аналог исторической Европы и Азии, то почему города должны строиться по иному принципу? Случается, иногда в романах *fantasy* встречаешь удивительные по своей несообразности конструкции: город построен на действующем вулкане, а его власти и жители используют истекающую из жерла лаву для обороны от врагов. Красиво, но абсолютно нереально. Даже Саурон во «Властелине Колец» не додумался жить на Ородруине, хотя был личностью во многом аномальной.

Рассудите логически: если у нас есть столица крупного королевства, представляющего собой эдакую помесь средневековой Франции с Византией, то что еще, кроме королевского замка и нескольких кабаков, должно находиться в городе?

МК: — Разнообразные государственные учреждения — военная управа, торговая палата, казначейство... Рынок, торгово-промышленные кварталы. Более богатые и бедные районы. Если город стоит на реке — обязательно гавань. Храмы, учебные заведения, казармы. Можно еще много разного перечислить...

ОЛ: — Вот именно! А теперь вспомните, что обычно описание города ограничивается только крепостной стеной и

королевским дворцом, в котором неприкаянно бродят одинокие «придворные», не выполняющие никаких сюжетных функций, кроме собственного присутствия, да парочка безликих второстепенных персонажей, смысл появления которых ограничивается двумя-тремя фразами, обязывающими навести героя на какую-нибудь мысль. Получается голый скелет без органов, мышц, кожи. А всем известно, что скелеты выглядят довольно неприглядно. Но в то же время требуется сделать произведение таким образом, чтобы не надоест читателю нудными описаниями. Вот и приходится искать золотую середину, разбавляя текст «архитектурными шуточками», наподобие памятника королю Дагоберту в Тарантийском Университете. Хотя и эта статуя имеет свой прототип — монумент принцу Альберту в Лондоне.

АМ: — Один из рецензентов, прочитавший переведенную нами «Полночную грозу», сказал, что, по его мнению, вы излишне «бюрократизировали» Хайборию, читатель якобы этого не поймет. Всякие департаменты, таможенные службы и прочее... Хотя на наш взгляд эти подробности выглядели вполне адекватно.

ОЛ: — Что ж, здесь опять прослеживаются параноидальные тенденции к упрощению. Ради Бога, пускай указанный рецензент сам сядет за компьютер и создаст гениальный роман о Конане, общий смысл которого сведется примерно к следующему: «Варвар шел по горам, увидел пещеру. В пещере стояла чаша, из чаши вылез демон. Конан демона убил, забрал чашу и отправился дальше». Видите, как все просто? А вы стали бы это читать? Я тоже не стал бы.

Зачем настолько не уважать читателя? Любой человек, закончивший среднюю школу, а уж тем более колледж или университет, прекрасно знает, что любое высокоразвитое средневековое государство имело обширнейшую сеть сборщиков налогов, таможенные управы, тайную службу, ведомства, регулирующие торговлю... И так далее стократно. А Немедия, Аквилония, Туран и многие другие страны Хайбории чем хуже? Ясно ведь, что, как выразился в одном из своих стихотворений Р. Говард, «править топором» в государстве невозможно. Кто будет пополнять казну, отслежи-

вать события за границей, устанавливать цены на товары? Ни один правитель с древнейших времен не мог обойтись без многочисленных «бюрократов», различных департаментов и управ, образовавших государство как таковое. Это тоже часть литературной и исторической достоверности, за которую я ратую всеми силами.

МК: — У вас очень точно определены даты и летоисчисление. Это самостоятельная придумка или же вы основывались на неких источниках?

ОЛ: — Отец-основатель цикла, Роберт Говард, утверждал: Конан захватил власть в Тарантии в возрасте сорока лет, а случилось это в 1288 году по основании Аквилонии. Дальше задействуется простейшая арифметика и следует, что Конан, соответственно, родился в 1249 году, битва при Венаприуме состоялась в 1263-м... При желании, зная упомянутую отправную точку, можно вычислить любую требуемую дату. А годовой календарь на основе фаз луны в Хайбории, несомненно, был известен. Все очень незамысловато.

АМ: — Итак, вы видите Хайборийский мир не как «Вселенную fantasy», но как почти полное социальное и этнографическое подобие реально существовавшей средневековой Европы, с единственным отличием — большим магическим потенциалом. Почему?

ОЛ: — Скажите, вы хотя бы один раз встречали фантастический книжный мир, не основанный на средневековой реальности нашей планеты, будь то Европа, Азия или Америка времен ацтеков? Я подразумеваю под термином «Средневековье» нетехногенный мир, феодальное устройство общества, культ холодного оружия и единую власть монарха или повелителя-диктатора. Нет?

МК: — Вы правы. Сейчас мы подобрались к самому фундаменту жанра fantasy — основным его положениям: отсутствие развитой техники, монархия, магия... На этом основании можно строить любое здание с самыми различными архитектурными особенностями, но принцип остается тот же.

ОЛ: — Верно! Усложнять следует детали, а не общую картину, иначе потеряется ее сюжет. Да, моя Хайбория весьма смахивает на Европу, Ближнюю Азию и Северную Африку времен IX—XII веков. Скажите, а разве это плохо?

МК: — Немножко непривычно. Читатель ждет от автора колдунов на каждом шагу и оборотней за каждым кустом, драконов, разгуливающих по улицам городов, и всяческих необыкновенностей...

ОЛ: — ...Только сначала нужно логически обосновать появление колдуна, дракона или вампира. Они не могут появиться просто так и начать делать гадости главному герою из принципа: «Я так хочу!» Я уверен в том, что российский читатель не столь закомплексован на стереотипах, как, например, американцы. Когда читатель в США видит фразу наподобие «Конан подумал и пришел к такому-то выводу», то американец начинает биться в истерику: как это, Вечный герой еще и думать может, а не только мечом махать? Не бывает такого!

Но вы же не американцы... Зачем пристращаться к чужим и ненужным стереотипам? К счастью, Европа от них пока свободна.

АМ: — Мистер Локнит, если вы нашли прототип даже для памятника, то, может быть, существуют реальные прообразы героев?

ОЛ: — Существуют, безусловно. Один из моих знакомых, например, моими стараниями перевоплотился в Мораддина; на домашних вечеринках я его представляю гостям именно под этим именем, отчего все приходят в восторг: как же, познакомились с настоящим литературным героем! Внешность одинаковая, неплохо знает восточную борьбу, говорит немного, но всегда вовремя, а на стене в его доме висит настоящий Мораддинов меч... Хотя это довольно редкий случай. Обычно герои придумываются, лишь потом к ним добавляются некоторые особенные черты друзей или недругов. Но в одном из своих романов я старательно описал самого себя — своего рода автопортрет. Это историко-фантастический роман о Третьем крестовом походе 1191 года, не имеющий никакого отношения к Хайборийскому сериалу.

МК: — Откуда такая приверженность к постоянным персонажам? Тот же Мораддин появлялся, как минимум, в пяти романах, оборотни из Пограничья — в трех, экипаж карака «Вестрел» — также в трех. И везде даются параллели с вашими более ранними текстами.

ОЛ: — Вы совершенно правы. Это не результат творческой импотенции, как я полагаю. Просто эти нахалы-герои не дают о себе забывать и каждый раз спрашивают: «А что случилось с нами дальше?» Вот и получилось так, что я связал все свои имеющиеся на сегодняшний день тексты в единое повествование, разорванное лишь достаточными большими временными отрезками. Первая группа текстов, которую я условно называю «Путешествие из Турана в Немедию», включает в себя три романа и коротенькую повесть, прилагающуюся к «Песчаным небесам». События следуют одно за другим, по мере продвижения Конана и его компаньонов к немедийской столице.

Действие второй трилогии, «Закатный океан», разворачивается спустя несколько лет, появляются новые персонажи, которые действуют вплоть до событий текста «Пожиратели плоти», уже изданного «Северо-Западом». Затем, спустя год Конан приезжает в Пограничное королевство, знакомится с Эрхардом, Велланом и другими оборотнями из романов «Карающая длань» и «Книга Бытия», и там же происходят события «Полуночной грозы», разразившейся спустя еще четыре года.

АМ: — Итак, мы подошли к самому интересному. Романа, сравнимого по своим масштабам с «Полуночной грозой», нам пока не попадалось. Несколько десятков персонажей, действие разворачивается одновременно во многих государствах, подготовлены карты, приложение... И в довершение — совершенно неожиданная трактовка событий известного рассказа Р. Говарда «Феникс на мече». Расскажите, пожалуйста, об этой двухтомной эпопее.

ОЛ: — Вы знаете, замысел «Полуночной грозы» родился насквозь неожиданно. Это была очень смешная и одновременно необычная история. Однажды я поехал в гости к друзьям, в город Роторуа, что в 110 милях к югу от Окленда. Это, как писал еще Джеральд Даррелл, бывавший в Новой Зеландии, «самый необычный и ненадежный город в мире». Хотя бы потому, что он напоминает только что приведенный мною пример о городе, построенном на действующем вулкане. Роторуа находится почти в центре вулканического заповедника — на улицах трещины, из ко-

торых лихо бьют струи пара, немыслимо смердит сероводородом, а вокруг города расположено множество горячих вулканических источников. И вот друзья повели меня любоваться на один из гейзеров, выбрасывающий фонтан горячей воды на 30—35 футов в высоту. Случилось так, что мы все попали под извержение. В воздух поднялось огромное белое облако водяной пыли, опустившееся затем на долину, и вдобавок произошел выброс сернистого газа. Мы едва не отравились и позорно сбежали оттуда сломя голову. Весь вечер я чувствовал себя отвратительно, но потом вдруг родилась странная мысль: а что было бы, если б гейзер не стоял на месте, а перемещался? И забил бы, например, в центре города? Могли бы произойти серьезные неприятности — все-таки сероводород опасен для жизни.

А где у нас обычно случаются неприятности? Верно, в Хайбории. Я думаю, вы можете проследить дальнейшую цепочку моих размышлений. А вдруг из-под земли бьет не горячая сернистая вода, а что-нибудь вовсе отвратительное? А если «гейзером» кто-то управляет? Тогда кем может быть это существо? Злобным колдуном? Надоелой Силой природы? Неинтересно...

Вот такая жутковатая творческая кухня.

Постепенно замысел начал обрастать подробностями, да еще в таком количестве, что мне стало не по себе. Объявились все старые персонажи, хором потребовав, чтобы их, вместе с Конаном, допустили поучаствовать в этой истории. Возникли новые герои, которым тоже захотелось получить место под солнцем. И так далее.

МК: — *«Полночная гроза»*, на мой взгляд, может считаться одним из образцов жанра «экшен». Я не имею в виду под этим термином постоянные драки, беготню за сокровищами или прочие трафареты. В вашем романе действие начинается с первых же страниц, охватывается все большее количество героев и территорий, а затем вся эта невероятная кутерьма логически заканчивается *«Мятежом Четырех»*. Вас никогда не обвиняли в том, что вы замахнулись на святое — на наследие Говарда?

ОЛ: — Простите, а почему тогда нельзя обвинить Лео-на Спрэг де Кампа в использовании черновиков Говарда?

Он ведь тоже «покусился на наследие», как вы выразились. Он расширил, доработал, а кое-где и переработал изначальные мысли Роберта Говарда, создавая на их основе собственные произведения. Кто вам сказал, уважаемая мисс, что Роберт Говард был прав во всем и знал до конца всю подноготную? Полагаю, в рассказе *«Феникс на мече»* он высказал лишь «официальную» версию событий *«Заговора Четырех»*, а вот что случилось той зимней ночью в Тарантийском замке в действительности — не знал никто.

Стоило лишь копнуть поглубже, и выяснилось, что все происходило совсем по-другому. У меня даже была озорная мысль: оставить на троне Аквилонии двойника, а Конана убить по ошибке. Однако сами понимаете — Вечный герой, он на то и Вечный... Кроме того, Конан мне глубоко симпатичен, и я бы себе не простил того, что поступил с киммерийцем настолько нехорошо.

АМ: — Любопытно... Это был бы действительно нестандартный финал. Позвольте задать такой вопрос: как вы видите Конана внешне? Многие ассоциируют его с героем Арнольда Шварценеггера в известных фильмах Дино де Лаурентиса, с иллюстрациями Ройо или Вальехо...

ОЛ: — Смотря в каком возрасте сам герой, конечно... Я предпочитаю видеть Конана опытным взрослым мужчиной лет 35—40, с легкой сединой в висках, но очень молодыми глазами. Посмотрите мои тексты — там ведь встречаются описания. А ассоциировать с кем-либо из современных актеров? Скорее всего, на 1998 год это могут быть американцы Кевин Сорбо, Оливье Грюнер (уж очень у него лицо подходящее...) или, например, нынешний «Джеймс Бонд» — Пирс Броснан. Последнему нужно только отрастить волосы подлиннее, а вот манеры, на мой взгляд, у Броснана самые адекватные. Себе на уме.

АМ: — Интересные замечания, особенно про Оливье Грюнера. Задам коварный вопрос: а нет ли желания экранизировать свои произведения о Конане? И кого бы вы выбрали режиссером?

ОЛ (смеется): — Желание, конечно, есть. Однако сначала нужно написать сценарий, отослать его в одну из кинокомпаний, причем желательно в Голливуд, дождать-

ся, пока этот сценарий одобряют... Не забудьте, мир кино отличается от писательского мира. По-моему, только Стивен Кинг успешно совместил занятия литературой и кинобизнесом, открыв свою кинокомпанию «Кастл-Рок». Разумеется, я был бы счастлив экранизировать некоторые свои произведения, сделав, правда, из фильма не стандартную историю о похождениях Вечного героя, а, скорее комедию, *fantasy*. Насчет режиссера могу сказать так: какой возьмется за дело — с таким и будем работать. О Джеймсе Камероне или Люке Бессоне я и мечтать не могу, но с Дино или Рафаэллой де Лаурентис, Терри Джонсом или Денни де Вито можно было бы найти взаимопонимание. Лаурентисы, кстати, умеют в своих фильмах по мотивам рассказов Говарда поддержать дух эпохи.

МК: — *Представляю, как грандиозно смотрелась бы «Полночная гроза» в кино... Мистер Локнит, а скажите, как долго вы работали над «Грозой»?*

ОЛ: — Это прозвучит странно, но двухтомный роман был написан всего за восемь месяцев. Это был своего рода трудовой алкоголизм — каждый день по шесть часов за компьютером или рукописью.

АМ: — *Мистер Локнит, а что вы думаете о дальнейшем развитии жанра *fantasy*? И кто ваш любимый писатель?*

ОЛ: — Для начала о любимом писателе. Такового нет. Я в равной степени уважаю автора «Улисса» Джеймса Джойса и гениального родоначальника *fantasy* Джона Толкина. А вот что я читаю — это другой вопрос. Вкусы, честно скажу, самые противоречивые. Здесь Урсула Ле Гуин и Шекспир, Достоевский и Муркок, Диккенс и Чейз... Как говорит моя жена, это либо отсутствие вкуса, либо слишком разносторонние интересы.

АМ: — *А с современной российской *fantasy* вы знакомы?*

ОЛ: — К сожалению, очень мало. Прежде всего, я читал великолепные книги братьев Стругацких, переводившиеся на английский язык, романы Анджея Сапковского... Ах, Сапковский поляк? Извините. Но вы только что спросили меня о дальнейшей судьбе жанра. Скажу так:

fantasy, родившись под пером профессора Толкина, обрел поистине эльфийское бессмертие. Был пройден ряд определенных этапов развития, недавно, видимо, этот жанр пережил свой пик, а сейчас постепенно перерождается. Это хорошее перерождение — читатель понял, что нет смысла тратить деньги и время на третьесортные подделки (я мог бы назвать имена, с позволения сказать, «авторов» подобных текстов, но полагаю, вы их и сами знаете), и ждет качественной литературы с новыми идеями, новым взглядом на жанр и новыми героями. Полагаю, что лет через 10—15 читатель во всем мире будет покупать не «книжки-комиксы», а хорошую, запоминающуюся литературу, наподобие произведений Урсулы Ле Гуин, Роджера Желязны или Кристофера Сташеффа. Всплеск качества литературы *fantasy* конца 60-х — начала 70-х годов постепенно сошел на нет, однако жанр не исчез, и, следовательно, в ближайшие годы можно ожидать новой волны качества и талантливых молодых авторов.

МК: — *Вы оптимист, мистер Локнит. Но давайте вернемся в Хайборию, к Конану. Итак, вы полагаете, что даже в литературе сериалов, каковой является цикл о нашем киммерийце, следует придерживаться максимального реализма, соблюдать исторические и психологические каноны? Вы являетесь одним из редких авторов, следующих этим, на мой взгляд, совершенно адекватным правилам. Вы уверены, что за вами последуют и остальные?*

ОЛ: — Не уверен. Но я оставляю это на совести писателей, для которых литература — бизнес, а не жизнь. И на совести редакторов, которые так боятся нового, что более склонны издавать произведения, сделанные по шаблонам. Увы, но издателей можно понять — в конце концов, музыку заказывает книжный рынок. Однако настоящий творческий человек никогда не станет работать по заказу и, угодливо глядя в тусклые глаза «мистера президента корпорации» (будь то в Нью-Йорке, Париже или Москве), вопрошать: «А что вы от меня ждете? Ах, боевик? Сделаем! Подождите два месяца, я вам принесу рукописи! Лирическая линия? Пожалуйста! Мистика? Ради бога!»

И вот спустя некоторое время в книжных магазинах Пятой авеню, Пикадилли или Рю де ля Пэ появляется «литературный ублюдок» в мягкой обложке, стоящий лишь несколько центов и ориентированный на тех же обаянных компьютерной цивилизацией тинэйджеров, с огромным трудом научившихся читать. Причем к этому «ублюдку» придраться невозможно — законы жанра соблюдены, лопающийся от мускулатуры герой уничтожает всех плохих парней, обретает единственную и вечную любовь и становится королем, «правлящим топом». И ни одной претензии на интеллект, образованность и элементарную эстетику. Вот после таких поделок, по чистому недоразумению называющихся книгами, в обществе и начинают говорить о вырождении *fantasy*, о том, что жанр гибнет и все хорошие писатели-фантасты остались в прошлом.

К счастью, в нашем мире еще сохранились редкие «литературные заповедники». Франция, Германия, Британские острова, да и большая часть Европы, включающая в себя, разумеется, и Россию. В отличие от США — страны комиксов, Центральной и Южной Америки, большая часть культуры которых составляется из дамских романов и снятых по этим сомнительным произведениям телесериалов, и некоторых других регионов планеты, ваша страна способна принимать хорошую литературу. Может быть, вы подумали, что я говорю о своих текстах? Нет, наверное... Все, что мною сделано, — лишь этапы пути к большему.

АМ: — А вот теперь у меня начинает появляться повод обвинить вас в пессимизме. Или, как гласит известный афоризм, «пессимист — это хорошо информированный оптимист»? Все-таки вы работаете в литературе уже много лет...

ОЛ: — Я уверен в лучшем. Вот сейчас представьте, что у меня отросла длинная седая борода, я облачен в длинную синюю мантию, шляпу и держу в руках посох волшебника-прорицателя. Так вот, этот волшебник может сказать следующее: «*fantasy* еще ждет своего самого великого взлета. И среди тех, кто поможет завоевать этому жанру вершину мира, будет Конан из Киммерии». Поверьте, литература сериалов далеко не столь однознач-

на, как может представляться на первый взгляд. И Конан очень для многих открыл долгую и полную удивительнейших приключений дорогу к настоящему познанию Вселенной *fantasy*. Ну, так кто я теперь, пессимист или оптимист?

МК: — Мистер Локнит, а теперь, в завершение нашей любопытной беседы, позвольте задать несколько коротких вопросов, на которые хотелось получить столь же краткие ответы.

ОЛ: — Пожалуйста.

МК: — Что вы любите?

ОЛ: — Работу. Жену и детей. Свою страну. Собак. Пиво. Все расставлено в порядке важности.

МК: — А что не любите?

ОЛ: — Безграмотность. Непрофессионализм. Сильную жару.

АМ: — Кто виноват?

ОЛ: — Дуглас Брайан!

МК: — А что делать?

ОЛ: — Трудиться.

АМ: — А продолжения романов о Конане будут?

ОЛ: — Несомненно. Позвольте отойти от вашего условия о краткости ответов. Если я и дальше буду сотрудничать с русскими издательствами и с вами, как с переводчиками, то в ближайшее время в России должна появиться новая трилогия о Конане под условным наименованием «*Поехали в Асгалун!*». Это прямое продолжение романов «*Песчаные небеса*», «*Торговцы грезами*» и «*Потерянный король*». Мораддин остался в Бельверусе, а Конан сразу после расставания с компаньоном отправился путешествовать дальше и нашел себе новых попутчиков. Предупреждаю сразу — компания насквозь нестандартная. Все секреты раскрывать не буду. Вдобавок сообщу, что в последнее время я занимался еще несколькими «хайборийскими проектами», один из которых включает цикл романов о небызывестной Рыжей Соне. Полагаю, эти произведения тоже понравятся российскому читателю.

АМ: — Что ж, мистер Локнит, позвольте поблагодарить вас за беседу и выразить надежду, что вы по-преж-

нему будете радовать своих поклонников и предоставлять нам с Мариной материалы для перевода.

ОИ: — Спасибо, господа. В финале тогда скажу, что ваш пород — один из удивительнейших в мире, а страну просто невозможно объять разумом одного человека. Ничего подобного я никогда не чувствовал. Вы, русские, прекрасно справляетесь с трудностями. Мне радостно, что я могу представить свои произведения российскому читателю. Могу пожелать лишь удачи всем вам. Остальное придет само.

Санкт-Петербург,
20 января 1998 года

Автор выражает искреннюю признательность всем друзьям, бескорыстно помогавшим ему при создании этого романа и в подготовке русского издания:

Мистеру Гунтеру фон Райхерту
(Новая Зеландия, Веллингтон)

Мистеру Дж. Райану
(Новая Зеландия, Окленд)

Мистеру Алексу Мак-Дуфу
(Великобритания, Шотландия, Абердин)

Мистеру Арту Потару
(Соединенные Штаты Америки, Кастл-Рок)

Мистеру Рагнару Лодброку
(Королевство Дания, Брайдаборг)

Мистеру Л. Борману
(Германия, Берхтесгаден)

Мистеру А. Мартьянову и мисс М. Кижиной
(Российская Федерация, С.-Петербург)

А так же всем сотрудникам издательств

«Queen Elisabeth Ltd.»
(Новая Зеландия—США)

и

«Северо-Запад»
(Российская Федерация)

ПРЕДВАРЕНИЕ

Выдержка из письма Флавия, графа Сарзака, королю Аквилонии Конну II, внуку великого короля Конана, родом происходившего из земель киммерийских. Письмо прилагается к рукописи «Синей Хроники», представленной Его Величеству Конну

«...В 1397 году по распоряжению Королевского совета Аквилонии были отпущены значительные средства на ремонт помещений, занимаемых хранилищем рукописей Тарантийского замка. Одновременно главный хранитель библиотеки (сию должность занимал Максимус Сервий, барон Кортэ) решил провести всецелую и наиболее полную перепись всех находящихся в библиотеке книг, рукописей, хроник и свитков.

По причине обширности и некоторой бессистемности собрания дворцовой библиотеки, а также преклонных лет достопочтенного барона, труд сей занял значительно большее время, нежели рассчитывал месьор Сервий. Кроме того, в ходе ремонта были обнаружены помещения, о существовании которых предыдущие хранители совершенно позабыли и которые даже не были обозначены на подробнейших планах старой части дворца.

В одном из новооткрытых помещений барон Корте наткнулся на обширное, но, к его величайшему сожалению, изрядно траченное временем и обстоятельствами собрание пергаментов, датированных учеными людьми серединой предыдущего столетия. Среди этих точенных раритетов древности наиболее лучшей сохранностью отличался толстый фолиант, переплетенный в кожаную обложку синего цвета. Рукопись не имела названия и за время своего существования лишилась части листов, однако именно эти недостатки остановили на ней пристальное внимание хранителя библиотеки, здраво рассчитывавшего обнаружить нечто интересное.

Поначалу барон Корте принял найденную им рукопись за плод трудов некоего начинающего литератора, пробующего свои силы в сложном искусстве живописания словом. Однако вскоре барон с изумлением обнаружил, что перед ним находится не что иное, как летопись, повествующая о первых месяцах правления легендарного основателя нынешней правящей династии — Конана I. Рукопись была посвящена подробному описанию нежданного бедствия, обрушившегося в те времена на Аквилонию и оставшегося в памяти потомков как «Подземное Пламя». Однако многие изложенные в ней события толковались и описывались совершенно не так, как гласили сохранившиеся дворцовые и храмовые летописи, отчего находка досточтимого хранителя библиотеки получила наименование «Синей, или Незаконной Хроники».

Обширная — но, к глубочайшему прискорбию барона Корте, неполная — летопись представляла собой собрание личных рассказов очевидцев, записанных тогдашним королевским летописцем, с присовокуплением чертежей краев, где происходили описываемые события, официальных докумен-

тов или их копий, отражавших положение дел в различных странах на тот момент, и многочисленных заметок составителя, предварявших каждое повествование.

Благородный месьор Сервий провел собственное тщательное изыскание, пытаясь установить, является ли обнаруженная им рукопись искусно созданной подделкой или подлинным произведением. Он обнаружил бесспорные свидетельства существования почти всех личностей, принимавших участие в странных и загадочных событиях, происходивших осенью 1288 года от основания Аквилонии, после чего вынес твердое решение — хроника является истинной, однако ответственность за все написанное может лежать исключительно на авторе рукописи. Создатель «Незаконной Хроники» оставил потомкам свое имя, наравне с именами участников тех давно минувших событий. Его звали Хальк, барон Юсдаль из Гандерланда, и в то время он служил при дворе Великого Короля в должности хранителя библиотеки. Неизвестно, что заставило его взяться за составление летописи, не соответствующей никаким канонам и правилам составления подобных документов, однако барон Юсдаль сумел завершить свой нелегкий труд. Но, явно не решаясь спорить с общепринятым мнением и опасаясь за свое место при дворе, он не рискнул представить свою хронику в канцелярию, занимающуюся просмотром ведущихся в государстве летописей, и сохранил ее лишь для собственного пользования, а также для близких друзей.

В дворцовых отчетах не сохранилось сведений о дальнейшей судьбе барона Юсдаля. Однако существует мнение, что он и дальше верно служил своему королю, деля с ним радости и невзгоды.

Летопись же, в которой, кроме сего повествования, имеется еще множество других, не менее

занимательных и поучительных, посвященных знаменитому аквилонскому правителю, его окружению, друзьям и врагам, предлагается вниманию благосклонного читателя, первым из которых будешь ты, мой король».

Флавий Аркон, граф Сарзак.
Хранитель анналов истории библиотеки
Тарантийского замка.

16-й день 3 весенней луны 1397 года
от основания Аквилонии.

Глава первая ЭЙВИНД, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, предгорья Граскаала
15—19-й дни первой осенней луны 1288 г.

«...Беда, как всегда, пришла в мир неожиданно. Позднейшие разыскания установили, что корни неисчислимых бедствий, обрушившихся на страны Заката и Восхода, крылись во владениях подгорных карликов, кои во множестве расположены под малонаселенной людью горной грядой Граскааль. Однако было бы в высшей степени несправедливо возлагать вину за произошедшее на одних только гномов, ибо сказано в сочинении почтенного Алкмидидеса Немедийского «О бренности сущего»: «Предначертанное сокрытой от смертных волею Митры свершится, и никто не в силах противиться решению Высших Сил. Тем не менее у созданий Светлого Бога достаточно разумения и воли, дабы не пытаться идти против велений судьбы, но использовать их себе во благо». Необдуманные действия подземных обитателей послужили тем камешком, что сдвинул с места лавину...»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства.

Вчера с вечера солнце было блекло-желтое и садилось в туман. Верная примета — жди наутро снегопада. Вот он и начался. С рассвета валит и валит — мокрые большие хлопья засыпают черное вспаханное поле и нашу деревню, стоящую на крутом склоне. Хороший снег — ласковый и почти не холодный. Вечером, наверное, все белым будет.

Зима в этом году выдалась ранняя. Куда ж такое годится — начало осени, а у нас уже перевал засыпает, и на реке лед. Гремячая, конечно, в жизни не замерзнет так, чтобы через нее можно было перейти — речка эта быстрая, с ледника течет. Но все валуны, что лежат на дне и высовывают черные лысые макушки, теперь оделись в ледяные венчики. Точно стриженные головы монахов Митры. Полная река утонувших монахов.

Над рекой — деревня. За деревней — горы. Горы уходят высоко вверх, под самые облака. Скалы сегодня хмурые, подернутые туманом. Горы зовутся Граскааль. За ними лежит страна Гиперборея, но я там никогда не был. Может, когда-нибудь побываю. Хотелось бы.

Граскааль — сердитые горы. Чужих они не любят. Да чужак там и не выживет. В Граскаале ущелье за ущельем, лавины ворчат, ледники обрываются в бездонные пропасти. Плохое место, жестокое. Однако красивое, особенно зимой. Небо тогда чистое, высокое-высокое, горы серебряно-синие с лиловыми тенями, и даже отсюда, снизу, видно кажущуюся скалу. Заезжие торговцы говорят, будто наши горы похожи на волчьи клыки. Наверное, так оно и есть. Они такие же острые и блестящие. И безжалостные.

Граскааль начинается не сразу. Сначала из равнины поднимаются холмы. Холмы заросли леса-

ми — ближе к полудню дубы, возле гор — сосняк. Зимой на сосновых лапах намерзает иней и звенит на ветру. За холмами поднимается неровная зубастая цепь, это и будет Граскааль. У его подножия, на склоне Медвежьего холма, стоит наша деревня, Райта.

Деревня большая. Полторы сотни душ, четыре десятка домов. Некоторые недавно здесь поселились, другие могут своих родичей перечислять до десятого колена. Народ всякий — из Бритунии, из той же Гипербореи, есть из Немедии и из каких-то стран, и названия-то которых не выговоришь, не то чтобы запомнить.

Мы — свободное поселение. То есть лорда, владеющего нашей землей, у нас нет. Да и посмотрел бы я на того, кто рискнул бы объявить себя нашим хозяином!

Со всеми спорами разбираются староста да деревенский совет. Те, кто оставил свою страну и захотел поселиться в деревне, идут к ним, и старики репают, принимать новых людей или нет. Последние, кого пустили в Райту, — бритунийское семейство, сбежавшее в начале лета от своего барона. Говорят, зверь был, а не человек.

Живут у нас и оборотни. Две семьи, вон их общий дом стоит на гребне пригорка. Одно название, что оборотни. Превращается только молодежь, старшие же всегда выглядят людьми. Сейчас в их семействе двое мальчишек, им по десять зим. Так вот, эти сорванцы все время носят волчатами по горам. Хоть все наперебой твердят, что они запросто могут угодить в капкан или свалиться в трещину.

Здесьние оборотни всегда были в мире с людьми. Даже когда три года назад в Бритунии объявился Бешеный Вожак и начал проповедовать, что, мол, люди погрязли в беззаконии и надо

их всех перебить. Оборотни рассказывают, у них где-то раз в сотню лет рождается Бешеный, вся стая его слушает и не может не идти за ним. Этот Бешеный сумел поднять против людей оборотней в Бритунии и у нас, в Пограничье.

Что тогда творилось! Нам-то хорошо, мы от столицы далеко, в наш медвежий угол мало кто по своей воле полезет. Стая Одержимых всю стражу переполошила, а тогдашнего короля, Дамалла, прикончила в собственном дворце. Потом нашлись люди и оборотни, решившие, что всем этим безобразиям надо положить конец. Сначала они охотились за отдельными шайками, а потом выследили, где находилось убежище Бешеного и его стаи, пришли туда вместе с гномами и перебили всех, кто там был.

Я не знаю точно, где произошла эта битва. Говорят, неподалеку от нас, в каком-то брошенном храме в горах. В Райту все известия добираются с опозданием на месяц, а то и на два. Все потому, что через нашу деревню не пролегает никаких дорог и торговцы к нам редко заглядывают. А вот если подняться вверх, через перевал, потом спуститься вниз, в холмы, и пройти лиг пять лесом, то попадешь в деревню Хезер. Она стоит на Гиперборейском тракте. Мы туда раза четыре в год ходим — на ярмарки да новости послушать. Хезер раза в три больше нашей Райты, а тамошний староста настолько обнахалился, что величает Хезер не иначе, как «почти городом». Тоже мне, город. Деревня и есть, только большая и шумная.

Ближайшая ярмарка начнется через десять дней. Она считается осенней, но в этом году, видно, придется переименовать ее в зимнюю. Если снегопад не прекратится, то придется нам сани раньше срока вытаскивать. А лошади-то еще на верхних па-

стбищах! Хотя и снег идет, но трава за лето выросла высокая, они еще долго могут там оставаться. Наши лошади не такие, как в Хезере или у приезжих. Они маленькие, на вид незрелые, мохнатые и очень выносливые. И скачут по горам не хуже чем горные козы.

Снежинки все падают и падают. Тихо вокруг. Деревня внизу лежит, люди ходят, собаки бегают, а ничьих голосов не слышно. Дымки сизые из труб поднимаются, тают, смешиваются с туманом. Райту с умом ставили — сверху ее прикрывают отвесные скалы, с них почти никому целым спуститься не удавалось, а вверх по склону тоже просто так не пройдешь. Летом на нем мокрая липкая глина — ее нарочно поливают, чтобы гуще была. А зимой скат замерзает. Настоящая горка.

На этой горке мальчишки катаются. Мне отсюда видно двоих и собаку, что за ними носится. Хотя какую собаку? Это ж самый настоящий волчонок. Вот из ближайшего дома выглянула женщина, что-то неслышно крикнула, мальчишки убежали, а волчонок юркнул под ворота. Влетело, значит.

Мне, наверное, тоже попадет, когда домой приду. Мол, бездельничаешь целыми днями, вместо того чтобы отцу помогать. Ну да, бездельничаю. Сажу себе на скале над деревней и глазею по сторонам. Зря говорят, что Пограничье — унылая страна, а Граскааль — просто большая груда камней. Здесь родиться надо и жить, чтобы понять, насколько тут красиво...

— Эйв! Эйви-инд!

Ну так и знал! Нигде не дадут покою. Эйвинд — это я, а глотку дерет моя сестренка Лив. В семье нас четверо, я — старший. Только это смех один, а не старшинство. Три девчонки, одна другой

младше и вреднее. Не могу с ними жить в одном доме — целый день хихикают, шепчутся и секретничают! Кого угодно доведут до того, что прыгнешь в Гремячую вниз головой и будешь считать, что легко отделался. А ведь их еще замуж отдавать надо! Кто ж таких змей подколотных в дом возьмет? Я их Гадючками зову — всех трех разом. Мол, подрастете — станете настоящими гадюками.

— Эйви-инд!

Голосок у Лив — мертвого из гроба поднимет. Стоит внизу, под скалой, голову задрала и вопит, как резаная. Не иначе Гадючки какую-то новую пакость задумали и собираются на мне ее испробовать. А не отзовусь — так ведь и будет стоять целый день да голосить. У Лив терпения хватит.

— Эйв! Я знаю, что ты там! Тебя отец зовет! Ну слезай!

Лив аж скачет на месте. Вроде бы не врет. С нашим отцом шутки плохи — что для меня, что для Гадючек. Слезаю я нарочно не торопясь — пусть помучается. Ее же любопытство так и распирает — что я на скале делал? А ничего! На горы смотрел, вот и все.

— Отец сказал, чтобы ты к нему сразу пришел, — трещит как сорока Лив, когда я спускаюсь на тропинку. — А еще он сказал, что ты лоботряс и...

— А я сказал, что сейчас кое-кому косицы подрежу.

Если эта девчонка сейчас же не замолчит, я суну ее головой в ближайший сугроб. Лив на миг примолкла, соображая, стоит ли продолжать дразнить мрачного старшего брата. Решила, что лучше не рисковать, и дальше пошла молча, сердито надув губы и не смотря в мою сторону. Да пожалуйста. Другой на моем месте давно бы затолкал Гадючек в один большой мешок, завязал покрепче и выки-

нул в реку. А я ни одну из сестер и пальцем никогда не тронул! Даже за косички прежде не дергал, хоть и грозил не раз. Сестренки, как-никак...

Наш дом стоит в отдалении от всех, возле небольшой речной заводи. Это потому, что мой отец держит кузницу. Ремесло и кузня передаются с времен прадеда, обосновавшегося в Райте, когда она была еще невеликим хутором на три двора. Произошло это очень давно, почти сто лет назад, и мы по праву считаемся старожилками.

Прадеда звали так же, как и меня. Я его совсем не помню, а жаль. Как рассказывает отец, прадед поклялся не умирать, пока не увидит первого правнука. Он дожил до моего рождения и умер спустя полгода.

Эйвинд — асирское имя. Прадед был родом из Асгарда, далекой полуночной страны, и хотел, чтобы память о нем сохранилась в ком-нибудь из потомков. Его клан почти полностью перебили в стычке с соседним племенем. Прадед был ранен, долго прятался в горах, а потом ушел на полдень, решив перевалить через Граскааль и попробовать обосноваться по другую сторону гор. Он добрался до Пограничья, ему понравилась эта земля, и он остался здесь навсегда.

С той давней поры асирская кровь в нашем роду почти перевелась. Прадед взял в жены женщину откуда-то с восхода, чуть ли не из Турана — по семейному преданию, купил у проезжего торговца рабами. Их дети женились и выходили замуж за местных жителей, за выходцев из Бритунии и Немедии, так что внуки и правнуки совсем не напоминают пращура.

Кроме меня. Как утверждают, я — вылитый прадед. Это, конечно, хорошая примета, но меня совсем не радует. Надоело каждый раз ударяться

головой о притолоки, пролезать в двери боком и даже на родного отца смотреть сверху вниз. Я его выше почти на голову. Кроме того, ко мне с рождения намертво прилипли прозвища «рыжий» и «оглобля». Кому смешно, а мне не слишком. Пока терплю, но уже в зубах навязло.

Лив убежала, когда мы вошли во двор. Понеслась, наверное, остальным Гадючкам ябедничать. У-у, племя ядовитое... И отчего только они уродились такими зловредными?

Из распахнутых дверей кузницы почему-то не доносилось привычного звонкого перестука молотков. И красных отблесков тоже не видно — значит, горн не горит. С чего бы это? Скоро ярмарка, мой отец всегда на нее торговать ездит, и перед ее началом из кузни днями не вылезает. Не случилось ли чего? Или отцу надоело, что меня никогда на дворе не сыщешь, и он решил малость поучить наследника уму-разуму? Ох, худо мне тогда придется...

* * *

Зря я тревожился. Отец, оказывается, с самого утра в кладовых возился, оттого и горн в кузне не горел. Смотрел да пересчитывал, чего мы к ярмарке наготовили. У матери с Гадючками уже давно все было готово, разложено по мешкам и увязано. Никто в Хезере не заикнется, что, мол, семья Джоха-кузнеца все лето комаров гоняла.

Повезло мне сегодня. До отца слух дошел, будто на ярмарку приедут торговцы с восхода, медь привезут. Медь у нас, в Граскаале, не добывают. И у наших соседей, в Бритунии, тоже. Вообще-то в Пограничье рудники одни только гномы держат. Сами они наверх редко вылезают, а камнями, золотом и рудой торгуют через посредников из людей. Но у гномов что-то покупать — себе доро-

же. Три шкуры сдерут и еще будут вздыхать, что продешевили. Гномы не жадные, просто не могут спокойно золото в чужих руках видеть.

Так вот, медь нам иногда привозят с восхода, с тамошних копей. Рудники находятся в горах, название которых я только с третьего раза могу выговорить. Кезанкийские, вот как они прозываются. И медь эту самую торговцы не продают, а меняют. И не на что-нибудь, а на шкуры. На шкуры дрохо.

Про дрохо надо отдельно рассказывать. Живут они высоко в горах, а ближе к концу осени спускаются к людским поселкам. Мы на них не охотимся, только гоняем от пастбищ. Не охотимся потому, что замаешься дрохо выслеживать, а потом по всем ущельям за ней скакать. Убить-то ее легко — или копьем, или из лука, если повезет и она сама раньше тебя не загрызет.

Дрохо — ящерица. Почти такая же, как те зелененькие, что летом греются на камнях. Всей разницы — длины в ней добрых четыре, а то и пять шагов, она белая, мохнатая, и в пасти зубов понапихано, что кинжалов. И еще у дрохо кровь горячая. Вот и пойди отыщи эту тварь посреди белого же снега!

А шкуры снежных ящериц дорого стоят. Иногда торговцы по весу золотом расплачиваются — сколько потянет, столько и монет отсыплют. Мы этим летом за дрохо не ходили, а теперь отцу срочно шкура понадобилась. Мол, до ярмарки еще целых десять дней, дрохо как раз вниз подались, наверняка успеешь одну загнать. Выделаем наскоро, засыплем солью и свезем на ярмарку. Такая шкура долго еще может продержаться, не воняя и не разлезаясь на кусочки, а к тому времени торговцы навер-

няка сумеют ее либо еще кому перепродать, либо продубить как следует.

Мне-то что. Даже и лучше, дома сидеть не надо. Всех сборов — запас еды дня на три-четыре в мешок покидать, сверху привязать короткие лыжи с луком — и в дорогу. Горы на пять дней хода вокруг Райты я насквозь помню. А летом мы в приметных пещерах сушняк запасли, так что переночевать можно. Мать, конечно, сразу в крик — куда это годится, приспичило вдруг в горы лезть! Снег еще не затвердел, вдруг завтра буран поднимется или другая напасть приключится? И пошло, и поехало. Мне восемнадцать, а она посеячас меня за мальчишку держит! Тут же любому понятно — раз снегопад начался, то ветра в ближайшие два-три дня точно не будет. А мне больше и не надо.

Пока мать ворчала, я успел за дверь выскочить. Гадючки следом высунулись, чего-то зашипели, а меня и во дворе уже нет...

Я иду по окраине деревни, где одна тропа, пошире, уходит на перевал, в вторая, поуже, — в Шепчущее ущелье. Пойду сначала туда, посмотрю, не появились ли мои белые мохнатые зубастики. Если в ущелье следов не встретится — придется подниматься на Ледяной перевал и забираться в долину над ним. Вот тут времени больше уйдет. Дня три туда да столько же обратно... Как раз к началу ярмарки обернусь.

Откуда-то вылез один из наших волчат-оборотней, покрутился, сел рядом. Морда умильная, глазенки горят, чуть ли не хвостом виляет. Понятно — догадался, что я в горы иду, и клянит, чтобы с собой взял. Я бы и взял — ведь никто лучше волка или обернувшегося волком человека дрохо не выследит. Но волчонок устанет скоро. Что я тогда с ним буду делать — на себе тащить? Он хоть и

маленький, а весит куда больше всей остальной поклажи.

— Нет! — говорю. Волчонок мигом скис и уши прижал. — Дома сиди! Что мне потом твои родители скажут? — Он уже и хвост поджимает. Старший в здешней маленькой стае — мужик серьезный. Ему и так не нравится, что младшие волчатами бегают, а уж если узнает, что я его внука на охоту увел, — бед не оберешься... — Или пошли со мной до восхода на Шепчущее. Хочешь?

Он сразу пасть открыл, язык розовый вывалил и головой кивает — хочу!

— Но как дойдем — сразу обратно повернешь, понял?

Он заскулил — собака бы залаяла, волки же лаять не умеют — и помчался со всех лап вперед. А я рысью за ним.

Так мы и добрались до того места, где тропа резко забирает вверх и начинает петлять между скал. Снег все не прекращался. Теперь мне придется карабкаться по скользким валунам, потом немного ровной дороги и снова вверх — глядишь, к середине дня доберусь до Шепчущего. Его так называли, потому что речка, бегущая через ущелье, проточила на своем пути множество крошечных водопадов и вода в них все время что-то лопочет. Если посидеть подольше и послушать — можно даже различить слова.

Волчонок подождал, пока я заберусь повыше, проскулил что-то на прощание и не спеша побегал к Райте. Мне деревню отсюда уже и не видно, только туманные дымки над черными трубами плывут.

Вот я и один. Никого больше нет, только я и зимний Граскааль. Где-то глубоко под мной копаются в своих шахтах гномы, высоко в небе живут боги, а мы, люди, как раз посредине. И еще в белых

снегах скрываются хитрые дрохо. Вот и поиграем в пятки — кто кого первым отыщет!

...Спустя три дня я все еще не мог ничем похвастаться. Я обшарил Шепчущее ущелье снизу доверху и не нашел ни единого следа дрохо. Ничего — только снег и камни. Несколько раз я вслушивал снежных коз, однажды ночью мимо меня почти беззвучно прокрался барс, а дрохо не было. Ни их самих, ни их меток — костей там или клочьев шерсти. Этим тварям самое время спускаться вниз, а их точно корова языком слизнула!

Зато, бродя по Шепчущему, я наткнулся на кое-что не менее интересное. Я бы наверняка прошел мимо, если бы у меня на глазах огромный ком снега неожиданно с тихим шорохом не канул куда-то вниз. Осталась неровная черная дыра, над которой курился еле заметный дымок.

Пролом мог оказаться чем угодно — от лаза в бездонное подземелье до логова какой-нибудь невиданной твари. Ведь, кроме дрохо и обычных зверей, в Граскаале можно порой встретить всяких невиданных чудовищ. Они забредают к нам с полудня, из Гиперборей. Там, в этой Гиперборее, полно всяких колдунов, они творят что не попадя, а потом явленные ими на свет непотребные зверюги разбредаются по всей округе. Обычно чудищадохнут — от холода или по собственному тупоумию, — но некоторые выживают. Прошлой зимой наши охотники завалили одну такую страховидлу — похожую на большую собаку, только без шерсти, с серой сухой кожей и черными клыками. Живучая дрянь оказалась. Ей голову напроць разбили дубинками, а она все шипела и рвалась в кого-нибудь вцепиться.

К трещине я крался не хуже барса на охоте. Все ждал — не захрустит ли под ногами или не выскочит ли кто из-под снега. Но все обошлось. Доб-

рался, заглянул осторожно вниз. Там — глубокий колодец с неровными стенками. Видно, что не сам получился, вырубили его прямо в дикой скале. На серо-красноватых, слегка обтесанных стенах остались глубокие следы кирок. Примерно на половине колодец наглухо перекрыт толстыми досками, в них пропилены узкие щели. Из них поднимается парок — чуть различимый глазом, а если руку протянуть — ощутимо теплый и пахнувший каленым железом. Провалившийся снег лежит на этих досках и тает потихоньку, даже слышно, как слабо журчит вода.

Теперь понятно — здесь старая гномья шахта. Раньше, наверняка, в ней добывали цветные камни или руду, а потом, когда жила иссякла, сделали отдушину для воздуха из пещер. Гномы там, внизу, мастерят чего-то, жгут горны, а здесь горячий воздух выходит наружу. Наверняка в Граскаале полно таких отдушин, только они мне на глаза не попадались. Гномы — народ скрытный. Людей, которые в их подземельях побывали, по пальцам пересчитать можно, причем одной руки. Подземный народ не любит, когда человек суется непрошеным в их владения. Убить — не убьют, но быстро за дверь выставят.

Интересно, для чего прорубили этот колодец? Для золотой жилы шахта проложена слишком близко к земле, для железного рудника — цвет земли не тот. Ага, вон что-то блеснуло голубоватым и сразу же — желтым. Значит, гномы все-таки добывали цветной камень. Чуть выше ярких блесток из стены торчит наискось сколотый обломок — зеленый в черную полоску. Похоже, его не заметили или он слишком крохотный, чтобы согдиться на пользу подгорным мастерам. Такой камешек я и раньше не раз встречал: он называется яшма. Может, он не слишком глубоко сидит в скале и у меня получит-

ся его вытащить? Это счастливый камень, он приносит удачу и хранит в пути от неожиданных бед. Не знаю, помогает ли он при охоте, но все-таки стоит попробовать его достать. Зачем хорошему камню оставаться в брошенном колодце?

Засевший в стене старой шахты кусочек яшмы пришлось долго выковыривать ножом. Потом я едва не уронил ножик вниз, откуда уж точно бы не достал — спуститься в колодец еще можно, а подняться без чужой помощи — никак. И все же я своего добился — зеленоватый обломок длиной не больше человеческого пальца лежал на ладони. Спроси, зачем он мне понадобился, — не отвечу. Не знаю. Просто захотелось добыть. Теперь он целиком мой. Всяко пригодится. Или подарю кому-нибудь, на худой конец.

Шепчущее ущелье пустовало. Оставалось еще три, самое большее — четыре дня до срока, назначенного отцом. Если я так ничего и не добуду, придется спускаться вниз. Плохо. Гадючки станут хихикать за спиной — полбеда, а вот отец посмотрит на мои пустые руки и недовольно скривится — настоящая беда. Не видать мне тогда гор до конца зимы. Все верно: раз охотиться как следует не можешь — сиди дома, в кузне помогай... Где же эти треклятые дрохо? Издеваются они надо мной, что ли?

Полный день — с утра до позднего вечера — я убил на переход к Ледяному перевалу. Вискарабкался на него в сумерки, когда где-то далеко у меня за спиной садилось солнце. Окрестные скалы из белых и голубых стали на миг алыми и загорелись, ровно большие костры, потом медленно погасли. Было видно, как ночь поднимается из долин вверх, как темнеют и тают в наступающей мгле горы. На Ледяном гораздо холоднее, чем в ущелье, и даже воздух изменился. Стал каким-то редким и колющим. Тянешь его в себя изо всех сил, а все равно

задыхаешься. И бегать здесь трудно — быстро язык высунешь и будешь пыхтеть, как загнанная лошадь.

Мои запасы подходили к концу, и по дороге пришлось подстрелить козленка. Коптить или жарить мясо не хотелось, да и к известной мне пещерке я добраться не успел. Придется сырым съесть. Немного противно и солить надо побольше, а так ничего.

Следующее же утро выдалось замечательным. Ни тебе низких туч со снегом, ни пронизывающего ветра, все вокруг сияет и переливается, так что глазам больно. Узкая вытянутая долина за Ледяным перевалом лежала как на ладони. Запирающие выход из нее скалы упирались в ярко-голубое небо, и какое-то время я просто стоял на перевале, смотрел на все вокруг, напрочь забыв, для чего я сюда забрался.

Наверное, от прадеда мне досталась не только внешность, но и еще что-то особенное, чему названия не подобрать. Скажем, вся наша семья молится Митре, а мне навсегда запал в память рассказ деда о боге Асгарда. Его зовут Имир, это снежный великан, хозяин гор. У него есть дочери — Атали и Аса. Это самые красивые и опасные девушки на свете. Они танцуют с ветрами на склонах Граскааля и манят за собой заблудившихся путников. Еще никто не сумел догнать Атали и Асу, зато многие погибли, пытаясь это сделать. Имир — жестокий бог, как и горы, в которых он живет. И дети его жестоки, что смертные, что бессмертные...

Тут я сообразил, что торчу на самой седловине перевала и пялюсь на горы, вместо охоты. Кажется, я даже всерьез ждал, что по соседнему склону вот-вот пронесется снежный вихрь, из него выбежит прекрасная Атали и засмеется, как льдинки звенят в ручье — холодно и чисто. Чего только в голову не взбредет, пока шастаешь в одиночку по горам!

И тут я ее увидел! Не Атали, конечно, а дрохо. Наверное, она уже давно на меня глазела, прячась за камнями. Белая мохнатая шкура почти сливается по цвету со снегом, мне на миг показалось — сугроб дрогнул и переметнулся с места на место. Только откуда у сугроба глаза — черные, круглые и блестящие?

Нашлась, наконец, моя дрохо. Теперь осталась малость — подкрасться поближе и выстрелить да постараться попасть в глаз.

Ящерица, наверное поняла, что я ее тоже увидел и не отстану, и даже прятаться особо не стала. Подняла голову, оскалилась во всю пасть и зашипела. Я ведь забрел на ее охотничью землю, значит, я — законная добыча, только опасная. Что такое луки и копья, снежные зверюги уже давно усвоили. Дрохо намного умнее и коварнее белого барса или чудовищ из Гипербореи. Они считают, что Граскааль принадлежит им, и только им. В чем-то ящерицы правы. С эдакой тварью никто по доброй воле связываться не станет.

Но мне нужна ее шкура. Хочешь — не хочешь, а придется снежной ящерице расстаться со своей красивой шубкой.

Дрохо выскользнула из-за своего укывища и понеслась вниз. Я не бросился за ней, а прикинул, куда она может целить. Во-он к той груде валунов. Значит, и я побегу туда, но с другой стороны и не так быстро. Настичь снежную ящерицу человеку все равно не под силу, но вот перехитрить — вполне можно.

Высоко над горами проплыл отдаленный гулкий раскат. Наверное, лавина сошла. Я и дрохо на миг остановились, одинаково прислушиваясь, а потом припустили дальше. Она убегает, я догоняю. Главное — не поменяться местами. У нее — и когти, и зубы, и длинный хвост, которым можно за-

росто кости переломать, а у меня только лук и кинжал. Ну и еще голова на плечах. Как бы дрохо ни крутила, все равно она от меня не уйдет.

Эй, прадед Эйвинд, как тебе живется там, в палатах Имира? А вот твой правнук бежит по хрустящему снегу за мохнатой гибкой тварью, и ему уж точно хорошо!

* * *

Носились мы по ущелью почти до полудня. Пару раз подлая скотина едва не проскочила мимо меня и не удрала. Сколько за это утро я зарылся носом в снег — и не сосчитать.

Все же я добился своего — загнал дрохо в узкий верхний конец долины. Выход из ущелья запирает отвесная стена высотой в десять-двенадцать ростов человека, по ней даже барсу или горной козе не взобраться, а уж тяжелой ящерице и подавно.

Дрохо все же попыталась сбежать. Цепляясь когтями за какие-то трещины и выбоины, она вскарабкалась почти на половину стены. Потом промерзшие камни не выдержали, подались, и ящерица рухнула вниз.

Когда я добрался до скального обрыва, дрохо сидела на груде каменных обломков и таращилась по сторонам обалдевшими круглыми глазами. Увидев меня, зашипела, приоткрыв пасть с острыми желтоватыми клыками, и начала бить хвостом по снегу.

Я не стал подходить близко. Случалось, загнанная в угол снежная ящерица прыгала на охотника. Если она собьет тебя с ног — верная смерть. Разорвет на кусочки или так покалечит, что больше не поднимешься.

Дрохо словно поняла, что наша беготня и игра в прятки подошла к концу. Это была старая, опытная зверюга с длинным, густым мехом, кое-где

вылинявшим и из белого ставшего желтоватым. Наверное, она не один год прожила в ущельях и распадках Граскаала, охотясь на горных коз и безнаказанно таская овец с людских пастбищ. Может, она понимала, что бежать ей некуда, да и все равно не удастся?

Ящерица вдруг перестала шипеть и яростно хлестать хвостом по камням. Замерла на месте и отвернула огромную голову, покосившись на меня с откровенным презрением. Мол, на этот раз тебе посчастливилось.

Все, что мне оставалось, — наложить стрелу, натянуть лук да выстрелить. Таким выстрелом можно гордиться. За десяток шагов прямо в глаз. Дрохо мотнула головой, как-то судорожно дернулась, потом обмякла и растянулась на камнях. Наверное, стрела через глаз вошла прямо в мозг. Хорошо, что ящерица умерла быстро, совсем не мучаясь. И не только потому, что ее дорогая шкура не попорчена...

Может, зеленый камешек помог? Не зря же мне так захотелось его достать.

Только никакой талисман не поможет в том, что сейчас придется делать. Мерзкое занятие — на морозе обдирать только что убитого зверя. Кровь хлещет и тут же застывает, тяжелая, еще теплая туша примерзает к холодным камням. И сам по уши перемажешься, и все вокруг будет загажено. Липкий кинжал то и дело выскальзывает из рук, лезвие срывается, едва не разрывая с таким трудом добытую шкуру...

Несколько раз я вставал и отходил в сторону — передохнуть. Сил моих больше не было смотреть на эту гору дымящегося мяса, внутренностей и торчащих костей, валяющуюся на подтаявшем снегу.

Я уже почти закончил, то есть добрался до задних лап дрохо, когда глубоко под землей что-то

шевелинулось. Что-то огромное, дремлющее, внезапным толчком вырванное из долгого сна. Мне показалось, будто земля на миг качнулась, а окрестные горы вздрогнули.

«Землетрясение», — первое, что пришло в голову. Такое в Граскаале порой случается. Последние судороги гор на моей памяти происходили года три или четыре назад. Тогда частично завалило Седловой перевал, а большой оползень перекрыл течение Гремячей реки. Река, впрочем, быстро размывала мешавший ей завал и побежала по прежнему руслу, а весенние дожди унесли горы камней и грязи с перевала.

Земля снова содрогнулась, на этот раз гораздо сильнее. Я не удержался на ногах и шлепнулся прямо на скользкую горку кишок дрохо. Мало приятного. Может, это не землетрясение, а вулкан просыпается? Хотя перед пробуждением вулкана над вершиной горы всегда стоит густой черный дым и задолго слышно, как в недрах что-то ревет и булькает. Да и нету поблизости ни одного спящего вулкана. Выходит, действительно землетрясение.

Тут уж ничего не поделаешь, остается единственно терпеливо ждать, когда оно закончится. И постараться не торчать под каменным карнизом или нависающей скалой, а то еще обрушатся на голову. Но я — в открытом ущелье, здесь меня вряд ли завалит. Страшно, конечно, когда такая надежная земля под ногами раскачивается, но землетрясения редко длятся долго. Интересно, отчего они происходят? Гномы, наверное, точно знают. А у нас в Райте говорят, будто под Граскаалем спят древние злые гиганты. Иногда они переворачиваются или дышат, оттого горы и трясутся. Наверное, им сегодня на редкость плохой сон приснился...

Толчки все не прекращались, наоборот, становились сильнее и чаще. Где-то неподалеку загрохота-

ли срывающиеся вниз камни, заглушив на несколько мгновений все остальные звуки. Под этот грохот я увидел, как с горы напротив беззвучно съезжает белый вскипающий вал снега — лавина. Она пробороzdила склон, подмяв под себя рощицу высокогорных сосен, и рухнула в соседнюю долину, затопив ее почти целиком. М-да, если здесь случится то же самое, мне конец.

Что самое обидное — я ничего не мог поделать. Даже убежать. Земля дрожала, и было невозможно сделать даже пары шагов. Только лежать, смотреть на безумие природы и надеяться, что повезет и я уцелею.

Великаны под горами, похоже, решили поразмяться. Граскааль раскачивался, вершины гор неожиданно съезжали набок или проваливались куда-то вниз. Стоял такой непрекращающийся гул, что в какой-то момент я просто оглох.

Рядом просыпался град каменного крошева, перемешанного со снегом, обвалившиеся валуны накрыли оставшуюся лежать под скалой тушу дрохо. Все это я видел словно со стороны, точно моими глазами смотрел другой человек. Кажется, я даже бояться перестал. Я чувствовал себя камнем, неподвижным и вросшим в землю, которая ни с того ни с сего начала метаться из стороны в сторону. Камень не понимает, что происходит. Он вообще не думает. Его швырнет на другое место, он и там будет стоять по-прежнему. Вот и я просто тупо ждал, когда же наконец все закончится.

Где-то на самом доньшке памяти бился отголосок воспоминания — что там с нашим поселком? Не снесло бы его шальной лавиной и выдержали бы дома...

Землю били судороги. Может, наступал конец света, но мне теперь было все равно. Я видел, как

в бледно-синем небе выписывают круги раскачивающиеся острые пики вершин и как они медленно валяются в мгновенно возникающие и исчезающие пропасти. Они были похожи на звериные пасти — разевались и захлопывались, заглатывая очередной кусок. Большие такие, бездонные пасти. Ненасытные, вечно голодные.

Узкая трещина прозмеилась совсем рядом, взрезая гору. Я даже увидел, как в ее глубине ворочаются огромные камни, а между ними вспыхивают языки синеватого огня. Высоченная отвесная стена, у подножия которой валялись останки дрохо и я сам, мелко задрожала и начала уменьшаться. Она съезжала туда, вниз, соскальзывая все глубже и глубже. Еще немного — и скала исчезнет целиком, а вслед за ней под землю затянет и все, что вокруг. Меня, наверное, тоже.

Из трещины вырвался фонтан бледно-алого огня. Лизнул камни, начавшие плавиться, как масло на раскаленной сковородке, и спрятался обратно. Груда валунов неподалеку от меня превратилась в тускло блестящую, оплывающую кучу непонятно чего. Камень стал водой, и ручейки этой горячей воды, прожигая все на своем пути, медленно потекли вниз по бывшему склону. Один направился прямо ко мне, и я, сам не очень понимая, что делаю, убрал руку с его дороги.

И понял, что земля больше не корчится в припадке. Все — и горы, и небо — вернулось на свои места. Только там, где совсем недавно поднимались горные вершины, теперь чернели расщелины Граскааль ущелья и пропасти. На месте бывших долин поднимались молодые горы, еще пылающие огнем тех страшных глубин, из которых они появились. Граскааль неузнаваемо изменился. И остался прежним. Пойдет снег, новорожденные горы остынут, и вскоре уже никто не сможет сказать,

как давно они здесь стоят. Всегда. Со времен сотворения мира.

А мир, наверное, творился именно так...

Тут я понял, что время идет, а я остался жив. И даже о чем-то думаю. Снега подо мной не осталось, растаял, и потому лежу я в теплой, почти горячей луже. Рядом шипят, остывая, раскаленные камни. Где-то далеко прогремел затихающий гул — сошел запоздалый камнепад. Значит, я и слышать снова могу. Тут невольно начнешь молиться — все равно кому. Кто бы ни смотрел на нас с небес, спасибо, что я валяюсь в этой противной луже на чуть подрагивающем склоне. Спасибо, что оставил в живых.

Так я лежал довольно долго, бормоча под нос разные глупости. Пока не почувствовал, что насквозь промок и замерзаю. Попробовал встать — упал снова. Голова кружилась, земля кружилась, перед глазами все плыло, а камни, на которые я с маху плюхнулся, оказались очень твердыми.

Во второй раз я вставал куда осторожнее. Сначала на четвереньки. Так оказалось гораздо удобнее, и я позавидовал животным — почему им положено четыре подпорки, а нам, людям, только две? Несправедливо...

Голова наконец перестала ныть. Стоять на коленях было глупо и непривычно. Все-таки я не животное, а человек.

Ноги тряслись, но все-таки я не упал. Шатался, взмахивая руками, но не падал.

Вокруг все было другим. От Ледяного перевала ничего не осталось, все вершины, что раньше громоздились по левую руку от меня, сгнули. Зато откуда-то взялась новая гора, закрывшая от меня почти полнеба впереди. И долина выросла почти в два раза. А густой лес на склоне напротив исчез, будто и не было его никогда.

Если судить по солнцу, почти не двинувшемуся с места, минуло-то всего ничего. Несколько мгновений. Что-то огромное вздохнуло под землей во сне и снова задремало, не заметив, как вздрогнул и качнулся мир. Маленькая букашка — я — умудрилась уцелеть, не сдтая этим вздохом. Наверное, сто лет теперь жить буду... Если домой доберусь.

Домой?

А что, если мне и добираться некуда?

Я повернулся туда, где оставалась Райта. Повернулся так резко, что опять едва не шлепнулся. Не только оттого, что ноги не держали, но и от неожиданности.

Далеко-далеко, за изломанным хребтом гор разгоралась заря. Не могло быть никакой зари в это время! Не с ума же я сошел?..

И все же это была заря. Лучшего слова я не подберу. Над цепью Граскааля дрожал мягкий, еле различимый на голубом, но с каждым мгновением все более усиливавшийся свет. Станный какой-то, зеленоватый. Как от многих разом взлетевших светлячков. Или от лунного сияния над большим тихим озером. Свет ширился, зеленые блики ложились на ближайшие вершины, соскальзывали дальше, заливая горы призрачным мерцанием.

Красивый он был, этот свет. Пугающий, но до боли красивый. На миг показалось — сейчас полыхнет так, что я навсегда ослепну. И не смогу увидеть, как на небе появится второе солнце. Я даже знал, какое оно будет — светло-зеленое с желтоватой короной лучей. Злое, чужое солнце.

Небывалое зарево продержалось над горами еще пару ударов сердца. Потом начало стремительно меркнуть, съеживаться, прячась в сумеречных долинах, и погасло. Остался Граскааль, медленно приходящий в себя после жестокого удара, исходящие удушливым дымом расплавленные камни,

глубокие расщелины, и я, никак не могущий до конца поверить, что остался жив.

Над угрюмо притихшими горами начали скапливаться неведомо откуда приплывшие свинцового цвета тучи. Пошел мелкий снег, на лету превращавшийся в дождь. Надо было возвращаться. Ледяной перевал обрушился, значит, дорога обратно отнимет у меня куда больше времени. А ноги все еще дрожат, и на душе противно. Никогда в жизни я так не пугался.

Нет, вовсе не содрогающаяся земля меня перепугала. И не мысль, что мне на голову в любой миг может рухнуть груда камней, соорудив отличную могилку. Зеленая заря — вот отчего мне было не по себе. Она полыхала в той же стороне, где на склоне Медвежьего холма стояла Райта. Деревня Райта, мой далекий дом.

Глава вторая ХАЛЬК, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии.
28-й день первой осенней луны 1288 г. Раннее утро.

«...Первые известия об угрозе, надвигающейся на Аквилонию, остались незамеченными ни королем, ни его ближайшим окружением. Впрочем, их можно понять и простить. Сведения, доставляемые из полуночных стран, были слишком скудными и противоречивыми, а правитель, недавно занявшего престол, преимущественно заботило скорейшее ознакомление с делами подвластной страны и борьба с угрожавшими трону заговорщиками, нежели выяснение подробностей о странных событиях, творящихся в Пограничье, горах Граскааль и полуночной Бритунии. К тому же многие подданные нового короля, весьма сожалевшие о гибели прежнего владыки, отнюдь не стремились способствовать своему повелителю в его трудах, отчего дела государства отнимали у него гораздо больше времени, нежели он рассчитывал. Так и случилось, что тревожные предупреждения прошли мимо внимания короля Аквилонии, тем самым, лишив его возможности вовремя вмешаться в происходящее...»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

следует поблагодарить мою матушку... хотя лучше все рассказать по порядку.

Меня зовут Хальк. Если полностью — Хальк, сын Зенса, младший барон Юсдаль. Наше поместье лежит неподалеку от истоков Ширки, в Гандерланде. Баронство древнее, во всяком случае на картах двух-трехсотлетней давности оно уже обозначено. К нынешним временам оно здорово поубавилось в размерах, но все еще процветает под бдительным оком моей матушки. Отец здраво предпочел передать бразды правления нашим поместьем ей — так у него остается больше времени носиться со сворой по окрестным лесам, разъезжать вкупе с моими старшими братьями по турнирам и — как бы это сказать? — всемерно способствовать возникновению на нашем генеалогическом древе новых отростков...

Когда-нибудь матушке наверняка надоест терпеть разнообразные и никогда не повторяющиеся отцовские выходки, и она лично его прикончит. А потом займется моими братишками и ни в чем не отстающими от них сестренками. Ибо, как уже не раз случалось, из любого досадного происшествия в нашей провинции торчат длинные уши кого-нибудь из нашего многочисленного, сколь благородного, столь и непоседливого семейства.

Так вот, однажды баронесса Юсдаль решила, что хоть один из ее отпрысков должен стать образованным человеком. Поскольку своих решений матушка никогда не меняла, а вялые попытки избежать предначертанного бездарно провалились, то пришлось бедной жертве ее далеко идущих замыслов — то есть мне — отправляться из родного дома почти на другой конец света, в Тарантию.

Пять лет, проведенных в Университете, можно считать самыми жуткими, а можно — самыми луч-

шими годами моей жизни. Смотря в каком я настроении и сколько выпью, когда начинаю вспоминать о них. Огромную грамоту (забранную в неподъемную деревянную раму), выполненную в строгих черно-алых тонах и свидетельствующую об успешном окончании сего прославленного учебного заведения, я приколотил к стене комнаты, в которой теперь живу. Гвозди длиной с мой палец — специально купил в столярной лавке, — и приколочено на совесть. Диплом можно отодрать только вместе с куском стены. До сих пор не могу понять: зачем я это сделал? Видимо, за неимением возможности заменить грамоту кое-чем из числа преподавателей, вволю напившихся моей кровушки.

После окончания Университета я собирался вернуться домой, в Юсдаль. Честно говоря, за пять лет я успел соскучиться по шумной ораве моих братишек и сестренек, а в Тарантии для меня ничего полезного не предвиделось.

Но все сложилось иначе. Неведомые колеса судеб и карьер повернулись, и вместо затерянного в лесах Гандерланда родного поместья я оказался здесь — под самой крышей королевского дворца, в громко звучащем звании хранителя библиотеки. Должности ниже моей занимали разве только дворцовые слуги, повара и конюхи.

Я так и не узнал, почему выбрали именно меня и что случилось с моим предшественником. Впрочем, как раз об этом догадаться нетрудно — каждый день на городских площадях кого-нибудь казнили. Если не по обвинению в государственной измене, то за попытку организации заговора. Как я позже записал на страницах своей хроники: «Государство переживало очередные тяжелые времена». Впрочем, тяжелые — это еще мягко сказано. Первые несколько месяцев своего пребывания

во дворце я носа не смел высунуть дальше комнат и залов, где хранились свитки и книги, — боялся. Вокруг что-то происходило — тихая, неприметная возня, все разговоры велись только шепотом, с оглядкой через плечо и с одной мыслью: не побежит ли твой собеседник доносить в тайную канцелярию барона Гленнора...

Тогдашнего короля, Нумедидеса, я видел всего один раз — на какой-то пышной и до ужаса занудной церемонии. Сейчас-то все наперебой кричат, что он свихнулся на старости лет... Не знаю. Мне Нумедидес показался старым уставшим человеком, которому до смерти все опостылело и которого больше ничто в жизни не способно взволновать или заинтересовать.

Немного освоившись во дворце и вдоволь налюбовавшись на творящиеся здесь безобразия, я неожиданно для самого себя начал вести летопись. Если бы меня на этом поймали — место дворцового библиотекаря уже завтра вновь бы стало свободным. Но мне везло, все были по горло заняты своими делами и никто не обращал внимания на мои постоянные шатания по всему дворцу — от королевской приемной до казарм — и бесконечные расспросы.

Я знал, что моя летопись неправильная... да и не совсем законная, если честно. Настоящие, предназначенные для будущих правителей и ученых историков, ведутся официально назначенными хронистами либо настоятелями при главных храмах Митры. А я сидел в запущенной библиотеке, писал на вырезанных из старых книг и дочиستا выскобленных листах пергамента свою хронику, и наплевать мне было на все и на всех. Как потом выяснилось, у меня получилась история печального конца древней династии королей Аквилонии.

Сам не верю, когда перечитываю, — неужто я оказался настолько предусмотрительным, решив записать все это? Мне уже предлагали за список с летописи две сотни золотом, но я подожду — пускай поднимут цену до трех, а там поговорим. В конце концов, мне это повествование обошлось намного дороже, чем несколько десятков золотых кругляшек!

Бедная моя мамочка — она-то до сих пор убеждена, что младший сыночек сумел пристроиться на теплое местечко и более-менее успешно делает карьеру... Как же! В нас, баронах Юсдаль, с рождения кроется стремление вмешиваться во всяческие неприятности. И я, к сожалению, не являюсь исключением. Правда, я доньше не сумел угодить в качестве участника в какой-нибудь заговор, однако надежды не теряю. В конце концов, у меня еще все впереди, в стране совсем недавно произошел самый настоящий государственный переворот, и кто может сказать, чем все закончится?.. Боги, может, и знают, но предпочитают помалкивать. Ну и ладно, сами как-нибудь разберемся, не впервой.

Вот только прекратили бы эти ослы грохотать молотками под самым моим окном! Разбудили в такую рань! А у меня несносно голова болит... От чрезмерного умственного напряжения вчерашним вечером. Кажется, я молот языком больше обычного.

Хотя нет, стучат не во дворе. Кто-то с утра пораньше упорно молотит в мою дверь, всерьез задавшись целью сорвать ее с петель. Интересно, кому и зачем я понадобился?

* * *

Сегодня утром мебель явно прониклась ко мне внезапной и ничем не объяснимой нелюбовью. Только этим я могу оправдать то плачевное об-

стоятельство, что пол раскачивался во все стороны, а когда я попытался обогнуть стол, он почему-то начал брыкаться всеми четырьмя ножками... Или восемью?

Свалив по пути еще что-то, со звоном разбившееся, я все-таки добрался до дверей. Верно люди говорят: настойчивость — залог успеха. С третьей попытки я нашел ручку и с трудом вспомнил, в какую сторону нужно толкать створки. Когда я наконец открыл дверь, то готов был прикончить на месте любого, кто околачивается с той стороны.

В коридоре, с обычным для него несчастным видом, стоял Рэдви, а потому я временно отложил мысли об убийстве.

Рэдви — паж, один из многочисленной и почти бесполезной своры этих слегка бестолковых и не в меру проказливых мальчишек. В его обязанности входит сообщать королю обо всех назначенных на сегодня визитах, выполнять мелкие поручения придворных и вообще всегда быть готовым в любой миг помчаться куда угодно. Рэдви от силы лет шестнадцать, его пристроили сюда влиятельные родственники, и он ужасно всего пугается. Чем-то он напоминает меня же самого в начале пребывания здесь, а потому мне порой становится его жаль. Где-нибудь через годик он либо обвыкнется, либо сбежит из дворца раз и навсегда. А нынче Рэдви — просто ходячее воплощение неудачливости, шарахающееся от каждой тени. Со всеми сваливающимися на него трудностями он почему-то тащится ко мне. Вот и говори после этого, что нужно помогать ближним своим! Да они, эти самые ближние, с радостью сядут тебе на шею и еще погонять будут!

— Чего тебе, Рэдви? — Это было все, что я смог членораздельно выдать из себя. Рэдви попятил-

ся, глядя на меня с плохо скрываемым ужасом, и робко проговорил:

— Д-доброе утро...

Ничего себе доброе! Сначала грохочут над ухом, потом поднимают с постели! А терпение даже у меня не безгранично...

Наверное, Рэдви сообразил, что я зол и раздражен, а потому быстренько перешел к цели своего появления.

— Ты не знаешь, где Его Величество?

«Поздравляю, барон Юсдаль-младший, ты стал самым влиятельным человеком в государстве! — Мне ужасно захотелось рассмеяться. — Тебя будят только ради того, чтобы спросить, где сейчас король!»

— Понятия не имею. — Любой придворный обязан уметь врать, сохраняя на лице самое искреннее из доступных ему честных выражений. Это первое, чему приходится обучиться для спокойной жизни в здешнем зверинце. — А что стряслось?

Глубоко ошибаются люди, считающие, что лучше всех о положении в королевстве осведомлены правитель и его приближенные. Да, они творят так называемую «политику», плетут заговоры и строят каверзы друг другу, но лучше всех жизнь во дворце знаем мы, неприметные и не замечаемые никем личности, — пажи, слуги, стражники дворцовой гвардии, придворные пониже рангом... Порой мы узнаем о грядущих изменениях в мирной жизни страны едва ли не раньше, чем находящиеся на вершине власти успевают об этих самых изменениях подумывать.

Вот только мне до сих пор не удалось вызвать, куда же в прошлом месяце исчезал наш король. Пропадал он дней десять и, судя по некоторым приметам, побывал где-то на полуденных границах. Кстати, сразу после его воз-

вращения частично снизили налоги — верный признак того, что казна изрядно пополнилась. С ним ездил кое-кто из дворцовой гвардии, но, к моему величайшему сожалению, мне не удалось из военных и слова вытянуть. Хорса, доверенное лицо короля, занимающий должность дворцового распорядителя, тоже молчит, как пикт на допросе. А Хорса, между прочим, гандер. Так что мог бы и поделиться интересной новостью с соплеменником!

Как же... Хорса никогда и никому не поверяет своих секретов, особенно если они хоть немного касаются тайных дел правителя страны. Меня же он считает чрезмерно легкомысленным, болтливым и вообще слегка презирает, что, впрочем, не мешает ему выпивать за мой счет. По мнению Хорсы, я — зарвавшийся аристократ и книжный червяк, по уши погрязший в пыльных свитках и пергаментях. На дуэль его вызвать, что ли, чтобы не слишком задавался? И нечего мне тыкать в нос моей же голубой кровью и благородным происхождением! Сам Хорса, между прочим, гандер лишь на треть, а все остальное у него от норд-хеймцев. И короля он величает каким-то варварским словечком — «конунг». Где он только его раскопал?

В том, что я пропустил эти десять дней, если честно, винить некого, кроме самого себя. В стране царили такие тишина и благолепие, что я решил: ничего страшного не случится, если королевский летописец на некоторое время исчезнет из Тарантии. И с чистой совестью отправился навестить одну старую знакомую, к которой давным-давно обещал приехать в гости, да все не мог собраться... Конечно, стоило мне ненадолго уехать, и сразу же стряслось нечто достойное внимания!..

В общем, я сразу забыл и о головной боли, и о вчерашней вечеринке. Рэдви по чьему-то поручению с утра разыскивает короля — с чего бы это?

— Да ничего интересного. — Парень еще не свыкся с простой мыслью, что во дворце не может происходить вовсе ничего неинтересного. — Приехал какой-то мелкопоместный барон из Гандерланда. При нем несколько человек свиты и охраны. Притащили с собой здоровенную клетку. Говорят, поймали невиданного зверя и просят позволения представить его королю...

Я могу простить Рэдви многое — в конце концов, он пока не слишком хорошо знает порядки придворной жизни. Но не снисходительный тон и фразу «какой-то барон из Гандерланда»...

Как только что упоминалось, я сам гандер. Мы, конечно, приняли руку Аквилонии и считаемся провинцией королевства, но это никому не дает права безнаказанно насмехаться над нами. Кроме того, в последнее время расплодилось слишком много наглецов, на всех углах трещащих о том, что слова «гандер» и «неотесанная деревенщина» — суть равнозначны. А таковых умников необходимо ставить на подобающее им место.

— Из Гандерланда, значит? — Кажется, мой голос прозвучал достаточно равнодушно. — А откуда именно — не знаешь?

— Не-а, — Рэдви помотал головой и простодушно добавил: — Они так разговаривают, что и двух слов не разберешь. Чурбаны чурбанами...

Честное слово, не хотел я его обижать... да еще с утра. Рэдви сам напросился.

— Ладно, если увижу короля, я непременно передам. Кстати, ты к пуантенцам заходил? У герцога Просперо спрашивал? Нет? Ну, так чего же ты ко мне примчался? Бегом марш туда!

Рэдви, рассыпаясь в благодарностях, убежал, а я вернулся в комнату. Маленькая, но такая сладкая месь. В следующий раз будет умнее. Интересно, что с ним сделает Просперо? Он ведь тоже был на вчерашней маленькой вечеринке и так же мается... Только у него обхождение с утренними незваными гостями не такое мягкое, как у меня. Бедный Рэдви!

Теперь я уже окончательно проснулся. Начался новый день, и меня ждала обычная дворцовая суматоха. Нужно было срочно решать, что делать с полученной новостью — как-то использовать или приберечь на будущее. Кроме того, мне хотелось завтракать, но между возможностью узнать нечто новенькое и хлебом насущным я всегда выбираю первое. Значит, остается лишь быстренько одеться и можно бежать вниз, за точным выяснением всех обстоятельств — кто приехал, откуда, зачем и что именно привез. После, разузнав все, что меня интересует, я с чистой совестью отправлюсь докладывать королю. Там заодно и перекусим. Я его подданный или нет, в конце-то концов? Если да, то меня обязаны накормить!

Рэдви я, разумеется, наврал. Я отлично знал — или мог с уверенностью утверждать — где в этот момент находится правитель нашей многострадальной страны. Просто было бы жестоко заставлять и без того чрезмерно занятого короля начинать день с похмельной головой и пустым желудком. «Никакие государственные дела не стоят хорошего обеда», — Это не я сказал, а сам Конан, и здесь я с королем полностью согласен.

Кроме того, я вчера клятвенно обещал, что без особой необходимости никому не скажу, где на сей раз изволит дрыхнуть его Величество. А таковой необходимости я сейчас что-то не заметил. Так что

госпожа Эвисанда может быть довольна — утром ее не потревожат...

Ах да, Эвисанда. Пожалуй, без нее рассказ будет неполным. Графиня Аттиос, леди Эвисанда, наша ночная королева. Графиня — местная уроженка, где-то в Тарантии даже обретается ее законный супруг, не осмеливающийся показываться при дворе, — засмеют. Леди около тридцати лет (хотя выглядит она намного моложе); это высокая блондинка из числа тех, кого сочинители душещипательных песенок именуют «златокудрыми», фигуристая, со всеми положенными выпуклостями и изгибами, и серыми глазами. Когда госпожа Эвисанда проходит по коридору, даже у Драконов — королевской стражи — головы непроизвольно поворачиваются ей вслед. Не говоря уже обо всех прочих.

Эвисанда очень умная женщина. Это я сам сообразил, исходя из того, что уже миновал конец лета и наступила осень, а госпожа графиня доныне обретается во дворце и отнюдь не собирается покидать нас. Конечно, время от времени в королевских покоях появляются и другие красотки, но рано или поздно они исчезают, не продержавшись и десяти дней... Эвисанда же остается. Помоему, она изо всех сил рвется к тому, чтобы стать из ночной королевы самой настоящей. Могу ей только посочувствовать — занятие это безнадежное. А вообще графиня Аттиос — очень милая женщина.

* * *

Хранилище рукописей и книг с примыкающими к ним принадлежащими мне жилыми комнатами находится наверху, на третьем этаже дворца. Я считаю, что это очень удобно. Во-первых, оттуда можно быстро пройти в северное жилое крыло, занимаемое

нынче королем и его свитой. Во-вторых, я всегда могу без труда попасть во внутренние дворы, где расположены казармы и всегда происходит что-нибудь любопытное. И в-третьих, в силу неведомых законов все дворцовые слухи и сплетни, подобно тепловому воздуху над костром, поднимаются вверх, слетаясь опять же ко мне. Недостаток у верхних покоев только один — их выстроили слишком давно, потолки низкие и коридоры слишком часто внезапно поворачивают, предоставляя прекрасную возможность со всего размаха врезаться в идущего навстречу.

Собственно, в этих коридорах и произошла моя первая встреча с нынешним правителем государства... Она мне до сих пор снится в кошмарных снах.

Около четырех месяцев назад, в конце весны 1288 года от основания Аквилонии, в стране творилось нечто совершенно непонятное. Пуантен и Боссон бунтовали, их объединенное войско продвигалось к столице, пикты на границе вдоль Черной реки резали поселенцев и жгли форты, король начисто устранился от всех дел и целые дни проводил в тронном зале. Вот тогда и пошла гулять байка, что Нумедидес сошел с ума... Но я считаю иначе. Он знал, чем все закончится, и просто терпеливо ждал. Ждал своего неизбежного конца.

Дела во дворце и столице обстояли ничуть не лучше. Придворные и слуги частью разбежались, частью попрятались, дворцовая гвардия на все нарушения порядка смотрела сквозь пальцы... Все чего-то ждали. Мне бежать было некуда — Гандерланд далеко, на дорогах опасно, да и лошадь раздобыть негде — и, кроме того, я хотел досмотреть все до конца. Летопись росла с ужасающей быстротой, и, поколебавшись, я купил тогда по случаю тол-

стенную подшивку листов пергамента, переплетенных в свиную кожу, выкрашенную почему-то в ярко-синий цвет. В синий — так в синий, зато писать стало гораздо удобнее и не требовалось больше выискивать в хранилище чистые листки или воровать их в канцелярии.

В тот день я с утра пораньше сбежал из дворца и отправился в город. По случаю возможных беспорядков и военных действий занятия в Университете отменили, мающиеся от безделья студенты расплзлись по кабакам и трактирам, поглощая в огромных количествах дешевое вино и пытаясь додуматься, что еще новенького стрясется. Было тревожно и душно, словно перед наступающей грозой.

Я так и не смог ничего толком разузнать. Кто говорил, что совсем неподалеку видели отряды пуантенцев, кто предлагал идти штурмовать дворец, но все сходились в одном — сегодня непременно что-то произойдет. Я до вечера просидел в «Белом коне» — любимом студенческом кабачке, слушая последние новости, сходил на городскую стену, посмотрел, как закрываются на ночь огромные ворота, а потом всерьез задумался — вернуться во дворец или остаться на ночь в городе? Дворцовая крепость казалась настороженной ловушкой, но, если сегодня там случится нечто важное, а я этого не увижу и не узнаю — никогда себе в жизни не прощу!

И я вернулся. Как оказалось позже — это было верным решением.

Почти до наступления сумерек пришлось проторчать перед входом, доказывая оставшейся без четких указаний, а оттого более злобной, чем обычно, страже, что я имею полное право войти. К тому времени, когда меня наконец пустили, окончательно стемнело. Дворец производил впечатление вымершего — из придворных я не встретил

никого, а сторожевые посты на этажах и в коридорах пустовали через один. Стражники околачивались только у дверей тронного зала, но, судя по тоскливому выражению их лиц, их так и подмывало временно позабыть о клятве верности стране и королю да сбежать куда подальше. Заглянуть в зал мне не позволили, так что я поплелся наверх, к себе.

Для полного счастья выяснилось, что сегодня на верхних этажах темно — ни обычных масляных ламп, ни, на худой конец, факелов. Видимо, кто-то в суматохе позабыл отдать распоряжение, а слуги решили, что так и нужно. Им же лучше — не придется бегать по всем коридорам и зажигать светильники. А мне каково — подниматься вслепую по трем винтовым лестницам и бродить в потемках, разыскивая, где там мои двери?

Первую лестницу я преодолел благополучно, споткнувшись всего пару раз. Теперь предстояло миновать длинный, постоянно сворачивающий коридор, и я попаду ко второй лестнице. Она покороче и не такая крутая.

Вот так я брел, не торопясь, в полной темноте, держась за стену и гадая, что же у нас происходит и куда катится благословенная Аквилония. А за очередным поворотом меня сбили с ног.

Я в жизни так не пугался, хотя с детства привык ни от чего не бегать, — иначе у нас, в лесах, не выживешь. Дело в том, что идущих тебе навстречу людей обычно издали слышно, но сейчас до меня не донеслось ни звука... пока я не врезался в кого-то. Поневоле начнешь думать о демонах или шатающихся по дворцу призраках. А при том, что творилось в столице в последнее время, я бы не удивился, наткнувшись во дворце на десяток-другой разъяренных привидений, жаж-

дущих крови короля или кого-нибудь из придворных.

К счастью, я вовремя вспомнил, что призраков не существует. Да и сбивший меня человек отнюдь не принадлежал к миру духов. Во всяком случае, я никогда не слышал и нигде не встречал сведений о том, чтобы привидения ругались, будто распоследние пьянчуги в притонах Шадизара...

У кого-то из идущих сзади оказался с собой потайной фонарь, и он чуть приоткрыл заслонку. Света было немногим больше, чем от захудалого светляка, но мне вполне хватило... Хватило, чтобы разглядеть кое-кого, кому тут совершенно не полагалось находиться, и понять две немаловажные вещи. Первую — кто бы ни был нашим нынешним королем, к завтрашнему утру он вряд ли будет занимать аквилонский трон, и вторую — если я издам хотя бы звук, я тоже могу смело распрощаться с этой прекрасной вещью, именуемой «жизнью».

В момент серьезной опасности мы все соображаем очень быстро. Я справился с сильнейшим желанием завопить и промолчал. Сейчас было не время изображать верноподданного. Вдобавок я никогда не относил себя к таковым.

Да, у меня не было причин ненавидеть Нумедидеса. Но оснований быть ему безоговорочно преданным — тоже. Понимаете, я слишком много знал о делах нашего короля и его приближенных. Если хотите, можете считать меня трусом. Но посмотрел бы я на вас, окажись вы на моем месте!

Рассказывать приходится долго, а на самом деле все заняло несколько мгновений. Ровно столько, сколько мне понадобилось, чтобы подняться на ноги и прижаться к стене, пропуская маленький отряд, неизвестно как проникший во дворец.

Они проскочили дальше по коридору и исчезли. Я ни капли не сомневался — они шли убивать. Где ж вы видели, чтобы власть — королевскую власть! — отдавали добровольно? Я — нигде.

На следующий день было все, что полагается: сдержанная паника среди придворных, бесконечные клятвы в безоговорочной верности, флаги, трубы, радостно вопящие толпы на улицах... Но — на следующий. А я никогда не забуду, как несколько человек в полной тишине прошли мимо меня и скрылись в темноте. Какая-то часть моей души требовала, чтобы я пошел за ними, но я в кои веки проявил здравомыслие. Нечего мне было там делать. Я записываю историю, но пока не собираюсь ее создавать. Пусть этим занимается кто-нибудь другой.

Все, на что я решился, — спустя некоторое время вернуться к лестничному пролету и послушать, что творится внизу. До меня долетели негромкие спорящие голоса, потом — лязганье вытаскиваемого из петель тяжелого засова и шорох открываемых створок. Этот шорох я очень хорошо излучил — с таким звуком открывалась дверь тронного зала.

Где-то через месяц я из чистого любопытства попытался выяснить, сколько же человек принимали участие в той рискованной вылазке. У меня набралось около полусотни, клятвенно утверждавших, что входили в отряд или показывали путь. Впору писать обширный трактат под названием «Притягательность чужой славы, или О бесславной гибели добродетели смирения».

На самом же деле заговорщиков было не больше десяти. Они попали в крепость через Старые ворота, открытые кем-то из перешедших на их сторону стражников, и сами отлично знали дорогу, предусмотрительно пройдя через пустовавшие вер-

хние этажи. Что произошло потом — и так всем известно... На моих глазах, как это ни высокопарно звучит, творилась история, происходили события, о которых позже будут сложены легенды и предания. Они очень красивы, эти легенды (по крайней мере, те, которые я слышал), но почти ни в одной из них нет и единого слова правды. На самом деле все случилось быстро и тихо, оставшись незамеченным никем из обитателей дворца, кроме некоторых полуночников. И уж конечно, не столь возвышенно, как об этом рассказывают на улицах и перешептываются во дворце.

Так настал конец династии, давшей миру немалое число достойных правителей, не меньшее количество подлецов и просто не слишком умных государей.

Спрашиваете, что теперь? Минуло слишком мало времени, чтобы выносить какие-то определенные суждения. Плебс, конечно, доволен — для них любовью новый король лучше предыдущего, к тому же налоги снижены, на закатных границах наведен относительный порядок, права горожан и крестьян законно подтверждены и даже порой соблюдаются. Дворянство пока пребывает в задумчивости — с одной стороны, благородным надо бы возмущаться тем, что древний трон занят низкородженным выскочкой из страны, о которой мало кто слышал, с другой — ходит слишком много слухов, достоверно утверждающих, что опасно становится врагом нынешнего правителя. Вот дворяне и помалкивают, клянутся на словах в верности, а сами выжидают подходящего момента, чтобы устроить свару или переметнуться на сторону того, кто покажется более сильным.

Лично я за время, прошедшее с той памятной ночи, удостоился доноса — оказывается, кто-то пронохал о моей хронике (отыщу эту болтливую

сволочь — убью!). Затем случились вызов к королю, долгий разговор и в итоге, как ни странно, повышение в должности. С того памятного дня я — официальный летописец королевского двора с разрешением совать свой нос во все, что мне покажется интересным, но со строжайшим предупреждением — не злоупотреблять. Тем самым лишний раз подтвердилась старая, как мир, истина: «Жизнь человеческая — воистину непредсказуемая штука!»

* * *

Для представителей благородного сословия, ожидающих приема у короля, во дворце раньше было отведено несколько особых залов, а для простолюдинов — выстроено небольшое здание в одном из внутренних дворов. Но с приходом нового правителя порядки, сложившиеся при Нумедидесе, отправились прямиком ко всем известным демонам, а новых пока не придумали. Посему при аквилонском дворе царят радующий глаз беспорядок и полнейшая неразбериха, с которыми в ближайшее время надо срочно что-то делать, иначе дворец превратится в самый настоящий приют для умалишенных.

Вообще же наш король придерживается незамысловатого правила: «Чем меньше церемоний, тем лучше», а потому изо всех сил старается избегать участия в любых официальных ритуалах. С точки зрения здравого смысла это, без сомнения, разумно, но вот с точки зрения укрепления образа высшей власти в глазах плебса и дворянства... Однако всякий раз, когда я или Эвисанда пытаемся завести разговор на тему благочиния, заканчивается он одинаково. Его Величество глубоко убежден, что престиж государства ничуть не пострадает, если важные разговоры будут

вестись не в продуваемом и холодном зале, где, вдобавок, их легко подслушать, а в каком-нибудь более удобном и подходящем месте. И ему совершенно наплевать, что придворные кривятся и бормочут себе под нос: «варвар»...

Ну, да, теперь королем в Аквилонии варвар. Не больше и не меньше. До сих пор не верится, но так оно и есть. Некоторые утверждают, что это наказание стране за многочисленные прегрешения ее жителей и правителей, другие с пеной у рта доказывают обратное. Я же переписал в хронику приглянувшуюся мне фразу из книги Стефана, Короля Историй: «Благодеяния богов порой трудно отличить от их проклятия», а потому стараюсь на все смотреть непредвзято. Пока получается плохо. В силу многих причин. Мне нравится человек, занимающий сейчас трон Аквилонии, и я его опасуюсь. Он слишком похож на непредсказуемое дикое животное. И ему явно не по себе в замкнутом мирке дворца, с его размеренной жизнью и предписанными порядками, отчего он постоянно старается их как-нибудь нарушить. Выдумки же у нового короля с избытком хватает на нескольких человек, отчего и творится у нас в столице безобразие за безобразием...

Со стороны, наверное, кажется — дикарь дорвался до власти и развлекается, как может. Может, и так, однако все развлечения мгновенно забываются, когда дело доходит до чего-то действительно серьезного и важного для страны. Думается, постепенно странные королевские выходы окончательно сойдут на нет. А пока придворным остается только терпеть и стараться как-то сдерживать нашего правителя. Надеюсь, на небесах нам это зачтется. Как подвиг великоученичества, совершенный во благо горячо любимой родины и самих себя.

Так вот, я веду к тому, что сейчас залы, ранее предназначенные для терпеливо ожидающих посетителей, отдали королевской гвардии. А куда зачихнут очередных приезжих — никто толком сказать не может. Потому и приходится обежать все возможные места, да не по одному разу, чтобы отыскать прибывших ко двору. У нас уже загадку сложили — что общего между волком и придворным? Правильно, и того, и другого ноги кормят. Перед другими странами стыдно...

К счастью, на этот раз мне повезло. Я углядел через окно стоящую во дворе клетку и рысью понесся вниз. А добежав, несколько удивился: клетка оказалась здоровенным торговым фургоном на колесах, одну из боковых стен которого сняли и заменили железными прутьями толщиной с палец. Кто находился внутри клетки и был ли там вообще кто-нибудь — мне разглядеть не удалось, ее предусмотрительно и очень тщательно занавесили мешковиной. Рядом стояла вторая клетка, из бронзовых прутьев и поменьше размером, однако вполне подходящая, чтобы затолкать туда не слишком крупного медведя. При условии, что он не будет возражать против пребывания в заточении.

Затем я увидел на фургоне герб владельца. И от души обрадовался. Оскаленная кабанья голова на зеленом поле — баронство Линген, десять лиг вниз по реке, почти рядом с нами! Вот и будут мне сейчас последние новости из дома. Мои родные совсем обленились либо заняты по уши — я уже месяца три-четыре не получал ни единой весточки. Как там обстоят дела в Юсдале? У нас три постоянные напасти — зверье, пикты или киммерийцы. Каждый месяц на наши либо соседские владения обрушивается хоть одна из этих неприятностей, если не две или три одновременно, и

наименее опасная и даже привычная из них — звери. С остальными двумя приходится гораздо тяжелее, эти треклятые дикари появляются неизвестно откуда, завязывают бой и так же быстро исчезают, если понимают, что ничего им не выгорит. Даже не грабят, просто налетают и начинают крушить все и всех подряд.

Иногда наш король до боли напоминает мне своих сородичей. Вроде он столько шатался по всем странам мира и мог бы избавиться от варварских привычек... Хотя я сейчас не могу с уверенностью сказать, не есть ли это показное, предназначенное специально для тех, кто считает нашего правителя туповатым дикарем? Конан ведь гораздо хитрее и благоразумнее, чем кажется на первый, не особо внимательный взгляд.

— Хальк? — Оказывается, я уже давно стоял, озадаченно пялясь на занавешенную клетку, и не слышал, что меня окликают. — Хальк, козел тебя забодай, это ты?

Узнаю неповторимую манеру общения. Вот это да! Ко двору явился сам хозяин Лингена — Омса, по прозвищу Бешеный Бык. В отличие от остальных, мне при взгляде на Омсу приходит на ум вовсе не бык, а древний дубовый шкаф, сохранившийся в нашей семье со времен прадедушки. Омса — нечто такое же огромное, неповоротливое и невольно внушающее почтение. А рукопожатие с ним чревато дроблеными костями. Во всяком случае, для меня.

— Нет, ну хоть один нормальный человек попался! — От рева Омсы привязанные неподалеку лошади гвардейцев начали пугливо косить глазами и фыркать. — Слушай, может, хоть ты мне скажешь, сколько нам тут торчать? До первого снега, что ли? У меня, между прочим, есть дела поважнее, чем таскаться туда-сюда!

Разговаривать с владельцем Лингена — особое искусство. Перекричать барона невозможно. Потому остается только одно — слушать, не перебивая, а в тот момент, когда он набирает воздуха для следующей фразы, успеть быстро задать интересующий вас вопрос. Если Омса услышит, его новая речь будет развернутым ответом с добавлением его личного мнения и вороха последних сплетен, которые до него дошли.

Таким способом мне удалось узнать, что в Юсдале все благополучно, только два месяца назад на поместье напали пикты и сожгли новенькую лесопилку, а Бэра, одна из моих сестриц, умудрилась выскочить замуж. Причем в лучших традициях семьи она устроила из этого простого действия целое представление с фальшивым соблазнением, побегом и длительной беготней по лесам от разъяренной погони. Все многочисленные участники ловли получили огромное удовольствие. За вычетом нашей матушки, принявшей похищение любимицы за чистую монету и едва не пославшей вдогонку за удравшей доченькой охотничью свору.

Омса уже собирался перейти к описанию свадьбы, когда я успел остановить поток его словоизвержения и направить его в новое русло. Я сказал, что очень рад его видеть (что было правдой), но почему, собственно, господин барон бросил на произвол судьбы дорогой его сердцу Линген и потащился в столицу? Неужели в надежде пристроиться при дворе?

На загадочную клетку я старался не смотреть и вообще усиленно делал вид, что ее здесь нет. Пускай Бык сам переведет разговор на нее. Рано или поздно он это сделает, ведь именно из-за этой клетки ему и пришлось отправиться в свое далекое путешествие.

И тут произошло необыкновеннейшее явление — Омса замолчал. На его физиономии (всегда напо-

минающей мне морду животного, украшавшего его фамильный герб) появилось выражение, свидетельствующие о неравной борьбе между желаниями поделиться секретом и сохранить тайну. Он подозрительно оглядел двор, где околачивалось трое ловчих с его собственными гербами и с десятков стражников из королевской гвардии, уставился на меня, мучительно решая, можно ли мне доверять, затем хриплым шепотом (наверняка слышным на втором этаже дворца) проговорил:

— Слушай, я тут привез... зверюгу. Мы ее возле Ямурлака поймали.

— Ого! — Вот тут я был полностью искренен. Ямурлак — это серьезно. Очень серьезно для людей, знающих, что это такое. — А что за зверюга?

Омса тяжело вздохнул и выдавил:

— Не могу я тебе сказать. Не поверишь. Я и сам не верю, хотя вон оно, в клетке сидит. Слушай, Юсдаль, устрой мне прием побыстрее, а? Ты же можешь, верно? Если мне за эту дрянь заплатят, я тебе десятую долю отдам, только сделай, чтобы нас пустили. Боюсь, подохнет гадина...

— Будет тебе прием. — С моей стороны было несколько самоуверенно разбрасываться подобными обещаниями. Однако при упоминании Ямурлака я всегда начинаю чувствовать себя гончим псом, вставшим на теплый, сладко пахнущий след добычи. — Вон там солнечные часы, видишь? До полудня твой зверь дотянет?

Омса несколько мгновений что-то прикидывал и кивнул:

— Ага. Мы сейчас воды притащим и обольем его, а то этому гаденышу, видите ли, жарко...

— Тогда ждите.

Когда Омса вернется домой, он наверняка будет вовсю разглагольствовать перед моими ахающими родными о том, каких сияющих высот достиг их

пребывающий при королевском дворе сынок. Ошибаетесь, барон Линген. Нету у меня ничего — ни чинов, ни высоких должностей. Только безудержное любопытство. Именно из-за него я сейчас пробегусь по северному крылу дворца, осторожно постучу в дверь Малой Оружейной и спрошу, нет ли у Его Величества времени выслушать меня. И, конечно, нарвусь на задумчивый и не предвещающий ничего хорошего взгляд. Тогда я вспомню, что уже сколько раз обещал не злоупотреблять официальным обращением (я не забыл, просто словно что-то за язык тянет). Я буду долго извиняться, а потом расскажу, что во дворе дожидается аудиенции некий барон Омса из Лингена, о закрытой со всех сторон клетке с непонятным животным, а самое главное — о загадочно-притягательном слове «Ямурлак».

Спору на что угодно — если у короля не окажется неотложных дел (а их наверняка не окажется), то Омса попадет на обещанный мною прием задолго до полудня. И вовсе не потому, что король мается от скуки и с удовольствием ухватится за любую подвернувшуюся возможность слегка развеяться.

Глава третья ЭЙВИНД, ВТОРОЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, предгорья Граскааля.
19—24 дни первой осенней луны 1288 г.

Трагическая и необъяснимая гибель поселений гномов, расположенных в горах Граскааль, примерно в тех краях, где сходятся границы Бритунии, Пограничного королевства и Гипербореи, заставила многих из числа их уцелевших обитателей искать спасения на поверхности, в людских владениях, также изрядно пострадавших от вырвавшихся на поверхность подземных сил. Выжившие гномы устремились на полночь — в уцелевшие поселки своих сородичей в Гипербореи и Эйглофиате, а также на полдень — в Пограничье и Бритунию. Некоторых из них подобрали охотники, промышлявшие в это время в Граскаале, но большинство беглецов погибло, пытаясь в начале небывало холодной зимы преодолеть славящиеся своим коварством полуночные горы. Смерть гномов была вызвана не только внезапно налетевшими бурями и разрушением привычных дорог в горах, но и тем невыносимым для подгорного народа обстоятельством, что никто из них не мог дать точного определения обрушившемуся на потомков Вековечного Кователя бедствию.

Как они утверждали, это не было проявлением возмущенной стихии или последствием их собственной неосторожности. Некоторые называли произошедшее «Дверью, распахнутой в Бездну», видимо, имея в виду легенду, гласящую, что под владениями гномов расположен первозданный Хаос...

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

Я ошибся. Ледяной перевал не завалило, он просто исчез. Как будто его взяли и смахнули с земли. На миг я перестал соображать — в голову ударило, что меня наглухо заперло в этой треклятой долине. Я стоял, тряся и не мог понять, куда мне кинуться, чтобы выбраться на дорогу к дому. Потом успокоился, огляделся повнимательнее и заметил распадку между гор. Раньше его там не было, но какая разница? Я пройду по нему, даже если там грохочет непрекращающийся камнепад. Ведь теперь это единственный выход из ущелья.

Сюда я поднялся за пять дней. Шел не слишком торопясь — искал следы дрохо, охотился на козленка, лазал смотреть на брошенную шахту. Значит, обратный путь можно проделать дня за три. Вдобавок теперь придется спускаться, а не карабкаться вверх. Но я устал и не смогу идти полный день. У меня почти не осталось еды. Пещерки с запасом сушняка наверняка завалило оползнями...

Короче, хоть ложись и помирай. Но я все равно пойду. Прадед сумел перейти через Граскааль из Асгарда раненым и с погоней на хвосте, а чем я хуже? Раз мне посчастливилось уцелеть при землетрясении, то обидно сдохнуть потому, что не хватило упорства выжить.

Главное — подстрелить по дороге кого-нибудь. Козу, снежную куропатку, даже лисицу, пускай от

ее мяса тухлятиной воняет. Будет еда — доберусь. Доползу, если потребуется.

После землетрясения что-то случилось с погодой. Дождь, поливший сразу после подземных толчков, так и не прекращался. Воздух стал необычно теплым для невероятной высоты, куда я забрался. Выпавший прошлым днем снег таял, превращаясь в грязные ручейки, с шумом падавшие в скальные трещины. Я шлепал по смеси грязи, песка и битого камня к замеченному распадку. Если мне не удастся преодолеть его — тяжело будет. Искать новую, обходную дорогу у меня уже сил не хватит. Упаду и останусь лежать. Потом пойдет снег, засыплет меня, а ежели сойдет лавина, то и тела никто в жизни не найдет. Разве что через сотню-другую лет.

Под такие мрачные мысли я даже не заметил, как пересек долину и начал спускаться по распадку. По его дну бежала быстрая мутная речка, к счастью мелкая. Над речкой плыл еле заметный пар — вода в ней была горячая.

Распадок, растянувшийся на две-три лиги, заметно снижался. В одном месте пришлось перебираться через преградивший дорогу оползень, потом — обходить груды ставших ноздреватыми огромных валунов со следами облизывавшего их яростного пламени.

Темнело, а я все брел и брел. Длинное узкое ущелье закончилось, перейдя в какую-то долину, загроможденную камнями. Я ее не знал, но по моим расчетам где-то неподалеку должен быть проход в Шепчущее ущелье. Искать его сейчас было бесполезно — в наступающей ночи только безумец будет носиться по горам, рискуя свернуть шею. Я забрался под скальный карниз, запретив себе думать, что он может обрушиться, пожевал оставшегося сырого мяса и, как ни странно, задремал.

Снились мне разрушающиеся горы, далекое зеленое зарево над вершинами Граскааля и злобно шипящая дрохо. Всю ночь напролет.

Почти с рассветом я проснулся. Было холодно, неудобно и очень хотелось есть. Одно хорошо — новых толчков ночью, похоже, не случилось, и дождь кончился. Шевелиться, а тем более куда-то идти вовсе не хотелось. Некоторое время я ругался сам с собой, твердя, что надо вставать и идти, а потом обнаружил, что уже бреду по долине.

Судя по солнцу, вчерашний распадок вывел меня на полночь от Шепчущего, однако не слишком далеко. Если смогу перевалить через гряду слева от меня — попаду в знакомые края. Надо только разыскать место пониже, чтобы перебраться...

Есть хочется — сил нет!

И, как назло, ничего живого вокруг. Конечно, все звери разбежались. Может, дрохо потому и не совалились вниз, что предчувствовали землетрясение? Но тогда наши поселковые собаки тоже бы беспокоились. И оборотни наверняка бы предупредили, если в горах что-то должно было страстись... Они хорошо чувствуют приближение опасности.

В середине дня я все-таки свалился. Лежал, ткнувшись мордой в талый снег и почти выл от отчаяния. Умирать не хотелось, но и сил идти дальше не осталось.

Где-то надо мной с тихим шорохом посыпались мелкие камешки. Затем что-то глухо цокнуло — костью о камень. И еще раз, и еще. Звук приближался, и я медленно поднял голову — посмотреть.

По склону между валунами осторожно пробиралась серая горная коза. Пепельная шубка тускло блестела на солнце, черные витые рожки отклонились назад, глаза опасливо косились по сторонам. Как и зачем она сюда забрела — не знаю. И знать не хочу. Главное — она здесь и на расстоянии

выстрела. Если только я сумею незаметно снять со спины лук, набросить тетиву, а потом еще натянуть его и выстрелить. И, конечно, попасть.

Издалека, наверное, меня можно было принять за камень. Прошедший дождь прибил все запахи к земле, и коза меня не видела и не чуяла. Она шла, тщательно выбирая место, куда поставить точеное раздвоенное копытце, и принюхивалась. То ли искала кого, то ли сама потерялась.

Первую стрелу я потратил впустую. Промажнувшись почти на три шага, угодив в камень. Коза вздрогнула, тряхнула головой и большими прыжками понеслась вверх по склону. Я выстрелил ей вслед, даже не надеясь на удачу.

Коза споткнулась, сделала еще пару неуверенных скачков и упала на передние ноги. Что-то отчетливо хрустнуло. Она вскочила, попыталась убежать, но оступилась и покатилась вниз. Прямо ко мне.

Разумеется, костер разводить было не из чего. Ну и наплевать. У меня теперь есть мясо, а в Шепчущем ущелье отыщется хоть пара кустов или чахлых горных сосенок. Я выживу и обязательно дойду домой.

Теперь я даже зашагал быстрее, пусть и приходилось взбираться вверх по каменистой и разъезжающейся под ногами осыпи. Взобравшись на гребень, я заглянул в соседнюю долину. Шепчущее.

Я глазам своим не поверил, но это в самом деле было Шепчущее. Оно почти не изменилось. Только ближний ко мне конец долины провалился в новую расселину, несколько приметных камней сорвались со своих мест и раскатились повсюду, а речку запрудило осыпью и она разлилась. Сосновая рощица на дальнем склоне тоже уцелела. Будет мне сегодня костер и жареное мясо!

Прикинув, сколько времени осталось до темноты, я решил, что вполне успею спуститься вниз и даже добраться до сосен. И запрыгал по склону, огибая камни и стараясь не поскользнуться. Подумаешь, землетрясение! Главное, чтобы дома все было в порядке.

Я спустился уже до половины, когда заметил что-то непонятное. Я сначала не сообразил, что это такое, а потом вспомнил. Шахта. Брошенная шахта гномов, в которой я нашел зеленый камень. Я его не потерял, он по-прежнему лежал в кармане. Наверное, он все-таки счастливый...

Из шахты поднимался к низкому небу толстый крутящийся столб серо-коричневого дыма. У его основания мелькали красные сполохи. Даже здесь, в хорошем перестреле от колодца, чувствовался резкий запах горелого дерева и раскаленного железа. Наверное, землетрясение изрядно попортило гномские пещеры. Если наверху так трясло, то что же творилось внизу? Может, все гномы там погибли?

Мне представилось, как я бегу по какому-то узкому коридору с низким потолком, а потолок все опускается и опускается, позади меня все пылает и рушится, и впереди тоже. Наверху хоть можно попробовать убежать, а под землей каково? Не повезло гномам...

Еле различимый темный предмет возле среза шахты шевельнулся. Сначала я подумал — из-за дыма показалось, потом присмотрелся и понял: в самом деле шевелится. Налетевший ветер отбросил дымную пелену в сторону, и я четко увидел, что лежит на краю колодца.

Рука. Рука, судорожно вцепившаяся в острые грани каменных осколков. На миг мелькнула вторая, попыталась ухватиться за подвернувшийся камень, выворотила его из земли и исчезла.

Кто-то пытался выбраться из шахты.

Не знаю, откуда взялись силы, но мчался я вниз по склону не хуже горной козы, удирающей от барса. Я бежал и видел, как рука медленно, палец за пальцем, разжимается, соскальзывает, и все ярче полыхают языки горящего под землей огня.

Вообще-то не мог я всего этого видеть, да тем более на бегу. Но знал, что это происходит. И думал только об одном — не подвернулся бы под ноги предательский камень. Добежать, успеть, ну еще чуть-чуть...

Я все-таки грохнулся. Шагах в двух от колодца. С размаху пробороздил каменную крошку, как плуг — свежую землю, выбросил вперед руку и обхватил запястье того, кто висел над колодцем.

Он оказался на редкость тяжелым. Я чуть не отправился вслед за ним, но успел упереться другой рукой в стенку колодца напротив. Мое счастье, что провал был не слишком большим — около шага в поперечнике. Мельком я глянул вниз и решил, что впредь не стоит этого делать. На дне шахты бушевало мохнатое оранжево-багровое пламя. Оно казалось живым и стремилось вырваться наружу, выбрасывая длинные косматые плети. Доски, перегородаживающие колодец, прогорели и рухнули. Я даже не мог представить, как этот тип, болтавшийся сейчас над огнем, сумел вскарабкаться так высоко.

Еще мне послышалось, что там, внизу, кто-то надрывно кричал. Наверное, так оно и было...

Валивший из жерла шахты дым из коричневого стал черным и до ужаса едким. Я закашлялся, зажмурился и едва не выпустил руку неизвестного. И тут же заорал в голос. Честное слово, он вцепился в меня, точно клещами. Значит, еще живой.

И я потащил его наверх. В какой-то миг подумалось, что рука сейчас оторвется по плечо и улетит в клочкущий огненный водоворот вместе с

этим типом, которого я пытаюсь спасти. А я отправлюсь следом за ними.

Внизу протяжно ухнуло и затрещало, точно подсеченное дерево упало. Ревущее пламя взвилось почти до самого края колодца, подпалив неизвестного и слегка мазнув по мне. Я рванул изо всей оставшейся силы и сумел до половины выдернуть неизвестного из шахты. Он забился, как рыба на берегу, и пополз вперед, так и не выпуская моей руки. Я тоже пополз — подальше от колодца, в котором бушевал настоящий ураган из огня. Эдакий маленький вулкан.

Мы успели убраться от бывшего рудника от силы шагов на двадцать, когда из шахты вылетел град раскаленных камней, больших и маленьких, а за ними взвился огромный столб огня. Он рассыпался на отдельные струи, потом что-то загрохотало и колодец обрушился внутрь себя. Остался только неглубокий провал, засыпанный щебнем и песком, сквозь щели между которыми пробивались струйки черно-грязного дыма.

Незнакомец наконец разжал хватку и отпустил меня. Мы сидели на засыпанном пеплом и гарью снегу, пыхтели, как загнанные насмерть кони, а глубоко под нами гибло подземное поселение.

Наконец вылезший из шахты тип с трудом поднял голову, уставившись на меня почти безумным взглядом.

— Ты кто? — еле слышным шепотом прохрипел он.

— Эйвинд. Эйвинд из Райты. — Я обнаружил, что говорю ничуть не лучше.

— Уходи отсюда, — отчетливо и требовательно выговорил он. — Уходи. Быстрее. Все кончено.

Он произнес это и грузно повалился набок. Я наклонился над ним — неужели умер? Нет, он дышал. Тяжело, с бульканьем и свистом, но дышал.

Вот только как я его ни тряс и ни пытался привести в себя — он не отзывался.

* * *

Уже потом, вечером, до меня дошло, кого я вытащил из горящей шахты. Об этом сразу можно было догадаться, но у меня голова была другим занята. Ну кто еще мог вылезать из-под земли, как не гном?

Конечно, гном. Раза в два меньше меня ростом, а весит едва ли не больше. Длинная борода, черная с проседью, наполовину обгоревшая и завившаяся от жара мелкими кольцами. Похоже, ему здорово досталось — уже и ночь наступила, а он все лежит как мертвый. Я сижу, прислушиваюсь — дышит, а очнуться не может.

Ночевали мы неподалеку от обвалившегося колодца, в сосновой роще. Я жег костер, жарил прихватенные с собой куски козьего мяса и думал. О том, как мне теперь быть. Бросить гнома я не могу — зря спасал, что ли? — а тащить на себе эдакую тушу ничьих сил не хватит.

Надумалось мне вот что. Я, когда из Райты уходил, захватил с собой лыжи. Короткие, широкие — как раз пройти по глубокому снегу. Одну лыжу я где-то потерял, другая осталась. Попробую завтра из нее санки смастерить. В носке у лыжи дырка проверчена, веревка у меня с собой есть — можно будет волочить за собой. Тяжеловато, конечно, придется, но все лучше, чем гнуться в три погибели.

Гнома я подтащил поближе к костру. Он приоткрыл глаза, посмотрел мимо меня и снова не то заснул, не то просто не хотел ничего и никого видеть. Это и понятно — там, внизу, наверняка остались другие из его рода. Что же там у них случилось? Может, и землетрясение от них было? Почему гном

требовал, чтобы я ушел, и сказал, что все кончилось?

Так ничего и не поняв, я подбросил дров в костер и заснул. На этот раз — без снов.

...Следующие не то два, не то три дня я не запомнил. Я шел куда-то вниз, таща за собой наскоро сооруженную из толстых веток, единственной моей лыжи и веревок волокушу. С неба сыпался мелкий снежок, и чем ниже мы спускались, тем становилось холоднее. Пару раз мне удавалось подстрелить горных зайцев, тощих и поджарых. Гном вроде бы очухался, начал есть, но идти сам не мог — что-то у него с ногами случилось. Он по-прежнему молчал, и я тоже держал язык за зубами — на ходу особо не разговоришься.

Утром не знаю какого дня мы взобрались на Шепчущий перевал. В хорошую погоду я уже отсюда видел пушистые темные хвосты, поднимавшиеся из труб. Сегодня все было затянуто сеткой кружащихся снежных хлопьев, и, сколько я ни вглядывался, не разглядел ни единого дымка.

Почему-то мне казалось, что я ничего бы и не увидел...

Я так торопился вернуться, а сейчас неожиданно для себя остановился на седловине над моей деревней. Мне не хотелось идти туда, вниз. Просто не хотелось. Я был уверен — если я спущусь и войду в Райту, то никогда уже не стану собой прежним.

И все же я дернул санки за растрепанную веревку и медленно побрел по засыпанной снегом тропинке в долину.

Поселок никуда не делся. Темные очертания домов отчетливо просматривались сквозь мелькающую белую круговерть. Я вышел на берег Гремячей, мимоходом удивившись, отчего пересохла наша во все времена года бурная река. Не иначе, как в верхнем течении оползнем накрыло.

В черных срубах домов не горело ни единого огонька. Да и людских голосов не было слышно. Только тихий шелест падающего снега. Я уже знал, что случилось что-то непоправимое, что надо бы бежать отсюда сломя голову, но не мог.

Санки зацепились о что-то, замеченное снегом, и остановились. Я попытался перетящить их через преграду, не сумел и дернулся в сторону, разворачиваясь. Лежавшая на земле вещь показалась мне смутно знакомой. Я выпустил веревку, подошел к длинному темному камню и ладонями смел с него снег. Камень неожиданно оказался покрытым заиндевевшей шерстью.

Это был младший из мальчишек-оборотней. Мертвый. Он умер три, если не четыре дня назад. Не от удара камнем при землетрясении, а словно бы задохнулся... Он лежал, как упал — вытянув лапы и оскалившись, точно пытался догнать кого-то. Когда я до него дотронулся, волчонок был холодный и весь какой-то окаменевший.

Какое-то время я просто палился на труп маленького оборотня, не понимая, на что смотрю. Потом встал и побрел к близким домам. Я забыл в тот миг и про санки с гномом, и про мертвого волчонка. Только что видел — и позабыл.

Издали казалось, что с деревней ничего не случилось. На самом деле это было не так. Некоторые дома покосились, у других сорвало крыши и двери, третьи выглядели еле стоящими, будто вот-вот раскатятся по бревнышку.

А людей не было. Никого. Тишина, темнота и ни одной живой души.

Я прошел через всю Райту и, свернув, выбрался через проулок к нашему дому над рекой. Он оказался на месте. Только гляделся слегка завалившимся вбок. Я заглянул внутрь и зачем-то позвал: «Отец? Мама? Лив?...»

Никто не ответил. Дом стоял чужой, пустой и холодный. За несколько дней ветер нанес в распахнутую настежь дверь и разбитые окна снега.

«Конечно, они ушли! — неожиданно решил я. — Это ведь так просто! После землетрясения все ушли! Наверное, в Хезер. Я еще сумею их догнать!»

Ушли, да... Не взяв ничего из домов. Весь поселок собрался и, как один человек, отправился за пять лиг в Хезер. С маленькими детьми и еле живыми стариками. Пешком. Зимой. Да перестань нести чушь! Здесь что-то случилось. Что-то, от чего умер мальчик-волк и пропали все жители. И случилось это, похоже, сразу после того, как перестал сотрясаться Граскааль. Ведь дома остались целы, хотя и повреждены. Но куда, куда подевались люди?

Я не решился зайти в дом. В дом, где я вырос. Какой-то он теперь был другой. И вовсе не потому, что в нем три или четыре дня никто не жил. Мне показалось, что он... грязный, что ли. И вообще все здесь, в Райте, было грязным. Испорченным, траченным молью и плесенью. Ни до чего не хотелось дотрагиваться, а больше всего — удрать отсюда со всех ног.

Но куда разом сгинули все жители моей деревни?! На небеса вознеслись, к Митре?

Я еще немного потоптался на пороге ставшего чужим дома, не представляя, что делать. Внезапно вспомнил об оставленных санках и о трупке оборотня и решил — загляну в дом полуволков. Если и там ничего нет — пойду отсюда. Все равно куда. Только чтобы не бродить больше по пустому, словно вымершему от чумы, поселку.

Дом оборотней стоял, где и всегда — на пригорке, под древней, раскидистой сосной. И хозяева лежали здесь же. Все, до одного. Как мальчишка на окраине — задохнувшиеся в последнем прыж-

ке. Что странно — все они выглядели волками. Не людьми. Даже Старший, который никогда в жизни не превращался.

А за их жилищем, в пересохшей низине, где летом Гремячая разливалась в мелкое озерцо, темнел огромный провал в земле. Словно кто-то вывернул лопатой часть гранитной скалы, небрежно присыпал разлом землей, щебнем да снегом и ушел. Трещина, нелепо-черная на белом свежеевпавшем снегу, зигзагом пересекала бывшее русло реки, утыкаясь в нависающие над деревней горы.

Когда я увидел этот провал, у меня точно что-то в голове сдвинулось. Я понял, что все это мне не снится, не кажется — оно есть на самом деле. И, кажется, закричал. Наверное, я очень долго кричал. А с низкого неба все падал и падал мокрый снег...

Почему-то я был твердо убежден, что мне надо дойти до трещины в земле. Дойти и заглянуть вниз. Неважно, что я там увижу, мне надо это сделать.

Внизу не оказалось ничего интересного или необычного. Камни, смерзшийся песок, грязь, тающий снег. Здесь ничего не копали, просто земля просела и получилась эта странная и страшная трещина.

А шагах в десяти от нее лежал полузасыпанный снегом человек. Я сразу его не заметил, но, когда сообразил, что это — не сугроб и не запорошенный камень, бросился откапывать. Даже если он уже давно мертв, может, я пойму, что послужило причиной смерти. Не землетрясение же, которое сюда почти не дошло?

Человек лежал на спине. Я отгреб в сторону снег, перевернул его... и понял, что сейчас точно сойду с ума.

Не человек это был. И не оборотень. И не животное. Вообще не знаю что.

Она, эта тварь, была почти прозрачная. Внутри у нее виднелись свернутые кишки и еще что-то, темно-красного цвета. Вместо лица — какая-то жуткая мешанина, рот и нос съехались вместе, уши прижались к голове, глаза сузились до щелок, а зубы вообще куда-то пропали...

И все же эта дрянь когда-то была человеком. На ней остались лохмотья одежды, и ростом она была с человека, и руки-ноги у нее имелись. Хотя на руках выросли плоские кривые когти, еле заметно светившиеся...

Ел я давно, утром, и все равно стошнило. Прямо на эту падаль.

...Когда я приковылял обратно, гном сидел на санках и безучастно смотрел на опустевшую деревню. Кажется, он меня не заметил. Ну и неважно. Мне нужно было довершить кое-что, прежде чем отправляться в дорогу. Я обошел почти все дома, кидая внутрь подожженные тряпки, смоченные в масле. Бутыл с маслом я нашел в одном из сараев.

Над избами в дальнем конце Райты уже плыл черный дым, прорезаемый язычками разгорающегося пламени. Дома горели плохо, но лучше сжечь их, чем оставлять все как есть. В Асгарде мертвых не кладут в землю, а сжигают...

Это было единственное, что я мог сделать для моего поселка.

Во дворе какой-то избы огонь добрался до запасенных на зиму дров и радостно взметнулся, перебрасываясь на соседние дома.

— Пойдем? — неожиданно спросил гном, не глядя в мою сторону. Голос у него был усталый и равнодушный.

— Пойдем, — отозвался я. — Вот займется как следует — и пойдем...

Куда пойдем — я понятия не имел. Разве что в Хезер. Или напрямиком на Поля Мертвых.

* * *

Я плелся вверх по тропе, ведущей к перевалу и дороге на Хезер, и жалел об одном — что моя голова оказалась слишком крепкой. Если б я действительно тронулся умом — наверное, бы было гораздо легче. Кажется, что проще — пережить землетрясение в горах, вернуться домой, не найти там ни единого человека, а только тела оборотней и какую-то непонятную тварь — и свихнуться. Носился бы себе по окрестным горам, пугал коз дикими воплями... Глядишь, навернулся бы в трещину — и дело с концом.

А вместо этого я бреду почти по колено в снегу и волочу за собой эти треклятые санки, весящие не меньше двух-трех тяжелых валунов. И есть по-прежнему хочется. И спать. Да что же я за человек такой — родни лишился, а сам думаю, где бы пожрать раздобыть?

Обыкновенный человек. Эйвинд, сын Джохы, из более не существующей деревни Райты, что на Медвежьем холме близ Граскаала в Пограничье. Карбакаюсь вот по замеченной снегом дороге, тащу волокушу и думаю. Получается с трудом, но стоит прекратить — и снова вижу эту полупрозрачную дрянь. Тогда мне становится плохо, очень плохо. Вот и приходится быстренько забивать голову чем-нибудь другим.

Я старательно, но пока безуспешно ищу ответ на загадку — куда могли подеваться люди? Бесследно сгинули почти полторы сотни человек! Ну не может этого быть! Не может — и все!

Так. Попробуем разложить все по порядку. От того, что я буду вопить и метаться из стороны в сторону, никакого проку не выйдет. Значит, будем делать, как привыкли. Как распутывается след барса на снегу? Правильно, шаг за шагом, не забывая поглядывать по сторонам. Барс ведь может и не только по снегу пройти, но и по камням, а

следы все равно останутся. Надо лишь их заметить.

Жители Райты исчезли три или четыре дня назад. В этом я уверен. Наметенный в распахнутые двери снег, остывшие печи, брошенные на половине дела... Кстати, из деревни также пропали все домашние животные — собаки, коровы, даже кошки и, по-моему, крысы. И случилось это все после землетрясения — дома целы, и кое-где я заметил свежеположенные доски. Значит, сразу после того, как все оттремело, люди бросились латать расшатанные стены и крыши.

А потом над горами поднялась эта самая зеленая заря...

Ладно, забудем пока про зарю. Что могло стрястись сразу после землетрясения? Откуда появился провал рядом с деревней?

В нашествие демонов прямо из царства Нергала мне совсем не верилось. В сошествие посланников Митры — тоже. Не стоила, если честно, наша Райта ни того, ни другого. Просто деревушка, каких в любой стране двенадцать на дюжину.

Значит, боги и демоны тут наверняка ни при чем. Что тогда остается? Незаметно спустившиеся с гор и внезапно напавшие нордхеймцы или гиборийцы? Тоже как-то невероятно. Так подгадать момент просто невозможно. Да и если бы в деревне был бой, остались бы тела. Ну, хорошо, победители увезли своих убитых с собой, но неужели кто-то потащит с собой трупы побежденных?

Не может такого быть...

Что тогда? Общий исход всех жителей в Хезер? Невозможно, я об этом уже думал. Все погибли во время сотрясения Граскаала? Опять же, где тела?

И почему умерли оборотни? Почему они были в зверином облике, почему выглядели задохнувши-

мися? Почему лежали так, что любому становилось ясно — они от кого-то защищались?

Слишком много безответных «почему» на одну мою бедную голову...

А если у оборотней опять объявился Бешеный Вожак? Тогда понятно, отчего в деревне не осталось ни одного тела — волки всех уволокли с собой. Но убить своих, тем более детенышей? У оборотней, насколько я знаю, это считается самым большим преступлением, их ведь и так мало...

Я перебрал все возможные разгадки, и чем дальше, тем становилось поганее на душе. Если люди из Райты никуда не уходили, не умирали и на них никто не нападал — то волей-неволей все возвращается к странному зеленому зареву. Значит, это был не просто неизвестно откуда взявшийся свет над горами. Не отблеск солнца на поднявшейся над горами снежной взвеси и не причудливая игра света и теней. Зеленая разгорелась в той же стороне, что и моя деревня, но я не мог точно сказать, как далеко было от меня до зеленой вспышки.

И еще дохлая тварь, лежащая у провала... Не будь ее — я бы скорее поверил во внезапное и стремительное нападение, после которого в деревне не оставили ни единой живой души. Но я собственными глазами видел это жуткое существо, чем-то еще напоминавшее человека. Оно тоже было мертвым и, как и оборотни, умерло три-четыре дня назад. На этом существе не было ни следов ударов, ни ран, оно просто почему-то умерло. Откуда оно взялось? Пришло с гор? Вылезло из провала в земле?

А если оно ниоткуда не приходило?

От такой мысли я даже остановился. Тварь не приходила, она всегда жила здесь. Как один из мирных обитателей деревни.

Тогда почему же из человека получилось... вот такая мерзость? Или наоборот — как такая дрянь могла скрываться в облике человека?

Еще немного — и я заорал бы прямо в нависшее над утрюмыми горами небо с непроницаемой пеленой сизых туч: «Что случилось в Райте?! Кто-нибудь, да скажите же — что произошло в моем доме?»

Конечно, никто бы не ответил. Но вдруг? Есть же хоть какая-то справедливость в этом мире? Чем провинилась наша деревня, что кому-то понадобилось сотворить над ней подобное?

Сотворить?

Я все еще стоял, уставившись куда-то вверх, на гребень уже близкого перевала и серые облака над ним.

Сотворить...

За цепью Граскаала в полуночных землях лежит страна Гиперборея. Там правят колдуны, Круг Белой Руки. Всем известно, что сильнее всего их заклятия действуют на мертвую плоть и холод.

А что, если это тамошние колдуны что-то наслали на нас? Что-то, заставившее людей покинуть дома и отправиться неизвестно куда и убившее оборотней, рискнувших не подчиниться?

Ой, нет...

Что же мне тогда делать? Вернее, что же теперь будет? Что же теперь будет со всеми нами? А если Райта — только проба сил?

Но тогда чего же я стою? Мне нужно в Хезер. Мне надо как можно быстрее добраться в Хезер. Там люди, живые люди, там скоро соберется ярмарка... А вдруг я приду и увижу то же самое — пустые, брошенные дома и больше ничего? Пустые лишь потому, что я не успел вовремя?

Всего несколько дней назад все было так спокойно... Единственное, о чем мне стоило тревожиться,

— как бы не влетело от отца за ничегонеделанье. А теперь на месте моей деревни — призрак Райты, и где мои родные — неизвестно. Может, их и на свете больше нет...

Но зато я твердо знал о себе одну вещь. Если я выясню, кто виновен в гибели нашей деревни, — я убью его. Чего бы мне это ни стоило, и кем бы ни был этот человек. И пускай я еще ни разу в жизни не держал в руках боевого оружия — неважно. Научусь драться. Я разыщу этого человека или людей. Отыщу хоть на краю света и прикончу.

На перевале я оглянулся. Вечерело, однако полыхающий в долине огонь был виден издалека. Пламя охватило почти все дома и радостно рвалось вверх. Погребальный костер для умершего поселения, где не осталось людей. Для маленькой, забытой всеми деревушки под названием Райта.

* * *

Шел я до самой темноты. Даже не слишком понимая, куда иду. Остановился, когда с размаху влетел в какие-то обледеневшие кустики и запутался в них. Оказалось, что вокруг уже настолько темно, что я не могу понять, куда это меня занесло. Пришлось ночевать прямо посреди этих жалких кустиков, из которых приличного костра не разложить, не то что согреться или укрыться от ветра.

А задувало изрядно. Холодный ветер с полуночи все время гасил мой костерок, швырялся пригоршнями твердого, сухого снега и норовил выдуть последние остатки тепла. Наверное, на всю округу было слышно, как я стучал зубами.

Гном молчал. Я уже начинал думать, что как раз вот он-то и сошел с ума. Молчит и молчит, смотрит куда-то прямо перед собой. Не поймешь. Вроде он и не мерзнет на такой холодине. Спро-

сишь: «Хочешь есть?», кивнет головой — мол, хочу. Не спросишь — так и будет сидеть, паяться на снег. Словно не живой человек, а чучело какое-то. Нет, мне, конечно, жаль его. Только вот тащить за собой эдакий груз по всем встречным кочкам и ухабам — мало радости...

Утро выдалось паршивое. Холодное, с низкими тучами, почти разлегшимися над горами. Жди снегопада, да не простого, а с ветром. Только бы не буран, а то конец нам обоим. Закружит, заметет и костей не найдешь. А мне обязательно надо добраться до Хезера. Я это все время себе повторяю, чтобы не забыть и не думать больше ни о чем. Дойду до Хезера, расскажу всем, что случилось, — а дальше будь что будет.

Оказалось, я вчера с размаху проскочил через перевал и в сумерках взял выше, чем нужно. Впрочем, дорога на Хезер все равно была завалена каменными осыпями. Придется мне обогнуть бывшую дорогу с полуночи, а уже потом свернуть и выйти в холмы. Так, в общем, даже короче выходит. Ну и что, что через горы? Пройду.

К середине дня я уже проклинал себя, Граскаль, тяжелые санки и вообще все, что попадалось на глаза. Из-за обвалов мне приходилось забираться все дальше и дальше к полуночи, а набухшие тучи прорвались бешеной снежной круговертью. Вскоре мне пришлось честно признаться — я не знаю, куда иду. В горах это — самое худшее. Если потерял дорогу — лучше остановись, укройся где-нибудь, пережди. В такую метель запросто можно нырнуть вниз головой в бездонную пропасть или загреметь вниз по камнепаду. Вдобавок из-за этого треклятого землетрясения теперь все не на месте.

Я бы спрятался, но где? Вокруг надрывно свистел и бросался снежными хлопьями ветер, и все, что я видел — близкую каменную стену, уходяв-

шую куда-то вверх. Я забрел в какое-то незнакомое ущелье и понятия не имел, где в нем можно найти хоть какое-то укрытие.

Метель швырнула мне в лицо град холодных колючих снежинок. Стоять на месте было без толку. Стой — не стой, лучше не станет. Пойду осторожно вперед, может, наткнусь на какую пещеру.

Гном на санках зашевелился. Иногда он действительно садился, и я уже начинал надеяться, что все обошлось и он опомнился. Но стоило посмотреть на него — и все становилось ясно. Ему просто что-то мерещилось. Однако сейчас он сумел неуверенно сесть и стал оглядываться по сторонам. Я подошел и присел рядом, загораживаясь от ветра.

— Ты чего? Сейчас передохну и дальше пойдем. Лежи.

— Где мы? — вполне здравомысляще спросил он.

— Понятия не имею, — честно сказал я. — Где-то над дорогой в Хезер. Метет здорово, но ничего, выкарабкаемся...

— Неправильно идешь. — Кажется, он даже не услышал, что я ему говорю. — Не идти надо, прятаться. Впереди через два раза по сотне шагов — развилка. Иди налево вверх, там пещера.

Я промолчал о том, что эту пещеру могло давно завалить и что я вряд ли сумею в такую круговерть отсчитать два раза по сотне шагов. И о том, что пещера могла присниться ему в очередном страшном сне. Просто молча кивнул и затопал вперед, пытаюсь считать шаги и пережидая внезапно налетавшие порывы ветра со снегом.

Примерно через двести шагов стена оборвалась и я разглядел тропинку наверх. Я успел взобраться по ней, прежде чем ветер окончательно взбесился, перемешав вместе небо, горы и снежные хлопья.

Пещера, как ни странно, оказалась там, где говорил гном. Длинная пещерка с низким входом

и карнизом шириной в пару шагов перед ним. Внутри хватило бы места человек на десять, а в глубине обнаружилась пара вязанок хвороста. Правда, он изрядно подгнил, но развести костер из него было можно. Снаружи раздавался вой бурана, скалы иногда вздрагивали от ударов разошедшегося ветра, и было невозможно понять — день сейчас или ночь.

А внутри тела горы было тепло и даже почти уютно. И неважно, что сидеть приходилось на острых и холодных камнях. Горел, негромко потрескивая костер, на котором жарились остатки козлятины и зайчатины, и мне иногда казалось, что ничего не случилось. Не было никакого землетрясения, и Райта стоит на своем исконном месте, а меня просто застал буран, и я переживаю его, чтобы потом вернуться домой. Тогда я смотрел на молчавшего гнома и повторял себе, что больше ничего не будет, как прежде. Согласится ли кто-нибудь в Хезере пустить меня жить у себя? А если нет, что скорее всего и будет, куда мне податься? И вдруг уже никакого Хезера нет?

— Зря ты это сделал. — Голос гнома прозвучал настолько неожиданно, что я вздрогнул. Подгорный житель неотрывно смотрел в пламя разведенного в углу пещеры костра и говорил спокойно, даже чуточку равнодушно. — Не стоило тебе меня спасать.

— Почему? — несколько растерянно спросил я.

— Ведь это по нашей вине случилось... все, — он медленно поднял руку и обвел пещеру кругом.

— Землетрясение? — на всякий случай переспросил я. Вот, значит, оно как... Значит, это гномы растолкали спавших под горами великанов? — Это сделали вы?

— Наверное, — с трудом выговорил гном. — Мы... — Он надолго замолчал, и я решил, что сейчас

он опять заснет. Однако он заговорил, и спросил совсем о другом: — Куда ты хочешь добраться?

— В Хезер, — буркнул я. — В большую деревню на Гиперборейском тракте.

— Я знаю это поселение людей, — кивнул гном. — А куда пойдешь потом?

— Не знаю. — Мне почему-то стало совсем тоскливо.

— Мне нужно в столицу, — непререкаемым голосом заявил гном, и я озадаченно посмотрел на него. — Ты поможешь мне?

— Зачем тебе в столицу? — не понял я.

— Поговорить с вашим правителем, — неспешно ответил гном. — Я должен рассказать ему кое-что. А потом могу умереть.

— Умереть? Зачем тебе умирать? — Я окончательно растерялся. Нет, я понимал, что необходимо доставить гнома к нашему королю — он наверняка знает что-то о случившемся под горами, но к Нергалу-то чего торопиться? Все там будем, рано или поздно...

— Никого больше не осталось, — отстраненно проговорил гном. — Из клана Фрерина никого нет в живых... Значит, мне тоже незачем жить.

— Но ведь не все же ваше племя погибло! Кто-нибудь наверняка спасся! — Я попытался убедить его, но гном меня не слышал. Он сказал все, что считал нужным, и снова замкнулся в себе.

Я попытался выпросить у него, что же стряслось под Граскаалем, что растревожили гномы, но не услышал больше ни слова. Что ж, придется из Хезера как-то добираться в столицу. Главное — чтобы гном не умер по дороге. Или он точно решил дожить до встречи с королем? Ну хорошо, как-нибудь я смогу привезти его в столицу, но я совершенно не представляю, как можно увидеть короля... Ладно, потом разберемся как-нибудь. Нам бы сейчас уцелеть.

Мы просидели в пещере остаток дня и всю ночь. Наутро буран улегся. Я выбрался наружу и огляделся. Вокруг было тихо до звона в ушах и бело. Пещерка лепилась к краю скалистого обрыва (и как я вчера в темноте и под таким ветром с него не сверзился?), внизу было ущелье и какое-то строение. Большое, непроглядно-черное, с парой высоких башенок по бокам. Мне оно показалось на редкость мрачным и неприветливым.

Неподалеку от пещеры торчал высокий камень, черный с красными прожилками. Было похоже, что его специально там установили. То ли знак какой, то ли вежа для путников.

Я забрался обратно в пещеру, развел из остатков хвороста костерок и спросил у гнома, не знает ли он, что это за камень и что за здание громоздится в конце долины. Я не ждал, что он отзовется, но получил ответ:

— Черный дом — брошенный храм какого-то старого бога. Камень — могила. Под ним лежит женщина, погибшая в этом храме. Три года назад люди и хирд гномов уничтожили здесь стаю бешеных оборотней.

Вот, оказывается, где это случилось... Я бы выспросил еще что-нибудь, но гном явно исчерпал запас слов на сегодня.

Буран смел часть снега, и идти стало гораздо легче. Вскоре я уже смог прикинуть, куда забрался, и свернул вниз, к холмам. Перевалил через низкую каменную гряду, спустился вниз и нырнул под тяжелые еловые лапы, покачивающиеся под навалившимся на них снегом.

В лесу было тепло. Идти, правда, тяжело — под деревьями снегу намело по колено, а то и выше. Потом я выбрался на дорогу, но и там было не легче — вчера ее хорошо засыпало. До Хезера оставалось около трех лиг. Если повезет — к вечеру дойду.

Я шел и шел, везя санки и глядя по большей части себе под ноги. Мимо проплывали заснеженные ели, волокуша с каждым шагом становилась все тяжелее и тяжелее... Я понял, что вымотался до предела, но мне нужно было дойти до деревни. Там я смогу упасть и больше не вставать.

До меня не сразу дошло, что за мной уже довольно долгое время кто-то идет. Под осторожными шагами тихо похрустывал снег, пару раз до меня долетел приглушенный вздох. Преследователь особенно не скрывался, и в другой день я бы давно его услышал. Но не сегодня, когда все, о чем я думал, — как бы не упасть.

Это мог быть кто угодно. Может, грабитель, решивший поживиться за счет одинокого путника. И все же я остановился и оглянулся, на всякий случай потянувшись за ножом.

Шагах в пяти от меня стоял здоровенный волк. Седовато-серебристая зверюга с широко распахнутой пастью, из которой вывалился красный длинный язык. Волк ничего не делал, просто стоял и глядел эдак оценивающе. Затем переступил с лапы на лапу и сделал крохотный шаг ко мне.

Ну почему все шишки валяются именно на меня? Откуда принесло этого пса-переростка? Если волк сейчас прыгнет, то наверняка собьет меня с ног...

Волк приблизился еще на шаг. Толстый пушистый хвост поднялся вверх и качнулся из стороны в сторону. Затем еще раз. Он что, издевается? Хвостом виляет, прежде чем вцепиться?

В густой шерсти на груди зверя что-то ярко блеснуло. Цепь. Толстая золотая цепь с красными камешками.

И тут я не выдержал. Сел прямо на дорогу и остался сидеть. Волк с цепью на шее преодолел последний шаг между нами, ткнул в меня холодным черным носом, тщательно обнюхал, затем

подошел к лежавшему на санках гному, обнюхал его тоже и, видно, что-то уяснил для себя. Покрутился рядом, поднял зубами брошенную мной веревку от волокуши и попытался сдвинуть санки с места, кося на меня яркими синими глазами.

Волк, тоже мне... Можно было сразу догадаться. Оборотень, он и есть оборотень.

ДОКУМЕНТ

Лист дневника путешествия Хранителя путевых карт королевства Аквилонского Евсевия Цимисхия в земли королевства Пограничного и горы Граскаальские, кои королевство помянутое от земель Гиперборейских отделяют

«...По прошествии же двух месяцев после деяний славных, свершенных королем нашим Конаном I в провинции, лежащей на полночь и восход от Тарантии, вновь снарядился я в путь, ибо немало есть еще краев и государств в Хайбории, где я не бывал, и вскоре прибыл в пустынную и суровую страну, истари именуемую королевством Пограничным.

Страна сия находится на полночь и восход от Гандерланда, а от Киммерии на восход и вершинами, имя носящими по стране сей Киммерии данное, крутыми и высокими вельми, от оной отделена. Земли здешние (королевства Пограничного) унылы и бедны, почвы же засолены обильно, что для возделывания хлеба и иных плодов и злаков представляет затруднение великое. По той же причине нет здесь и лесов широколиственных, как в Аквилонии или полуденном королевстве Зингарском, но только густые рощи сосновые произрастают там, где воды свежей толика обнаружится. На полночь же земля сия также горами

окружена высоты замечательной, именуемыми Граскаалем, кой частью хребта Эйглофиатского является. За сим неодолимым хребтом на полночь лежит страна Гиперборея, о коей в прежних сочинениях моих и трудах писано подробно весьма.

В сих горах селятся люди в деревнях малых, дома же их сложены из грубого камня и дерева, а еще делают они хижины из прутьев и веток и обмазывают глиной оные, и там содержат овец и коз своих и живут сами.

А горы те преизобильны многими рудами и камнями самоцветными, и оттого гномы, паки до богатств сих жадны, обитают в пещерах подгорных во множестве.

И се, в осень года 1288 посетил я горы сии в сопровождении правителя помянутого королевства Эрхарда, начальника стражи дворцовой Веллана и слуг их, направляясь к поселению, именуемому Хезер, и был очевидцем событий престранных, в сравнении с коими чудеса стран на полдень и восход лежащих меркнут и умаляются весьма. И мнится мне ныне, что таинства и дива земель полных вельми заманчивее и удивительнее, и тому рассказ мой порукою и свидетельством послужит.

Ввечеру, будучи в виду высочайшей части гор Граскаальских, расположившись станом и предполагая уже отойти ко сну, любуясь на вершины, лунным светом осиянные, наблюдал я, как взметнулись в единый миг над скалами сими острыми вдали, что, как дошло до нас позже, великим благом было, фонтаны огня зеленого на высоту превеликую. Пламя сие яркостию и блистанием премногим отличалось, разум восхищая и взгляд радуя. По прошествии же времени дошел до слуха нашего грохот престрашный и треск оглушительный преизрядно. Почва же под стопами нашими еще ранее того содрогнулась, и дрожь сия, не унимаясь

нимало, длилась долго весьма. Пламя же извержение свое из недр горных продолжало, и в чем была причина сего, того никто из нас не ведал вовсе. А форму имело оно фонтанов, и дерев с кроною раскидистой, и столпов, и колонн, и колес крутящихся, и иные многие, кои каждому разумение его и воображение подсказывали. И красота зрелища одного вельми прельстительна была. И се, отсиявши и отгремевши, исчезло пламя то, в глубинах земных сокрывшись и почив.

Король же Эрхард, после исчезновения пламени дар речи вновь обретя, мысль изрек сколь разумную, столь же и печальную о том, что по причине сотрясений и взрывов пламени сильных и жестоких ущерб селениям горным нанесен будет тяжкий весьма.

И было по словам его, ибо следующими днями, отыскав короля своего, гонцы прибыли и рекли, яко пять деревень обвалами, в горах происшедшими от сотрясений и корчи земной, сметены, и людей в них погибло до трех сотен и еще пятидесяти человек, и разрушения претрашные на дорогах горных и мостах причинены. А еще явились от владык гномых посланцы и рекли, яко в селищах подгорных события сии к последствиям прегорестным привели, ибо пещер обрушено было преизрядно и сокровищ ценных, и гномов заживо под землю, а ино запасов жидкости горючей, и угля погребено и пламенем подземным зеленым, и припасов горючих от одного возгоревшихся, пожжено, и сие превеликой жалости достойно...

Свидетельствую и руку к сему приложил
Хранитель путевых карт
королевства Аквилонского
Евсевий Цимисхий.

Глава четвертая ЭВИСАНДА, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии
28-й день первой осенней луны, 1288 г. Полдень и далее

«...Порой судьба выбирает в качестве вестников, долженствующих сообщить о ее решениях, либо весьма необычных существ, либо самых заурядных. И в том, и в другом случаях люди часто не в силах предугадать, какие последствия грянут за полученными ими известиями, а потому поступают так, как подсказывает благоразумие — то есть не предпринимают никаких действий, ожидая не то наития от богов, не то подсказки со стороны. Для Аквилонии подобными вестниками послужили мелкопоместный дворянин из Гандерланда и его слуги, доставившие ко двору короля невиданного доселе зверя, со многими опасностями изловленного ими на границах земель Ямурлака, и несколько гонцов, посланных лазутчиками в Немедию и принесших странные и пугающие слухи...»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

— Эви, отвяжись ты от меня... Спать хочу. И это — ответ на все старания! В конце концов мне требовалось не столь уж и много — всего лишь капелька внимания. Кажется, я так и не добьюсь желаемого. Осуждающие и многозначительные взгляды успеха не имели — очень трудно заметить чей-либо взгляд, если отвернуться от собеседника, да еще накрыть голову подушкой. Но я с детства отличалась упрямством, а потому сделала вторую попытку:

— Ваше Величество, а не угодно ли...

— Не угодно! — приглушенно донеслось в ответ. — Иди погуляй в саду! Или где-нибудь еще! Только уйди отсюда!

— Фи, какой грубиян, — вздохнула я, усаживаясь на краю огромной постели. Ну хорошо же, варварская душа, у маленькой Эви отыщется замечательный способ заставить тебя уделить мне немного твоего драгоценного времени. Сам напросился, незачем было делать вид, будто меня здесь нет!

— Между прочим, о мой повелитель, — небрежно сообщила я, — герцог Просперо, выпивший вчера не меньше тебя, проснулся с первой стражей и уже...

Договорить мне не дали. Упоминание о герцоге, как я и рассчитывала, подействовало безотказно — из-под подушки появилась всклокоченная черноволосая голова, и Конан нетерпеливо осведомился:

— Ну? И что — уже?

— Герцог Пуантенский... — вкрадчивым кошачьим голосом продолжила я, — недавно заходил сюда, убедился, что разбудить тебя невозможно, и отправился делать то, чем должен заниматься ты...

Кстати, это было правдой. Пуантенец действительно заглядывал незадолго до десятого послепо-

луночного колокола, издевательски-учтиво пожелал мне доброго утра и пригласил к завтраку. Я ответила, что, если мне не удастся разбудить короля, то никакого завтрака не состоится, да и обеда, пожалуй, тоже. А виновных в этом печальном обстоятельстве далеко искать не надо. Кто вчера превратил мирный ужин в разгульную пьянку? И я совершенно правильно поступила, что ушла, не дожидаясь, пока загулявшую компанию посетит очередная сногшибательная идея и они примутся ее осуществлять...

— Это что же? — нарочито суровым голосом осведомился король, приподнимаясь на локте. — Утешать некую хорошо знакомую мне светловолосую красавицу, маящуюся одиночеством?

Очень остроумно. Иштар Великая, когда же он уразумевает, что мне вполне хватает его одного! Я же не враг себе, чтобы строить глазки кому-либо еще... давая тем самым повод Его Величеству выставить меня за дверь, а придворным — животрепещущую тему для сплетен на ближайший месяц.

— Господин Просперо занят важными государственными делами, — сердито сказала я. — И прекрати ревновать!

На лице короля выразилось плохо скрываемое отвращение и он снова рухнул на кровать. Зря я с утра упомянула «важные государственные дела». Знаю же, что нынешний правитель Аквилонии ненавидит это занятие больше всего на свете. Возня с многочисленными бумажками наводит на Конана беспросветную тоску, а прогоняет ее король единственным хорошо известным ему способом — устраивает почти каждый вечер «малый прием» для друзей. Последствия таковых приемов налицо — похмелье, головная боль, нежелание разговаривать, вставать и вообще жить... Может, рискнуть и намекнуть

Его Величеству, что стоит уменьшить количество ежевечерних возлияний, и что сорок лет — отнюдь не двадцать? Никто ведь не спорит, что король способен перепить любого из придворных, и совсем не обязательно это всякий раз доказывать!

— ...Эви, ты все еще здесь? — вывел меня из задумчивости страдальческий голос. — Вот и хорошо. Сделай доброе дело — спаси аквилонскую монархию. Принеси пива, а? Лучше светлого.

Мне осталось только горько вздохнуть, встать и, как верной подданной, отправиться выполнять свой долг перед государством и его правителем. Выказывать свое мнение о подобном способе справляться с утренней головной болью я не стала — все равно не послушает.

Вечно у меня все не так, как у нормальных людей. Правильно говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой». С первым мне повезло, а второго что-то совершенно не замечается. Муж — безответная тряпка, какого-никакого положения в столице я добилась сама. Да только много ли оно стоило, это положение при дворе старого полубезумного короля? Что со мной случится завтра — я даже не загадываю.

— Ну за что мне такое наказание? — спросила я у мраморной львиной маски на стене.

Разумеется, ответа я не дождалась. Впрочем, я прекрасно знала его — сама виновата, дорогая. Решила поиграть с огнем — теперь не жалуйся.

Вот я и не жалуюсь. Другая бы на моем месте давно возмутилась — мол, я не служанка, чтобы бегать туда-сюда, а я помалкиваю. Именно поэтому многочисленные юные, не слишком умные особы, пытающиеся исподтишка избавиться от меня, так и не достигли успеха.

Конечно, мне пришлось кое-чем пожертвовать и многое потерять, но за любой успех приходится

платить. Я выполнила требование моего благоверного, раз в жизни набравшегося достаточной смелости и решившегося возразить против моих поступков, — покинуть его добропорядочный дом и не пятнать своим недостойным поведением его безупречную репутацию. Я переживу и злорадные шепотки за спиной, и прозвище «Ночная королева», и произносимое вполголоса «варварская подстилка». И смирюсь с тем, что все мои знакомые теперь либо предпочитают не замечать меня, либо прозрачно намекают — не могла бы я замолвить за них словечко-другое?

Впрочем, насчет своих знакомых я не заблуждалась с самого начала. Люди, постоянно обитающие в королевском дворце — особенно в таком огромном и запутанном, как Тарантийский, — давно создали свой обособленный мирок, с раз и навсегда установленными правилами, неписаными законами и уложениями. Выбившийся наверх всеми правдами и неправдами обязан тянуть за собой всех имеющихся родственников. Фаворит или фаворитка правителя должны оказывать покровительство всем, кто хоть чем-то помог им в достижении цели. Открыто выражать свое мнение — дурной тон... И так далее до бесконечности.

Я пренебрегла большинством этих требований. Видимо, сказалось влияние короля, которому вообще нет дела ни до каких местных порядков и всей нашей мышины внутри дворца. Его куда больше интересуют дела страны, столь необычным способом доставшейся ему нынешней весной, общество его друзей... и немного — я. Спасибо и на этом.

В конце концов, невелика трудность — спуститься на этаж вниз и заглянуть в малую кухню. Там уже успели изучить королевские привычки, а по-

тому мне даже ждать не приходится. С ледника торопливо притаскивается бочонок, часть содержимого переливается во вместительную кружку, каковая торжественно вручается мне. Можно с чистой совестью идти обратно.

Сегодня я решила слегка отомстить Его Величеству за небрежение ко мне. Кружку я выбирала сама, и сосуд, который мне приглянулся, изображал странное пузатое существо на кривых ножках. Существо жизнерадостно ухмылялось во все четыре имевшихся зуба и сжимало в поднятой лапке подобие бутылки. Не представляю, кто это мог быть, но чем-то веселый уродец мне понравился. Интересно, а король разделит мое мнение? Вот и узнаем...

Иногда меня так и подмывает сыпануть в утреннюю опохмельную кружку чего-нибудь безвредного, но достаточно противного на вкус. Говорят, есть какое-то кхитайское средство, очень способствующее отвыканию от привычки к горячительным напиткам. Только, если таковое снадобье действительно существует, мне понадобится целый мешок. И, наверное, не один...

Когда я вернулась, меня встретили очень серьезно заданным вопросом:

— Эви, а ты не помнишь, что мы такое вчера отмечали?

— Годовщину разгрома на холмах Либнум, — съязвила я. Вообще-то на холмах Либнум, что в Шеме, никогда не происходило ни единой битвы. Там выращивают лучший из известных сортов винограда, а вчерашнее сражение с шемскими винами было безусловно проиграно.

Моего намека не поняли. Король озадаченно посмотрел на меня, почесал в затылке и решительно заявил:

— Нет, что-то другое... Случаем, не день рождения Паллантида?

— Его вы праздновали в прошлом месяце, — напомнила я. — И мне помнится, что все вчерашние речи велись о каком-то недавно купленном доспехе... Кстати, мой король, вот твое пиво.

Я поставила поднос с кружкой на кровать и очень вежливо осведомилась:

— Как только можно пить такую гадость?

— Много ты понимаешь... — долетело до меня в кратких промежутках между торопливыми бульканиями.

Столь жуткий способ борьбы с головной болью, как ни странно, оказался действенным. Ибо, опустив сосуд, король заинтересованно оглядел оловянного уродца, хмыкнул и уже нормальным голосом поинтересовался:

— Издеваешься?

— Да, — честно призналась я. — Высказываю дерзостное неуважение к монархии. Готова претерпеть любое наказание, только не велите казнить, Ваше Величество. Я этого не переживу.

— Любое, говоришь? — задумчивым и не предвещавшим ничего хорошего тоном протянул король. — Сейчас проверим...

Вот так. А дела государства и трона вполне могут подождать. И наплевать на все прозвища, которыми меня награждают. Это от зависти...

Наверное, самое тяжелое занятие в мире — быть королем. Ведь едва любому правителю захочется немного порадоваться жизни, как, точно по какому-то нерушимому закону, обязательно стрясется что-нибудь, требующее его немедленного присутствия.

— Кого принес Нергал?! — Мне показалось, что я сейчас оглохну от такого яростного рева, последовавшего в ответ на тихий, но настойчивый стук. Еще хорошо, что в королевскую опочивальню никто не вламывается запросто. Хотя стучат...

Дверь слегка приоткрылась, и в щели появилась физиономия Юсдаля-младшего. Все. Праздник для маленькой Эви не состоится. Если королевский летописец заявляется с самого утра, значит, во дворце случилось что-то серьезное.

Король глубоко и ошибочно убежден, что младший из рода баронов Юсдалей — самое бесполезное существо во дворце, содержащееся лишь в качестве уступки придворным условностям: раз нужен хранитель библиотеки, то пусть он будет. Я же точно знаю, что молодой Юсдаль прекрасно осведомлен о всех дворцовых делишках и ему известно гораздо больше, чем кажется окружающим. Уроженцы Гандерланда по большей части относятся к числу людей, именуемых «себе на уме», и Хальк не является исключением. Я отлично понимаю, почему недавно он отказался сменить свою возню с пыльными свитками и рукописями на столь выгодное и лестное предложение короля перейти в Черные Драконы — личную королевскую гвардию. Гвардия — это, конечно, прекрасно, однако возможность всегда быть в курсе дворцовых интрижек намного притягательнее. Король же счел, что Хальк свихнулся на своих книжках.

А драться Хальк умеет отнюдь не плохо (так же как и делать все, за что он берется) — в искусстве боя на холодном оружии я, как и положено всякой аквилонской дворянке, немного разбираюсь. Но для большинства придворных он не более чем жизнерадостный молодой человек из хорошей семьи, в последнее время пользующийся благосклонностью короля.

Кстати, я уверена, что кличка «Ночная королева» приклеилась ко мне именно с его легкой руки...

— К вам можно? — сделав невинную мину, спросил Хальк, хотя точно видел, что сейчас нас лучше

оставить наедине. — Надеюсь, я не помешал? Доброе утро, госпожа Эвисанда...

— Помешал! — грозно сказал король. — Не видишь — люди заняты.

— Важными государственными делами, — благочинным голоском добавила я, натянув на себя покрывало. А что еще оставалось делать? Только поддерживать сложившуюся легенду о легкомысленной, ехидной и беспечной госпоже Эвисанде.

— Ваше Величество, — не смутившись, начал Хальк и, раскрыв дверь пошире, шагнул в комнату. — Тут события...

События? Под этим словом может крыться все что угодно. Начиная от войны с Немедией и заканчивая ведром краски, пролитым на трон. И кому только пришло в голову затеять этот ремонт?

— Говори, только быстро, — приказал король, несколько виновато покосившись на меня. Я пожалала плечами — мол, не сегодня, так в другой раз.

Хальк смиренно опустил глаза, а потом и вовсе отвел взгляд в сторону. Разумеется, лицедрет правителя страны в подобном виде не слишком позволительно. Я немного не рассчитала, полностью завладев всем куском шелковой ткани, выполнявшим роль покрывала. На королевскую долю ничего не осталось. Обойдется.

— Мой король, там привезли зверя, — покраснев, пробормотал Хальк. — Барон Омса из Лингена в Гандерланде...

— Какого зверя? — не понял король, а я настояла ушами. — В Гандерланде, кроме волков, кабанов и оленей, ничего нет. Твой барон что, притащил венпря к моему столу?

— Гораздо хуже, Ваше Величество, — помотал головой Хальк. — Они поймали зверюгу на грани-

цах с Ямурлаком. Я не знаю, что это за животное. Барон твердит, что покажет его только королю... Слуги Омсы сплетничали, будто зверье начало разбегаться из Ямурлака, а возле поместья Уорвик видели голубого лысого медведя...

— Ямурлак?

При этом коротком слове короля подбросило с постели, словно пружиной. Ничего себе началось утречко!..

Вообще-то для человека, всю жизнь занимавшегося странствиями из страны в страну, а также энергичным участием в делах, признаваемых законами любого государства за наказуемые либо долгим пребыванием в тюрьме, либо немедленной казнью на месте, нынешний правитель страны вполне прилично справляется со своими обязанностями. Впрочем, он от природы обладает необходимыми для любого государя способностями — врожденным здравомыслием и умением находить подходящих людей. Чем был тот же герцог Пуантенский при Нумедидесе? Всего лишь правителем вечно недовольной и бунтующей провинции, не знающим, как сложится его судьба завтра.

И за несколько прошедших месяцев в Аквилонии случилась странная вещь — слово короля снова стало законом, а управители провинций предпочли выполнять приказы из Тарантии, а не распоряжения местных баронов. Разумеется, не обошлось без вооруженных стычек и казни нескольких заводил. Впрочем, Сурпи и Кимолос Боссонец вполне заслуживали того, что с ними случилось...

Единственная земля королевства, оставшаяся неподвластной правителю, — Боссонский Ямурлак. Впрочем, участок непролазных лесов, край диких скал и тихих озер, лежащий у истоков Громовой реки, никогда не был местом, где жили люди.

Предки безвременно усопшего Нумедидеса за несколько столетий не сумели заставить подданных поселиться даже к границам Ямурлака. Сигиберт, заслуженно прозванный современниками Воинственным, пытался лет двести назад силой захватить этот край, но не преуспел. Говорят, будто за невидимой волшебной стеной, ограждающей этот край, величиной с графство Шамар, живут одни нелюди. Гарпии, громадные пауки, василиски... Бр-р!

— ...Ямурлак, ваше Величество, — подтвердил Хальк, отвернувшись в сторону, чтобы не смотреть, как король торопливо одевается. — Я думаю, государь, интересен не столько зверь, сколько рассказ барона Омсы. Если стена, ограждавшая страну нелюдей, рухнула, то может возникнуть угроза полуночным областям королевства... Я не говорю, что опасность представляют звери. Скорее всего, возмутятся дворяне и местные вилланы, потребовав от короля навести порядок. А всем известно — боссонским ярлам только дай повод возмутиться против владыки из Тарантии...

— Погодите, погодите, — возмутилась я, когда король застегнул пряжку на поясе и потянул Халька за собой к двери. — А я?

— А тебе что там делать? — недоуменно спросил король. — Спи дальше.

— Как что? Я тоже хочу посмотреть! — обиженно сказала я. — Никуда ваш зверь не убежит. Неужели трудно подождать пару мгновений?

— Желание дамы — закон, — очень серьезно сказал Хальк. — Конечно, госпожа Эвисанда, мы подождем. Кстати, Ваше Величество, герцог Пуантенский просил тебя зайти — у него лежит письмо от хранителя казны города Танасула. Недобор налогов на двадцать пять тысяч золотых, и надо решить вопрос о...

— Заткнись,— прикрикнул на Халька король.— Вы здесь что, сговорились прежде времени свести меня в могилу? Пускай герцог сам решает, как решать! Просперо что, надеется, будто король возьмет меч и сам пойдет выбивать налоги из купцов?

— Ах, государь,— спокойно сказал Юсдаль.— Говорят, раньше именно так ты и поступал. Только именовалось это не выбиванием налогов, а чуточку более неприглядно...

Интересно, до каких пор король собирается терпеть бесконечные и разнообразные шуточки летописца по поводу прошлых приключений нынешнего правителя Аквилонии?

— Поступал,— кивнул король.— Можешь считать, что я готовился к нынешним временам.

— Ты всегда был предусмотрительным человеком, мой король,— едва заметно усмехнулся Хальк.

С этим я была полностью согласна. Однако необходимо выставить эту парочку из комнаты, а то они могут препираться до бесконечности...

— Подождать меня вы можете и за дверью,— намекнула я.— Но учтите, если удерете — я очень обижусь.

Король и летописец все же соизволили поторчать в коридоре, ожидая, пока я натяну платье и на скорую руку приведу в порядок прическу. Правда, когда я выскочила из комнаты, меня наградили красноречивым взглядом, означавшим: «Все женщины — невероятные лентяйки...»

Мы вышли из жилого крыла тарантийского замка к парадным покоям, миновали караулы Черных Драконов и суесящихся в некоторых залах маляров да обивщиков, косившихся нам вслед с почтением и любопытством, и, выйдя к

малой парадной лестнице тронного зала, спустились вниз.

* * *

— Ваше Величество,— сдавленный шепот Халька остановил нас возле массивной двери во двор,— королю нельзя появляться перед подданными без головного убора. Надень берет, я прихватил с собой.

— А гребешок ты не прихватил? — раздраженно буркнул король.

Несмотря на то что правила придворного этикета в Тарантии намного мягче и проще, чем, скажем, в Бельверусе, необходимость помнить о них все равно раздражает короля. Впрочем, он нарушил уже столько традиций, что от неминуемого забвения еще одной ничего не изменится.

Хальк умоляюще посмотрел на меня. Если господин летописец надеется, будто я сумею убедить Его Величество в необходимости надеть что-то на голову, то он глубоко заблуждается. Это невозможно.

Наши расстроенные физиономии, видимо, навели короля на мысль, что просто так он от нас не отделается. Мы героически падем, но не позволим позорить Аквилонскую монархию перед лицом заезжих провинциалов.

Его Величество пробурчал нечто невразумительное, однако явно характеризующее нас не с лучшей стороны, и принялся рыться по карманам. В одном из них обнаружился тонкий золотой шнурок. Насколько я поняла, ранее сей предмет входил в украшения парадной конской сбруи, но оторвался. Теперь же он послужил более важному делу — король обвязал шнурок вокруг головы, перехватив волосы, укрепил узлом на затылке и повернулся к нам:

— Сойдет?

— Да поступай как хочешь, повелитель, — в очередной раз скорбно вздохнул Хальк. — Ладно, выглядит пристойно.

— Просто замечательно, — сказала я, стараясь не захихикать. — Только немного поправить...

— Мы идем или нет? — напомнил о себе Хальк. — Кстати, ты не забыл, как правителю страны следует приветствовать мелкопоместных дворян?

— Сейчас по шее получишь, — пригрозил король и толкнул тяжелую резную дверь.

Обширный внутренний двор был почти пуст. Если не считать двоих гвардейцев, застывших у закрытых ворот в город, и громадного торгового фургона, запряженного тауранскими тяжеловозами. Одна боковая стена фургона была снята, и вместо нее красовались толстенные, с человеческий палец, железные прутья. Изнутри фургон был задернут грубой мешковиной. На месте возницы сидел унылого вида человек в зеленом, палился на башни замка и жевал соломинку.

Мы подошли поближе. От фургона отчетливо несло ароматом давно не убранной конюшни, под колесами растеклась большая лужа, остро пахнувшая звериной мочой. Я на всякий случай обошла ее стороной. В целом представшее перед нами зрелище напоминало шемский бродячий зверинец, причем не самый лучший.

— Эй, — окликнул возницу король. — Где барон Омса?

— Господин барон до ветру пошли, — лениво сообщил скучающий гандер, не вынимая соломинки изо рта и даже не глядя в нашу сторону. — А тебе чего?

Стоявший сбоку Хальк чуть слышно хмыкнул.

— Дай на зверюгу посмотреть, — попросил король. — Занавеску отдерни, а?

— Не велено, — проворчал гандер. — Господином бароном сказано короля ждать. А Его Величество шлется где-то изволит. Наверное, дела важные...

Я покосилась на Халька и заметила, как он начинает трястись от смеха. После слов возницы библиотекарь кивнул и вполголоса добавил:

— Да, король занят. Государственными делами. Пишет эдикт о налоговых сборах в Танасуле...

Юсдаль успел заметить неприметное движение короля и слегка отодвинулся назад, избежав тем самым чувствительного удара локтем в бок. Когда-нибудь господин хранитель рукописей дошутится...

— Открывай! — Теперь тон короля из спокойного стал повелительным. Но прежде чем гандер успел пробурчать очередное «Не велено», со стороны входа к дворцовым кухням и складам раздался громовой бас:

— Эй, детина, тебе чего нужно? Катись отсюда!

Хальк откровенно фыркнул, а я предпочла спрятаться за надежной спиной короля. На нас надвигался здоровенный бородатый человек с красным лицом, маленькими глазками и огромным брюхом. Если б не золотая баронская цепь с гербом на шее, можно было подумать, что во двор коронного замка Аквилонии забрался гандерландский разбойник. На поясе бородача висел тяжелый широкий меч, иногда царапавший оконечьем ножом о плиты, которыми был вымощен двор. Одежда толстяка великолепием не блистала — стоптанные сапоги, кожаная, украшенная заклепками куртка и потрепанная зеленая шапка с пряжкой. Медной, между прочим.

— Твой зверь? — спросил Его Величество. — Дай посмотреть.

Барон оказался почти одинакового роста с королем, а весил, наверное, раза в два больше. Я от души понадеялась, что дело не дойдет до драки, иначе барону придется очень и очень плохо. Впрочем, он вряд ли рискнет, побоится. Такие только орать горазды.

— Я сказал — катись! — рявкнул Омса. — Еще тут всякие кухари суются глазеть на зверя, привезенного в подарок Его Величеству!

— Мой король, — отчетливо проговорил Хальк. Яда в голосе младшего Юсдаля хватило бы для нескольких кобр. — Вы уж извините, у нас в Гандерланде нравы дикие, народ простой, к дворцовой куртуазии не приучен...

Я все-таки не выдержала и засмеялась. Конечно, сегодняшним утром правитель страны выглядел совсем не по-королевски, больше смахивая на небогатого дворянина, возвращающегося из ночного караула и решившего полюбопытствовать, что за необычная повозка торчит во дворе. Однако представителям благородного сословия не мешало бы знать в лицо собственного короля!

Барон Омса из Лингена, как видно, туго соображал. Он постоял, глядя недоуменными глазами то на короля, то на еле сдерживающего смех Халька, то на меня, и решительно обратился к библиотекарю:

— Хальк, старина, этот парень на самом деле король?

— Несомненно, — хихикнул Юсдаль-младший. — Самый настоящий. Его Величество король Аквилонии Конан I. Покажи государю зверя, Омса! И расскажи, что происходит на границах с Ямурлаком.

— Король? — недоверчиво прогудел барон и решительно замотал головой. — Не-ет! Король — он должен быть в шелковой одежде, с государ-

ственной цепью на шее и дороднее статью. Рожа, опять же, откормленная... И по дворам со всякими девками не шляется... Хальк, брось шутить!

Тут уже я всерьез обиделась. Нет, нынешним утром я выглядела, честно говоря, не слишком хорошо, но обзывать потомственную дворянку «всякой девкой»!

— Эви, не обращай внимания. — Про себя, видимо, король тоже посмеивался над толстяком, выезжавшим в столицу, наверное, лет двадцать пять назад, но решил, что настало самое время возмутиться: — Я тебе сейчас пошучу. Вот прикажу вздернуть на воротах, убедишься, какой я король!

— Ваше Величество! — донесся до нас голос Паллантида. Капитан Черных Драконов, сопровождаемый двумя гвардейцами, вышел из-под арки, ведущей к двору-ристалищу гимнасия. — А мы вас с месьором Хальком везде ищем! Герцог Просперо послал за тобой, владыка, и библиотекарем. На рассвете приехал гонец, привез какие-то странные новости из Немедии... Доброе утро, госпожа графиня.

— Король, — тупо повторил Омса, глядя теперь на Паллантида. — Король Конан. Точно повесят...

— Не повешу, — отмахнулся король. — Давай зверюгу показывай или проваливай! И без тебя дел невпроворот.

— Злого умысла не имели, — вдруг затараторил барон. — Кто ж знал? Король — он толстый должен быть, и уж никак не варвар по лицу! Прощения просим, господин мой!

Хальк, не выдержав, согнулся от смеха вдвое. Даже вышколенные гвардейцы Паллантида едва сдерживали усмешку. Я сочувственно улыбнулась медленно белевшему Омсе и скучающим голосом поинтересовалась:

— Так нам покажут животное или нет?

Король решительно отстранил оцепеневшего Омсу и сам прошел к повозке, неотступно сопровождаемый фыркающим Хальком. Возница, слышавший наш разговор, соскочил со своего сиденья и бросился к веревке, свисающей с передка фургона. Омса неожиданно сорвался с места, толкнул взявшегося за веревку слугу и дернул за нее сам. Занавеска, закрывавшая клетку, медленно отодвинулась.

— ...Оно же дохлое! — ледяным голосом сказал Хальк, яростно глядя на толстяка. — Ты что привез, дубина?

— Только что живой был, — растерянно пробормотал барон, глядя на большую темную массу, лежащую на досках в полумраке фургона. Сквозь решетку были видны только четыре очень толстые лапы с длинными желтоватыми когтями да хвост с кисточкой. Хвост сильно смахивал на львиный.

— Живо-ой! — передразнил Омсу библиотекарь. — А теперь подход! Вы его хоть кормили по дороге, бестолочи?

— Постой. — Король удержал Юсдаля, явно собиравшегося пару раз врезать бестолковому соотечественнику. — Сейчас мы сами посмотрим. Эй, Паллантид, помоги открыть клетку.

Так я и знала, что этим все закончится! Что за совершенно детская привычка — все посмотреть и желательно потрогать собственными руками!

Король забрал ключ от замка у стоявшего столбом барона и вдвоем с Паллантидом отодвинул тяжелую решетчатую дверь в сторону. Раздался ужасный, раздирающий уши скрип, петли проржавели и долго не хотели поддаваться. Само собой, когда стало возможно попасть внутрь, гвардейский капитан полез первым. Решил, наверное, что

если кого-то съедят, пусть это будет он, а не король.

— Светоносный Митра! — выдохнул Паллантид, наклонившись над находившимся в клетке существом. — Повелитель, иди сюда! На это стоит взглянуть вблизи. Жалко, что он помер...

Тут уж никто не пожелал оставаться на месте, даже я, хотя мне совсем не хотелось забираться в маленькую вонючую клетку. Мы по очереди поднялись в фургон и, встав в круг, уставились на небывалого зверя. Никто не произнес ни звука, и готова поспорить, что подобная тварь оказалась незнакомой даже для повидавшего все возможные чудеса мира короля.

Животное было похоже на картинку в книге с описаниями сказочных животных. Грифон. Самый настоящий грифон. Тело обычного льва, песочно-желтое с рыжиной. Орлиная голова, только огромная. Блестящий светлый клюв длиной с три моих ладони. Настоящие крылья, как у беркута. Перья на крыльях и голове коричневые с белыми пятнышками. Если бы грифон поднялся на лапы, он оказался бы размером с небольшую лошадку...

Сзади протолкался Хальк и присвистнул.

— Конан, боюсь, тебе все-таки придется выдать барону Омсе большую награду, — сообщил он, присев на корточки рядом с лежащим зверем.

— За что? — изумился король. — За дохлятину?

И тут произошло вовсе невероятное. Мы все услышали голос. Не человеческий. Я взвизгнула от неожиданности и еле успела зажать себе рот ладонью.

— Сам ты дохлятина... Пить дайте.

Грифон с трудом поднял голову и посмотрел на нас темно-желтыми глазами с вертикальным уз-

ким зрачком. Все-таки живой. И говорит по-людски. На аквилонском наречии. Мда-а...

Пожалуй, теперь я понимаю, за что Его Величество ценит Халька. За то, что Юсдаль-младший редко чему-нибудь удивляется. Пока король, Паллантид и его гвардейцы, да и я тоже, раскрыв рты, глазели на невиданного зверя, библиотекарь вскочил, приказал вознице Омсы сбегать к колодцу на соседний двор, а когда вода появилась, без всяких опасений подошел к грифону. И здесь Хальк не растерялся. Честно признаться, любой бы долго ломал голову, как напоить эдакую тварь, а он вытащил свой кинжал, положил его рукоятью в приоткрытый клюв зверя и остороженько, по лезвию, начал выливать воду из ведра. Струя текла по клинку, попадая в глотку грифона. Тот глотал. Мы стояли и смотрели, не совсем веря своим глазам.

— У него крыло сломано, — слышался виноватый голос Омсы. — Не извольте гневаться... Это не мы сломали, он сам. За моими овцами охотился, гад!

— Уберите прочь эту свинью на двух ногах, — снова услышали мы голос зверя. — И пожалуйста, вытащите меня наружу. Здесь тесно и плохо пахнет.

Звук речи грифона смахивал на тихие удары гонга из храма Эрлика. Металлический голос. Ни один человек так не говорит.

— Потацили? — Хальк решительно глянул на стоявших вокруг людей. — Только надо снять заднюю стенку повозки. Паллантид, прикажи позвать еще человек шесть Черных Драконов. Нам втроем не справиться. Да-а... Тяжеленькая зверюшка...

Гвардейцы, свободные от службы, скоро прибежали и, выломав доски в стене фургона, все вместе

выволокли грифона наружу. Хальк руководил. Вернее, мешал всем, бегал вокруг и надоедал глупыми командами. А барон, изрядный силач по виду, стоял рядом и даже помощь не предложил. Просто пялился и беззвучно шевелил губами. Наверно, подсчитывал, какую награду получит от короля. Я хотела ему сказать, чтобы он на особую мзду не рассчитывал, но решила не портить человеку настроение. И так едва чуть ли не до смерти перепугали.

Крыло у грифона на самом деле оказалось сломанным. Это определил Хальк, осторожно развернув и ошупав его. Кость сломалась ровно, без осколков, как сухая палочка, а не как зеленая ветка. Библиотекарь утверждал, будто перелом чистый и быстро заживет. Гвардейцы устали на ямурлакское чудище, снова замолчавшее и закрывшее глаза.

Хальк решил, что теперь может всю распоряжаться без согласия короля. Он приказал десятнику Юнию привезти с кухни большую тележку, на которой обычно возили мешки с мукой или бочки. Его Величество молчал. Потом библиотекарь велел гвардейцам погрузить зверюгу и прикрыть мешковиной. Король опять промолчал. Но когда Хальк решил отвезти грифона в жилые покои замка, правителю страны пришлось вмешаться.

— Еще чего! — Похоже, король на самом деле возмущен. Действительно, куда это годится — тащить вонючую, хоть и говорящую тварь во дворец! — На конюшню, и никуда больше!

— Лошади испугаются, — встрял Паллантид. — Лучше в зверинец, там ему самое место.

— Ну нет! — Хальк всю пользовался королевским расположением. — Тогда ко мне в библиотеку! Я сам займусь его крылом. Мой король, ты

подумай — за несколько тысяч лет люди впервые увидели подобное существо!..

Он еще долго нес что-то похожее про всякие науки, про то, что мы можем узнать от этого несуряжного чучела, наконец, про Ямурлак и государя, который должен быть, как он выразился, «просвещенным». Долгая была речь, и к концу король все-таки согласился, предпочтя уступить, чем выслушивать нескончаемую ученую болтовню. Я услышала, как Его Величество пробормотал:

— Ну и пускай тащит к себе. По крайней мере, его же и сожрут первым.

Едва повозка, сопровождаемая Черными Драконами и библиотекарем, укатила, к королю и оставшемуся во дворе Паллантиду медленно подошел барон Омса.

— Государь. — Толстяк стянул с головы шапку и мял ее в руках. — Не извольте гневаться... Вы, я понимаю, зверюшку-то забрали? Может, награда какая будет за поимку? У меня зверь трех крестьян когтями поранил... Коров напугал. Овцу разорвал и слопал... А, государь?

Несколько мгновений король размышлял, а затем повернулся к капитану гвардейцев, распорядившись:

— Паллантид, напиши господину барону бумагу. Я жалую ему тысячу монет золотом. Потом отошлешь барона к канцлеру Публио, пусть оплатит. — Король перевел взгляд на Омсу. — Барон, если канцлер откажется давать деньги, будь настойчивей. Он заплатит, нужно только постучать кулаком по столу. Если что — ссылайся на меня.

Просиявший Омса и Паллантид ушли.

— Вечером у Публио будет то еще представление, — сказала я.

— Сам знаю, — буркнул король и очень похоже передразнил почтенного канцлера: — Казна пуста,

а Ваше Величество изволит швыряться последними грошами направо и налево! Знакомо до отвращения. Но обязан же я был хоть немного заплатить этому Омсе!

— Конечно, — подтвердила я. — Ты все правильно сделал, мой король. Любопытный зверь, правда?

— Угу, — согласился Его Величество. — Правда, на кой он здесь нужен? Ладно, потом придумаем... Слушай, у меня сейчас есть какие-нибудь дела?

— Герцог Просперо приглашал нас на завтрак.

— Вот и пойдем завтракать, — заключил король.

* * *

Нешуточный бардак, устроенный вчера в покоях Пуантенского герцога, был уже каким-то чудом прибран. Сам Просперо удобно расположился за накрытым столом, уткнувшись в какой-то пергамент и одновременно отхлебывая из кубка. Никто бы не сказал, что этот до тошнотворности изысканный красавчик вчера хлестал кувшин за кувшином красное вино десятилетней выдержки и орал непристойные песни громче всех. И еще подбивал Его Величество пойти прогуляться ночью по городу. Знаем мы эти прогулки — утром вся Тарантия взახлеб судачит, чего нового натворили пьяный король с придворными...

Удивительно, что грозный Троцери Пуантенский до сих пор не приструнит своего любимчика! Впрочем, граф давно — еще со времен Нумедидеса — не показывается в столице. Говорят, хворает. Но мне кажется, дело несколько сложнее... В любом случае, Просперо, его воспитанник, представляет Пуантен при дворе и делает это столь успешно, что многие начинают забывать, что у провинции есть иной владетель.

Мы расселись, и какое-то время в комнате было тихо. Король занимался тем, что опустошал стоявшие на столе тарелки, Просперо молча перебирал стопку сложенных листов пергамента. Мне есть не хотелось, а потому я сделала нахальную попытку заглянуть в бумаги герцога. Когда же мне это не удалось, спросила:

— Так что такое стряслось в Немедии?

— Да ничего особенного. — Пуантенец небрежно столкнул все свои листы на пол и потянулся за кувшином. — Наш человек прислал весточку, мол, на полуночи творится нечто непонятное...

— А что видели-то? — поинтересовалась я, наливая себе.

Просперо наклонился, поднял один из листков, скривился и заунывно прочел:

— *«...И еще сообщаю, что третьего дня прошел слух о неких вулканах, забивших возле Соленых озер, что возле полуденных пределов Пограничья. Будто горят те вулканы зеленым пламенем и сжигают все вокруг. Сам я таковых вулканов не видел, однако не нахожу причин сомневаться в правдивости моего свидетеля...»* Отправлено конной почтой десять дней назад из Нумалии. Интересная новость, правда, государь?

— Вулканы на Соленых озерах? — недоуменно переспросил король. — Да в жизни такого быть не может!

— Вот и я о том же, — согласился Просперо. — Однако что-то там наверняка происходит... Кстати, что за шум был во дворе? Я слышал, в зверинец привезли какое-то удивительное животное?

— Привезли, — подтвердила я. — Новую игрушку для господина королевского летописца.

— А заплатил за нее, между прочим, я, — проворчал король. — Тысячу золотых.

— Да? — Пуантенец даже про вино от любопытства забыл. — Какую игрушку? И почему так дорого?

Его Величество как раз перешел к рассказу о том, как они с Паллантидом полезли в клетку, когда в трапезную ворвался Хальк. Пробормотав: «Доброе утро, Ваша светлость», он плюхнулся в кресло и потащил к себе блюдо с жареными перепелиными крылышками.

— Хальк, а ты ничего не забыл? — строго спросил король.

— Я поздоровался, — пробурчал библиотекарь. — Что еще?

— А как насчет попросить разрешения сесть за стол? — вкрадчиво осведомился Просперо.

Хальк прекратил жевать, соорудил невинную физиономию и жалобно заныл:

— Неужели Ваша милость не соизволит уделить верному подданному сухую корку со своего стола?

Просперо и король переглянулись. Пуантенец обреченно вздохнул. Довольный Хальк ухмыльнулся и вернулся к своему занятию.

— Выгнать бы тебя, — наконец сказал Просперо. — Мой король, почему ты еще терпишь этого выскочку?

— Да выгоняйте, — беспечно отозвался Хальк. — Не пропаду. Продам летопись, пусть все узнают, какие нравы царят при аквилонском дворе. Не одному ж Петронию богатеть на рассказах о бурной молодости нашего правителя! Я ничуть не хуже...

— Хальк, — не выдержал король. — Скажи мне, только честно — это ты разбалтываешь проклятому писаке ту брехню, что он выдает за правду? Если да — я тебе лично шею сверну.

Хальк даже поперхнулся от возмущения.

— Ваше Величество, как можно? Я?! Да никогда в жизни! Митрой клянусь!

— Врет,— убежденно заявил Просперо.— Наверняка врёт, мой король. Ну как можно верить гандеру, да еще с такой честной рожей?

— Так же, как и пуантенцу,— немедленно отпарировал Хальк.— Вы вот вино уксусом разбавляете, а потом говорите, что так и должно быть...

— Кто разбавляет? — оскорбился Просперо.— Хальк, ты не завирайся...

— Хватит! — Король слегка стукнул по столу, и оба спорщика замолчали. Эта перебранка случается почти каждое утро и, что самое удивительное, они еще ни разу не повторились. Всякий раз находят новую тему.— Хальк, что там с твоей зверюгой?

— Омса — болван,— сердито сообщил библиотекарь.— Они морили бедное животное голодом, представляете? Почти всю дорогу от Лингена до Тарантии!

— Представляю,— согласился король.— С твоего барона станется. И дальше что?

— Грифон сейчас спит,— доложил Хальк.— Когда проснется, мы с ним поговорим поподробнее... Я положил шины на крыло и распорядился, чтобы ему приносили с кухни поесть. Кстати, у него есть имя. Его зовут Энунд.

— А почему он вылез из-за своей стены? — Вот что интересовало правителя страны больше всего. Что вполне объяснимо: где один грифон — там жди и десяток. А если за грифонами потянется и прочая тамошняя нечисть? Бед тогда не оберешься...

— Он говорит, что их стена рухнула,— растерянно сказал библиотекарь.

— Как рухнула? — не понял Просперо.— Стояла тысячу лет, а потом вдруг взяла и развалилась? Ни с того, ни с сего?

— Нет,— Хальк устроился поудобнее.— Я, конечно, не стал сейчас всего выпрашивать, но вкратце дело обстояло так. Дней десять назад в горах, что расположены на полночь от Гандерланда, произошло землетрясение. Небольшое такое землетрясение, в замках на склонах даже ничего не пострадало. А потом из-под земли ударил фонтан зеленого пламени. Оно не обжигало, но всякий, кто его видел, начинал испытывать сильнейший страх. Большинство живущих в Ямурлаке существ попытались скрыться. Часть ушла в горы, часть разбежалась по окрестным лесам. Энунд был в числе тех, кто направился в леса. Он был очень напуган, не понимал, куда летит, ударился о дерево и сломал крыло. Потом шел через лес, выбрался на поле, где паслись какие-то животные, и попытался поймать одно. То есть он угодил на пастбища Лингена,— уточнил Хальк, остановившись перевести дух.— Вилланы Омсы застали его над задранной овцой и побежали жаловаться хозяину. Что предпринял Омса — и дураку понятно. Устроил облаву по всем правилам, загнал грифона к болоту, а там на него набросили сеть и скрутили. Омса, не долго думая, затолкал непонятого зверя в старый фургон и повез в столицу. Вот и все.

Поступок туповатого провинциального барона мне был совершенно понятен. Я на его месте велела бы вообще как можно скорее прикончить неизвестно откуда взявшееся чудовище.

— Это существо... грифон, оно говорящее? — уточнил Просперо.— Оно понимает, что говорит, или повторяет слышанные слова? Как птицы из дарфарских джунглей?

— Вполне понимает,— ответил Хальк пуантенцу.— По-моему, грифон — не совсем животное... Ваше Величество, а что мы теперь будем делать?

— Ты помолчишь. — Похоже, королю пришла в голову какая-то мысль, но болтовня Халька спутнула ее. Впрочем, когда библиотекарь послушно примолк, Его Величество сообразил, что ему не понравилось в рассказе летописца.

— Говоришь, зеленый огонь? — переспросил король. Хальк кивнул. — Просперо, а в письме твоего человека тоже говорилось о вулканах зеленого огня? — Теперь кивнул пуантенец. — Но подробнее ничего не сказано?

— Ничего, мой король, — подтвердил Просперо. — Только названо место — Соленые озера.

— Не может там быть никаких вулканов, — влез Хальк, хотя его и не спрашивали. — Если верить картам, это низинная местность, а вулканы в подобных краях — такая же дикость, как пустыни в Аквилонии!

— Это и без тебя известно, — негромко сказала я, не совсем понимая, к чему клонит король.

Его Величество сделал нам обоим знак помолчать и продолжил:

— Мне вот что странно: от Ямурлака до Соленых озер — почти сотня лиг. Но и у нас, и в Немедии видят какой-то зеленый огонь...

— Ну и что? — на редкость дружным хором спросили мы. — Это же две разные страны!

— Не знаю, что! — обозлился король. — Не нравится мне это, и все!

Хальк и Просперо озадаченно переглянулись. Я решила немедленно вмешаться. Не стоит сейчас лишний раз раздражать Его Величество. Лучше всего будет сменить тему разговора на более безопасную, дав тем самым королю возможность поразмышлять над тревожащим его вопросом.

— А что еще сообщают? — беспечно спросила я. — Я хочу сказать, помимо сплетен о вулканах?

Герцог оценил мои старания благодарным кивком, сунул руку в гору бумаг на полу, пошуровал там и вытащил новое письмо, украшенное разломанной печатью красного воска.

— Депеша от барона Гленнора, — многозначительно сказал Просперо. Гленнор, один самых таинственных людей при дворе, был начальником тайной службы страны, однако в столице появлялся редко, предпочитая работать в своем доме под Тарантией, куда стекались сведения от верных Аквилонии людей, живущих в разных краях. — Интересные новости. Опять же из Бельверуса. Понимаешь ли, мой король, Гленнор заинтересовался человеком, исполняющим такие же обязанности при дворе Нимеда. Неким графом, отвечающим за безопасность в Немедии...

— Графом? — переспросил король. — А кто сейчас командует тайной службой Драконьего трона? Разве не герцог Лаварон?

— Этого человека зовут Мораддин, граф Эрде. Считается, будто он родом из Турана...

— Кто? — На этот раз вопрос задали два одинаково недоумевающих человека — Его Величество и я.

Историю о своем друге Мораддине, бывшем капитане тайной туранской гвардии, перешедшем на службу Немедии, мне как-то рассказал сам король. Повествование было долгим, чрезвычайно любопытным и слегка невероятным. Как, впрочем, и все, что касается обстоятельств молодости нашего правителя. Начало рассказу, отстоявшему почти на пятнадцать лет назад, было положено в торговом городе Султанапуре, что на полуночном побережье моря Вилайет.

Мораддин (из-за аграпурских дворцовых интрижек выставленный из гвардии) охранял медные копи в Кезанкийских горах, а будущий король

Аквилонии (тогда не более чем бродячий наемник и искатель приключений на свою голову), как нетрудно догадаться, был там заключенным. Разумеется, как клялся Его Величество, он был ни в чем не виноват, просто по привычке влез не в свое дело. Получилось же так, что у охранника и попавшегося в лапы закона преступника нашлись общие интересы. Один помог другому сбежать с рудников, а потом покинул их сам. Вдвоем они подняли на уши весь Султанапур — в способности Его Величества к подобному действию я ни капли не сомневалась, — разыскивая какую-то украденную или потерявшуюся драгоценность, и, разумеется, были вынуждены бежать из Турана на закат. Требуемую вещь они, кстати, разыскали и вернули настоящему владельцу. Этот предмет, как выяснилось, исполнял одно самое заветное желание человека...

— И чего же ты пожелал? — поинтересовалась я. — Погоди, сейчас попробую угадать... Кучу золота? Самую красивую женщину в мире? Или, наверняка, никогда не иссякающую бутылку?

Король едко ухмылялся и отрицательно мотал головой в ответ на каждую из моих догадок.

— Тогда чего же? — перебрав с десятков предположений, я сдалась. Больше ничего подходящего в голову не приходило.

— Я сказал — «хочу быть королем». Только не догадался уточнить — когда, — задумчиво проговорил Его Величество. — И пришлось еще полтора десятка лет болтаться туда-сюда, дожидаясь, пока пожелание сбудется...

Я фыркнула:

— Ты все-таки ужасно непредусмотрительный человек. Надо было потребовать: «Хочу стать королем прямо сейчас!»

— Советчика рядом не нашлось, — хмыкнул король.

...Спешно покинув Султанапур, два компаньона некоторое время странствовали вместе. Насколько я поняла, их путешествие было довольно интересным, но поступки частенько шли вразрез с законами. Потом их занесло в Немедию, ко двору Нимеда, где двое приятелей угодили в сплетенный вокруг трона заговор и умудрились успешно его распутать. В благодарность Морадину предложили поступить на службу в тайную канцелярию Нимеда, и бывший гвардеец ныне покойного Илдиза согласился. Будущего короля тоже звали, но он отказался, предпочтя свободную жизнь наемника постоянному пребыванию на одном месте и необходимости выполнять чьи-то приказы.

А теперь, оказывается, давний приятель Его Величества занял отнюдь не последнее место возле Драконьего трона... Любопытно.

— Говоришь, этого человека зовут Морадин? — переспросил у герцога король.

— Ты его знаешь, повелитель? — поднял бровь Просперо.

— Наш король всех знает, — не к месту влез Хальк. Тон у него был самый невинный. — А особенно хорошо — всяческих разбойников и авантюристов... Правда?

Спустя мгновение Хальк грохнулся на пол и чуть слышно выругался. Я даже не успела заметить, когда король успел выбить из-под него стул. Что ж, Юсдаля-младшего неоднократно предупреждали, чтобы он иногда придерживал язык за зубами, особенно находясь в обществе. Нищее терпение, а тем более королевское, не безгранично.

Хальк, держась за ушибленный зад, поднялся и сел подальше, на другой табурет. Герцог привычно сделал вид, что не заметил полета библиотекаря. Впрочем, и он, и король относятся к господину

хранителю библиотеки одинаково — со снисходительным терпением много повидавших людей, готовых до определенного предела терпеть выходки молодежи.

— И что пишет о Мораддине барон Гленнор? — Его Величество выжидательно посмотрел на герцога.

— Много любопытного, мой король, — начал Просперо. — Не знаю, как Гленнор это выяснил, но вот послушай...

Глава пятая ВЕЛЛАН, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство, поселение Хезер.
24-й день первой осенней луны 1288 г.

«...Эрхард, король Пограничного королевства, принял власть над государством отнюдь не в самые лучшие времена. Однако на его стороне были веские преимущества — он пользовался искренней поддержкой немногочисленной, но весьма хорошо обученной армии Пограничья, ибо сам начинал свою карьеру с должности десятника при короле Дамалле; его уважал и любил простой народ, признавая в короле равного себе, и, наконец, что самое важное — с его правом распоряжаться согласились те, что некогда звались Карающей Дланью Создателя, поскольку Эрхард принадлежал к их роду и заслужил звание Вожака. Сейчас ни для кого не секрет, что Пограничье и соседствующие с ним полуночные страны являются исконным владением волков-оборотней, ныне заключивших мир с людьми и перешедших к оседлой жизни. С их помощью Эрхард за три года сумел сделать то, что никак не удавалось его предшественникам, — где хитростью, где силой вынудить независимые кланы, занимающие обширные земли на закате, при-

знать королевскую власть и прекратить затяжные междоусобные войны, губившие страну. Король Пограничья также по мере сил способствовал поддержке торговли, ведущейся между людьми и гномами, а потому был в большей степени, нежели другие правители, осведомлен обо всем, что происходило в подземных поселениях, и всерьез обеспокоился, узнав о загадочной гибели обитателей пещер под Граскаалем...

*Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства*

Этого парня я заметил издалека. Меня трудно удивить, однако он сумел это сделать. Человек выбрался откуда-то из леса, постоял на обочине и целеустремленно затопал к Хезеру, волоча за собой странного вида санки с еще более странной поклажей. Меня он не заметил. Меня вообще тяжело заметить, особенно если я не хочу, чтобы меня видели. Я пропустил человека мимо, затем выбрался на тракт и не торопясь пошел вслед, пытаюсь разобраться, что же за пугало тащится по дороге.

Этот неизвестно откуда взявшийся тип задал мне сразу несколько загадок. Во-первых, если я хоть что-то понимаю в народах, живущих рядом с нашим Пограничьем, он был асиром. Асиру же здесь ввязаться было ну совершенно неоткуда. Или придется признать, что вся наша охрана границ никуда не годится. А это уже прямой плевок лично в меня. Я столько времени убил, пытаюсь хоть как-то наладить действенную оборону этих треклятых границ! Ну почему я живу в такой стране, где все вечно не так?

Хорошо, оставим пока страну в покое. Вот бредет по лесной дороге типичный мальчишка из Асгарда — долговязый, очень широкоплечий и светло-рыжий. Загадка вторая — почему у незнаком-

ца такой вид, будто он только что удрал прямоком из подземелий Нергала? Весь какой-то потрепанный, замученный и чуть ли не валится на ходу. Что-то не похож он на одного из этих ненормальных варваров, что время от времени прорываются через Граскааль и пытаются испортить нам и без того тяжелую жизнь. И оружия у него никакого, только охотничий лук и короткий кинжал. Я что, опять углядел врага там, где его нет? И этот парень — местный, из какой-нибудь глухой деревушки? А что, очень даже может быть...

Тогда отчего, спрашивается, мне тревожно? Ну, идет себе человек и идет. Волочит за собой поклажу — так ни в каких законах не сказано, что нельзя везти свой скарб на санях. Санки, правда, странные — из одной лыжи и кое-как примотанных к ней разлапистых веток. На ярмарку, наверное, идет...

На ярмарку, значит. Падая при этом. Да не от излишней выпивки — не пахнет от него вином, я даже за десять шагов это чувствую, — а от усталости. И сдается мне, что груз на его волокуше — отнюдь не меха, а что-то живое.

Придется его догнать. Впрочем, остановить его придется в любом случае. Он же вот-вот упадет. Не-ет, неладное что-то творится в Пограничье... И еще это землетрясение четыре дня назад. Трясло где-то в этих краях, но все, кого мы спрашивали по дороге, в один голос твердят, что у них обошлось без особенных бедствий. Так, разрушилась кое-где пара домов, в речку Хафель вот лавина съехала, а в остальном все в порядке. Старожилы говорят — давно землетрясений в Граскаале не случалось, да и это какое-то тихое. Погремело, попугало и кончилось.

Где тихое, а где и громкое. Вон я пробежался по тракту, так почти до самого перевала на Гиперборею осыпи лежат. Расчищать надо, и поскорее, пока

самая зима не началась. А где людей взять? Нанимать? А расплачиваться за работу чем? Опять казну потрошить?..

М-да, хорошенькую же цену нам приходится платить за право именоваться королевством. Впрочем, кому сейчас легко? Всем тяжело, но нам — особенно. А что вы хотите? Сотню с лишним лет разоряли страну все кому не лень, кланы эти бешеные грызлись, королей резали не хуже, чем свиней на бойне, каждый месяц — новый, а теперь извольте все быстро привести в порядок! Три года уже бьемся как рыбы об лед, а толку — чуть. Ладно хоть соседи за полных варваров перестали держать. Вот в Хезере завтра ярмарка эта начнется, народу съезжается — в жизни столько не видел. Может, и казне чуток перепадет.

Мальчишка по-прежнему не обращал внимания на мое присутствие. Я уже старался вояку — и топал, и пыхтел, а он прет, не останавливаясь, как лошадь с шорами. Обгонять его мне совершенно не хотелось — еще стрелу влепит, не разобравшись и не разглядев знака, болтающегося на моей шее. Жизнь-то в наших землях не мед, едва успевай за спину поглядывать, чтобы не пришибли ненароком.

Я уже подумывал голос подать, когда он наконец оглянулся. Ну, и само собой, первым делом схватился за нож. Не кинул бы с перепугу. Серьезно не ранит, но все равно — как-то не хочется быть мишенью. Жизнь — она у всех одна. Той, что досталась мне, я очень дорожу.

Поэтому я захлопнул пасть и помахал хвостом, надеясь, что он поймет — нападать на него я совершенно не собираюсь.

Я не оговорился — именно «пасть» и именно «помахал хвостом». Волки, как и собаки, имеют привычку именно так выражать мирные намере-

ния. А любой, увидевший меня сейчас, ни капельки бы не усомнился, что перед ним волк. Правда, несколько более крупный, чем обычные лесные звери, но все же обыкновеннейший волк светло-серой масти с белыми подпалинами.

Все дело в том, что я — оборотень. Не в силу какого-то наложенного проклятия, колдовства или еще какой гадости. Я родился полуволом-получеловеком, как вот этот парень родился асиром. И, честно говоря, не переживаю. У моей половины, бегающей на четырех ногах, есть немало преимуществ по сравнению с человеческим воплощением (хотя и недостатков не меньше). Например, как волку мне ничего не стоило сегодня прогуляться до перевала и обратно, чтобы взглянуть, много ли там напортило недавнее землетрясение.

До мальчишки дошло, что он наткнулся не просто на выбравшегося из леса зверя. Он как-то растерянно посмотрел на меня и вдруг сел. Просто плюхнулся посреди дороги и ткнулся головой в колени.

Та-ак... Дела становились все хуже. Похоже, этот тип явился откуда-то издалека и окончательно загнал себя. Откуда же он взялся? Ладно, с этим я успею разобраться потом, а что же он такое тащил с собой?

Когда я ткнулся в лежавший на волокуше сверток, меня ждало второе потрясение за день. Гном, провалиться мне на этом месте! Значит, в ближайшее время нам обеспечена куча неприятностей. Как-то мы все не подумали, что судороги Граскаала могли навредить подземным жителям. Если пещеры под горами разрушены, куда подадутся гномы? Возможно, что на полночь, но скорее всего к людям, в столицу и в окрестные деревни. Мы же обещали им всевозможную подмогу, когда заключали мирный договор года два назад. Хотя тогда

никто не предполагал, что гномам в кои веки может потребоваться помощь людей...

Я отыскал брошенную веревку, потянул за нее зубами, сдвинул волокушу с места и мысленно охнул. Тяжеленькая, однако, поклажа. Я, конечно, не гордый, могу и ездовым волком поработать, однако толку от этого будет немного. Надо со всех ног (или лап) мчаться в Хезер. Но парень при всем желании не сумеет пройти и пары шагов. От гнома явственно несет запахом близкой смерти. Для человека он неразличим, для меня же — как вонь от гнилой рыбы или кучи навоза. Если в ближайшее время не доставить гнома к лекарю, он помрет. А раз мальчишка так упорно волок его с собой, значит, подземный житель знает что-то важное. Положеньице...

Будь я человеком, я бы объяснил, что сейчас вернусь, только сбегая за лошадью, оставшейся где-то в полулите отсюда на укромной полянке. Конечно, я мог бы превратиться в полужверя, способного говорить по-человечески, но... Если честно, оборотень в виде получеловека-полуживотного выглядит довольно жутко. Люди очень пугаются. А моя человеческая половина страдает изрядным тщеславием и с трепетом относится к собственной внешности. Не хочу быть настоящим чудовищем, даже на короткое время, и все тут!

В общем, я растолкал парня, уже успевшего задремать. Он посмотрел на меня равнодушным взглядом и снова уронил голову. Пришлось как следует толкнуть его и слегка укусить, чтобы он проснулся. Затем я потоптался на месте и сделал вид, что собираюсь лечь. Мальчишка озадаченно наклонил голову, затем понимающе кивнул и с трудом говорил:

— Мне остаться здесь?

Я закивал.

— А ты уйдешь? Но вернешься?

На этот раз я кивнул как можно убедительнее. Бежать туда-сюда придется очень быстро, иначе эти двое просто замерзнут. Даже мне, в отличной, пушистой зимней шкуре, холодно, что уж говорить о людях?

— Приходи побыстрее. — Губы парня едва двигались. Он сжался в комок, пытаюсь сохранить остатки тепла. — Я подожду...

Я кивнул в последний раз и рысью помчался вниз по дороге, поднимая искрящиеся фонтанчики снежной пыли. Хорошо, что мне пришла в голову мысль наведаться к перевалу. Но плохо, что я решил проделать этот путь на четырех лапах. Надеюсь, мальчишка продержится до моего возвращения.

А гном совсем плох. Я не разглядел, что с ним случилось, но протянет он недолго — день, от силы два. Кажется, в Хезере живет неплохой лекарь... Впрочем, в деревне сейчас должна околачиваться куча народу — ярмарка, как-никак!

* * *

Непривязанный гнедой жеребец бродил по заметенной первым снегом полянке, обрывая пожухлые листья с кустов, и резко вскинул голову, когда я вылетел из кустов почти ему под ноги. Порой мне кажется, что Гром от души ненавидит хозяйские причуды с превращениями и мечтает как следует заехать мне копытами по черепу. В знак поддержки древней и до сих пор непрекращающейся вражды лошадей с волками.

Пришлось рыкнуть, чтобы напомнить, кто здесь главный. Гром презрительно фыркнул и отвернулся. Мерзкое животное! Проучить его, что ли?

К седлу гнедого было приторочено мое барахло и оружие. Гром подозрительно косился на

меня все время, пока я вставал на задние лапы, вытягивал зубами из поклажи плащ и расстилал его на снегу. Потом улегся посередине, вытянувшись, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать.

Не получилось. Мысли бежали вразнобой и крутились вокруг совершенно несообразных предметов. Откуда свалился на мою голову этот мальчишка? Получится ли у меня быстро вернуться в человеческий образ? Выживет ли гном, и что такое он знает?

Никто из людей не задумывается над тем, что оборотню совсем не так просто превратиться. Что странно: стать из человека зверем — легко, даже не замечаешь, как это происходит. А вот сменить шкуру волка на облик человека — намучаешься. Лично у меня потом всегда голова трещит, будто по ней целый день били громадным деревянным колом, и в душе становится противно. Кстати, сколько раз думал и многих спрашивал, никто мне так толком не ответил: оборотни — это люди с даром принимать облик зверя или волки, умеющие становиться людьми?

Впрочем, какая разница... Такими мы созданы, такими и останемся. Меня больше заботило, как бы продержаться те несколько мгновений беспмятства и полной черноты, за которые исчезает зверь и появляется человек. Со стороны, говорят, это выглядит страшно — лапы стремительно растут, становясь руками, вытянутая голова волка сжимается, отчетливо хрустят меняющиеся кости, втягивается внутрь шерсть, и происходит все настолько быстро, что не уследить. И, между прочим, превращение — это еще и очень больно...

Все. Я еще полежал несколько ударов сердца, приходя в себя и убеждаясь, что теперь я — человек. Лежать на снегу, пусть даже и на толстом

плаще, было довольно холодно. Рядом нетерпеливо топтался Гром, обрадованный тем, что столь нелюбимый им волк пропал. То обстоятельство, что зверь превращается в меня, его несколько не тревожит. Для него волк — это одно, а человек — совсем другое.

В сущности, так и есть. Нас двое на одно тело. Трудно сказать, кто из нас должен зваться подлинным его хозяином. Наверное, оба — и человек, и зверь. Но у каждого из нас своя жизнь и свои представления о ней...

Моя человеческая половина, которая сейчас вскочила и принялась торопливо одеваться, сердито бормоча что-то себе под нос, носит имя Веллан. Иногда меня называют Веллан Бритунец — по месту рождения. А в последнее время все чаще — господин Веллан, капитан королевской гвардии. Что полностью соответствует истине — я командую оболтусами, составляющими армию Пограничья, а заодно и отрядом личной охраны короля. По этой причине я и примчался в Хезер. Собственно, примчался не только я один — нас два десятка. Остальные сейчас в деревне, при короле, решившем лично посмотреть на открытие ярмарки. А мне приспичило сбегать взглянуть на перевал. Ничего, и без меня справятся. Нравы у нас в Пограничье простые, и посему правитель страны вполне может сорваться из столицы, чтобы съездить на ярмарку. Слишком уж многое зависит от того, как пойдет торговля.

И не приведи Бел, чтобы за три дня, пока длится ярмарка, что-нибудь приключилось. А приключится наверняка — либо ограбят кого-нибудь, либо с перепоя драку затеют, либо еще какая-нибудь гадость стрясется. А кому расхлебывать? Кому успокаивать разъяренных купцов и разнимать подравшихся недоумков? Правильно, мне...

Имя моей волчьей половины на человеческий язык переводится примерно как «Смех-в-сумерках». Я вхожу в Стаю Пограничья и считаюсь одним из тех, «кто бежит рядом с Вожаком». То есть мое положение среди людей и среди волков почти одинаковы. Благо Вожак нашей Стаи и король Пограничья — одно и то же лицо.

Рассказывать о том, как оборотень оказался на троне королевства людей, было бы слишком долго. История эта довольно запутана и известна немногим. Произошла она три года назад, во времена, когда в Стае объявился Бешеный вожак, и мы — один человек (наемник из полуночной страны по имени Конан) и компания оборотней — гонялись за ним сначала по Пограничью, а потом по всей Бритунии, пытаясь предотвратить всеобщую резню. Худо в этом случае пришлось бы всем — и людям, и полуволкам, и любому, кто подвернется под горячую руку.

Хорошие были времена... Хотя нас в любой миг могли отправить прямиком на Серые Равнины и вечером никто не знал, доживет ли до утра. Но я все равно вспоминаю о прошлых днях с удовольствием. Как и немногие из нашего десятка, уцелевшие в том безумном походе: король Эрхард и его племянник, наследник короны, мой заместитель и лучший друг — Эртель. Человек, затеявший всю эту карусель, сейчас, насколько мне известно, околачивается где-то в Аквилонии, а еще один из отряда, принадлежащий к нашему племени, — на родине, в Боссонии. Стигийский волшебник Тотлант, дравшийся, как ни странно, на нашей стороне, уехал недавно в Бельверус. Тотлант — хороший человек, хотя и происходит родом из страны, породившей небезызвестного Тот-Амона и прочих мерзавцев... Ну, а я — здесь, в Пограничье. И в ближайшее время не собираюсь куда-либо отправляться.

Додумывал я уже на ходу, застегивая плащ, забрасывая за спину меч и вскакивая в седло. Гром с хрустом проломился сквозь заросли молодых елочек, окружавших поляну, вырвался на дорогу и без всяких возражений пошел резвым галопом.

Парень сидел там, где я его оставил. Точнее, не сидел, а полулежал, прислонившись к дереву и съехившись. Мне стоило больших трудов разбудить его, а потом дотащить до затанцевавшего на месте коня и усадить в седло. Гром возмущенно заржал, сообразив, что хозяин остался на земле, а седло занимает чужак. Когда же он понял, что из него вдобавок хотят сделать тягловую лошадь, окончательно разозлился — прижал уши и угрожающе завизжал. Пришлось еще тратить время на усмирение моего не в меру буйного скакуна. Я бы давно его продал или сменял — характер у него врагу не пожелаешь, но где в Пограничье раздобыть хорошую лошадь? Лучше уж я буду терпеть его выходки...

После пары хороших плепков и щелчка по носу Гром неохотно смирился. В сумках под седлом у меня лежал моток веревки, я привязал ее одним концом к волокуше, искренне надеясь, что она не развалится, а другим — к седлу. После чего потянул Грома за поводья. Конь недовольно захрапел, но все же рысью пошел вперед. Я бежал рядом, придерживая все время сползавшего набок мальчишку и поглядывая назад — выдержат ли веревки.

До Хезера оставалось три с небольшим лиги.

* * *

Мы вылетели на главную улицу поселка и резво понеслись по ней, провожаемые удивленными взглядами. Наверняка за нами уже разрастался пышный хвост сплетен и предположений, но мне было

глубоко наплевать. Главное — поскорее добраться до трактира, где остановились наши.

«Последний приют» — большой постоялый двор, и в самом деле последний на Гиперборейском тракте, — находился на Торговой площади. Ее уже успели загромоздить наскоро сколоченными лавками и палатками, и мне пришлось огибать площадь по краю, делая вид, что у меня началась внезапная глухота. Отвечать на посыпавшиеся со всех сторон вопросы было некогда. Потом вернуться и преподнесу купцам какую-нибудь правдоподобную байку, иначе напридумывают невесть чего...

У входа в «Приют» стояли тяжело груженные сани, которые с величайшей неохотой разгружали трое оборванцев. А еще у толстых дубовых дверей околачивался беловолосый, крепко сложенный парень — наследничек короны Пограничья — вкуче с десятником по имени, кажется, Джиб, и двумя девицами, явно купеческими дочками. Эртель вдохновенно трепался, остальные, хохоча взахлеб, внимали, и никто не обратил внимания на мое прибытие. Распустились, бездельники...

В этом смысле я и высказался, внезапно объявившись за спинами болтунов. Девыцы мигом куда-то сгинули, Джиб подавился очередным смешком и едва ли не вытянулся по стойке «смирно», а Эртель вытаращился на поклажу Грома.

— Это что?

— Откуда я знаю? Не стой столбом, помоги! Где остальные?

— Пиво у Ревальда хлещут, — отозвался Эртель. — Или шляются по ярмарке... Нет, серьезно — кто это?

— Сказал же — понятия не имею! — огрызнулся я. — Джиб, ты знаешь, где в Хезере можно отыскать хорошего лекаря? — Десятник кивнул. — Ноги

в руки и марш за ним! Скажешь — один замерзший и один сильно обгоревший.

Джиб еще раз кивнул и убежал.

— Замерзшего вижу. — Эртель с трудом разжал руки парня, намертво вцепившегося в гриву Грома, и стащил его с седла. — А обгоревший где?

— Сзади, — я махнул рукой в сторону волокуши. — Я их на дороге подобрал. Держишь? Потащили в дом.

К счастью, народу у Ревальда, владельца «Последнего приюта», оказалось немного, а то опять бы засыпали вопросами по самую макушку. Когда мы ввалились в общий зал, там сидели несколько заезжих купцов да полдесятка моих подчиненных, бодро уничтожавших содержимое пузатого бочонка. Увидев нас, они повскакивали с мест, с грохотом опрокинув пару лавок.

— Этого — наверх! — Я и Эртель сгрузили потравившего сознание парня на руки охранников. — Соберите все теплое и закутайте его. Ты и ты, — я ткнул в первых попавшихся на глаза гвардейцев, — бегом во двор, там еще один, несите его сюда.

На шум и хлопанье дверей из кухни высунулся хозяин постоялого двора. С виду Ревальд, высокий, грузный мужик, заросший косматой черной бородицей до самых глаз, больше смахивает на разбойника с большой дороги. На деле же почтенный содержатель трактира несколько трусоват и в случае заварушек, изредка случающихся в его заведении, предпочитает держаться в стороне. Увидев, что шумим всего лишь мы, стража Пограничья, он успокоился и поинтересовался, в чем дело. Тем временем мои ребята внесли с улицы гнома. У купцов глаза полезли на лоб, а один из них выбрался из-за стола и торопливо шмыгнул за дверь. Понесся, наверное, разносить свеженькую сплетню по всей ярмарке.

— Раненые и мороженые, — жизнерадостно сообщил Ревальду Эртель. — В большом количестве. Целых две штуки. Рев, нам бы горячего вина и пару лишних жаровен...

— Сейчас принесу. — Хозяин скрылся в облаке вкусно пахнущего пара, выплывшего из-за полуоткрытой кухонной двери.

Может, Ревальд и трусоват, зато готовит он — с тарелкой все съешь и попросишь добавить...

Неизвестного парня и не подававшего признаков жизни гнома потащили наверх, в жилые комнаты. Чуть погода туда же протопал Ревальд с дымящимся кувшином в руках, а я ухватил за плечо собравшегося улизнуть Эртеля:

— Где король?

— Дядя? — Эртель на миг задумался, что для него было нещуточной трудностью. — Ушел куда-то... А, он к старосте собирался!

Гулко ударила в стену распахнувшаяся дверь — вошли Джиб и незнакомый мне высокий старик с пузатой кожаной сумкой через плечо. Очевидно, это и был обещанный лекарь.

— Привел, — кратко доложил Джиб. — Где?..

— Наверху, Эртель вас проводит. — Я подтолкнул слабо сопротивлявшегося наследника короны в спину. — Давай, давай, топай. Эти двое мне нужны живыми. Я съезжу за Эрхардом и вернусь.

— Вечно я за всех должен отдуваться... — недовольно проворчал Эртель и начал подниматься по шаткой лестнице, ведущей на второй этаж, к комнатам постояльцев. Я глянул ему вслед, убедился, что все в порядке, и выскочил во двор. Гром по-прежнему стоял возле крыльца и обрадованно заржал, увидев меня.

— Вперед, приятель. — Я забрался в седло и шлепнул коня по шее. — Дел у нас с тобой сегодня — как блох на бездомной шавке...

Жеребец понятно фыркнул и рысью поскакал через скопление лавок и палаток. Дом Мальто, старосты поселения Хезер, располагался всего через две улицы от Торговой площади, но добраться без задержек мне не удалось. В первый раз меня остановили туранцы, закутанные в теплые плащи так, что наружу только носы торчали, во второй раз — Стеварт. Вокруг распроклятых туранцев нам всем приходится бегать на цыпочках — иначе Пограничье останется без меди с тамошних рудников, а что самое главное — без туранской пшеницы. У нас-то ничего толком не растет.

Стиварта же приходится ублажать потому, что он глава нашего пока еще хлипкого купеческого союза. Я эту самодовольную рожу просто видеть не могу, но приходится сдерживаться. Не приведи Иштар, Стеварт обидится — и прощай тонкий ручеек караванов от нас на полночь и к нам из Немедии...

Никогда в жизни бы не подумал, что ради блага государства придется приносить такие жертвы — быть вежливым с какими-то купчишками. Сам себе становлюсь до отвращения противен, когда представляю, как я распинаюсь перед этими толстосумами. А Эртель еще издевается, спрашивает, чего это я в последнее время стал такой дерганый? Будешь дерганым, когда, прежде чем сказать хоть словечко, надо трижды подумать. Ему хорошо — он наследник. А я кто? Капитан оравы ни на что не способных разгильдяев, честно говоря...

Впрочем, на одно дело они вполне способны. Пиво кружками хлестать, причем за счет казны. Ну ничего, закончится ярмарка, я им всем устрою веселую жизнь! Будут у меня бегать по горам как миленькие. В лепешку разобьюсь, но ни одна зараза в мире не посмеет пикнуть, что в Пограничье нет хорошей армии!

Оказывается, по ярмарке уже успел пройти слух, что где-то в горах прячутся варвары из Нордхейма, подкарауливающие бедных торговцев, возвращающихся с ярмарки. Я клялся всеми возможными богами, каких вспомнил, что никаких нордхеймцев в Пограничье нет и в помине, за исключением Эггведа-ванира, так он здесь живет уже лет двадцать. Торговцы, кажется, не слишком поверили.

Стеарту я сказал правду — что дорога на Гиперборею здорово засыпана и что на этой дороге я подобрал мальчишку-асира, чью деревню, похоже, разрушило недавнее землетрясение. Стеарт пожевал губами, поскреб в затылке и, вздохнув, предложил мне зайти вечером и распить с ним бутылочку-другую. Это означало, что старому лису позарез нужны сведения о дорогах и делах королевского двора. Придется, наверное, идти. Может, и я чего интересного узнаю, а вино у Стеарта хорошее...

К счастью, я сумел быстренько разделаться со всей этой болтовней и выбрался с Торговой площади на более свободную улицу. Впрочем, какое там свободную! Пока я разговаривал с купцами, подошел еще один караван, и теперь широкое пространство между домами занимали мохноногие выносливые лошадки, огромные сани, груженные до отвала какими-то мешками и бочками, суетливые погонщики и проводники, озабоченные владельцы товара и неизвестно откуда возникшие покупатели. Сделки заключались прямо на улицах, и меня остановили еще пару раз, попросив быть свидетелем.

К дому Мальто я добрался уже окончательно вымотанным и злым, как демон. Или как голодный волк. Последнее более смахивало на правду, потому что есть хотелось до невозможности.

У ворот скучали двое стражников в потрепанных серых кафтанах гвардии Пограничья. Увидев меня, они враз подхватились и постарались выт-

нуться в струнку. Получилось неважно — одному мешало изрядное брюшко, второму — все время выскальзывавшее из руки копьё. В другое время я бы устроил им за такой вид разнос по всей форме, но сейчас мне было некогда.

— Король здесь? — мрачно спросил я, наклоняясь с седла.

Стражники на воротах яростно закивали, наперебой подтверждая:

— Здесь, здесь! У господина Мальто сидит, с купцами из Нумалии и господином летописцем из Тарантии...

Я спрыгнул на землю, бросил поводья Грома тому из стражей, что торчал справа от створок, и прошел в низенькую калитку.

Хороший дом у старосты Хезера. Мы во дворце живем куда хуже. Вечно дует из всех щелей, каменные полы хоть и красивые, но холодные, а в окна зимой снегу намедает. Недавно, правда, мы наняли гномов. Они подлатали крепость и построили пару новых хороших зданий, но там пришлось разместить гвардию — старые казармы грозили развалиться при первой же серьезной буре.

В распахнутые двери конюшни я заметил нескольких ухоженных породистых лошадей и рядом с ними — костлявого серого конька, принадлежавшего Эрхарду. Значит, стражники ничего не напутали. Я поднялся на крыльцо в три ступеньки, потянул на себя медную ручку-кольцо и вошел.

Внутри оказалось тепло и уютно. Меня никто не встретил, но из соседней комнаты доносились переговаривающиеся голоса и чей-то смех. Сидят, значит, и пиво небось пьют. А может, и не вовсе пиво, а что получше... Один я мотаюсь туда-сюда, как неприкаянный, а все почему? Потому что мне всегда больше всех надо.

Я еще раз пожалел себя, такого разнесчастного и замученного, а потом сунулся в комнату. Там было шумно и пахло едой, да не такой, какую подают у Ревальда, а гораздо лучшей. Вокруг тяжелого дубового стола расположились пять или шесть человек, громко переговаривавшихся между собой. Хозяин дома, Мальто, скромно приткнулся в уголке, а его жена обносила гостей пенящимися кружками. Когда она проходила мимо меня, я тоже прихватил себе одну. Только тут присутствующие наконец обратили внимание на меня и постепенно замолчали.

— Всем удачного дня и больших прибылей.— Я поднял свою кружку в приветствии.— Прошу прощения, но тут кое-что стряслось. Ваше Величество, можно тебя на пару слов?

Эрхард, король Пограничья, сидевший во главе стола, с явной неохотой поднялся с лавки. По виду это вроде ничем не примечательный человек средних лет, рано поседевший, с вислыми усами. Когда он задумывается, начинает их жевать, за что близкие и друзья над ним посмеиваются.

А вот маленькие светлые глаза Эрхарда были не по возрасту ясными и проницательными. У нашего народа есть такое понятие — Взгляд Вожака. У Эрхарда был именно такой взгляд — и не хочешь, а смотришь. И побаиваешься.

Рядом с королем сидел молчаливый строгий человек, напросившийся еще в Вольфгарде поехать с нами. Он явился ко двору Эрхарда седмицу назад, представился Евсевием Цимисхием, Хранителем путевых карт библиотеки аквилонского короля, и попросил разрешения поехать по стране — якобы для составления подробных планов наших дорог. Эрхард, посмотрев подорожные Евсевия и его дворянскую грамоту, позволил. Аквилонец некоторое время оставался во дворце, бесе-

дуя с королем и придворными (все рассказы Евсевий записывал в свою книжечку), а когда мы начали собираться в Хезер, отправился с нами. Он хороший человек, только заумный донельзя. Если в Тарантии все такие, то как там вообще жить можно?..

Эрхард оценивающе посмотрел на меня, однако из-за стола поднялся, извинившись перед купцами и ученым аквилонцем.

— Ну? — недовольно спросил он, когда мы вышли из теплого дома на посыпанное снежком крыльцо.— Что стряслось? Только давай побыстрее, я этих мерзавцев уже почти уломал привести к нам по весне пару лишних обозов. Еще бочонок — и они согласятся, а нам это обойдется за полцены.

Вот такие мы в Пограничье бессовестные торгашки. Выгадываем, на чем можем. Там золотой, здесь два — глядишь, и наберем сотню-другую для пополнения казны, не увеличивая налогов и не обдирая вечно недовольных землевладельцев. Иногда мне кажется, что казна Пограничья — эдакое до жути прожорливое чудовище с бездонным брюхом. Сколько мы не ссыпаям в нее золота и серебра — ей все мало...

Я единым духом выложил все свои новости. Эрхард внимательно выслушал, задумался и подергал себя за ус.

— Где, говоришь, эти двое?

— У Ревальда, на постоялом дворе. Я послал за лекарем и оставил Эртеля присматривать за порядком.

— Возвращайся в «Приют», — решил Эрхард.— Я разберусь здесь и сразу же примчусь туда. Что-то мне все это как-то подозрительно...

— Мне тоже, — честно признался я. Вообще-то я рассчитывал, что меня не погонят немедленно обратно, а позовут за стол, ну да ладно. Пускай Его

Величество сам обхаживает эту торговую братию. Не умею я вести заумные речи и никогда в жизни не научусь. Поеду лучше взгляну, как там мои спасенные.

* * *

В «Последнем приюте» Ревальда тоже шумели. Отнюдь не маленький общий зал постоянного двора был забит приехавшими на ярмарку, так что я трудом протолкался к лестнице наверх. Своих гвардейцев я что-то не заметил. Впрочем, двое из них обнаружились возле двери в одну из жилых комнат. Остальные, как было объяснено, ушли на ярмарку — присмотреть, чтоб не случилось чего. Я мысленно удивился — мои бездельники что, начинают понимать, чем должна заниматься королевская гвардия?

По комнате плавали ощутимые клубы жара. Ревальд приволок сюда все лишние жаровни и до отказа набил их углями, так что комната превратилась в раскаленную печку. На хлипкого вида кровати, сколоченной из тонких досок, лежал гном, а сидевший рядом лекарь увлеченно рылся в своей сумке, звеня какими-то флакончиками.

Мальчишка-асир, закутанный во все теплые плащи и пледы, что нашлись в гостинице, полулежал на брошенном на полу тюфяке, возле исходящей теплом жаровни. Выглядел он уже намного лучше. Во всяком случае, когда я вошел, он разговаривал о чем-то с сидевшим на соседнем тюфяке Эртелем.

— А где дядя? — поинтересовался Эртель, увидев меня.

— У Мальто, с купцами треплется. Сказал — скоро придет. — Я присел возле горячей жаровни и поглядел на оживающего от тепла мальчишку. — Ты как?

— Живой, — несколько неуверенно ответил парень, точно сам до конца этому не верил. — Где мы?

— В Хезере, на постоялом дворе «Последний приют», — объяснил я. — Вот этого типа зовут Эртель, меня — Веллан Бритуниец, почтенного господина лекаря...

— Зевагер, — не отрываясь от возни с пузырьками, бросил лекарь.

— Эйвинд из Райты, — назвался мальчишка. Потом скривился и еле слышно добавил: — из бывшей Райты.

Мы с Эртелем недоуменно переглянулись. Ни он, ни я раньше не слышали такого названия, а вроде бы все Пограничье облазали сверху донизу...

— Райта — это где? — немедленно уточнил любопытный Эртель.

— Пять лиг отсюда через холмы, потом вверх по склону, держась на полуночный восход, — вяло объяснил Эйвинд. — Только ее больше нет...

Я по-прежнему не мог разобраться. Землетрясением ее, что ли, разрушило, эту Райту?

Лекарь закончил греметь своими склянками, встал и многозначительно посмотрел на меня. Этот намек я прекрасно понял — нужно выйти и поговорить.

— Сейчас вернусь. — Я с сожалением встал, оторвавшись от теплой жаровни.

Старик ждал меня в узеньком коридоре и заговорил сразу, как только я вышел из комнаты. Голос у него был сухой и несколько желчный:

— Мальчик будет жить. Он несколько дней шел через горы, устал и почти ничего не ел, но это поправимо. Дней через пять все будет в порядке.

— А гном? — Хорошо, что мальчишка выживет, но мне хотелось, чтобы и подгорный житель протянул подольше.

— Умрет сегодня к вечеру, — коротко сказал Зевагер. — Я ничего не могу поделать, слишком большие ожоги. Удивительно, что он сумел дожить до сегодняшнего дня. Впрочем, подгорные карлики намного выносливее людей...

— Что ж, спасибо и на этом, — вздохнул я. — Но поговорить-то с ним можно будет?

— Поговорить — да, — кивнул лекарь. — Только побыстрее.

Внизу загрохотали чьи-то шаги, и по лестнице грузно взбежал Эрхард.

— Совсем замучили, — пожаловался он. — Это не так, это не эдак, и треть доли вынь да положи им в карман! Кровопийцы... Ну, показывай, кого ты там откопал.

— Пошли, — сказал я, открывая дверь и пропуская Эрхарда и пришедшего с ним аквилонца Евсевия вперед. Лекарь вошел следом за нами и снова уселся рядом с умирающим гномом. Эйвинд посмотрел на нас отсутствующим взглядом и уронил голову.

Мы расположились вокруг кровати. Евсевий Цимиский незаметным движением вынул из-за пазухи толстую книжечку для записей и короткое писбло: Ишь интересно ему...

Гном лежал с закрытыми глазами, но, когда мы расселись, зашевелился и взглянул на нас. Нехороший у него был взгляд — затуманенный и какой-то рассеянный. Мне очень захотелось плюнуть на все и удрать отсюда — слишком уж сильно тут пахло смертью.

Гном по очереди осмотрел всех нас, остановился на Эрхарде и полупшепотом спросил:

— Ты — правитель этой земли?

— Да, — кивнул наш король. — Мне сказали, ты хотел поговорить со мной, почтенный? Я слушаю.

Гном помолчал, собираясь с силами, потом заговорил, сначала медленно, а потом все быстрее:

— Меня зовут Нори, сын Андвари из клана Фрерина. Нам принадлежат... принадлежали поселения под Граскаалем, по вашему счету — где-то в десяти лигах от перевала на Гиперборею. Недавно совет наших старейшин решил начать разработку одной очень древней шахты, заброшенной больше тысячи лет назад...

Стоявший за мной Эртель так пыхтел мне в ухо, что пришлось толкнуть его, чтобы отодвинулся назад. Он даже не заметил.

— ...Об этой шахте ходило множество преданий, и во всех них повторялось предупреждение — не тревожьте то, что похоронено в ней. Еще ходили слухи, что в те времена, когда и Граскаалья-то еще не было, в этом месте с неба упала огромная гора и утонула в земле, оставшись в ней навсегда. Однако совет решил, что за столько лет любой злой дух, буде он действительно там обитает, давно умер или испарился. Но мы-то догадывались, что на самом деле движет советом. — Гном криво ухмыльнулся. — Возле этой шахты пролегает богатая и почти нетронутая золотая жила.

Мда, выходит, правду говорят: «Гори весь мир огнем, а гном все равно полезет за золотом...» Неужели это они умудрились устроить давешнее землетрясение?

Евсевий молча записывал слова гнома.

— Мы начали разработку. Вначале все шло замечательно — мы вскрыли старые ходы, засыпанные много лет назад, и нашли вход в шахту. А потом... — Нори надолго замолчал, так, что мы встревожились — уж не помер ли? — ...потом кто-то наткнулся на кусок блестящего и незнакомого нам металла, торчащий из цельной гранитной плиты. Металл походил на сталь лучшей выдел-

ки, но не был ею. Заинтересовавшись, мы принялись расчищать это место. Вскоре стало ясно, что найденный кусок — часть какой-то огромной металлической вещи, находящейся глубоко под землей...

Мне показалось, что мы все перестали дышать. Я-то уж точно перестал. Словно мы слушали старую сказку, да только конец у этой сказки был плохой. Такой плохой, что дальше некуда. Аквилонский книжник аж рот раскрыл от изумления...

— Нам удалось найти нечто, что могло бы служить дверью, ведущей внутрь этой штуки. Разумеется, мы попытались ее вскрыть. Мы сломали невероятное число инструментов, пытаясь взломать неизвестный металл, и после многих неудачных попыток она открылась.

— А что было внутри? — еле слышно спросил Эртель.

— Ничего, кроме смерти, — неожиданно резким и громким голосом ответил Нори. — Мы пробили отверстие в двери, и из него хлынуло зеленое пламя. Не такое, как обычный огонь — холодное и прозрачное. Все, кто был в тот миг в старой шахте, погибли на месте. Зеленый огонь начал распространяться по пещерам, расплавляя камень и убивая всех, кто попадался на его пути. Началась паника, в суматохе перевернули бочки с маслом, они загорелись... Подземелье охватил пожар. Кто смог убежать от мертвенного зеленого света, попадал прямиком в бушующее пламя настоящего огня. Зеленый огонь добрался до штолен, ведущих вверх, и огромным фонтаном вырвался наружу. Нам не удалось загасить пожар, и он по туннелям устремился на закат — к другим поселениям... Мне удалось выбраться на поверхность через брошенный рудник. Возможно, уцелел

еще кто-то, хотя в это слабо верится... — Голос гнома становился все тише, так что под конец мы едва могли разобрать, что он говорит.

— Все беды мира — от гномов, — еле слышно буркнул Эртель. Нори, как ни странно, услышал его.

— Наверное, ты прав, человек, — спокойно и даже как-то равнодушно проговорил он. — А мне было бы лучше погибнуть вместе с моими родичами. Наше любопытство привело к гибели не только наших подземелий, но и людских поселений... Будет справедливо, если вы сочтете, что во всем наша вина...

Нори закрыл глаза, точно его больше не волновало, что будет происходить в этом мире. Зато Эрхард возмущился:

— Чушь! Мало ли кто мог откопать эту вашу штуковину!

Гном не ответил. Лекарь наклонился над ним, сделав нам знак молчать, пощупал жилу на шее и развел руками:

— Все.

Жуткий запах умирающего стал настолько невыносимым, что казалось — сейчас мы его увидим, эдакое вонючее черно-зеленое облако. Это ощущение длилось всего пару ударов сердца, а затем запах пропал. Точно и не было его никогда.

Эртель облегченно вздохнул. Он, как и я, тоже чуял эту мерзость и невольно обрадовался, когда она исчезла.

Зевагер поднялся и начал собирать свои пожитки. Эйвинд заснул, привалившись к стене. Мы сидели и молчали, потом Эрхард встал и начал ходить по тесной комнатухе. Снизу доносились громкие голоса, звон кружек и визгливый женский смех.

— Ну и как будем выкручиваться? — наконец подал голос Эртель.

— Скоро здесь будет не протолкнуться от гномья, — предположил я. — Куда мы их денем? А, командир? Ведь мы ж не можем указать им на ворота — сами договор заключали. О помощи и так далее...

Командиром я зову Эрхарда по привычке. Собственно, он и есть мой командир — с того давнего дня почти шестилетней давности, когда я вошел в полуразвалившуюся столицу Пограничья и стоял посреди заросшего бурьяном двора, пытаюсь сообразить, есть ли у них тут хоть какой-никакой трактир. Трактир — «Корону и посох» — я нашел довольно быстро, и там же наткнулся на невысокого типа с хитровато прищуренными глазками, в форме десятника пограничной стражи. А еще через пару дней я поступил на службу тогдашнему королю Пограничья Невиллу. Потом было много всякого — и ночные скачки по разбитым дорогам, и грабившие страну шайки, и Бешеная Стая, и война с вольными кланами в закатных землях... А теперь еще и это!

— Не о том думаете, — оборвал нас Эрхард. — Вы лучше прикиньте — если кто-то прознает о том, что гномы шуровали под горами и вызвали на свет Нергал знает что, чем все закончится?

Тут и соображать долго не надо было.

— Большим побоищем. Только нам против гномов в жизни не выстоять, — мрачно сказал Эртель.

— Значит, никто и не должен знать, — подхватил я. — Было землетрясение, оно разрушило гномьи пещеры, гномы подались к нам — и весь разговор. Так?

— Так, — согласился Эрхард. — А потому держите языки за зубами. Почтенный Зевагер?..

— Я не глухой, Ваше Величество, — сухо ответил лекарь. — И понимаю, что Пограничью война с

гномами нужна так же, как гадюка за пазухой. Я ничего не слышал.

— А раз так — пошли все вниз, — предложил Эртель. — Этот парень дрыхнет, его и камнепадом не разбудишь. Посидим, может, и надумаем чего...

— Почтенные месьюры, — вдруг заговорил доньше молчавший аквилонец, Евсевий Цимисхий, — сей подгорный житель рек о некоем зеленом пламени, возникшем из найденного монолита. Вспомните минувшую ночь и случившееся после полуночи сколь предивное, столь и загадочное зарево в закатной стороне. Подстегни иноходцев твоей памяти, о король...

Этот книжник всегда изъясняется чудовищно вычурным языком, от которого и меня и Эрхарда слегка мутит. Но сейчас король даже не скривился.

— Митра, Бел и все боги небес! — У Эрхарда отвисла челюсть. — Мы ж сами его видели вчера! Но... А, ладно! Евсевий, пойдем вниз, обсудим.

Да, действительно, аквилонский мудрец прав. Недавним вечером, на половине пути к Хезеру, наш отряд встал на ночевку. И, когда луна начала заходить, над горами вдруг появилось светящееся зеленую облако, постепенно опустившееся на землю где-то далеко, за перевалом. Мы долго гадали, что это такое, но после решили — наверное, виделось небесное сияние, часто случающееся осенью и зимой. Но после рассказа Нори вчерашнее событие предстает в несколько ином свете. Постойте, но ведь Эйвинд вытащил гнома из шахты полных три дня назад, после пожара в гномьих подземельях... Почему свет опять появился, да еще и в другой стороне?

Надо подумать на досуге. Однако голос разума мне подсказывает: гномы раскопали вещь, которую лучше было никогда не трогать...

Мы накрыли умершего гнома снятыми с тюфяков слегка облезшими шкурами, подкинули в жаровни по несколько кусочков угля и вышли. Лекарь распрощался и ушел по своим делам, не отказавшись между прочим от трех золотых талеров, что я предложил ему за услуги. Одного стражника я отпустил, второго оставил в комнате — приглядеть за Эйвиндом. И пошел себе вниз по прогибающейся лестнице, думая, что надо бы намекнуть Ревальду починить ее, а то кто-нибудь обязательно свалится. И еще о том, что надо будет расспросить как следует этого Эйвинда из Райты, что там у них стряслось, и где мы сумеем разместить гномов из разрушенных подземелий. А еще о шумевшей на площади ярмарке, и о том, что в ближайшее время в Пограничье наверняка что-то случится и ничего хорошего сейчас ждать не придется...

Невеселые, короче, были мысли. И чего, спрашивается, меня понесло проверять этот разнесчастный перевал?

Глава шестая МОРАДДИН, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Немедия, замок Эрде. Бельверус, королевский дворец.
Окрестности города Далем
28-й день первой осенней луны,
2—3-й дни второй осенней луны. 1288 г.

«...Тревожные предзнаменования, прошедшие мимо правителей королевств заката, наконец проявились во всей своей пугающей силе. Первым местом их столкновения с людьми стала Немедия, а точнее — небольшие города и поселки, расположенные на полуночной границе и вдоль Желтой реки, что отделяет владения Немедии от земель Бритунии. Здесь же была сделана первая попытка противостоять надвигающейся с полуночи непонятной угрозе. Попытка оказалось безуспешной — рискнувшие встать на защиту владений Трона Дракона погибли, равно как и многие из числа сопровождавших их. Однако была в этом прискорбном событии и светлая сторона — наиболее дальновидные люди начали понимать, что опасность грозит не только их странам, но и всем землям, расположенным на закате...»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

— Господин граф, Вестри опять залез на дерево в саду и теперь не может спуститься...

— Не может или не хочет? — Я повернулся к двери, где стояла толстая пожилая женщина по имени Хейд, няня моих детей. — Почтенная, не беспокойся за него. Посидит и слезет.

— Да, но он сидит на ветке уже с утра, милорд. — Хейд выглядела донельзя расстроенной. — Дело в том, что это дерево — зингарская груша. Плоды пока не созрели, а Вестри говорит, что подождет, пока груши не станут сладкими...

— Значит, пускай сидит, — спокойно ответил я. — Осталось недолго. Недели две. А чем занимается маленькая Долиана?

Долиана — это мой младший ребенок. Дочка. Ей сейчас всего восемь лет, но выглядит она гораздо старше, уже умеет читать и писать, а я учу ее аквилонскому языку, чтобы потом отправить в школу при главном храме Митры, в Тарантию. К сожалению, в нашей стране нет хороших храмовых школ, где девочек учили бы не только петь или танцевать, но и серьезным наукам. С Вестри проще — он, как только исполнится четырнадцать, отправится в знаменитую военную Академию в Бельверусе. Это уже решено, что бы там ни говорила моя возлюбленная супруга.

— К Долиане приехал учитель из столицы, — сообщила Хейд. — Они занимаются наукой исчисления.

— Хоть кто-то ведет себя спокойно, — проворчал я. — Ладно, почтенная Хейд, ты можешь идти. И не беспокойся за Вестри — когда проголодается, слезет сам. Если пойдешь на кухню, скажи, чтобы мне принесли бокал сухого красного вина и холодного мяса.

Хейд, хотя и была толстухой, передвигалась исключительно неслышно. Я даже не заметил, как

она вышла из кабинета, оставив меня наедине с работой. Только моя собака — громадных размеров серый горский волкодав по имени Бриан — составлял сомнительную компанию. Впрочем, пес уснул, и его было не слышно.

Вот чего-чего, а работы никогда не бывает мало. Я посмотрел на утреннюю почту, доставленную из города, и понял, что разбирать бумаги придется до вечера. Все пакеты украшены большими государственными печатями или надписями, предупреждающими об абсолютной секретности. Два письма из Турана, одно аж от самого короля Зингары (и что понадобилось от меня старику Фердруго?), еще одно из Ианты и множество менее ценных пакетов от моих служащих...

Немедийская тайная служба (носящая скромное название «пятый департамент личной канцелярии короля») считается лучшей во всех странах заката. Таковой ее создал мой предшественник, герцог Лаварон. Мои шпионы (давайте уж называть вещи своими именами...) работают во всех столицах, от пределов Поднебесной Империи Кхитая до пиктских границ. Король, раз в два дня получающий мои доклады, знает о большинстве самых невероятных тайн, тщательно скрываемых прочими властями, волшебниками или известнейшими купцами. Мы, тайная служба Немедии, способны предотвратить заговор против какого-нибудь туранского эмира (да и устроить его при необходимости мы тоже вполне в состоянии), перехватить контрабандный груз, захватить и доставить в тюремную крепость Бельверуса злодея короны или опаснейшего пирата, не дающего проходу мирным судам у берегов Западного океана... В общем-то, мы можем все или почти все.

Я не удержался от того, чтобы тихонько рассмеяться. Если могущество тайной службы принимать

всерьез, то встает законный и сам собой напрашивающийся вопрос: кто, в таком случае, правит страной? Я? Король? Или первый министр Тимон? Или все вместе? Самое смешное в том, что бразды правления остаются, как и было спокон веку, в руках короля. Именно он решает, выделить ли из казны лишние деньги на подкуп офирского министра или нет, дать нам для запланированного покушения на шадизарского торговца серым лотосом лишний отряд или не дать... Однако на решение короля всегда можно слегка повлиять. А главное — точно просчитать все действия, заранее опережая соперника на три хода.

Конечно же, хорошие отношения с Тимоном или принцами тоже играют свою роль. Не забуду, как Его Высочество принц немедийский Зинген, третий сын короля, уговорил папу выслать из страны посланника асгалунского городского совета. Последний — скользкий и неприятный тип — был главой в шайке торговцев черными рабами, но король шемиту благоволил. За слишком богатые подарки. Нимед и слушать не хотел о том, что его дорогой друг из Асгалуна занимается неприглядным ремеслом и требовал предоставить доказательства того, что шемитом нарушается эдикт о запрете работорговли в нашем королевстве.

Ну, и представили мы ему доказательства. Я упрямил принца Зингена поговорить с шемитом о покупке десятка черномазых рабов, тот попал на крючок и доставил живой товар (скрытно, правда) аж в сам королевский дворец. Скандал был!.. История не самая интересная, но показательная.

— Папа! — Дверь распахнулась, и в кабинет буквально влетел Вестри, красный и тяжело дышащий. Как видно, с груши он все-таки слез, и даже без дополнительного приглашения со стороны Хейд. Или дерево попросту сломалось. — Папа, почему

Ольден не дает мне поиграть с твоим мечом? Скажи ему, чтобы отдал!

Начинается. Сейчас ему нужен меч, ко второму послеполуночному колоколу Вестри потребует лодку, чтобы покататься на озере, а к вечеру захочет лук, чтобы пострелять белок в парке. Не удивляюсь, что Ольден, его воспитатель, иногда отвешивает мальчишке тяжеленные подзатыльники. Я вообще-то не против таких наказаний, с Вестри действительно нет никакого слада. Ничего, через полтора года отправлю его в Академию, а там маленького обормота быстро научат уважать старших и умерять свои желания.

Я сам, кстати, вырос среди людей, и моя мать была человеком. Отец — Гроин, сын Фарина — происходил из рода гномов. Да, мой родитель самый настоящий подгорный гном. Не надо думать, будто племя рудознатцев совсем вымерло. Мои родичи по сей час живут в Кезанкии, Граскаале и Эйглофиате. Гномов не слишком много, гораздо меньше, чем людей. Так получается потому, что прокормить больше двух детей семье гномов довольно сложно. Особенно, если клан почти не общается с людьми и не выходит торговать на поверхность. Конечно, за долгую жизнь (лет двести пятьдесят — триста) родить и воспитать всего двоих детей — это мало. Между прочим, я унаследовал от отца не только небольшой рост, но и долголетие. Мне сейчас под шестьдесят, а в бороде седых волос еще нет. И чувствую я себя довольно неплохо, а жена утверждает, будто выгляжу, самое большее, лет на тридцать с лишним...

Так вот, о детях. Мы с Рингой долго думали, стоит ли ей родить от меня ребенка. Все-таки мы представляем насквозь противоположные расы. Ринга, моя жена — урожденный гуль (а если выражаться понятнее — вампир) из Рабирийских гор,

хотя выглядит точь-в-точь как обыкновенный человек. Никаких внешних отличий. Я — наполовину гном. Тринадцать лет назад мы сходили к одному известному мудрецу, жившему в Нумалии. Старца звали Серфиосом, и поговорить с ним мне посоветовали знающие люди при дворе Нимеда. На наш с Рингой вопрос Серфиос ответил, что все мы — дети Единого, а потому никакие отличия не повлияют на рождение ребенка. Так и получилось: Вестри родился здоровым и крепким, а потом на свет появилась Долиана. От меня они получили в наследство не слишком большой рост и гномью силу, а от матери — опять же долголетие и, как это ни странно звучит, отличные крепкие зубы...

Я люблю детей. Я готов потворствовать их шалостям — в конце концов, Вестри и Долиана пока только лишь маленькие дети. Гораздо хуже, когда они тебя отрывают от работы. К сожалению, Ринга не в состоянии уделять им слишком много внимания — она постоянно в разъездах, а я обычно освобождаюсь только к вечеру. В результате все бедствия, причиняемые в основном Вестри, сваливаются на Хейд и Ольдена.

— Папа! — напомнил о себе мой сорванец. — Так ты мне позволишь поиграть твоим мечом?

— Нет, — решительно ответил я. — Если хочешь, вечером мы потренируемся на деревянных клинках, а боевой тебе еще рано брать в руки.

— Ну-у... — скривился Вестри. — Мне надоели эти деревяшки! Хочу настоящий.

— Выйди, пожалуйста, из кабинета и плотно затвори дверь, — строго сказал я. — Не мешай работать. Обо всем мы поговорим после шестого полуденного колокола.

— Ты всегда так говоришь — после шестого, после седьмого, — обиженно сказал Вестри, развернулся и ушел.

Я вздохнул и взялся за первое письмо. Ого! Напомнила о себе старая и добрая знакомая, почтенная госпожа Стейна из Султанапура. Стейна — содержательница и владелица нескольких замечательных домов свиданий в столице полуночного Турана. Я с ней познакомился тогда же, когда и с Конаном Киммерийцем, ставшим теперь не кем-нибудь, а аквилонским королем. Я ему многим обязан — не будь Конана, я, наверное, до сих пор сидел бы на презренной должности надсмотрщика в Кезанкийских горах. Этот человек притягивал к себе неприятности и приключения, как губка — воду, и последняя наша с ним авантюра закончилась для меня здесь, в Бельверусе. Именно благодаря Конану меня заметил герцог Лаварон и взял в тайную службу короля. А Конан поехал дальше — искать новых приключений на свою голову...

Итак, что же пишет Стейна, мой лучший туранский осведомитель?

«Привет тебе, милый Мораддин! Огромное спасибо за сундук с золотом, переданный мне немецким посланником. Не понимаю, как ты можешь выбивать у своего короля такие большие деньги для старой, бедной и больной женщины? Не думаю, что мои услуги столь ценны и значительны. Но все равно спасибо.»

Недавно к нам заходил кофийский тысячник, по имени Астарус. Он гостит во дворце эмира Хааб-Берди, а ночами ходит развлекаться в мое заведение. Какое счастье, что я не уехала домой, а подслушала его пьяный разговор с одной из девочек! Он кричал, будто скоро король Страбонус станет повелителем всего заката, только сначала он сбросит проклятого варвара, севшего на аквилонский трон, туда, где ему самое место — в навозную кучу. До нас уже дошли слухи, что наш старый приятель Конан добился своего и стал

самым настоящим королем. Хотела было ему письмо написать, да застеснялась. Он теперь такая важная персона... Хотя напомнить ему о том, как вы спалили мое первое заведение — ты ведь помнишь, оно называлось «Врата Ста Удовольствий»? — следовало бы.

Мне жаль, но кофиец не сказал более ничего вразумительного. Только ругался на Конана и грозил. Но все равно — его слова могут быть тебе интересны. Я знаю, что ты с подозрением относишься к всему, что связано со Страбонусом.

У нас поспели персики, и я хотела послать тебе пару ящичков, но везти такие нежные фрукты через сотни лиг невозможно. Они наверняка сгниют. А жаль.

Если вдруг окажешься в Султанануре — обязательно заходи. Заведение стоит на прежнем месте, а я живу в Верхнем городе, на Абрикосовой улице, собственный дом. Ты его сразу узнаешь, он такой миленький...

С поклоном, твоя Стейна.
Шестнадцатый день второй летней луны
сто шестого года Огненного Дракона,
Султананур»

Из этой невероятной женской болтовни можно было выделить только несколько полезных слов. Мы всегда знали, что Коф и король Страбонус представляют собой опасность для мирной жизни стран заката. Страбонус страдает манией величия, а его придворный колдун Тсота-Ланти таковую манию старательно поддерживает. Из письма Стейны можно заключить, что в Кофе строят какие-то замыслы и планы насчет Аквилонии и Конана, который, по моим сведениям, пока не слишком крепко держится на троне. Какое счастье, что на

свете есть дорогие публичные дома и посещающие их подгулявшие вельможи, которые порой начинают говорить лишнее...

Одним словом, по этому делу придется назначить специальное разыскание. Я думаю, что надо послать гонца в Хоршемиш, к немедийскому послу, а он уже передаст приказ нашему человеку во дворце Страбонуса...

В дверь снова постучали. Да не робко, как все домашние, знающие, что отвлекать меня во время работы не следует, а настойчиво и громко. Проснувшаяся собака грозно заворчала. Бриан может напугать кого угодно, кроме, единственно, моих детей... Они считают пса громадной пушистой игрушкой и отравляют ему жизнь как только могут.

— Что такое? — вскинулся я. — Войдите!

Этого еще не хватало... На пороге кабинета стоял королевский гвардеец со знаками отличия капитана срочной королевской почты. Я его знал — капитан Дартус ездил гонцом лично от самого Нимеда. Иногда он доставлял мне очень важные документы.

— Милорд граф, — отчеканил Дартус, даже не поздоровавшись. — Его Величеством мне приказано передать на словах следующее: «Пусть Мораддин, граф Эрде, немедленно прибудет в наш дворец в Бельверусе. На полуночных границах страны происходят события, ставящие под угрозу безопасность трона и всей Немедии». Собирайтесь, граф, мне поручено сопровождать вас.

Волкодав прекратил рычать и уронил голову на лапы. Наверное, узнал гонца.

Интересные новости... Что такое могло приключиться? Не война же с Пограничьем? Король Эрхард не в состоянии начинать боевые действия против Немедии. Да он и не станет этого делать — внутри его страны и так полно неотлож-

ных забот. Бунт мелких дворян или землевладельцев? Исключено. На полуночи люди довольны жизнью и поддерживают короля, тем более что наместником в тех провинциях младший сын Нимеда, принц Ольтен, очень разумный и деятельный молодой человек. Какие-нибудь неприятности с Бритунией? Э, да чего гадать! Надо ехать.

Я знал, что при срочной необходимости можно появляться во дворце без парадного платья, а потому только схватил меч, накинул плащ и пошел вслед за Дартусом к конюшням.

— Папа! — Вестри подбежал ко мне, когда мы уже садились на лошадей. — Ты ведь обещал побиться со мной на деревянных мечах вечером! Ты скоро вернешься?

— Скоро, скоро, — успокоил я его. — Слушайся Хейд и учителя. Если будешь безобразничать — вернусь и накажу.

Вестри обиженно засопел, но промолчал и, развернувшись, пошел к дому. И тут на крыльцо вышла Долиана вместе с Хейд. Дочка, одетая в синее платье, держалась за руку няни и внимательно смотрела на меня. У Долианы глаза моей жены — огромные, светло-желтые и загадочные, — а потому мне всегда кажется, что она даже в восемь лет понимает и знает о жизни больше, чем я или кто-либо другой.

— Счастливо, малышка! — махнул я рукой. — Жди к вечеру, я тебе почитаю книжку о святом Эпимитриусе и его чудесах.

Долиана ничего не ответила, просто стояла и смотрела, как я уезжаю.

Коня сорвали с места и вынесли нас с Дартусом за ворота замка.

Я и не предполагал, что вернуться домой получится лишь через несколько месяцев...

* * *

Во дворце царил настоящий переполох. Я сразу понял — случилось нечто действительно серьезное. У дверей личных королевских покоев стража была усилена, к королю пропускали только по его приглашению, а кроме того, начальник стражи, встречавший меня и Дартуса на главном дворе, успел шепнуть, что прибыло срочное посольство из Пограничья. Значит, я был отчасти прав. Неприятности начались в королевстве Эрхарда. Но каким образом они могут затронуть нашу державу, уже много лет славящуюся могуществом и спокойствием? И потом, Пограничье, известное своей переменчивостью во власти, никогда прежде не направляло посольства в Бельверус. По крайней мере, на моей памяти.

— Король ждет тебя, — сказал начальник стражи. — Идем быстрее. Буквально только что к Его Величеству провели посла из Вольфгарда и барона Клеве.

Я вспомнил, что ленное владение Клеве располагалось у самых рубежей Пограничья, возле Соленых Озер. Если барону потребовалось приезжать в столицу, чтобы встретиться с королем, значит, события происходят необычайные.

Алые пикинеры, личная стража Нимеда, пропустили меня беспрепятственно, задержав, однако, капитана Дартуса. Ему пройти к королю не позволили. Я прошел через несколько комнат к рабочему кабинету Его Величества. Если Нимед принимает чужестранных послов не в парадной зале, а у себя, это тоже о многом говорит.

Дверь была приоткрыта, а безмолвные пикинеры, стоящие возле нее, на меня и не взглянули. Значит, можно войти.

— Государь. — Я вошел в кабинет. — Будет ли мне позволено присутствовать?

— Только тебя и ждем, дорогой граф, — отозвался король. — Входи и присаживайся.

Все присутствующие сидели за большим овальным столом из красного шемского дерева. Нимед выглядел слегка подавленным, если не сказать — напуганным.

Король у нас человек пожилой — через два года Нимеду стукнет шестьдесят, — но государственно-го ума и хватки ему не занимать. Он правит страной уже несколько десятилетий, и за это время успел многое сделать. Усмирил баронскую вольницу, понизил налоги, не причинив ущерба казне, несколько раз воевал с соседями, причем победоносно. Вот и сейчас он не сбрасывает дела на Тимона, сидящего от него по левую руку, или наследного принца Нимеда-младшего. Предпочитает все делать сам.

Я внимательно оглядел всех людей, собравшихся в кабинете короля. Канцлер Тимон, старый надутый индюк, сидел с видом куда более Величественным, нежели у монарха, принц обеспокоенно потирал короткую бородку, а вот трое остальных были мне неизвестны. Наверное, это и есть посольство Эрхарда.

— Позволь, я сам представлю тебе гостей, — сказал Нимед, рукой указывая на кресло слева от Тимона. Министр посмотрел на меня недовольно. — Это сам посланник государя Пограничья Эрхарда. Его зовут Веллан Бритунец.

Я глянул на светловолосого крепкого человека, сидящего напротив Его Величества, наткнулся на ответный уверенный взгляд ярко-синих глаз, и мне стало не по себе. От предков-гномов я получил умение *чувствовать*, и сейчас оно мне весьма пригодилось. Месьор Веллан выглядел человеком, но что-то мне подсказывало — этот посол такой же «человек», как и моя жена Ринга. Впрочем,

сейчас неважно, гуль он там или кто другой. Я спокойно отношусь к представителям других разумных рас.

— Этот человек называет себя Эйвиндом из Райты, вольным землевладельцем, — продолжил король, указывая на здорового долговязого парня.

Так, понятно, крестьянин. Эрхард что, совсем ополоумел? Присылать ко двору Нимеда крестьянских сыновей? Или что в таком случае стряслось в Пограничье, если не напало даже самого заухдалого дворянчика?

— Тот, который спит, — король невесело усмехнулся, кивая в сторону молодого человека лет двадцати пяти, слегка похрапывающего в своем кресле, — является бароном Клеве. Месьор Веллан, разбудите барона, пожалуйста.

Посол ткнул Клеве локтем так, что тот подпрыгнул. Однако смущения на лице барона не было никакого. Он из породы тех северян, которые неизменно кичатся своей баронской цепью и многочисленными благородными предками. Их нельзя напугать даже королевским гневом, но в то же время северные дворяне никогда не забывают о правилах этикета. Как видно, барон слишком устал с дороги, раз позволил себе заснуть перед лицом правителя.

— Этого господина можно называть Мораддином, графом Эрде, — представил меня Нимед.

Гости кивнули. Больше всех стеснялся деревенский парень, он даже покраснел, когда я ему слегка поклонился.

— Рассказывайте, — требовательным голосом сказал король, когда я сел на свое место. — Месьор Веллан, изложите дело еще раз и со всеми подробностями.

— Ваше Величество, — глубоким голосом начал посол. — Король Эрхард отправил нас в столицу

твоего великолепного королевства с дурными вещами...

— Поймите, — мягко перебил его Нимед. — Нам сейчас не до соблюдения приличий. Оставьте вступления и переходите прямо к делу.

— Ну, если так... — Послу явно стало легче. Этот странный Веллан наверняка не владел пышным дворцовым языком. — Значит, вот что получилось. Поехали мы с королем Эрхардом на ярмарку. Ярмарка у нас бывает каждый год, в большом поселке под названием Хезер. Это возле предгорий Граскааля...

Я заметил, как Тимон скривился. Ну конечно, этот обленившийся аристократ, всю жизнь проведенный в дворцовых покоях, не представляет, как можно царственной особе таскаться по ярмаркам. В отличие от Тимона, я неплохо осведомлен о положении дел в Пограничном королевстве. Там король должен заниматься любимыми делами самостоятельно. Не удивлюсь, если Веллан скажет, будто Эрхард пил пиво с купцами. Хорошая торговля необходима Пограничью, как воздух, а потому тамошний король в лепешку расшибется, лишь бы угодить заезжим торговцам из соседних стран.

— ...Я ходил проверить перевал, пострадавший после землетрясения, — продолжал тем временем Веллан, уже рассказав о ярмарке и случившейся судороге гор. — Возвращаясь в поселок, я встретил вот его, — светловолосый бритунец ткнул пальцем в Эйвинда, постоянно ерзавшего в кресле. Сиденье было рассчитано на человека нормальной комплекции, а не на детинушку, внешним видом напоминавшего предводителя ванахеймских пиратов. По моему мнению, этот крестьянин был урожденным асиром и превосходил меня ростом раза в два.

— Да, — робко сказал Эйвинд, с почтением косясь на Нимеда. — Я ходил на охоту, когда случилось землетрясение. Возле моего поселка из земли вырвалось что-то странное. Вроде зеленого облака или струи огня. Все родичи исчезли.

— Ты про гнома лучше расскажи, — шепнул Веллан.

— Да, было дело, — прогудел крестьянин. — У нас гномы всегда жили. Провизию покупали за золото и камешки. По дороге домой я нашел возле старой шакты гнома и потащил в Хезер. Он такого нарасказывал...

— Что именно? — подал голос наследный принц. — И где сейчас этот гном?

— Умер, — вздохнул Эйвинд. — Он сильно обгорел, а лекарь сказал, что не сумеет его спасти.

— Гном Нори из клана Фрерина успел рассказать немного, — перебил Веллан. — Мы поняли, что рудознаты раскопали в глубине гор некую вещь. Огромную, из неизвестного им металла, похожего на хорошую сталь. Конечно, они попытались проникнуть внутрь этой штуковины, а когда им это удалось, стряслось бедствие. Появился странный зеленый огонь, разрушивший гномьи подземелья, а потом начались неприятности в нашем королевстве.

— Какие же? — прищурился Нимед. — Опишете более подробно.

— Рассказывай про свою деревню. — Веллан взглянул на Эйвинда. — Со всеми деталями.

Из сбивчивой повести рыжего здоровяка я понял только одно: все население его поселка исчезло неведомо куда, дома остались нетронутыми, а рядом с деревней обнаружился странного вида провал в земле. Интересным было замечание о трупке некоего невиданного доселе существа — с прозрачной кожей, лицом демона и светящимися ногтями.

— Вот и все,— пожал плечами Эйвинд, закончив свою историю.— А я потом пошел в Хезер и потащил с собой найденного гнома.

— Что было дальше? — Король перевел взгляд на Веллана.

— Хреново было,— брякнул посол. Тимон после этих слов возмущенно засопел. Наверное, канцлер и не слышал подобного нигде, кроме гвардейских караулов. Тимон некоторое время служил в армии. Очень давно.— Через два дня похожий фонтан зеленого пламени появился около деревни Арбро, десятью лигами южнее Райты. Когда примчался отряд королевской стражи, обнаружилось, что поселок опустел. К сожалению, в этом году уже в первый осенний месяц выпал снег, и после метели стража не смогла отыскать никаких следов. Однако почти в центре поселка десятник нашел причудливую трещину в земле. А жители ближайшей деревни видели, как ночью в небеса ударила струя зеленого огня... Да и мы с королем видели. Издалека.

— А потом? — Принц Нимед-младший оперся обеими руками на стол и глаза в глаза уставился на Веллана.— Где-нибудь еще случалось извержение?

— Случалось,— сокрушенно кивнул Веллан.— Мы проследили, что огненные струи появляются только по ночам и их движение направлено к границам вашего королевства.— Выдержка неожиданно подвела Веллана, и посол почти выкрикнул: — Мы потеряли пять деревень! Не меньше тысячи человек делись неизвестно куда! Только один раз стража обнаружила тела существ, которые описывал Эйвинд...

— Я видел этих существ,— не выдержал наконец барон Клеве и, не спросив позволения, вмешался в разговор.— Я живу возле Соленых озер, там стоит мой замок. Выброс зеленого пламени случил-

ся в ближайшей от замка деревне четыре дня назад. После полуночи меня разбудил мажордом и сказал, что происходит нечто невероятное...

— Ты видел фонтан пламени своими глазами? — Я решил, что стоит расспросить молодого барона более подробно.

— Видел,— наклонил голову Клеве.— Едва зарево погасло и начался рассвет, я взял дружину и поехал к деревне.— В его голосе слышались испуганные нотки.— Мы застали жуткую картину — какие-то твари, лишь отдаленно похожие на людей, собирались в толпу на площади перед домом старосты.

— Ты рассмотрел этих существ вблизи? — снова спросил я.

— Конечно,— ответил барон.— Как сейчас вижу тебя. Они точь-в-точь такие, как описывал этот человек из Пограничья. Через кожу видны все внутренности, лица треугольные, голова будто яйцо... Но самое нехорошее в том, что твари на наших глазах сбрасывали людскую одежду.

— Что-о?... — наклонился вперед первый министр.— Ты хочешь сказать, будто прежде это были настоящие люди?

— Не знаю,— честно признался Клеве, разводя руками,— однако похоже, что дело обстоит именно так. Может быть, зеленый огонь, вырвавшийся из воронки возле деревни, изменил их?

— Абсурд! — Тимон ударил ладонью по столу.— Ничто не может изменить сущность человека! Если ты родился человеком, значит, ты им останешься на всю жизнь.

Я заметил, как Веллан чуть усмехнулся уголком губ. Любопытно...

— Погодите, погодите,— прервал первого министра король.— А дальше? Ну рассказывайте же, барон!

— Мы увидели, как твари всем скопом направились прочь из поселка,— продолжил свою повесть Клеве.— Ни я, ни дружинники не решились подъехать к ним поближе, уж больно жутко было. Чудовища ушли в сторону Пограничного королевства, на полночь. Я немедленно отправился в столицу, чтобы сообщить властям о случившемся, а по пути нагнал месьюра Веллана и его сопровождающих...

— А на следующий день ты замечал что-нибудь необычное в пределах своих ленных земель? — задал я вопрос барону Клеве.

— Да,— подумав, ответил он.— В лесах около брошенной деревни начало дохнуть зверье. Олени, барсуки, волки...

— Я перебую почтенного барона,— вдруг подал голос молчавший Веллан.— Думаю, что государь Нимед и его верные слуги знают о том, что в моей стране обитают не только люди и гномы, но и народ, обычно называемый оборотнями. Полулюди-полуволки.

— Да, я слышал об этом,— согласился король.— Возле ваших рубежей и в некоторых баронствах Немедии тоже обитают создания из этого немногочисленного племени. Одно время оборотни даже служили у меня в гвардии, да и сейчас в столице можно найти с десяток таких существ. Я не вижу в них ничего плохого или опасного, равно как в гномах или альвах. А в чем, собственно, дело?

— В покинутых деревнях стража Эрхарда находила мертвых оборотней, постоянно живших там вместе с людьми,— пояснил Веллан.— Если люди исчезают или, как предполагается, становятся некими жуткими тварями, то оборотни просто умирают. Как волки, про которых упомянул барон. Оборотень по сути стоит ближе к миру животных, и

поэтому порождение гор действует на него, как и на других зверей...

— Понятно,— пробормотал я. Сообщения с полуночи действительно настораживали. Но самое неприятное было впереди...

— Теперь время сказать мне.— Король выпрямился и обвел взглядом всех собравшихся.— Подтверждения прозвучавшим рассказам я получаю уже в течение трех дней. Зеленый огонь продвигается вглубь страны. Он возникает почти каждую ночь. Уже погибло несколько деревень в стороне от баронства Клеве. С каждым разом фонтан появляется на несколько лиг ближе к столице.

После этих слов Нимеда мне по-настоящему стало страшно. Митра и Эрлик, что же такого раскопали мои сородичи-гномы в горах Граскаала? Что послужило причиной опустошения поселков в Пограничье и на полуночи нашей страны? А самое главное — что теперь делать?

— Может быть, у кого-нибудь найдутся мысли по поводу случившегося? — спросил Нимед.— Вы, господа, слышали, о чем-либо подобном?

Все промолчали. Только Тимон вялым голосом попытался предположить:

— А если это гиперборейские колдуны?.. Началось все в Граскаале, рядом с землями, подвластными Белой Руке...

— Колдуны,— выдохнул король.— Не исключено. Но мы не враждуем с Белой Рукой, и гиперборейцы никогда не лезли в наши дела. По-моему, опустошить почти десяток поселений в Пограничье и Немедии было бы не под силу даже небезызвестному стигийцу Тот-Амону в годы его величия.

— Разрешите, Ваше Величество? — У двери, в сопровождении Алых пикинеров, показался мой помощник по дворцовым делам — Кеаран, граф Майль.

Вообще-то я ожидал, что графа пригласят на беседу с послом, но, как видно, Нимед ограничился только мной, первым министром и наследником. Кеаран держал в руках запечатанное письмо.

— В чем дело? — повернулся к дверям Нимед и грозно сверкнул глазами. — Я, кажется, просил не беспокоить, пока мы разговариваем с послами короля Эрхарда!

— Прости, государь, но дело не терпит отлагательств, — серьезно сказал Кеаран. — Срочная депеша из Аквилонии... От нашего человека во дворце короля Конана. Приказано передать либо тебе, либо графу Эрде.

Король глянул на меня. Я встал, взял пакет у Кеарана и сразу же вскрыл. Если на дипломатической почте стоят три красные печати с раскрывшим крылья драконом — значит, сообщение является крайне срочным.

Письмо было не только важным, но и коротким. Я счел себя обязанным прочитать его вслух, как только граф Майль и пикинеры вышли, повинуясь жесту Нимеда.

— *«Спокойствие аквилонского королевства под угрозой, мой господин. С полуночного восхода появились признаки неизвестной опасности. Цепочка странных извержений зеленого пламени продвигается по направлению к форту Велитриум. Все поселки и города, находившиеся в районах выброса подземного огня, опустошены. Боссонский Ямурлак перестал быть закрытой землей. В Боссонии паника из-за разбежавшихся по окрестным лесам чудовищ. Более подробное письмо пришло с гонцом посольства».*

Письмо не было подписано, но я прекрасно знал, кто его автор — один из самых надежных слуг короля Нимеда, сумевший приобрести неслыханное положение при дворе моего друга

Конана. Если киммериец когда-нибудь узнает об этом, головы не сносить ни моему человеку, ни мне (если, правда, аквилонский король до меня доберется).

— Любопытно, — пробормотал Нимед, глядя куда-то в сторону. — Значит, и у наших соседей похожие неприятности.

— Да, но... — вдруг поднял глаза наследный принц. — Если это странное явление затронуло земли Ямурлака, о которых рассказывают столько страшных сказок, и тамошние монстры вышли в населенные людьми края, у короля-варвара значительно прибавилось забот...

Я очень хотел рассказать Нимеду о письме из Султанапура, но, к сожалению, в кабинете находились посторонние. Я обязан учитывать все детали, чтобы сложилась общая картина. Если в Боссонии началась паника, как утверждается в письме, а зеленый огонь направляется к Велитриуму, значит, и без того непрочный трон Конана может зашататься еще сильнее. Не исключено, что его могут подтолкнуть находящиеся в Тарантии кофийцы... Тогда равновесие, достигнутое ценой немалых усилий, рухнет, и всем нам будет, как выразился этот странный посол, весьма «хреново». Страбонус вполне способен начать интриговать за аквилонскую корону, если уже не начал. Мы обязательно вмешаемся. В таком случае война неизбежна, а сколько государств заката в нее будет втянуто, сказать невозможно.

А теперь добавилась угроза, появившаяся с полуночи.

— Месьор Веллан, — сказал король, поднимаясь. Все остальные тоже встали. — Я прошу вас и барона Клеве пройти в гостевые комнаты дворца, где вы будете ожидать нашего решения. Я вас больше не задерживаю.

— Государь, — Веллан поклонился, но уходить явно не собирался. — Вы даже не спросили, какой именно помощи просит король Эрхард...

— Какой же?

— Множество гномов покинуло свои подземелья, надвигается зима, а припасов в Пограничье не столь уж и много. Нам необходимы мука, мясо...

— Может, вам еще и пару сотен бочонков вина прислать? — сварливо осведомился Тимон. Там, где речь шла об интересах королевства, канцлер дрался, как лев. Не иначе, он решил, что Пограничье просит о бесплатной помощи.

— Лично я был бы не против, — невозмутимо ответил министру Веллан. — Но сейчас это не слишком нужно. А если речь идет о плате, то мой повелитель вполне способен внести деньги за продовольствие, которое вы пришлете.

— Мы подумаем об этом, — кивнул Нимед. — Идите.

Когда послы проходили мимо меня, я услышал, как деревенский мальчишка, оказавшийся свидетелем первого появления таинственного пламени, проворчал под нос:

— Зачем только мотались в такую даль? На живого короля посмотреть, что ли?

— Я же говорил — надо было ехать в Аквилонию, — столь же тихо отозвался Веллан. — А тут...

Послы вместе с бароном Клеве скрылись за створками двери, и мое внимание снова привлек король.

— Что будем делать, господа?

— Мы никогда не сталкивались ни с чем похожим. — Судя по тому, как Нимед на меня посмотрел, стало ясно: первым говорить дозволено именно начальнику тайной службы королевства. — Гномы часто сталкиваются с силами, не принадлежащими нашему миру. Скорее всего, сейчас сле-

дует призвать всех ученых хранителей анналов, летописцев и хронистов, чтобы они попытались изыскать в библиотеках упоминания хоть о чем-либо подобном. Вдруг сходственное явление случилось и раньше? И где-нибудь сохранились сведения о том, как с ним справиться?

— Разумно, — согласился король. — Все-таки мне кажется, что зеленый огонь — суть порождение колдовства.

— Подобное лечится подобным, — вставил свое словечко Тимон. — Полагаю, на полуночные рубежи следует послать нескольких живущих в столице волшебников или жрецов Митры, владеющих искусством магии...

— И полусотню конной гвардии, — добавил принц. — Хотя бы для охраны.

— Граф, — король повернулся ко мне, — сейчас вы должны заниматься только этим делом. Прочие, менее важные заботы, возложите на графа Майля. Думаю, он справится.

— Слушаюсь, государь, — ответил я, нагнув голову. — Колдунов я соберу сегодня же. В качестве охраны я хотел бы видеть гвардейскую полусотню под командованием барона Таркина. Мы покинем столицу завтра с утра.

— Замечательно, — слегка улыбнулся Нимед. — Лорд канцлер, распорядитесь, чтобы графу Эрде передали из государственных кладовых все, что он потребует. И кстати, сегодня же обсудите с Торговой палатой вопрос о направлении в Пограничье обозов с продовольствием. По самым низким ценам.

Больше терять время я не хотел. Спросив позволения, я покинул королевский кабинет, оставив Нимеда, принца и министра Тимона спорить о ценах на хлеб для Пограничья.

Миновав дворцовые караулы, я спустился вниз, на первый этаж. Там располагалась канцелярия

графа Майля и хранилище документов — несколько комнат с коваными чугунными дверями, охранявшимися даже лучше, чем королевская сокровищница. Кеаран встретил меня у входа.

— Что решили? — спросил он.

— В сущности, ничего. — Я отдал Кеарану письмо из Тарантии, прошел к столу, взял перо, чистый лист пергамента и попросил у одного из канцеляристов новую чернильницу. — Майль, немедленно пошли нескольких людей в город. Пусть они доставят во дворец зингарского мага Альминареса, он живет на улице Десяти Фонарей, дом двенадцать. И жреца Митры Гуарда из храма Солнечного Луча.

Майль недаром дослужился до должности моего заместителя. Все схватывал на лету.

— Король решил послать магов и жрецов к баронству Клеве? Нашим служащим следует объяснять колдунам причину, по которой их вызывают во дворец?

— Я сам им все объясню. Может быть, посоветуешь еще кого-нибудь пригласить? Из знающих волшебников я признаю только Альминареса и Гуарда, остальные по большей части шарлатаны...

Кеаран подумал и, колебавшись, ответил:

— Недавно в Бельверусе появился человек, называющий себя Тотлантом. Судя по донесениям моих шпионов из города, Тотлант — грамотный волшебник, хотя и совсем молодой. Есть, правда, одно «но»...

— А именно? — Я одновременно разговаривал с Майлем и писал письмо. Почему-то сообщение из Султанапура не выходило у меня из головы.

— Тотлант — стигиец, — нейтральным тоном сказал мой помощник. — Однако, насколько я знаю, в последние годы он жил в Пограничье.

— Стигиец? — Я оторвался от послания. — Тогда не стоит его звать. Мне не нужны люди, связанные с религией Сета.

— Тотлант не поклоняется Сету, — все также спокойно проговорил Кеаран. — Я могу показать тебе все донесения о нем, их уже скопилось около двадцати. Сам знаешь — мы обязаны отслеживать перемещения по городу любого волшебника и его встречи.

Да, разумеется. Еще герцог Лаварон, свято хранивший безопасность трона, издал распоряжение для тайной службы — каждый колдун, объявившийся в столице, должен находиться под непрерывным наблюдением людей из пятого департамента.

— Тотлант приехал в город несколько месяцев назад, — продолжал Кеаран. — Из Вольфгарда. Он покупает всякие редкие снадобья, магические безделушки и прочую дребедень. Иногда развлекает своих знакомых всякими фокусами, заглядывает в храмы Эрлика и Митры, выспрашивает о старинных легендах... По-моему, этот стигиец не представляет никакой опасности. Мы всерьез заинтересовались Тотлантом после того, как он помог герцогу Висоза избавиться от вурдалаков, обосновавшихся в поместье его светлости... Дело было сложным, но Тотлант справился с ним всего за пару дней. Все вурдалаки были истреблены, а герцог уплатил волшебнику пять тысяч золотом...

— Хорошо, — согласился я. — Приводите стигийца. Любезный Майль, прошу тебя, делай все побыстрее.

Граф покинул канцелярию, а я продолжил заниматься своим письмом. Это дело я не собирался передавать в другие руки. Если в Аквилонии начнется смута и сменится властитель, под угро-

зой будет прежде всего Немедия. Только дурак считает, что безвластие в соседней стране на руку Драконьему Трону. Это совсем не так. Мы заинтересованы в торговле с Тарантией и в том, чтобы аквилонская армия воевала не против взбунтовавшихся дворян или наших пограничных отрядов, а против пиктов. Нам не нужна территория Аквилонии. Сейчас мы хотим спокойствия на закатных границах.

Именно поэтому я попросил лучшего в истории тайной службы нашей страны конфидента немедленно отправиться в столицу Аквилонии и связаться там с человеком, находящимся во дворце короля Конана.

Очень надеюсь, что киммериец — на мой взгляд, никогда не страдавший отсутствием ума и хитрости — сам постарается избежать возможной беды. Но если дело повернется по-другому... Что ж, тогда аквилонскому трону поможет Немедия.

* * *

Более страшного поражения я не испытывал в течение всей жизни. Надеюсь, вы сможете понять, отчего я несколько отступил от присяги, данной королю Нимеду, и во многом начал действовать на свой страх и риск.

Было так.

Спустя три дня после памятного приезда в столицу посольства короля Эрхарда, наш отряд оказался в двадцати лигах южнее пределов баронства Клеве, где произошли первые извержения зеленого огня. За время пути мы не раз сталкивались с перепуганными гонцами местных дворян, направлявшимися в столицу, с беженцами, уходившими ближе к Бельверусу или Нумалии. От них мы узнавали последние новости. Почти каждую ночь земля разрывалась и возле крупных посел-

ков и городков появлялся подземный огонь. После первого выброса в баронстве Клеве случилось уже пять извержений, уничтоживших несколько деревень графства Ансбах. Чудом уцелевшие свидетели с дрожью в голосе рассказывали, как сотни тварей, появлявшихся вместо людей, уходили из погибших поселений к полуночи. Эти безмолвные стада словно гнала чья-то воля, и остановить их было невозможно. Дружина графа Ансбаха, избегнувшая общей участи, попыталась сутки назад задержать или уничтожить отряд существ, в которые, по всей видимости, превратились жители близлежащей деревни Финнан, но выяснилось, что твари почти неуязвимы. Раны, наносимые мечами, мгновенно затягивались, отсеченные конечности столь же быстро вырастали вновь, кроме, единственно, голов... Пока топавших по дороге существ не трогали, они не нападали, но едва дружинники графа использовали против них оружие, твари оказали жестокое сопротивление. Отряд Ансбаха потерял половину людей и отступил на юг. Существа, из числа которых было убито лишь десяток, отправились дальше.

Этим же вечером разрыв произошел в столице владения, а сам граф Ансбах при мне возносил молитвы Митре, в благодарность за то, что не успел с дружиной вернуться в город до темноты. Там мы потеряли около двух тысяч человек.

Я начал понимать, что грозит невиданная доселе катастрофа...

К сожалению, в нашем отряде не наблюдалось единства. Военные были сами по себе, волшебники держались надменно и в первый же вечер насмерть перегрызлись между собой, да так, что мне пришлось разнимать зингарца Альминареса и жреца Гуарда, вцепившихся друг другу в бороды. Один Тотлант, оказавшийся удивительно милым для

стигийца человеком, стоял в стороне и посмеивался вместе с Велланом и его деревенским дружкой.

Да-да, посланники короля Эрхарда упросили Нимеда отпустить их вместе с моим отрядом. Вдобавок выяснилось, что Веллан прекрасно знаком со стигийцем Тотлантом — недаром последний прожил несколько лет в Пограничье, совершенствуясь в искусстве волшбы. Я слышал, как ехавший рядом со мной бритуниец расспрашивал Тотланта о какой-то Книге Бытия и довольно ехидно интересовался, за сколько тот ее продал и кому. Маг оправдывался и клялся всеми богами, начиная от Митры и заканчивая Сетом, что помянутую книгу и пальцем не трогал, а куда она делась — представления не имеет. Потом эта парочка принялась наперебой вспоминать какой-то Черный храм и трактир в Вольфгарде под названием «Корона и посох», и окончательно развеселилась, несмотря на всю опасность нашего путешествия. Словом, велись малопонятные чужим разговорчики старых приятелей...

...Тотлант первым (это случилось вечером третьего дня пути, на привале) понял, как распространяются выбросы зеленого пламени. Он просмотрел карту полуночных краев Немедии, отметил точками места, где появлялся подземный огонь, и немедленно позвал меня. Веллан, конечно, тоже прибежал.

— Вот, смотрите. — Тотлант ткнул пальцем в карту, когда мы все уселись вокруг костра. — Вначале пострадало баронство Клеве. Потом деревни Таргут, Мольн, Висмат и Финнан. Прошедшей ночью — город Ансбах... Не видите никакой закономерности?

Как ее было не увидеть, эту проклятую закономерность?.. Я мысленно выругал себя за то, что сразу не догадался. Разрывы земли происходили по-

чти по прямой линии, продвигаясь с полуночного восхода на полуденный закат. Если употреблять термины, принятые у моряков Западного океана, — с северо-востока на юго-запад. Если через все точки, отмеченные Тотлантом, провести черту и продолжить ее дальше, получалось, что цепочка извержений пройдет через Нумалию, Бельверус, затем минует Ианту Офирскую и упрется в море где-то в районе Асгалуна. Невесело. Значит, вскоре мы можем потерять столицу и еще несколько крупнейших городов...

— У кого будут какие соображения? — сдавленный голосом произнес Веллан, хотя его не спрашивали.

— Я так понимаю, мы устраиваем нечто вроде совета? — ни к кому не обращаясь, вдруг задал вопрос Тотлант, подкидывая нарубленных мной дров в костерок. — Тогда, наверное, надо пригласить зингарца и митраистского жреца... И командира военных. — Стигийец кивнул в сторону соседних костров. Ближе всех к нам находился волшебник Альминарес из Кордавы. Его слуги уже разбили роскошный парчовый шатер, а сам маг сидел на ковре и что-то втолковывал одному из своих многочисленных учеников, которых он тоже прихватил в наше опасное путешествие. Вид у колдуна был отменно дурацкий.

— Не надо, — решительно сказал я. — Вполне достаточно нас троих.

— Четверых, — раздался сзади басок Эйвинда, которому стало скучно в одиночестве у своего костра. — Можно к вам?

— Да можно, — махнул я рукой. За последние дни я привык к этому деревенскому парню, работающему и безотказному — без лишних слов дров нарубит, лошадей почистит или сходит за водой. — Садись на бревнышко. Побеседуем о делах наших скорбных.

— Почтенные месьюры,— с кривой улыбкой начал Тотлант. Отблески пламени костра плясали на его смуглом стигийском лице.— Как сказал бы один мой известный соотечественник, именем Тот-Амон: «Скоро случится страшное, да будет благословен Сет!» Скоро полночь, господа мои. А это означает, что, проснувшись утром, мы обнаружим гибель еще одного городишки. Посмотрите заново на карту...— Он развернул и расстелил почти у самого костра отличный план полуночных областей страны, который я забрал в военной канцелярии.— Мы находимся в полулиге от городка Далем...

— Это и без тебя известно,— проворчал Веллан Бритуниец.— Ты дело говори. Кстати, почтенный Мораддин, почему мы не встали на ночевку в городе, а торчим в мокром лесу?

— Это-то понятно, почему,— прогудел Эйвинд.— Милорд граф нарочно не захотел останавливаться в городе, вдруг огонь появится? Нам тогда точно крышка...

Гляди-ка, догадался. У парня в голове побольше, чем я думал прежде.

— Я действительно решил не подвергать риску наш отряд,— подтвердил я.— Последний разрыв случился в шести лигах отсюда, но, если внимательно посмотреть на план, между Далемом и Ансбахом сплошные леса. Извержения же происходят только возле населенных мест...

— Значит, предположительно следующей жертвой подземного огня станет Далем,— перебил меня Тотлант.— Если учитывать скорость продвижения разрывов, это произойдет через день, через два. Граф, я думаю, тебе следует приказать зингарцу и жрецу подготовиться к следующей ночи. Судя по их разговорам, я понял, что они попытаются при встрече с зеленым огнем поставить магическую стену на его пути.

— А ты что будешь делать? — спросил Веллан.

— Просто посмотрю,— пожал плечами стигиец.— Если вдруг окажется, что маги не справятся, я попробую накрыть отряд так называемым «куполом Нергала». Это нечто вроде непробиваемого шатра из повисших в воздухе мельчайших частиц пыли, которой здесь в достатке. Крепче любой стены. Я подобное не раз делал в Пограничье... Все заклинания известны мне наизусть.

— Только ты в нужный момент их всегда забываешь,— хохотнул Веллан, но сразу стал более серьезным.— А если и у тебя ничего не получится?

— Тогда мы все погибнем,— спокойно и даже слегка равнодушно сказал Тотлант.— Между прочим у меня имеется одно предложение. Спать мы все равно не хотим, а проводить ночь за пустой болтовней и гаданием на рунных веточках, наверное, никому не хочется. Граф Мораддин, у тебя в седельных сумках должны лежать факелы, я их заметил на прошлом привале.

— Да,— подтвердил я.— С десяток найдется. Что ты хочешь устроить?

— Дороги здесь наезженные, лес не слишком густой, так что не заблудимся,— начал объяснять свое предложение стигиец.— Возьмем факелы и проедемся на пол-лиги к восходу, направо от дороги. Вечером я видел там очень высокий холм, больше похожий на скалу. Можно подняться наверх, и тогда я попытаюсь определить, где сейчас находится подземный огонь и как далеко он от нас.

— Ну, поехали,— пожал плечами я.— Сейчас, я только схожу к командиру гвардейцев и скажу, что мы исчезнем ненадолго.

...Скальный выход, указанный Тотлантом, мы искали недолго. Действительно, в трех четвертях лиги от лагеря мы обнаружили горку, отмеченную

на карте под названием Соколиная. Она поднималась к темному звездному небу локтей на шестьсот, и оттуда наверняка можно было рассмотреть всю прилегающую местность. Тем более что полнолуние минуло всего два дня назад и луна, не закрытая облаками, давала достаточно света. Лошадей мы привязали к стволам сосен, а сами начали карабкаться вверх. Вначале склоны горы были не слишком крутыми, но у самой вершины, составленной из обломков громадных серых валунов, пришлось попотеть. Слава богам, у нас были факелы, и никто не сломал ногу. Самое интересное, что Веллану, шедшему впереди, факел вовсе не потребовался — он объяснил мне, что, оказывается, отлично видит в темноте. Это только усилило мои подозрения о том, что посол Эрхарда — не настоящий человек.

Первыми на плоскую, голую вершину Соколиной горы забрались Веллан и Эйвинд. Я шел следом, а вот непривычного к лазанью по камням Тотланта пришлось затаскивать вверх общими усилиями. Стигиец только ругался на своем гортанном наречии и проклинал собственную недалекость — следовало, мол, левитировать.

Я выпрямился и, подставляя лицо холодному ночному ветру, осмотрелся. Так, значит, группа ярких огоньков слева — наша стоянка. Неподалеку под серебряным светом луны виднеется темная полоска — видимо, деревянная стена Далема. Маленькая звездочка над ней означает, что лунные лучи отразились в золотом диске, украшающем шпиль городского храма Митры. Заметны очень-очень слабые огни — значит, некоторые жители пока еще не легли спать. Или это факелы на крепостной стене?

— Странно, — негромко сказал Веллан, беззвучно возникая из темноты рядом со мной. Он стоял,

чуть прищурив глаза и смотря в сторону далекого города. — Я вижу у стены какое-то шевеление. Кажется, из ворот выезжают всадники и повозки... Куда это они собрались, на ночь-то глядя? Наверняка жители пытаются как можно быстрее уехать из города...

— Видишь? — Я с удивлением повернулся к послу Эрхарда. — Да здесь же полных три лиги! Это невозможно! Ни один человек не в состоянии разглядеть, что творится на таком расстоянии!

— Так то человек... — ухмыльнулся Веллан. — Жизнь в Пограничье тяжелая, чему только не научишься... Между прочим я сразу понял, что в тебе течет гномья кровь. Ложа ногтей у тебя коричневые и сложение приметное. Но я же молчу...

— Месьор Веллан — суть оборотень, — раздался сзади чуть насмешливый голос Тотланта. — Не бойся, граф, он не кусается.

— А ты уверен? — Бритуниец оскалился, на миг действительно став похожим на зверя. — Сейчас разозлишь меня — загрызу и поужинаю.

Понятно... Мое гномье чутье не подвело и на этот раз. Хотя можно было догадаться и раньше, что господин посол принадлежит к племени Карающей Длани. Наша тайная служба следила за событиями в Пограничье трех-четырёхлетней давности, и в архивах еще сохранились донесения об усмирении существа, которое называли Бешеным Вожаком, и примкнувших к нему полузверей — Стаи. Никто, в сущности, не понял, что тогда творилось в Пограничье и соседней с ним Бритунии, но результат известен — трон занял ныне царствующий Эрхард. Еще говорили, будто в той истории принимал участие некий варвар. Я не удивлюсь, если узнаю, что мой старый знакомец Конан из Киммерии наследил и в Пограничье...

— Пойдите-ка! — Тотлант вдруг шагнул к самому краю скалы и предостерегающе поднял руку. — Все замрите! Я чувствую что-то нехорошее...

Я и сам ощутил, как камень под моими ногами начал мелко подрагивать, а затем пришло чувство приближения чего-то необъяснимого и опасного. Тотлант стоял неподвижно, вглядываясь в темноту шумевшего под ветром леса, окружавшего скалу, а Веллан настороженно поворачивал голову вправо-влево и — я готов дать руку на отсечение! — был напуган до смерти. Только Эйвинд тихонько подталкивал меня локтем и шепотом спрашивал: «Господин граф, чего такое случилось?»

Он получил ответ спустя несколько мгновений.

Стигиец ошибся, говоря, будто у нас в запасе имеется минимум одна ночь...

Неожиданно землю тряхнуло настолько сильно, что мы все едва удержались на ногах, а Тотлант чуть не полетел со скалы вниз. Его спасла только сильная рука Веллана, вовремя схватившая мага за рукав. Тряска продолжалась, то усиливаясь, то затихая. Послышался странный звук, смахивающий на усиленное в тысячи раз шипение змеи, а когда он исчез, из глубины леса, примерно на полпути между нашим лагерем и городком, поднялся толстенный столб огня, разросшийся в невиданное, переливавшееся всеми оттенками зеленого, облако.

— Всем лечь! — неожиданно тоненьким голоском заорал Тотлант. — Лечь и не смотреть в ту сторону! Молите Митру о нашем спасении!

Мы все повалились на голый холодный камень, Эйвинд закрыл голову руками, а с Велланом случилась вовсе жуткая вещь. Посол вдруг забился в судорогах и я заметил, как его внешность начала быстро меняться...

Хотя стигиец и потребовал не смотреть в сторону извержения, я не мог не наблюдать за происходящим бедствием. В конце концов, именно за этим мы сюда и приехали, а кроме того, я — начальник тайной службы Немедии, дававший присягу хранить трон и государство от любых опасностей.

Облако светилось то изумрудом, то цветом вечернего моря, переходящим в оттенок нежной весенней листвы. Какое-то время оно поднималось в высоту, к звездам, но затем стало опускаться и растекаться по земле. Сгусток зеленого пламени был огромным, он наверняка мог накрыть не менее четверти нашей столицы. Впрочем, говорить об этой дряни, как об огне, было неправильно. Скорее, это напоминало светящийся туман, захватывающий собой все большее и большее пространство, или клубящуюся грозовую тучу.

Часть облака заволокла зеленой мглой оставленный нами лагерь, другая же потекла к городу, словно болотная вода, прорвавшая запруды. Я понял, что Далему и отряду барона Таркина пришел конец...

Не помню, сколько мы так пролежали. По счастью, туман не подползал к нашей скале, продолжая колыхаться в полулиге к закату. Лишь когда луна стала заходить, малахитовое облако начало рассеиваться, свет, испускаемый им, истончался и исчезал, а подрагивание скалы под нами прекратилось.

— Кажется, все закончилось... — прохрипел Тотлант, приподнимаясь и оглядываясь. — Все живы? Веллан, клянусь хвостом Сета, ты неподражаем!

Я приподнялся и сел на корточки рядом с бритунцем. Вернее, с бывшим бритунцем. В кожаных штанах, холщовой выбеленной рубашке и проклепанной дорожной куртке запутался крупный

серебристый волчище, косившийся на меня сердитыми и слегка растерянными светло-синими глазами. Я слышал об оборотнях довольно много, однако никогда воочию не видел, как они превращаются...

Эйвинд тем временем возился с факелом, пытаюсь высечь искру из кремня. Когда огонь разгорелся, Тотлант поднялся, присел рядом с волком и почесал его за ухом.

— У тебя сахарку с собой нет? — Волшебник ехидно посмотрел на меня. — Посмотри, какая милая зверюшка... Сейчас привяжем на веревочку и поведем с собой, глядеть, что случилось внизу.

Веллан-волк угрожающе поднял верхнюю губу, показав набор блестящих и острых клыков, весьма внушительных по своим размерам.

— Тихо, тихо, — примирительно поднял обе руки Тотлант. — Я пошутил. Давай быстро превращайся обратно, времени нет! Не думаю, что случится новый выброс, но лучше бы нам отсюда убраться. Облако рассеялось, и, надеюсь, мы без опасений можем спуститься вниз.

Я не стал смотреть, как Веллан превращается обратно в человека. Зрелище было не самое приятное. Лишь когда он опять стал двуногим и бело-волосым бритунийцем, я повернулся к остальным. Веллан смущенно одевался.

— Я не нарочно, — пробурчал он. — Эта сила плохо действует на наш народ... Думал, помру со страху.

— Идем вниз, — коротко скомандовал я. — Быстрее, рассвет начинается.

— Да, согласен, — кивнул стигиец. — Посмотрим, что случилось с нашим лагерем. Однако не рассчитывайте, что мы увидим там праздник с танцами и котлы, полные свежего пива...

Небо на восходе заголубело и затем окрасилось в желто-оранжевые тона. Мы едва уладили перепуган-

ганных, взмыленных лошадей и во весь опор поскакали к стоянке гвардейцев барона Таркина. Едва мы вывернули к прогоревшим кострищам, ехавший впереди Тотлант поднял руку, призывая остановиться.

— Пусть меня сожрет Сет, а потом изрыгнет кости! — воскликнул стигиец. — Не подъезжайте к ним близко!

Существа, некогда бывшие людьми — королевскими гвардейцами, волшебниками и их слугами, — сбрасывали остатки человеческой одежды и собирались в толпу возле дороги на Дале. На нас они даже не смотрели. Все было тихо, не слышалось возгласов, привычной у гвардейцев ругани или отдельных слов. Мимо моей лошади, испуганно косившейся на творящуюся жуть, прошло одно такое существо, и я смог разглядеть его во всех подробностях. Мерзко...

Тварь была ростом с человека. Две руки, две ноги. Голова странно изменила форму — череп увеличился, став яйцеобразным, нижняя челюсть, наоборот, уменьшилась, черты лица смазались, и харя жуткого создания напоминала лицо демона со сросшимся с верхней губой носом и маленькими, глубоко запавшими водянистыми глазками. Кожа больше напоминала прозрачное желе, под которым виднелись слегка пульсирующие розоватые органы...

— Впечатляет, — пробормотал стигиец. — Полагаю, ни у Тот-Амона, ни у покойного Ксальтоуна не хватило бы фантазии на подобное. А между прочим фантазия у этих господ весьма болезненная, скажу я вам...

— Ехать в город не имеет смысла, — заметил Веллан, глядя, как существа, сбившись в плотное стадо, стоят на дороге. — В Далеке наверняка то же самое.

Тут словно прозвучал безмолвный приказ, и бывшие люди одновременно тронулись с места, уходя в сторону городка. То есть на полночь, к рубежам Пограничья.

— Так, — вдруг решительно сказал Тотлант. — Вы езжайте в Бельверус, а я попытаюсь проследить путь этих красавчиков. Припасов на стоянке осталось много, оружие тоже найдется. Не пропаду. Если будет возможность — пошлю тебе, граф, письмо с королевским гондом. Эрхард меня уважает и наверняка разрешит воспользоваться своей почтой. А вообще-то, насколько я смыслю, магией во всем случившемся и не пахнет. Все-таки я умею распознавать колдовские штучки. Виденный нами зеленый огонь никак не связан с волшебной... Запомните мои слова и передайте королю.

Не слушая наших возражений, стигиец слез с лошади и пошел между пустыми палатками, собирая в мешок оставленную гвардейцами провизию. Эйвинд тоже прыгнул на землю и исчез в предрассветном тумане.

— А нам что делать? — задал вполне разумный вопрос Веллан. — Может, поедем с Тотлантом? Вообще-то нам надо возвращаться в Пограничье, раз мы договорились с королем об обозах с удовольствием...

— Немедии грозит разорение, если не гибель, — медленно проговорил я. — Если Тотлант прав и такое же дрянное дело случится возле Нумалии или Бельверуса — мы потеряем четверть населения страны. И неизвестно, сколько еще подобных цепочек потянется с полуночи... Сейчас решается судьба существования самого государства, а не только отдельных деревушек или городков.

— Ты не забыл, что и в Аквилонии происходит подобное? — напомнил Веллан. — Может быть, эти проклятые зеленые вулканы объявились и в Бритунии, и в Гиперборее... Кажется, на нас свалилась что-то очень плохое и очень страшное.

Оборотень был прав — неожиданная и непонятая беда, скорее всего, постигла все страны заката. Пока

подземный огонь распространяется медленно и появляется вдалеке от крупных городов и столиц. Но что будет дальше?.. И самое главное — какова природа случившегося? Тотлант сказал, будто волшебства здесь нет... Тогда что же это такое?

Рядом неизвестно откуда объявился Эйвинд.

— Я ходил по лагерю, — ответил он на наши вопросительные взгляды. — Людей — никого, а все кони валяются мертвыми. Нам повезло, что эта дрянь не дотянулась до наших лошадей... Велл, мы как, возвращаемся в этот самый... Бельверус?

Тотлант закончил сборы и тоже подошел к нам. Веллан молчал, что, как я уже успел понять, было для него не слишком характерно. Наконец бритуниец принял какое-то решение и внимательно посмотрел на меня.

— Мы не поедem в Пограничье, — твердо заявил он. — И в Бельверус тоже. Граф, как далеко отсюда до Немедийских гор?

— Если ехать быстро — полная седмица пути, — ответил я. — Куда это вы собрались, ежели не секрет?

— В Аквилонию. Я хорошо знаком с человеком, который теперь стал там королем, — быстро проговорил бритуниец.

«Великий Митра, кто же с ним не знаком? — подумал я. — Такое чувство, что моего старого друга знают во всех известных государствах мира!»

— И что дальше?

— Вдруг Конан уже успел придумать, как справиться с этой гадостью? У него в распоряжении огромная армия, лучшие ученые мужи, главный синклит жрецов Митры... Наконец, более знающие маги! — убежденно сказал Веллан и вдруг без всякой связи с нашим разговором спросил: — Ты никогда не слышал о том, что оборотни умеют предчувствовать?

— Доводилось, — живнул я и осторожно поинтересовался: — А тебе что-то открылось? Когда?

— В момент, когда я превратился в волка. На мгновение передо мной встала картина всего мира, затянутого зеленой пеленой... — торопливо и сбивчиво заговорил Веллан, глядя куда-то поверх моей головы на верхушки деревьев. — Лишь Аквилония светилась красным. Это цвет победы... Моя волчья суть твердит: надо ехать в Тарантию. И я поеду туда!

— Тогда и я с тобой, — вмешался Эйвинд. — Или ты что, хочешь меня здесь бросить? Пропаду ведь...

— Конечно, нет, — Веллан пришел в себя и огляделся. — Нам понадобится запас еды на два-три дня, потом купим еще, по дороге...

— В Тарантию? — переспросил Тотлант. — А что, неплохая мысль... Если где-то и сообразят, как бороться с этой напастью, то, пожалуй, именно там. Что ж, отправляйтесь в Аквилонию, а я попытаюсь разобраться, что творится в Пограничье... Пришлите мне весточку, если разузнаете что-то полезное. Я же обязательно навещу Эрхарда и сообщу ему, куда направляются все эти... преобразенные. По-моему, существа точно знают, куда надо идти...

Вот тут я и отошел от данной мною пятнадцать лет назад присяги. Конечно же, на первой встреченной почтовой станции я напишу подробный отчет о всех случившихся событиях. Изложу свои соображения и догадки моих спутников, настоятельно посоветую Нимеду срочно отправлять посольства во все страны с просьбой встать сообща против таинственной опасности, а также временно переселить людей с полуночных границ куда-нибудь вглубь страны... И перешлю письмо с военным гонцом к королю в Бельверус. Я всегда вожу с собой знаки моей власти, и мне никто не посмеет отказать в любом требовании — ни сельский староста, ни командир гвардейского полка. И через границу нас должны будут

пропустить без всяких вопросов и задержек. Подорожную на всех нас я выправлю в ближайшем городе, где найдется отделение королевской канцелярии.

Решено, мы едем в Аквилонию!

ДОКУМЕНТ

Выдержка из доклада Государственного Советника пятого департамента Кеарана, графа Майля, королю Немедии и протектору Коринфии Нимеду I. Подано в шестой день второй осенней луны 1288 г. (По счету восходных стран — 106 года Огненного Дракона).

«Государь!

Прискорбно мне огорчать тебя вестями о постигшем нашу державу несчастье, но утаивать от короля истину не вправе любой подданный, какой титул он бы ни носил, и какое положение ни занимал бы. Все изложенное здесь является правдой, неоднократно проверенной и уточненной многочисленными донесениями, поступившими в пятый департамент в течение последних двадцати дней. Еще раз обращаю твое, Государь, внимание, на то, что изложенные в докладе сведения о понесенных королевством убытках и людских потерях не преувеличены и не преуменьшены, а сколь возможно соответствуют истинному и, увы, прискорбному положению вещей.

Я, о мой король, с долей отчаяния начинаю полагать, что государство наше стоит почти на краю гибели, рядом с разверстой пропастью, из которой не будет возврата, у врат Мрака, не дающего надежды на возрождение. Фонтаны отравляющего все живое подземного огня появляются все ближе и ближе к самым густонаселенным областям страны. В последний раз земля истор-

гла ядовитое облако возле форта Альстейн — это произошло всего одну ночь назад. Как должно быть известно Вашему Величеству, форт сей находится всего в одиннадцати лигах к полуночи от одного из крупнейших городов страны — Нумалии.

Следуя распоряжениям его светлости Мораддина, графа Эрде, полученным мною со срочной военной почтой, я передал герцогу Вингесу — королевскому наместнику в Нумалии — приказ незамедлительно вывезти из города вначале дворянские семьи и армейские отряды, а затем, в течение двух дней, остальное население. Надеюсь, принятые пятым департаментом меры будут способствовать уменьшению риска гибели нескольких десятков тысяч твоих, Государь, подданных.

К моему прискорбию, мы не догадались ранее заставить жителей почти двух десятков городов и поселков, стоявших на пути цепочки извержений, покинуть свои жилища и уйти таким образом от опасности, и сейчас я склонен считать, что королевство уже потеряло не менее одной двадцатой части населения.

Привожу список пострадавших графств и иных, подвассальных тебе, Владыка, областей. Сведения о количестве людей, до прихода ужаса с полуночи, населявших эти некогда благодатные земли, почерпнуты из списков последнего пересчета населения королевства Немедия, произведенного по твоему эдикту семь месяцев назад.

Баронство Клеве: опустошено две деревни, 690 человек.

Баронство Демур: опустошено шесть деревень и королевский город¹, 12 200 человек.

¹ Королевский город — по эдикту, принятому королем Ницифором II (1120 год), таковым считается поселение, стоящее на землях, принадлежащих не мелкопоместному дворянину, а лично королю или принцу.

Графство Ансбах: пять деревень, главный город, 14 750 человек.

Королевский протекторат Далем: четыре деревни, королевский город, 9100 человек.

Графство Хеттвиг: пять крупных деревень, королевский форт Альстейн, 7420 человек.

Здесь же следует упомянуть, что к потерям необходимо отнести гвардейскую полусотню барона Таркина, а кроме того, купеческие караваны из иных мест, находившиеся в вышеуказанных городах и поселениях. Предполагаемое число жертв — от двух сотен до полутысячи. Таким образом, к сегодняшнему дню подземный огонь истребил, превратив с людей, около тридцати трех — тридцати четырех тысяч твоих подданных, мой король.

Любые попытки остановить продвижение цепи выбросов огня вглубь страны не приводят к сколь-нибудь заметным результатам. После неудачной экспедиции, кою возглавлял лично Мораддин, граф Эрде (подробности о событиях возле города Далем его светлость переслал мне с аквилонской границы), пятым департаментом вновь были предприняты старания к уничтожению или хотя бы к задержке распространения подземного огня. Однако собранные нашей службой со всех концов страны колдуны не в состоянии воздвигнуть никакой преграды на его пути. Маги склонны утверждать, что природа извержений состоит не в колдовстве, и магические силы не имеют отношения к появлению зеленого пламени.

Использовать против сей чудовищной напасти армию не представляется возможным по вполне понятным тебе, мой король, причинам.

Так как его светлость Мораддин, граф Эрде, счел необходимым немедленно отправиться в Аквилонию, я временно принял обязанности начальника пятого департамента и потому осмеливаюсь на-

помнить тебе, Государь, что по расчетам ученых мужей, состоящих на службе в нашей канцелярии и проследивших направление выбросов подземного огня (а также время появления онога), Бельверус может оказаться под угрозой уже через полторы седмицы.

Ради твоей, повелитель, безопасности, я советую королевскому двору и Государственной Канцелярии первого министра Тимона немедленно покинуть столицу, переехав в укрепленный замок герцога Грея, что возле границ коринфского протектората.

Далее: в ближайшие дни следует вывезти из Бельверуса Военную Академию, армейские и статские департаменты, часть государственной казны и все чужеземные посольства, обосновывая сие решение необходимостью сохранить войско и добрые отношения с соседними державами, а также удержать в руках управление страной. Организация исхода из Бельверуса жителей столицы будет возложена на департамент городской стражи и лично на его главу, барона Оренсе.

Сообщения из Аквилонии и Пограничья тоже заслуживают твоего внимания, мой король...

На докладе графа Майля рукой короля Нимеда сделана приписка:

«Прочел и одобрил. Передать Государственному канцлеру Тимону для немедленного исполнения».

Следующей ночью король, принцы и верховные управители страны тайно выехали из столицы. Обоз с золотом, взятым из казны, отправился вслед, к восходным областям Немедии. Охранять королевский дворец в Бельверусе оставлены четыре десятка гвардейских офицеров...

Глава седьмая ХАЛЬК, ВТОРОЙ РАССКАЗ

Аквилония, окрестности форта Велитриум
9-10-й дни второй осенней луны 1288 г.

«...В 1278 году от основания Аквилонии по решению короля Вилера силами регулярной аквилонской армии, а также наемников из Боссонии и Таурана на землях пиктов между реками Черной и Громовой (иногда также именуемой Рекою Молний) были основаны четыре области, объединенные в провинцию Западной Марки — Конаджохара (форт Тусцелан на закате и столица Велитриум на восходе), Орисконти, Коновага и Чохира (столица — форт Чандара). Эти области управлялись губернаторами, назначаемыми из Тарантии, но, после смерти короля Вилера и воцарении его племянника Нумедидеса, не отличавшегося решительностью и вниманием к трудностям и заботам новообразованных провинций, они сочли себя формально независимыми от Аквилонии. В конце 1285 или начале 1286 года пиктский колдун Зогар Саг сумел объединить разрозненные племена дикарей и повел собранное войско на штурм аквилонских фортов. Тусцелан и Конаджохара были взяты и разрушены до основания, а большинство их

защитников погибли. Однако немногие уцелевшие добрались до форта Велитриум, вовремя предупредив находящиеся там военные отряды о приближении пиктов. Велитриум, пережив длительный и тяжкий штурм, выстоял. Однако разоренные Тусцелан и Конаджохара восстановлены так и не были, а их бывшие обитатели по большей части переселились в форт Тхандара на реке Боевого Коня, позже основав там еще одну самостоятельную область...

Из «Синей, или Незаконной хроники»
Аквилонского королевства

Очень печально, когда на собственном опыте убеждаешься в разлагающих и расслабляющих свойствах городской жизни. Если выражаться понятным языком и называть вещи своими именами — какого демона я безвылазно торчал во дворце последние месяцы? И где была в это время моя голова? Почему я, будто последний идиот, не догадался хотя бы раз в неделю ездить куда-нибудь за город?

Ругался я мысленно — говорить вслух не хватало сил. Впрочем, сил не осталось ни на что — даже на то, чтобы сесть. Я попросту лежал у костра на чем-то расстеленном плаще и молча страдал. Завтра мне точно придется идти пешком, потому что моя многострадальная задница нынче больше схожа с хорошей отбивной. А ехать нам еще полный день и, возможно, часть ночи. Мне этого не вынести. Я тихо скончаюсь где-нибудь по дороге, и пусть меня похоронят под запыленным камнем на обочине...

Я столь увлекся своей грядущей печальной судьбой, что уже всерьез начал складывать для себя достойную эпитафию. Но тут меня невежливо толкнули в бок и осведомились, буду ли я ужинать. Есть, как

ни странно, хотелось. Когда мне напомнили об этом приятном занятии, захотелось еще больше.

«Буду», — попытался ответить я, но вместо человеческой речи издал какой-то невнятный звук, более всего напоминающий скулеж побитой собаки.

— Он будет, будет, — перевел сидевший рядом на бревнышке Терцион, гвардеец королевской стражи. — Барон, вставай, голодным останешься!

— У-у... — выдавил я.

— Умирать будешь завтра, а сейчас вставай.

Безжалостные они все-таки люди, эти военные. Видят же, что человек вот-вот завершит свой жизненный путь по кругам мира, и даже не подумают облегчить его страдания перед грядущим путешествием туда, где сходятся все дороги. Собственно, немногим гвардейцы мне помогли — лежал-то я на плаще Терциона, одолженном мне по старой дружбе...

— Ну, не раскисай. — Гвардеец слегка потряс меня за плечо. — Подумаешь, проехали с ветерком.

— Катитесь вы все знаете куда...

Эту коротенькую фразу я все же сумел выговорить связно и почти без запинок. После чего поскреб по глубинам души, собрал остатки семейной и дворянской гордости и сел. Внутри меня хором заныли и запротестовали все до единой косточки...

— Во, уже ругается! — радостно сообщил Терцион. — Значит, жить будет. Держи миску!

Я подумал, не сказать ли какую ответную гадость доблестному гвардейцу — еще друг, называется! — но решил, что сейчас не стоит. Вот поем и обязательно что-нибудь придумаю. Если не засну.

Мы — король Аквилонии, сопровождающая его пятерка гвардейцев и я — находились в двадцати лигах на восход от форта Велитриум, столицы Западной Марки. Если быть совершенно точным — мы

сидели на склоне одинокого безымянного холмика, поросшего тонкими и худосочными березками и расположенного, судя по карте, почти на границе Таурана и Боссонии. Ехали же мы в Велитриум. Впрочем, «ехали» — неправильное слово. Куда больше подошло бы: «неслись сломя голову». За два дня возглавляемый королем отряд преодолел расстояние от Тарантии до реки Ширки, затем еще день ушел на перегон от Ширки до пределов Боссонии.

И вот мы здесь. А большинство мирных обывателей столицы и придворных наверняка полагают, что король сидит себе в тарантийском замке и ломает голову над тем, как справиться с огромным количеством неприятностей, свалившихся в последнее время на страну.

Если вернусь обратно живым — обязательно постараюсь ввести в обращение новую поговорку: «Увидеть грифона — к беде». Энунд, конечно, ни в чем не виноват. Бедолага грифон такая же жертва сложившихся обстоятельств, как и мы все, но слишком уж точно совпало его появление с началом лавины тревожных новостей, хлынувших из полуночных краев. Вестники, будто сговорившись, твердили одно и то же: по ночам вблизи поселений из-под земли вырывается таинственный зеленый огонь, поднимается в небеса, затем накрывает поселок или город... А вот что следует потом — никто толком описать не мог. По словам гонцов (чаще всего перепуганных до смерти и по этой причине плохо владевших собственным языком), выходило, будто зеленое пламя совершает с людьми что-то ужасное, якобы превращая их в невероятных чудищ, лишь отдаленно напоминающих человека. После чего бывшие жители деревень и замков собираются в беспорядочные толпы и уходят. Куда уходят — никто точно сказать не мог. Куда-то на полночь...

Гонцов король выслушивал самолично, только в присутствии немногих доверенных людей. Затем их сразу отправляли обратно, но все едино — слухи расползались по городу с невероятной скоростью. Король мрачнел, злился и рычал на всех придворных, если мы не вовремя попадались ему на глаза.

Но страшные зеленые вулканы — это было еще полбеды. Вторую, гораздо худшую половину составлял Ямурлак. После внезапного разрушения защитной стены, верно хранившей границы на протяжении нескольких столетий, если не тысячелетий, самые невероятные создания начали разбегаться по окрестным лесам, наводя панику и сея страх. Чудища, как это ни странно, совершенно не нападали на людей, хотя изрядно вредили попадающимся на пути стадам. Однако при виде уродливых тварей и вилланы, и дворяне хватались за оружие и призывали на помощь богов. Я вполне понимаю этих людей. Что еще прикажете делать, если утром вы обнаруживаете в пределах своего ленного владения какое-нибудь жуткое пугало, наподобие огромного стервятника с женской головой, или гигантского вепря, который выглядит так, будто его долго варили в котле с кипятком? Правильно, вы броситесь их убивать или просто сбежите подальше. Разумеется, вам и в голову не придет, что чудища могут нуждаться в помощи и не собираются причинять людям или поместью никакого вреда...

Энунд, на второй или третий день своего пребывания во дворце пошедший на поправку, а оттого несколько воспрявший духом, сумел рассказать немного. Единственное, что он видел, — это внезапно вспыхнувший на границе Ямурлака и людских земель язык зеленого пламени. Обитатели закрытой земли, охваченные совершенно необъяснимым и не поддающимся никаким разумным чувствам ужасом, бросились бежать кто куда.

Как я понял из замечаний Энунда, наиболее умными и деятельными в ямурлакском собрании живых древностей являются грифоны. Именно они собрали всех не потерявших головы и способных летать (либо быстро бегать) тварей в одно стадо и повели на полночь, в горы. Там у животных имелась возможность укрыться от людей и переждать бедствие. Возможно, потом им удастся восстановить разрушенную стену своей страны...

Это не мои предположения. И даже не Энунда. Все дело в том, что я сумел увидеть некоторые события, о которых никто другой представления не имеет.

Мне удалось убедить короля разрешить поселить грифона в одной из комнат, прилегающих к хранилищу рукописей. Но, как вскоре выяснилось, Энунду действительно требовалось место для ежедневных прогулок на свежем воздухе. Смотрители дворца отвели таковое в крохотном висячем садике, расположенном неподалеку от библиотеки, во внутреннем дворе. Так вот, третьего дня Энунд вдруг решил наведаться туда посреди ночи. Грифон старался передвигаться тихо, но это получалось не слишком успешно — он тяжелый, а паркет в моих комнатах старый и ужасно скрипит. Потому я проснулся, увидел крадущийся силуэт большой кошки с орлиной головой и без долгих размышлений последовал за ним.

Грифон выбрался во двор, поплакал из журчащего фонтана и улегся прямо на ровно подстриженном газоне. Я подумал, что зря переполошился и Энунду всего лишь приспичило проветриться, однако решил подождать еще — вдруг случится что интересное?

Я не зря покинул теплую постель. Энунд покрутил головой, вскочил, отбежал в сторону и устался в небо. Ночь была безлунная, и я не сразу понял, что он столь пристально высматривает наверху.

Оказывается, Энунд ждал гостя. Станный посетитель беззвучно свалился с непроглядно-черного

неба, с точностью атакующего ястреба приземлился на крохотный пятачок травы и, еле слышно шелестя, сложил на спине огромные крылья. В свете нескольких почти прогоревших факелов мелькнули черные и золотистые перья.

Гость оказался раза в два-три крупнее Энунда и выглядел как ожившее каменное изваяние, наподобие огромных изображений, что вырубает из цельных скал в полуденных странах. Маленький грифон подошел к нему и полуорлы-полульвы заговорили (во всяком случае, мне показалось, что это был именно разговор), издавая тихие металлические-звонящие звуки. Судя по интонациям, столь внезапно прибывший гость что-то спрашивал, Энунд отвечал. Затем большой грифон либо обнюхал, либо осмотрел повязку на крыле Энунда, кивнул, отошел на пару шагов и мягко подпрыгнул. По дворику пронесся порыв холодного ветра, загасив тусклые чадившие факелы, гигантские крылья еле слышно хлопнули где-то у меня над головой, и грифон канул в темноту.

Интересно, как они летают? Энунд весит не меньше молодого льва, и силы даже таких здоровенных крыльев, как у него, не хватит, чтобы оторвать тело от земли более чем на локоть. А эта только что сгинувшая громадина, если следовать утверждениям, которыми меня пичкали в Университете, вообще не в состоянии взлететь. Значит, кроме крыльев, грифонов удерживает в воздухе еще что-то?.. Магия? Или какое-то неизвестное людям и присущее только этому виду животных особое умение?

Энунд по-прежнему сидел посреди полянки, глядя в беззвездное, затянутое редкими тучами небо. Мне показалось, что за три прошедших дня молодой грифон немного привык к нам, хотя порой вел себя так, как любой человек, попавший в незнакомое и пугающее его общество, — то есть откровенно вызы-

вающе. Думаю, что на самом деле Энунду было страшно — ведь грифоны давно не видели людей и не знали, чего от нас ожидать.

Я поколебался, потом решил, что хуже от моего поступка никому не будет, и тоже вышел во двор. Энунд наверняка слышал мои шаги, однако не подал виду. Обернулся он, только когда я остановился рядом.

— Он прилетал проверить, не обижаем ли мы тебя? — спросил я.

Грифон скосил ярко-желтый глаз с узкой кошачьей щелью зрачка и кивнул. Затем, сочтя, что отделяться жестом не слишком вежливо, пояснил:

— Кое-кто видел, как меня поймали. Но не мог быстро разыскать моих сородичей, чтобы рассказать им об этом.

— Как дела возле Ямурлака и у твоих сородичей? — поинтересовался я.

Грифон раздраженно шевельнулся, как человек, пожимающий плечами:

— Плохо. И у нас, и у живущих возле гор людей. И те, и другие боятся. Мы — людей, люди — нас.

— А про зеленый огонь твой... м-м... сородич ничего не говорил?

— Говорил, — кивнул Энунд. — Грифоны снова видели подземное пламя, но теперь оно движется вниз по течению реки, которую вы называете Громовая. Вчера произошел выброс в ее верховьях.

Я попытался вспомнить карту тамошних земель. Верховья Громовой — место малонаселенное, всего лишь несколько беспорядочно разбросанных деревенок, а вот после слияния Громовой и реки Боевого Коня поселки пойдут чаще... А там и до Велитриума недалеко!

Мы немного помолчали, потом я осторожно окликнул задумавшегося зверя:

— Энунд!

Он чуть слышно щелкнул клювом. Я высказал свою мысль:

— Послушай, вы ведь существуете на земле гораздо дольше чем мы, люди, правильно? Скажи, а у вас никто не помнит подобного бедствия? Может, такое уже когда-то происходило, очень давно?

На этот раз Энунд молчал почти целую вечность. Одинокий уцелевший факел на стене догорел и погас, стрельнув россыпью искорок, я начал замерзать, но терпеливо ждал, что ответит грифон.

— Не помню, — наконец признался он. В металлическом голосе зверя слышалось явное огорчение. — Мне кажется, будто я слышал о чем-то схожем, но я не помню... Нужно спросить у кого-нибудь, знающего более меня. Но для этого требуется добраться до Ямурлака, а я не уверен, что застану того, кто нужен, на прежнем месте и вообще в кругах этой жизни. И все же... — Энунд в раздражении хлестнул себя хвостом по бокам и пожаловался: — Мысль ускользает от меня. Я подумаю над твоим вопросом, человек. Пойдем обратно, здесь холодно.

Наверное, после этого короткого разговора в пустынном дворе мы и перестали опасаться друг друга. Раньше я видел в грифоне небывалое, невероятное существо, но в первую очередь — дикое животное. И все чаще задумывался: а правильно ли я поступил, решив разместить его поблизости от себя? Кто знает, что взбредет в его орлиную голову, приставленную к львиному телу?

А грифон, как он потом признался, думал про нас то же самое. И подсчитывал свои шансы уцелеть в огромном — по его меркам — доме, полном людей. Да, мы о нем заботились, пытались вылечить, но с какой целью?

Мы вернулись обратно, однако грифон не отправился на свое место, а улегся на медвежьей шкуре

в моей комнате. Точно кошка... Только очень уж большая и жутковатая кошка. Спать мне совсем не хотелось, а потому я зажег пару свечей и расстелил на столе карту полуночных областей, позаимствованную у Паллантида. Потом раскопал баночку с красной тушью и принялся рассматривать давно знакомые мне края.

Вот идет полуночный изгиб Немедийских гор. В этом ковше лежит Гандерланд — край суровых лесов, потаенных озер и быстрых рек. Далее на закат — истоки Громовой реки и спрятавшийся между ними Ямурлак, лишившийся теперь колдовской защиты. Все остальные земли вплоть до побережья Западного океана принадлежат пиктам, а если смотреть на полдень, по течению Громовой, то на закат от нее будет Боссония и Западная Марка, а на восход — герцогство Тауран...

Я взял перо, поколебался и поставил на границе Ямурлака, возле того места, где горы плавно переходят в пологие лесистые холмы, яркую красную точку. Затем другую, ближе к полудню — там, где была отмечена деревня Ярроу. И следующую, на десяток лиг полуденнее — возле уединенного замка Беррик. А потом еще одну — почти на слиянии рек Громовой и Боевого Коня, рядом с маленьким, недавно выстроенным фортом Аргум...

— Что ты делаешь? — Оказывается, Энунд поднялся и теперь тоже внимательно смотрел на карту через мое плечо. — И что изображено на этой... вещи?

— Вид на полуночные земли сверху, — пояснил я, выводя очередную точку чуть ниже Аргума, где черная россыпь означала три слившихся вместе довольно больших поселка, именовавшихся поселением Фара. — А я пытаюсь обозначить все места, где вспыхивал зеленый огонь.

Я поставил последнюю точку и озадаченно посмотрел на дело рук своих. Грифон тоже посмотрел,

сначала одним глазом, потом другим, для чего ему пришлось склонить голову набок.

— Ты ничего не замечаешь? — вкрадчиво поинтересовался Энунд.

— Бусы на нитке. — Это было первое, что пришло мне в голову. — Цепочка, тянущаяся от Ямурлака вдоль Громовой через все поселки... Но тогда следующим звеном в этой цепочке обязательно станет Велитриум!

— Где это? — Изогнутый клюв Энунда завис над картой. Я указал на большую синюю каплю, обозначающую местонахождение столицы Конаджохары, и посмотрел на грифона.

— Знаешь, о чем я думаю?

— Догадываюсь, — моментально откликнулся зверь. — Когда у вас получали новости о последнем выбросе и где он был?

— В Фаре, почти шесть дней назад. Допустим, за это время произошел еще один или два разрыва... Расстояние между ними колеблется от пяти до десяти лиг, в зависимости от того, насколько далеко находятся друг от друга соседние поселения... По восходному берегу Громовой много деревень и отдельных хуторов. Может, Велитриум еще цел... Энунд, пойдем со мной!

— Куда? — невозмутимо спросил грифон.

— К королю, — решительно заявил я. — Хочу показать ему карту и рассказать, что мы обнаружили. А ты понадобишься, чтобы подтвердить мои слова и... Меня могут не пропустить...

Энунд издал какой-то странный звук — не то клекот, не то приглушенное рычание — и поскреб длинными когтями по блестящим доскам паркета. Я понял, что он так смеется. Грифон отлично понял, чего я от него хотел.

К счастью, вмешательства Энунда не потребовалось — нас пропустили без единого слова.

...И теперь из-за моего проклятого, слишком хорошо развитого воображения мы уже третий день несемся к Велитриуму. Не надеясь остановить неведомое губительное пламя, вырывающееся из недр земли — это было бы просто безумием! — но пытаюсь успеть предупредить обитателей форта о надвигающейся беде и, если повезет, самим увидеть, как происходит это непонятное явление. О том, что король спешно и тайно покинул столицу, знают всего два-три человека, которые будут молчать. А что произойдет в случае, если мы не вернемся, я стараюсь не задумываться.

Представления не имею, отчего король не послал гонцов, а вдруг решил поехать лично. Однако определенные подозрения у меня имеются: года два назад Его Величество спас Велитриум от пиктского нападения и очень дорожит этой крепостью. Кажется, Конан считает, будто сможет что-то сделать и сейчас. Не знаю, не знаю... Мы ведь имеем дело не с пиктами, которые хоть и дикари, но все-таки люди, а неизвестно с чем, скрывающимся под землей...

— Юсдаль, проснись! — оказывается, я все-таки задремал и теперь меня будили самым простым и действенным способом — трясли, как кошка трясет пойманную крысу. — Ехать пора!

Я посмотрел на начинающее темнеть небо в серо-розовых облаках, вздохнул, поднялся и побрел к привязанным возле березок лошадям. Значит, предстоит ночная скачка. Возможно, мы еще и успеем. А может, и нет. Все это вилами по воде писано, а мне сейчас предстоит забраться в седло и какой угодно ценой продержаться в нем оставшиеся двадцать лиг. И перед этим испытанием меркнут все нависшие над королевством опасности.

* * *

Знаменитый форт Велитриум с первого взгляда внушал к себе невольное уважение. Это оказалась

не слишком большая — по сравнению с Тарантийской, конечно, — но довольно грозно выглядывшая крепость, сложенная из огромных бревен, обмазанных для лучшей сохранности толстым слоем глины. Крепость имела форму неправильного шестиугольника, обегавшего вершину высокого холма, склоны которого были начисто лишены деревьев. Еще она несколько напоминала массивную корону с множеством маленьких и больших зубцов-башен. Холм полого спускался к реке, широкой и обманчиво медленной, а на противоположном берегу начиналась Пуца, владения пиктов. Собственно, некогда она начиналась уже здесь, но леса левобережья были подчистую вырублены людьми из Аквилонии. Вокруг крепости за несколько лет, прошедших после пиктского мятежа, успел вырасти небольшой городок.

Никогда не предполагал, что меня занесет в эти дикие места. Оказывается, это не столь уж и далеко от столицы, однако все жители Тарантии почему-то убеждены, что Велитриум — настоящий край света, за которым уже нет ничего. На самом деле здесь оказалась такая же земля, населенная обыкновенными людьми.

Вернее, не совсем обычными... Народ тут обитал самый разный — от беглых вилланов и бывших разбойников до безземельных дворян. Но всех местных отличало одно общее качество: независимость. Наплевать им было свысока и на грозные приказы из Тарантии, и даже на самого короля. У обитателей Велитриума одно дело — охранять границу от пиктов. Остальное, как они утверждают, их не касается.

По-моему, на наше прибытие никто даже особого внимания не обратил. Ну, примчались рано поутру семеро каких-то типов на взмыленных лошадях, и что с того? Обитатели форта были заняты своим делом — складывали небогатые пожитки в длинные телеги, запряженные иногда двумя, иног-

да одной лошастью, стогнали в небольшие стада овец или жалобно мычащих коров и отбивали. Они уходили на полдень, к Чохире или в Тауран.

Мы немного опоздали, что было и к лучшему. Здесь уже знали о выбросах зеленого огня. Барон Дервиз, нынешний губернатор провинции Конаджохара, только вчера прибывший в форт, отдал распоряжение жителям всех окрестных поселений покинуть эти земли до поры, когда можно будет с уверенностью сказать, что опасность миновала. Если, конечно, эта счастливая пора когда-нибудь настанет.

Никто также не удивился и внезапному появлению в Велитриуме правителя страны. Меня не оставляло впечатление, что многие находили вполне естественным поступок короля: правитель государства бросил столичные дела и примчался в далекий форт, дабы самолично убедиться, что здесь все в порядке. Когда мы ехали по главной и единственной улице поселка, окружавшего крепость, короля пару раз окликнули, без всякого заметного почтения осведомляясь: «Капитан Конан, это на самом деле ты? Что новенького в Тарантии? А у нас тут вон какая напасть завелась...»

В общем, сначала мне показалось, что съездили мы впустую. Правда, оставался еще безумный шанс своими глазами увидеть, как происходит выброс подземного пламени, но для этого требовалось дожидаться ночи. Вот мы ее и ждали. Король — в обществе господина губернатора, объезжавшего форт и окрестные поселения, гвардейцы — в крепости, а я торчал на берегу Громовой. Делать мне здесь было совершенно нечего, но мне нравилась река, неспешно бегущая на полдень, к Западному океану. Я в жизни не видел ни одного пикта (и надеюсь, что не увижу), но было как-то захватывающе интересно стоять на песчаном берегу и смотреть через блестящую водную гладь на темно-

зеленую с желтыми вкраплениями осенней листвы полосу Пуци за ней. По деревьям на противоположной стороне реки изредка пробегала шелестящая рябь, отчего лес казался живым существом, задремавшим в ожидании темноты.

А до вечера оставалось не столь уж и долго. Время здесь измеряли по старинке, с помощью солнечных часов, и размытая тень от вкопанного в землю перед домом губернатора столба подползала к отметке, означавшей шестичасовой послеполуденный колокол. Подползала, когда я отправился на берег. Сейчас, должно быть, она сдвинулась значительно дальше, ведь я уже очень долго здесь стою. Пойти, что ли, поискать, куда запропастился Его Величество? И чего ради ему понадобилось тащить меня с собой? Неужели решил отомстить за все шуточки по поводу его царственной особы и много всего прочего? Так я никогда не позволял себе лишнего...

— Эй, парень не торчи лишний раз на виду, — окликнул меня проходивший мимо тип, по виду — местный следопыт, боссонец с длиннющим луком за плечами. Вслед за ним плелась понурая лошадка, груженная какими-то мешками, и бежали два тощих черных пса, деловито косившихся по сторонам. Я прикинул ширину реки — около трехсот стадиев. Ни один лучник не в состоянии докинуть стрелу с того берега...

— А что, могут подстрелить? — на всякий случай поинтересовался я.

— Иногда случается, — равнодушно сказал следопыт и философски заметил: — Жизнь-то у тебя всего одна, правильно?

С этим я был полностью согласен. Что-то совсем не тянет быть пристреленным по чистой случайности грубым размалеванным дикарем, желающим испытать дальнбойность своего оружия. Поэтому я в последний раз полюбовался на

широкую реку, и по расплывшейся от недавних дождей и разбитой многочисленными копытами и колесами дороге потопал вверх по склону холма, в крепость.

Я как раз добрался до ворот форта, больше смахивающих на неприступное сооружение, оставшееся с древних времен, когда навстречу мне вышел очередной отряд поселенцев, покидавших Велитриум. С ними уходила часть гарнизона и местные вольнонаемные следопыты. Мне пришлось отойти на обочину, пропуская беженцев мимо.

Они шли по раскисшей дороге, а я думал о том, что, если извержения будут продолжаться и дальше (а они наверняка будут), то как бы не пришлось срывать с места и обитателей столицы. Ставлю всю свою долю отцовского наследства, что исход из Тарантии неминуемо превратится в ужасающее по своей неорганизованности бегство, какие бы усилия ни прикладывали власти столицы, чтобы оно происходило по плану. А эти вон как уходят — ничего лишнего с собой, ничто не болтается и не брякает, и даже бегущие за отрядом собаки помалкивают и дети не голосят... Вот и выбирай, где лучше жить: в защищенной и удобной, но до тошноты скучной Тарантии или здесь, на опасных, но таких притягательных и полных кипучей жизни границах...

Закончить эту интересную мысль мне не дали. За моей спиной прозвучал очень знакомый голос:

— Хальк, где ты шляешься?

Как я уже многократно указывал, манера выражаться у нынешнего правителя Аквилонии оставляет желать лучшего.

— Не шляюсь, а знакомлюсь с жизнью сего, подвластного Вашему Величеству, военного укрепления, — с достоинством (во всяком случае, мне так казалось) ответил я.

— А по-моему, ты просто глазеешь по сторонам, — заметил король. — И мешаешься под ногами. Ладно, пошли, ты мне сейчас понадобится. Барон Дervиз желает послушать твою болтовню по поводу подземной зеленой дряни. Только будь добр, не начинай пересказывать всю историю Аквилонии с самого начала, идет?

Я обиделся и промолчал. Его Величество понятия не имеет об искусстве риторики, то есть правильного построения речи, а я убежден, что любое повествование должно начинаться со всестороннего обзора сведений, относящихся к предмету разговора. Впрочем, мне никогда не дадут этого сделать, прерывая высказываниями наподобие: «Хальк, а покороче нельзя?» или «Я о чем тебя спрашивал?»

Мы прошли под надвратным укреплением, зависшим над нашими головами тяжелой грудой бревен, и попали в собственно форт. За воротами оказалась маленькая грязная площадь, окруженная приземистыми длинными постройками. Домами их назвать было трудно, скорее, эти здания тоже походили на маленькие крепости с узкими щелями окон-бойниц и низко надвинутыми крышами. Посреди площади торчало какое-то сооружение, поначалу принятое мной за низкую коновязь. Когда мы подошли поближе, я понял, что на самом деле это широкая доска с железными крючьями, прибитая к двум толстым столбам. На крючьях висели головы. Четыре лохматые, вымазанные яркой краской головы с выкаченными глазами и высунутыми посиневшими языками.

Наверное, меня слегка передернуло, потому что Его Величество презрительно хмыкнул. Нет, я все понимаю — граница, вражда с пиктами, око за око и так далее... Ну и ладно, если в Велитриуме принято развешивать на крепостной площади подобные украшения, то с какой стати я буду указывать

здешним обитателям, что надо и не надо делать? Однако боевые трофеи выглядели на редкость непривлекательно, даже если не обращать внимания на степень их разложения. Мне показалось, что головы пиктов злорадно скалятся, смеясь над бедствием, постигшим форт.

Я зачем-то скорчил рожу ближайшей ко мне голове и побежал догонять ушедшего вперед короля, уже заходившего в дверь одного из домов, ничем, на мой взгляд, не отличавшегося от других.

...Как я понял, Его Величество и барон Дервиз, нынешний управитель провинции Конаджохара, были давними знакомыми, еще с тех времен, когда правитель Аквилонии был всего лишь искателем приключений на свою голову и следопытом в Западной Марке. Они о чем-то разговаривали, вспоминали людей, имена которых мне ничего не говорили, а я терпеливо сидел, слушал вполуха и поглядывал по сторонам. Дом губернатора мало чем отличался от обыкновеннейшей казармы, и народу в нем околачивалось примерно столько же — постоянно кто-то заглядывал в дверь, прибегали гонцы из дальних поселений с новостями от тамошних старост, а под окнами на редкость изоциренно и цветисто переругивались солдаты. Я решил, что мне начинает здесь нравиться, несмотря на печальный повод, из-за которого пришлось приехать в Велитриум.

Наконец, король соизволил вспомнить о моей скромной особе, неназойливо маячившей в углу, и позвал к столу. Но побеседовать мы не успели.

Крепкий, добротный дом, выстроенный из кругляка и обложенный огромными валунами, неожиданно мягко качнулся, точно отчаливающий от берега корабль на волне. Стоявший на столе медный шандал со свечами подпрыгнул и начал медленно-медленно падать. Я едва успел его подхва-

тить. Со двора донеслись тревожные крики и паническое ржание испуганных лошадей. Спустя мгновение толчок повторился, однако на этот раз он был гораздо сильнее. Где-то наверху затрещали ломающиеся доски и загремела падающая на пол посуда. Землетрясение, что ли?

— Вон отсюда! — Я запоздало сообразил, что этот оглушительный встревоженный голос принадлежит королю. — Наружу, бегом!

Раздумывать над приказом было некогда, вдобавок сотрясения теперь стали непрерывными. Пока мы бежали по коротенькому коридору к двери во двор, я успел дважды упасть — так сильно шатался под ногами пол. Один раз меня кто-то рывком поднял и поставил на ноги, во второй я умудрился вскочить сам.

На площади творилось нечто подходящее под определение «полнейший беспорядок». Вырвавшиеся из конюшен лошади носились по крепости, их безуспешно пытались поймать, а в довершение всего соседний с губернаторским дом почти беззвучно сложился, будто карточный домик, и рухнул в облаке брызнувших щепок и пыли. Кто-то пронзительно завизжал, на миг перекрыв все звуки в форте. Меня толкнули, потом едва не сбили с ног, и я понял: надо убираться прочь. Куда угодно. Но в первую очередь следует выбраться за пределы крепости.

Наших лошадей мы оставили в здешней конюшне, и теперь я не знал, бежать мне сначала туда или искать их где-то в закоулках между домами. Короля я тоже потерял из виду, но решил, что о нем не стоит особо беспокоиться — как раз он-то выберется из любой передраги. А вот я могу и остаться здесь навсегда.

Холм, на вершине которого располагался Велитриум, вздрогнул от самой макушки до основания. Нет, это не землетрясение, это наверняка рвется

наружу таинственный подземный огонь. Если я не хочу превратиться неизвестно во что, мне лучше поторапливаться.

И тут мне повезло — мимо проекакала, волоча за собой оборвавшиеся поводья, серая лошадь со сбившимся набок седлом. Я успел броситься ей вслед и поймать рваные полоски бывшей уздечки прежде, чем она удрала. После некоторых попыток вырваться лошадь остановилась, хрипя и оглядываясь обезумевшими глазами. Пытаться ехать на ней сейчас было бы самоубийством — она бы меня просто сбросила, — потому я потащил ее за собой к воротам. Лошадь упиралась, но шла.

Возникший у крепостных ворот затор из кричащих людей, ржущих коней и телег на удивление быстро просачивался наружу. Еще одна судорога заставила землю под нашими ногами содрогнуться, и выходявшая на реку стена форта плавно поехала куда-то вниз, увлекая за собой часть обрывистого берега. Раздавшийся громкий всплеск неопровержимо засвидетельствовал, что бревна, доски и прочие строительные материалы достигли Громовой и сейчас, возможно, уплывают вниз по течению...

Наконец мы вырвались наружу. Людской поток пронесся через предместье и хлынул в окрестные леса, растекаясь на отдельные ручейки. Меня неудержимо несло вместе с толпой, и, как мне показалось, мы бежали куда-то по направлению к реке. Я не мог определить, кончилось уже столь внезапно наставшее землетрясение или продолжается донныне, а тут вдобавок неподалеку раздался незнакомый и неприятный звук, напоминающий шипение разъяренной змеи. Только очень уж большой змеи, наподобие сказочного змея, обвивающего всю землю... Моя бедная лошадь заметалась и сделала робкую попытку встать на дыбы. Я повис на поводьях, мимо нас с криками пробегали какие-то люди,

а неведомая тварь все исходила зловещим низким шипением и свистом.

Кажется, я даже не успел испугаться по-настоящему. Наоборот, голова соображала очень отчетливо и как никогда быстро. Я не знал, что это за звук, но был твердо уверен в одном — мне надо оказаться как можно дальше от его источника.

Насмерть перепуганная лошадь все же позволила мне забраться в седло. Мы понеслись по петляющей между деревьев узкой тропе, догнали последних убегающих и помчались дальше. Шипение постепенно стихало, сменившись еле различимым низким гулом. Гул мне не понравился еще больше. Было в нем что-то необъяснимо пугающее.

А потом мне показалось, что я ударился головой, и у меня позеленело в глазах. Мы неслись бешеным галопом через опускающийся на лес с высоты невероятно красивый туман, переливающийся всеми оттенками старой бронзы, изумруда и летнего луга. Частью сознания я понимал, что это и есть то самое ужасное «зеленое пламя», о котором мы столько наслушались в последнее время и надо бежать что есть силы... но еще мне хотелось остановить лошадь, а дальше — будь что будет. Меня действительно так и подмывало навсегда остаться в сказочном царстве призрачного зеленого сияния. Я даже подумал: может, превращенные люди довольны своей судьбой? Здесь было так хорошо...

Серая кобыла сделала неожиданный скачок в сторону, клубы малахитового облака рванулись куда-то вверх, а мы неуклюже съехали по скользкому склону, обдираясь о колючие кусты, и со всего размаху угодили в холодную воду Громовой реки.

* * *

Столь странный поступок неразумного животного спас мне жизнь. Оказывается, тропинка, по

которой мы мчались неведомо куда, шла по обрывистому и наглухо заросшему берегу реки и, оступившись, лошадь как на санках слетела вниз. Теперь она стояла по колено в быстро бегущей холодной воде и, фыркая, жадно пила, а я сидел у нее на спине и медленно приходил в себя.

Напившись, лошадь подняла голову, встряхнулась и неторопливо побрела вниз по течению, подыскивая удобное место, чтобы выбраться наверх. Над нами поднимался отвесный склон высотой не меньше чем в сорок—пятьдесят локтей, и я устало удивился — как это мы не сломали себе шеи, когда так лихо обрушились вниз?

Вокруг было тихо, только плескалась вода. Даже птицы не кричали. Зеленый свет совершенно пропал, но, сколько я не прислушивался, человеческих голосов я тоже не услышал. Я попытался прикинуть, насколько далеко мы умчались от форта, — выходило, что не дальше чем на четверть лиги. Интересно, что случилось с Велитриумом? Нам с серой кобылой, кажется, повезло, а вот как дела у остальных обитателей крепости? И что с королем? Вдруг всегда сопутствовавшая ему удача на этот раз была занята спасением другого человека?

Короче, у меня быстро появились сто и один повод для беспокойства. А вот подходящего места для подъема на глаза пока не попадалось. Наконец я заметил выходивший к реке овраг, поросший черной ольхой, и решительно направил лошадь туда. Она немного повозражала, упираясь и храпя, но все же пошла.

Овраг оказался длинным и постепенно сужался. Я уже начал жалеть, что сунулся сюда, но поворачивать назад не хотелось. Скоро должно было совсем стемнеть, а прежде мне следовало обязательно выбраться наверх и отыскать кого-нибудь из живых людей. Я решил, что проеду еще десятка три шагов

вперед, а там попытаюсь заставить лошадь подняться вверх по ставшему более пологим склону.

Кобыла вдруг остановилась, принялась к чему-то и попятилась, прижав уши. Я посмотрел вперед над ее головой — овраг, заполненный сгущающейся темнотой, и более ничего.

— Вперед. — Я легонько плепнул лошадь поводами по шее. Она не тронулась с места.

И тут, приглядевшись, я разглядел впереди нечто странное. Видимо, после сегодняшнего землетрясения здесь обрушился большой пласт земли, ярко черневший в наступающих сумерках. А в глубине открывшейся небольшой пещеры что-то светилось. Сначала голубоватым, затем багровым — цветом раскаленного металла. И этот свет приближался.

Мне очень захотелось удрать. Мало того, что я недавно пронесся через смертоносный туман и уцелел, так на мою голову обрушилась новая неведомая напасть... Слишком много для одного человека за один день. Но удирать мне было некуда, и потому я остался, вцепившись в поводья и пытаюсь успокоить заплывавшую на месте лошадь.

Мерцающий тускло-красный огонь поравнялся с провалом в склоне оврага. Что-то невероятно огромное, еле слышно урча, пробивалось через плотный слой лесной почвы. Вот высунулся на миг гладкий бок невиданного доселе существа, осветив ложбину призрачным багровым светом, и сразу скрылся... Оно явно пыталось зарыться глубже, и вскоре я услышал знакомый звук — шорох осыпающейся земли и хруст рвущихся корней. Неизвестное чудовище, только что напавшее на форт Велитриум, теперь спешило скрыться в недостижимых человеку недрах земли.

— И мы все боимся зеленого огня, — почему-то вслух произнес я. Лошадь, убедившись, что непонятно пахнущий и пугающий предмет исчез, насто-ро-

жила уши и прислушалась к моему голосу, — считая его источником бед. А надо было искать, кто выпускает этот огонь, понимаешь? Вот эту проклятую дрянь, что ползет под землей и выбрасывает пламя там, где живут люди!

Когда я проговорил все это, мне неожиданно стало смешно — как же мы все раньше не догадались? Так ведь все просто: откуда-то взялась эта огромная страшная гадина, взъевшаяся на род людской, и отправилась в свое смертоносное путешествие, прожигая горячими боками землю! Неважно, из какой преисподней она выползла! Главное, как ее можно уничтожить?

И тут я сник. Потому что никакого возможного способа расправиться с подземным существом мне в голову не приходило. Ни единого, даже самого невероятного. Оно пряталось глубоко под землей, выбиралось на поверхность там, где считалось нужным, делало свое дело и быстро пряталось. Нам было нечего ему противопоставить. Совершенно нечего.

...Из оврага мы выбирались долго и мучительно. Пару раз, поднявшись почти до половины, лошадь поскальзывалась, с жалобным ржанием съезжая вниз, и приходилось начинать все сначала. К тому времени, когда мы выкарабкались на тропинку, почти стемнело, а я устал, как никогда в жизни. Мне было все равно, даже пугающая мысль — а вдруг рядом снова раздастся это жуткое шипение и поплывет, колыхаясь, зеленое облако? — оставила меня равнодушным. Все, чего я хотел, — добраться до форта, убедиться, что с королем ничего не случилось... и найти спокойное место, где можно будет поспать.

Шумящего на ветру леса я не боялся. В конце концов, я вырос среди почти таких же лесов и мог без особых затруднений отыскать дорогу обратно. Так я и поступил, развернув мою верную подруж-

ку-кобылу головой к форту и легонько подтолкнув ее каблуками.

Мы медленно ехали по тропинке, иногда лошадь спотыкалась в темноте о торчащие корни. Пару раз мне показалось, что мимо меня кто-то пробежал — не животное, но и не человек. Я не сумел разглядеть, кто это был. И не уверен, что мне хотелось бы это знать.

Далеко впереди между темных деревьев замелькали золотистые огоньки. Факелы. Значит, некоторые из обитателей крепости точно остались в живых. Вскоре донеслись встревоженно перекликавшиеся людские голоса, лошадь прибавила шагу, и мы выехали на дорогу к форту. Там стояло около десятка человек, один размахивал факелом, подавая сигнал заблудившимся в лесу. Меня окликнули и спросили, не видел ли я губернатора Дервиза. Я ответил, что не встречал, и поинтересовался, что с фортом. Оказалось, Велитриум отделался не слишком большими разрушениями — рухнула часть стены, выходившей на реку, да разрушилось несколько домов. Мы как раз начали решать, не следует ли подойти поближе к форту и посмотреть, как там дела, когда раздался чей-то короткий вскрик, и все внезапно замолчали.

В полной тишине мимо нас проковыляло существо. Лучшего слова мне не подобрать. В свете факела оно казалось прозрачным и неприятно блестело, как чешуя давно протухшей рыбы. Чем-то оно смахивало на человека, но передвигалось неуклюжими рывками, раскачиваясь при каждом шаге и целеустремленно пялясь вперед глубоко посаженными маленькими глазками. Кто-то приглушенно выругался.

Непонятное создание миновало нашу растерянную и притихшую компанию и потащило даль-

ше. К нему, выбравшись из кустов, присоединилось еще одно.

— Превратились.

Кажется, это произнес именно я. Никто не ответил — все смотрели вслед жутким тварям, неторопливо удалявшимся в сторону крепости. Ехать к Велитриуму совсем расхотелось. Но другого выбора не оставалось: мне нужно как можно скорее разыскать короля. Если, правда он уцелел, сохранив человеческий облик...

Трудно сказать, кто из нас кого нашел. Я успел проехать всего десяток-другой шагов по направлению к форту, когда раздался хруст ломающегося подлеска и навстречу мне из темноты вынырнул тяжело пыхтевший конь с высоким всадником на спине.

— Хальк? — донесся до меня усталый и раздраженный голос.

— Он самый, Ваше Величество, — подтвердил я.

— Девиза накрыло, — мрачно сообщил король, выбираясь на дорогу. — Когда мы влетели в этот дурацкий туман, он вдруг остановился и повернул обратно. Я его звал, а он не откликнулся...

Мимо нас в темноте прошло еще несколько существ. Было слышно, как они шлепают по грязи.

— Куда это они идут? — вполголоса спросил я, не надеясь, впрочем, на ответ. Мне просто настоятельно требовалось сказать хоть что-нибудь.

— К форту, — после некоторой паузы хмуро отозвался король. — Я там целое стадо видел. Нет у нас больше Велитриума... Поехали обратно.

Я как следует подумал и решил, что сейчас не лучшее время для моих новостей. Все равно ничего не изменится от того, изложу ли я свои безрадостные известия немедленно или потерплю до завтра. Так что я молча поехал вслед за королем по разбитому тракту.

Терцион уцелел — мы наткнулись на гвардейца по дороге. Он тоже проскочил невредимым сквозь зеленое пламя, долго плутал по темному лесу, потом услышал голоса и выбрался к уцелевшим людям. Потом мы встретили еще одного Черного Дракона из сопровождения короля, а трое остальных исчезли неизвестно куда. Вернее, мы все прекрасно знали, куда они делись, но предпочитали не заговаривать об этом.

Не знаю, как другие, но я был искренне рад, когда на следующее утро мы покинули Велитриум. Там остался распоряжаться помощник сгинувшего Девиза; впрочем, распоряжаться ему было почти нечем. Из тысячи человек, находившихся в форте в момент выброса подземного пламени, в живых осталось едва ли две сотни и еще неизвестно сколько затерялись в окрестных лесах. Эти две сотни собирались как можно скорее уйти на полдень, так что к сегодняшнему вечеру в крепости вряд ли осталось бы хоть одно живое существо, включая уцелевших лошадей и собак. Почему-то зеленый огонь губительно действовал на животных — практически все не успевшие выбраться за пределы форта лошади пали.

...Мы возвращались в Тарантию, и с каждой остававшейся позади лигой на душе у меня становилось все тоскливее и муторнее. Что-то надвигалось на нашу мирную страну, что-то, поднявшееся из неведомых глубин и не имевшее наименования в человеческом языке.

Наверное, подобное настроение овладело не только мной. Король молчал, гвардейцы тоже, и наш маленький отряд все больше напоминал участников каких-то непереносимо скорбных похорон. Впрочем, мы действительно присутствовали на похоронах — погиб форт Велитриум и надолго (если не навсегда) была похоронена спокойная жизнь страны.

Мы пересекли угрюмый, тускло серебрившийся Хорот по недавно наведенному мосту лигах в трех от Тарангии и теперь ехали по пустынной дороге, тянувшейся по восходному берегу великой реки мимо убранных полей. Высохшая трава уныло шелестела под порывами ветра.

Не помню, кто из нас первым заметил трех всадников, появившихся откуда-то с полуночи. Незнакомцы ехали по дороге, ведущей к лесу Руазель, которая через пол-лиги сливалась с нашей. В этих всадниках не было ничего примечательного, кроме единственной очевидной вещи — они проделали долгий и тяжелый путь, почти загнав лошадей, и потому ехали шагом. Я зачем-то пригляделся к маячившим в отдалении фигурам — ну да, трое мужчин, закутанных в плотные дорожные плащи, один из них весьма небольшого роста.

Король тоже посмотрел в сторону неизвестных, а затем приостановил лошадь. Я подъехал поближе и осторожно спросил:

— Что-то случилось, Ваше Величество?

— Ничего, — кратко отозвался король.

— Тогда почему мы стоим? — не понял я. — Ждем этих? — Я указал на трех медленно приближавшихся всадников. — Зачем?

— Подождем, — отрезал король.

Ладно, ему виднее. За четыре дня пути от бывшего форта до столицы Его Величество впадал в бешенство от каждого нашего неосторожного слова, а потому мы прекрасно усвоили нехитрую истину: лучше пока помалкивать, особенно мне.

Один из незнакомцев вдруг прищипорил едва державшуюся на ногах гнемую лошадь, поднимая ее в тяжелый галоп, и поскакал через вспаханное поле к нам. Гонец, что ли? Митра Всевидящий, что же новенького на нас свалилось?

Всадник приближался. Капюшон его плаща свалился с головы, и теперь я разглядел светлые, почти белые волосы, увязанные на затылке в длинный хвост. А потом услышал крик:

— Эй, подождите!

Король как-то подобрался в седле и пристальнее взгляделся в почти догнавшего нас человека — молодого парня с резкими, но очень привлекательными чертами лица, выглядевшего чуть постарше меня.

— Велл? — пробормотал король и повторил погромче, точно сомневаясь в собственных словах: — Веллан?

— Конан! — обрадовано заорал человек, натягивая поводья и останавливая своего разогнавшегося, а теперь неудержимо скользившего по грязи коня. — Конан, чтоб мне сдохнуть!..

— Я же говорил, что это именно здешний король, — прозвучал негромкий и на удивление спокойный голос невысокого всадника. Оказывается, он тоже заставил свою лошадь сделать отчаянное усилие и преодолеть полосу разрытой земли. — Здравствуй... Твое Величество.

Король выкрикнул что-то неразборчивое, но явно радостное, спрыгнул на землю и чуть ли не бегом помчался навстречу незнакомцу с тихим голосом. Я не поверил своим глазам, но правитель Аквилонии стащил этого человека с седла и, кажется, едва не задушил в объятиях. Беловолосый парень наконец справился со своим конем, слез и вдруг захохотал, прислонившись к недоуменно дергающей ушами лошади.

Третий всадник, молодой и невероятно здоровенный, остановился неподалеку и невозмутимо поглядывал из-под надвинутого капюшона то на творящееся безобразие, то на нас.

— Мораддин! — отчетливо долетел до меня ликующий рев короля. — Откуда ты взялся, демоны тебя раздери?

— Ведь задушишь сейчас, медведь киммерийский, — следовало в ответ. — Отпусти меня немедленно! Я, в конце концов, подданный другого короля!

Однако в голосе человека слышалась нескрываемая радость. Такое впечатление, что встретились старые и хорошие друзья.

Где-то я уже слышал это имя — Мораддин... Совсем недавно. Ну да, конечно, в связи с упоминанием немедийской тайной службы, если мне не изменяет память. И герцог Просперо рассказывал о нем странные и любопытные вещи, разведенные бароном Гленнором.

И сдается мне, что с прибытием этих людей неприятности нашей страны теперь, как изящно выражался мой преподаватель словесности, «всемерно усугубятся». Зачем, спрашивается, главе тайной службы канцелярии Нимеда потребовалось появляться в Аквилонии? Да еще без приличествующей сану свиты, в сопровождении двух каких-то подозрительных типов, более всего похожих на разбойников с большой дороги?..

Но сейчас у меня нет желания размышлять над странностями, происходящими в нынешние смутные времена. Скорее, скорее в Тарантию, где можно отдохнуть и поесть горячей пищи, приготовленной в дворцовых кухнях!

Глава восьмая ЭЙВИНД, ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии
15-й день второй осенней луны 1288 г. Утро и день

«...Как известно, ничто в мире не передвигается с такой скоростью, как сплетни и дурные известия. Новость о разорении форта Велитриум и гибели множества его обитателей добралась в столицу прежде правителя государства, спешно возвращавшегося с закатных границ. По дороге, как водится, эта (и без того пугающая) весть обросла непредставимым числом самых невероятных домыслов и послужила тем ураганным ветром, что раздул пламя паники в умах городских обывателей. Волнения в Тарантии усугублялись еще и тем печальным обстоятельством, что некоторые не слишком умные головы сочли сие тревожное время самым подходящим для того, чтобы напомнить о крови, пролившейся в начале правления короля Конана I. Не имея на то никаких веских оснований, кроме своей неприязни к нынешнему правителю, сквернословы обвиняли его в обрушившихся на страну бедствиях и утверждали, что горести Аквилонии являются карой Подателя Жизни за многочисленные проступки

ее властителя. Правда, при этом презирующие нынешнего короля люди как-то упустили из виду, что «невинно убиенный» Нумедидес за десять лет своего правления сумел привести цветущее государство к той опаснейшей черте, за которой неминуемо начинаются народные бунты и вооруженные выступления дворян против своего сюзерена...»

*Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства*

Вот как оно порой случается — не успеешь оглянуться, как тебя подхватит да понесет неведомо куда. И будешь болтаться щепкой в горной реке, гадая: куда тебя выбросит и не разобьет ли о первый встречный камень? Не зря же мне казалось — ничего теперь не останется, как прежде. С того дня, как меня на Гиперборейском тракте догнал волк, все завертелось и закружилось. Мига спокойного не было, чтобы передохнуть.

Волка и дорогу я еще помню, а потом мне чудилось, будто меня долго везли на фыркающей лошади и кто-то шел рядом, повторяя, что сейчас приедем. А очнулся я уже в доме. То есть на постоялом дворе в Хезере. Оказалось, я совсем немного не дошел до поселка.

Я, кажется, сначала вовсе не поверил, что жив остался. А гном, которого я с собой тащил, умер. Настырные они, эти подгорные карлики, и упрямые. Он ведь держался до поры, пока с правителем нашего Пограничья не поговорил. И такого нарасказывал, что я бы никогда не поверил. Мол, гномы под Граскаалем нашли какую-то здоровенную штукину и взялись ее выкапывать. А когда откопали немного, начали, само собой, дверь внутрь искать. Ну и открыли они эту треклятую дверь... На свою и на нашу голову. С тех пор и

начало по земле гулять это проклятое зеленое пламя.

Мне уже много раз объясняли, что никакое это не пламя, а вовсе туман или облако, но для меня оно все равно останется пламенем.

...Дня через два я уже пришел в себя и даже на ногах стоял не падая. И узнал, что подземный огонь вырвался возле деревушки Арбро, которая стояла десятью лигами полуденнее нашей Райты, и там тоже все люди сгинули неизвестно куда.

Рассказал мне об этом Велл. Тот самый оборотень, что подобрал меня на дороге. Полностью его зовут Веллан, и он, оказывается, командует стражей Пограничья и охраной короля. Никогда бы не подумал. Впрочем, чему тут удивляться? Мало ли чего в жизни происходит... Я вот, к примеру, никогда не думал, что буду разговаривать с живым королем. А вышло, что поговорил даже с тремя.

Во-первых, с Эрхардом, который правит в Пограничье. Ну этот хоть самый обычный человек. Он здесь родился и в гвардии служил при трех наших прежних королях. Потом с Нимедом. Вот здесь я всерьез перепугался. Мало того, что мы с Велланом примчались в настолько огромный город, что я долго не мог поверить в его существование, так еще в тамошнем дворце люди шарахались от нас в сторону, будто навозом несет или чем похуже. Ничего я толком не разглядел в этом Бельверусе, и не понравилось мне там. Веллу, по-моему, тоже, хотя он виду не показывал.

Да, а третьим по счету королем стал правитель Аквилонии, но здесь отдельно рассказывать надо...

Когда я поправился, то попросил разрешения ездить со стражей Пограничья. Они носились по всему полуденному восходу вслед за зеленым пламенем, но, как ни старались, не успевали. Пламя каждую ночь губило новый поселок или деревню,

продвигаясь на полдень. Когда набралось уже целых пять поселений с пропавшими людьми, Эрхард решил, что нужно послать вестников в соседнюю Немедию. Пусть доберутся до правителя, расскажут, что у нас творится, и попросят помощи. Обстоятельства складывались совсем тяжело: после землетрясения в Хезере и окрестных поселках объявилось множество гномов из разоренных пещер. Их нужно было где-то поселить и чем-то кормить, а запасов в Пограничье было немного.

Так и вышло, что в Немедию поехали Веллан и я. Эрхард решил: выйдет надежнее, если кроме посланца будет еще и свидетель, который все видел своими глазами. Сколько я ни твердил, что говорить красно не умею, меня не послушали. Точнее, пришел злой как волк Веллан и заявил, что он тоже с настоящими королями прежде не разговаривал, но мир в стране ему дороже. А потому мне лучше заткнуться... И завтра мы отправляемся.

* * *

Четыре дня с утра до вечера мы неслись как угорелые. Сначала через леса, потом мимо Соленых озер, а потом по Немедии. Возле озер мы перегнали подземный огонь, двигавшийся на полдень и уничтоживший там деревню местного лорда. Владелец поместья тоже собирался в столицу — жаловаться на свои бедствия — и нагнал нас по дороге.

Немедия, хоть мы мчались через нее галопом, показалась мне очень большой и какой-то... слишком правильной, что ли? У нас, в Пограничье, если от деревни до деревни лиг пять будет, то считается, что соседи очень близкие. А здесь, по-моему, через каждый перестрел либо поселок, либо большой хутор. И вдобавок города эти, век бы их не видеть...

Когда мы первый раз к городу подъехали, я просто глазам своим не поверил. Нет, конечно, мы в Райте были не совсем пеньки дубовые, и про полуденные города от заезжих торговцев много раз слышали. Но слышать оказалось одно, а самому увидеть — совсем другое. Торчит на холме эдакое нагромождение, дом на дом поставлен, и строения все из камня, а не из дерева. А вокруг толстая стена, высотой в три-четыре человеческих роста, где каменная, где деревянная, и еще с башенками на углах. За въезд в город надо платить, однако с нас ничего не брали, потому как с гонцов и иных вестников плата не полагается. Шума в городе этом, как на ярмарке в разгар торгов, и пахнет вовсе не по-людски, и горожане все время бегут куда-то, ровно опаздывают. А уж сколько там народу живет — я и сосчитать не берусь.

Веллан потом сказал, что этот город маленький, и не настоящий, а так — пограничная крепость. Я не поверил, подумал: он снова веселится. Первый раз встречаю человека, готового зубоскалить над всем и всеми, в том числе и над собой. Надо мной же Веллан просто потешается, однако, если я спрашиваю о чем, всегда понятно растолкует, что и как. Веллану хорошо — он в городах привык жить. А я нигде дальше Хезера не бывал.

Чем глубже мы забирались на полдень, тем города становились все больше и встречались чаще. Иногда мне казалось, что они похожи на маленькие страны. А потом мы добрались до столицы, Бельверуса. Это я сейчас правильно название выговариваю. Сначала дальше «Бе...» ничего выговорить не мог.

Про Бельверус я сказать ничего не могу. Не видел я его. То есть, конечно, мы въехали в какие-то большие железные ворота, долго кружили по улицам и приехали еще к одному городу. То есть к

крепости. Ее называют замком или дворцом — оказывается, все эти слова значат порой одно и то же.

Я думал, нас в крепость ни за что не пропустят. А нас даже ждали. И сразу повели куда-то — один толстый такой тип показывал дорогу, а сзади шли гвардейцы, целых четверо. Коридоров в этом дворце — что ходов в старой лисьей норе. Наверное, здешние люди и сами не помнят, что у них где находится. И народу там живет не меньше, чем во всем Пограничье! Интересно, зачем их тут столько околачивается?

Я хотел потихоньку у Веллана про это спросить, но оказалось, что мы уже пришли. Велл на меня зашипел и сказал, что говорить можно будет, только когда к нам обратятся, а прежде сидеть молчком и язык прикусить. А потом дверь открылась и нас впустили.

Король Нимед, оказывается, уже совсем старик. Это я потом разглядел, а сначала так испугался, что просто сидел столбом и даже моргнуть боялся.

Кресло попало тесное, я попытался потихоньку сесть поудобнее и понял, что не так уж здесь и страшно. Нас всех посадили вокруг большого стола, и я украдкой огляделся. Кроме короля, в комнате были старый обрюзгший хрыч с мордой нахально-го кота и парень лет тридцати — наверное, королевский сын. Потом владелец земель возле Соленых озер, где выплеснулось подземное пламя, и какой-то странный человек — маленького роста и почти неслышный. Он пришел позже всех, а король сказал, будто только его и ожидают.

Потом нас долго расспрашивали, что да как, и все просили подробно говорить. Мы рассказывали, а молодой лорд, который с нами ехал — вспомнил, Клеве его звали, — сказал, как в его деревне люди превратились во что-то жуткое, собрались в стадо и ушли на полночь.

Тут мне худо стало: неужели со всеми нашими пропавшими такое непотребство приключилось? Я даже и не слышал, что там дальше говорили, пока Веллан не встал и меня за собой не потянул.

Пока мы шли к комнате, где нас поселили, Велл все ворчал: зря, мол, сюда ехали, надо было рвануть в Аквилонию, а тут властители только языками чесать горазды. Я промолчал — ему виднее. А что за Аквилония такая и чем она от Немедии отличается, я особого понятия не имею. Знаю только, что так зовется большая страна к закату отсюда, за горами.

На следующий день мы уехали из города. Отправились смотреть, как здешние колдуны попытаются зеленый огонь извести. Странно: тут колдунам разрешено в городе жить и своим колдовством на жизнь зарабатывать. А что гораздо интереснее — среди позванных волшебников оказался Велланов знакомый. Из страны, названия-то которой я никогда не слышал. Из Стигии. Колдун с именем Тотлант. Весь какой-то желтый, голова наголо стриженная, ходит в черном с золотом балахоне. Но в остальном Тотлант — человек как человек. Велл с этим волшебником всю дорогу трепался, вспоминал, как года три назад они ездили в Бритунию и как однажды напились в Пайрогии, а платить за себя заставили какого-то варвара.

Еще с нами поехал тот маленький человечек, что сидел на приеме у короля и все выспрашивал, как чудовища выглядели да куда направились. Как нам сказали, он заправляет тайной королевской гвардией. Я долго голову ломал, но совсем не понял, зачем немедийскому королю какая-то тайная гвардия? В дворце и без того в каждом коридоре торчит по стражнику, а у любой двери — по два. Неужели король так боится, что его убьют?

Этого человека — Мораддина, графа Эрде — все слушались. И военные, которые нас охраняли, и даже

колдуны, которые, по-моему, не замечали никого, кроме самих себя. Пока мы ехали, Веллан постоянно приглядывался к странному месьюру Мораддину, а однажды вечером вдруг заявил:

— Он не человек.

— А кто? — спросил я.

Веллан пожал плечами и неуверенно предположил:

— Гном...

— Гномов я видел. Месьюр Мораддин не похож на гнома, — не согласился я.

— Тогда полугном, — стоял на своем Велл. — Посмотри внимательнее, ногти у него коричневые. И пахнет от него не человеком.

— Может быть, — не стал спорить я. — Ну и что с того?

— А ничего, — хмыкнул Веллан. — Просто любопытно. Начальник тайной службы Немедии — подгорный карлик!

— Зато командир гвардии Пограничья — оборотень, — напомнил я. — Глядишь, вам, двум нелюдям, и найдется о чем побеседовать.

Веллан запустил в меня шишкой, обозвал почему-то варваром и заявил, что хочет есть. Я подумал было предложить ему прогуляться в окрестный лесок и поймать кролика. Говорят, оборотни больше всего крольчатину любят. Но не стал — еще обидится. Вместо этого поднялся и пошел рубить дрова для костра.

А через четыре дня мы встали лагерем возле городка Далем — лиг на двадцать полуденнее Соленых озер и полночной границы Немедии. Тогда же Тотлант догадался, куда пойдет подземный огонь. Я не разобрался, про какие города и страны они — Тотлант, Веллан и граф Эрде — толковали, но даже полный глупец сообразил бы, что дело наше плохо. А еще стигиец сказал, что следующей ночью навер-

няка надо ожидать появления зеленого пламени в Далеме. И предложил сходить на стоявшую посреди леса горушку — мол, сверху он сможет увидеть, далеко ли от нас этот огонь.

Все согласились. Сидеть и гадать — что стряется завтра ночью и произойдет ли вообще какая беда — никому не хотелось. Только себя изводить лишний раз. Горка, о которой говорил Тотлант, называлась Соколиная и была всего в полулиге от нашего лагеря.

Мы забрались наверх, но ничего интересного я там не заметил. Горка как горка, вдалеке тусклые огоньки видны — городок Далем, ветер в деревьях шумит и холодновато. Веллан сказал, будто из города кто-то выезжает. Мораддин не поверил, но тут влез Тотлант и растолковал, что Велл — оборотень и в темноте видит куда лучше людей. По-моему, Эрде даже не удивился. Может, он и сам догадался, что посол Эрхарда не совсем человек?

Так мы стояли на вершине горки, глядели вокруг. Вдруг Тотлант велел всем замолчать и стал прислушиваться к чему-то. А потом под нами земля зашаталась и затряслась. Я решил: опять землетрясение началось, как в Граскаале, но вместо этого посреди леса зашипело по-страшному, и к небу поднялось нечто... Даже не знаю, как сказать. Оно было похоже на огромный столб из зеленого тумана. Он рос и рос, пока не дотянулся до черных ночных туч, и тогда рассыпался. Разлился вокруг нашей горки, как вода. Эта зеленая вода частью потекла через лес к Далему, частью — к нашему лагерю...

На самом деле я мало что увидел. Мы все лежали, ткнувшись лицом в землю, и ждали, чем это закончится. Нам повезло — туман не пошел к вершине скалы, а плескался внизу. Мне показалось, что прошла почти целая ночь, а оказалось — длился разрыв совсем недолго.

Кто-то потряс меня за плечо и окликнул, сказав, что все кончилось. Я поднял голову, огляделся. Зеленое пламя погасло, развеявшись над лесом. Все наши остались живы, только выглядели до смерти перепуганными. А Велл превратился в волка и сидел злой, потому что запутался в собственной одежде. Подземный огонь, видно, так действует на его племя, что оборотни против собственной воли становятся зверьми.

Мы подождали, пока Веллан превратится обратно, а потом побежали вниз. Как никто не подвернул ногу и не полетел считать все камни по дороге — посейчас не представляю. Лошади оказались на месте, но тоже сильно испугались и долго не давали нам сесть в седла.

А возле самого лагеря мы встретили тех самых чудовищ, про которых говорили все свидетели появления подземного огня. Таких же, как мы, находили в Пограничье. Живыми те чудовища выглядели еще жутче, чем дохлыми. Они шли мимо нас, как будто мы были деревьями или камнями на дороге.

Не знаю, как остальные, а я тогда подумал, насколько нам повезло, что мы решили слазать на горку. Ведь совсем недавно это молчаливое стадо демонов было настоящими людьми, с которыми мы вместе ехали, разговаривали и надеялись как-то справиться с напастью. Теперь они топтались на дороге, точно ждали, когда им прикажут отправляться в путь.

Так и случилось. Превращенные люди вдруг все разом качнулись, сделали первый шаг и затопали в сторону городка Далем.

В городе, наверное, то же самое, — пробормотал Веллан.

Ему никто не ответил. Мы все смотрели, как бывший отряд из Бельверуса уходит неизвестно

куда. Потом Тотлант вдруг заявил, что поедет за ними. Все начали твердить стигийцу, как это опасно, однако колдун никого не послушал и ушел в брошенный лагерь — собирать припасы. Я тоже пошел вслед за ним — посмотреть, может, кто уцелел.

Я никого не нашел, только мертвых лошадей. Зеленый туман убил всех животных. Даже охотничьих собак командира отряда.

Когда я вернулся, Веллан и граф Эрде о чем-то разговаривали. Я прислушался — они решали, что теперь делать. Мне казалось, что нам нужно возвращаться домой, раз мы у немедийского короля получили обещание помощи.

Но Веллан решил иначе. Он почему-то вбил себе в голову, что должен ехать в Аквилонию. Причем сейчас же. Видение, понимаешь ли, ему было. Я поначалу испугался, что он решит оставить меня здесь или отошлет в Бельверус, чтобы я сам добирался оттуда в Пограничье. И спросил, возьмет ли он меня с собой.

Велл потом сказал, что ему даже в голову такое не приходило — бросить меня в Немедии, а самому уехать...

Тотлант сказал, что это хорошая мысль и в этой самой Аквилонии вполне могут придумать, как справиться с подземным огнем. Мораддин молча слушал их, а потом согласился поехать с нами. На том и порешили: Тотлант ускакал вслед за превратившимся в чудовищ отрядом, пообещав прислать весточку, если разведает что-нибудь полезное. А мы собрались и поехали на закат.

* * *

Ехали мы долго. Почти десять дней. Оказывается, эта Немедия настолько огромная, что мне даже представить трудно, сколько же в ней лиг из конца

в конец. И везде дороги, деревни, замки, города, а потом снова маленькие поселки, большие поселки, хутора, крепости, и снова города... В глазах рябит, а названия в голове просто не удерживаются, как вода в решете. К тому же мы ехали очень быстро, почти нигде не задерживаясь.

Где-то на пятый день пути впереди показались горы. Не такие, как Граскааль. Намного ниже, пологие, заросшие редколесьем и, опять же, с проложенными в удобных местах дорогами. Правда, здесь дорог было куда меньше, и выглядели они так, будто за ними не слишком старательно присматривали. Мораддин сказал, будто эту часть гор редко посещают, оттого и тракты запущены. Но нам, мол, лучше ехать здесь, потому что, когда переберемся на другую сторону, окажемся совсем недалеко до Тарантии. Я, конечно, спросил, что такое «Тарантия», и мне растолковали, что так называется столица Аквилонии.

По горам проходит граница между Немедией и Аквилонией. В маленьком городке, называвшемся Алитус, стояла застава, проверявшая всех, кто покидал страну, и собиравшая пошлины. Нас пропустили безо всяких вопросов, стоило графу Эрде показать старшему над стражей какую-то бумажку с большой красной печатью. Мы проехали мимо стоявшего на обочине большого гранитного валуна с выбитыми на нем непонятными значками, и оказалось, что мы уже в Аквилонии.

Здесь, по-моему, все было почти такое же, как и с восходной стороны гор. Только поселений поменьше, и чаще встречались небольшие деревушки, а не города. Народ тут был сильно встревожен. На постоялых дворах мы не раз слышали, что на полуночи завелась какая-то гадость, изводящая всех людей под корень. Никто точно ничего не знал, а нам Мораддин велел помалкивать. Велл сначала

ворчал, что всякие недомерки будут ему еще указывать, что делать, но потом согласился, что нам в самом деле ни к чему лишний раз расстраивать и без того напуганных людей.

Где-то через три дня после того, как мы преодолели горы, дорога вышла к реке. Река была широкая — не меньше двух, а то и трех перестрелов — медленная, тускло блестящая и похожая на ленивую змею. Река, как сказал Мораддин, называлась Хорот и была самой большой в землях Заката. Нам оставалось проехать вдоль ее берега еще день или два, чтобы добраться до Тарантии.

На следующий день Веллан заметил едущих впереди нас четырех всадников. Они были такие же замученные и уставшие, как и мы, и потому мы вскоре начали их догонять. И тут Мораддин, присмотревшись, заявил, что едущий впереди маленького отряда человек — правитель Аквилонии.

Мы с Велланом, разумеется, не поверили. Я сказал, что здешние короли не имеют привычки раскатывать по стране почти в одиночку. Велл же подумал и сказал, что с Конана вполне станется рвануть куда-нибудь из столицы, но лично он не верит в подобные совпадения.

Велл говорил, будто короля Аквилонии зовут Конан и что править он начал совсем недавно — месяцев пять назад. А еще Велл сказал, что знаком с этим человеком и что ему неизвестен другой тип, более неподходящий для королевского трона. Я спросил почему, но Веллан только захихикал и сказал, что я сам все пойму, когда мы доберемся до места.

Короче, Эрде и Велл спорили, и тогда я предложил сделать просто — догнать этих людей и посмотреть, кто они. И мы поскакали вслед.

Оказалось, что Мораддин был прав. Веллана, первым догнавшего ехавшую впереди четверку, от

этого разобрал смех, да такой, что он свалился с седла.

Я подъехал последним и долго не мог сообразить, что у них тут творится. Нет, я отлично понял, что встретились старые друзья, давно не видевшие друг друга...

И еще я понял, что имел в виду Веллан, когда говорил, что король Аквилонии меньше всего походит на правителя страны. Ежели он на кого и смахивал, то на самого настоящего разбойника с большой дороги.

* * *

До Тарантии действительно было недалеко — каких-то три или четыре лиги. Король и граф Мораддин ехали впереди и разговаривали. Я потихоньку спросил у Веллана: «Они что, знакомы?» Велл ответил, что точно не знает, но ни капельки не удивится, если так оно и есть.

Тарантия, по-моему, значительно больше Бельверуса, а дворец здесь странный — больше похож на крепость. Нас поселили каждого в своей комнате, и теперь я вот сижу и думаю: как бы мне в этой путанице отыскать Велла? И еще где во дворце можно хорошо поесть?

Сейчас утро. Довольно раннее, если судить по тусклому свету, что пробивается в окно. Окна здесь непривычные — высокие, похожие на наконечник стрелы, а в рамы вставлено множество маленьких цветных стекол. Наверное, одно такое окно стоит денег больше, чем вся наша семья могла добыть за год...

Торчать в пустой комнате было скучно. Я осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Никого. Вчера тут целая уйма народу носилась туда-сюда, а теперь ровно умерли все. Наверное, спят еще. Значит, никто не рассердится, если я немнож-

ко прогуляюсь. Любопытно же, как люди тут живут.

Коридор вывел меня к каменной лестнице. На перилах зачем-то — наверное, для красоты — были приделаны бронзовые шарики и стояла большая ваза из розового камня. Я подумал, пойти мне вверх или вниз, и решил, что лучше вниз. Может, наткнусь на кого-нибудь.

Я спустился еще на два пролета и сразу увидел маленькую дверь. Она была приоткрыта. Я огляделся — по-прежнему никого, и никто за мной не смотрит — и вошел. Просто из интереса — а что за этой дверцей?

За ней тянулся все время поворачивавший темный проход, такой узкий, что я постоянно думал: застряну. А потом я наткнулся на какую-то мягкую большую тряпку, закрывавшую дорогу, и едва в ней не запутался. Тряпка была пыльная и пахла жухлой травой. Наконец я разобрался со складками, отодвинул ее в сторону и пролез между занавеской и стеной.

Я попал в какое-то большое помещение. Такое большое, что в него, наверное, целый дом бы влез. И даже не один. Зачем внутри и без того огромного дворца выстроили такую комнату?

Здесь было пусто, сумрачно и очень тихо. Настолько тихо, что я даже услышал эхо собственных шагов. Высоко под потолком, на расстоянии не меньше двадцати локтей, слабо светились окна. Пол был каменный, из красных и белых плит, складывавшихся в хитрый узор. Еще здесь были столбы. Высоченные и толстые столбы, упиравшиеся в потолок. Они стояли в два ряда, черные с синеватым отблеском, и смахивали на стволы каких-то небывалых деревьев без веток.

Я осторожно обошел вокруг одного из столбов. Наверное, именно такая штука и называется «ко-

лонна». Только зачем их так много? Крышу подпирать, что ли?

В дальнем конце огромной комнаты было какое-то возвышение, и я пошел посмотреть, что это. Оказалось — каменное кресло, к которому вели три широкие ступеньки. Кресло было очень красивое, бледно-розовое, с белыми и черными прожилками, с ножками, похожими на когтистые лапы большого зверя. Над спинкой кресла поднималась оскаленная кошачья морда из потемневшей бронзы.

Еще одна кошка — или животное, очень на нее похожее, — была выложена большими желтыми камнями и тонкими золотистыми проволочками на стене за креслом. Она была высотой в три-четыре человеческих роста и стояла на задних лапах, выставив передние перед собой.

Я подумал и решил, что это все-таки не кошка. Скорее барс. Хотя у барсов не бывает такой косматой гривы и изогнутых хвостов с кисточками. Значит, у нас в Пограничье такой зверь не водится. Потом надо будет спросить, что это за тварь и зачем ее здесь нарисовали.

Я потрогал вставленные в стену камешки и попытался выковырять один. Камни сидели крепко, сколько я ни старался подцепить их кинжалом. Ну и ладно. Тогда посмотрю лучше поближе на каменное кресло.

Я поднялся по ступенькам. Бронзовая кошка беззвучно шипела, прижав уши к голове и показывая длинные клыки.

— Ты чего такая злая? — спросил я у зверя и погладил сморщенный нос. — Сторожишь, да?

Кошка ничего не ответила. Я присел на краешек кресла и осмотрел комнату. Отсюда, с возвышения, она казалась просто бесконечной. Множество уходящих вдаль ровных черных колонн, падающие сверху косые лучи света... Наверное, даже

если в эту комнату наберется много гостей, она все равно будет казаться маленькой, а люди — недомерками. Мне стало жутковато.

В это время высокие двустворчатые двери в дальнем конце комнаты беззвучно распахнулись. Вошли трое — седоватый напыщенный старик с изрядно отвисшим брюшком, а следом за ним почти бежали два типа, похожих на мастеровых. Старик на ходу что-то говорил, размахивая руками и указывая то на потолок комнаты, то на стены, мастеровые внимательно слушали. Меня они пока не замечали, и я подумал, что надо бы поскорее убраться отсюда. Вдруг в эту комнату никому без разрешения входить не положено?

Я бы и смылся потихоньку, но забыл про эту проклятую кошачью морду. Когда я вскочил, то со всего размаху треснулся об нее головой. Ну я и охнул, а звуки здесь разносятся хорошо...

Старик замолчал на полуслове и уставился на меня так, будто у меня выросло две головы или я гадость какую сотворил. Мастеровые переглянулись и резво поплыли обратно к дверям. Я понял, что мне непременно влетит, хотя ничего плохого я не сделал. И зачем мне только приспичило пойти прогуляться? Сидел бы себе тихо...

— Это что? — каким-то шипящим голосом спросил старик, непонятно к кому обращаясь. Точно не ко мне — в мою сторону он даже не смотрел. — Кто впустил сюда это... этого?

Я открыл было рот, чтобы растолковать, что никто меня не пускал, а я сам вошел и сейчас уйду, но мне не дали. Старик налился багрово-красным и неожиданно тонким и пронзительным голосом, от которого у меня зазвенело в ушах, крикнул:

— Стража!

Ну почему мне всегда так не везет? Сейчас примчатся стражники, начнут спрашивать: что да как?

А может, сперва по шее надают, а уж потом спросят, кто таков... Нет, не нравятся мне города, это точно!

Отзвуки вопля старика еще метались где-то под потолком, когда в комнате появились новые люди. На мое счастье, это оказалась не дворцовая стража. Мало того — одного из вошедших я знал. Точнее, двух...

— Публио, что тут у вас происходит? — осведомился король, окидывая взглядом разгневанного старика, спрятавшихся за колоннами мастеровых, и меня. К тому времени я уже догадался слезть с кресла и спуститься вниз. — Почему с утра все вопят, как резаные?

— Эйвинд, что ты натворил? — Это спросил Мораддин, пришедший вместе с королем. А еще возле дверей стояла очень красивая белокурая женщина, с легкой улыбкой наблюдавшая за всеми нами.

— Ничего, — пробурчал я. — На кресле посидел...

— Чего-о? — дружным хором переспросили Мораддин и король.

— На кресле посидел, — повторил я. Старик просто потерял дар речи, только хлопал глазами, как вытасченная на берег рыба, а женщина тихо засмеялась. Чего ж я такого сделал, что они так на меня уставились?

— Ну и как? — с непонятым мне ехидством поинтересовался король. — Удобно?

— Нет, — честно сказал я. — Холодное оно... и жесткое. Постелили бы сверху медвежью шкуру, что ли...

Правитель Аквилонии прислонился к стене и захохотал. Мораддин скорбно вздохнул, крепко взял меня за рукав и потащил за собой наружу.

— Господин граф... — решил я наконец заговорить, когда мы оказались за дверями. Из комнаты

доносился мягкий голос женщины, видимо, успокаивающей старика. Иногда ее речь заглушали раскаты хохота.

— Эйвинд, ты хоть понимаешь, что наделал? — очень спокойно спросил Мораддин. Я помотал головой:

— Да ничего я не делал! Подумаешь, в кресле посидел...

— Если бы просто в кресле, никто и слова б не сказал, — снова тяжело вздохнул Эрде. — Но тебя ж угоразило усестись на королевском троне!

— А?.. — Я почувствовал себя последним дураком. Так этот каменный стул на ножках — трон? — Но... Я же не нарочно, честное слово!

— Знаю, что не нарочно. — Мораддин, видимо, хотел добавить еще что-то, но потом махнул рукой и тоже рассмеялся: — Ты пошел дворец посмотреть? Тогда ступай лучше куда-нибудь вверх. Здесь опять еще залезешь не туда, куда нужно. И постарайся не попадаться на глаза канцлеру Публио — второй такой встречи он не переживет.

— Это старику? — на всякий случай спросил я.

— Ему самому, — подтвердил граф Эрде. — Теперь марш отсюда, пока у Его Величества хорошее настроение. А то еще прикажет казнить как злоумышленника и злодея короны. — И Мораддин сокрушенно покачал головой.

Быть злодеем короны мне вовсе не хотелось, и потому я спросил:

— А как подняться вверх? И где Велл?

— Направо по коридору, потом еще раз свернешь направо. — Мораддин показал мне направление. — Лестница там. Комната Веллана неподалеку от твоей. И сиди лучше у себя... — Он не закончил, резко повернулся и пошел к распахнутым дверям. Возле них уже появились здешние гвардейцы, косившиеся на меня угрюмыми взглядами. Они явно

решили: схватить меня сразу или подождать приказа?

Я потихоньку попятился назад по коридору, завернул за угол и облегченно вздохнул. Вот угол разделило...

До меня долетел слегка озабоченный голос Мораддина:

— Госпожа Эвисанда, с тобой все хорошо?

Белокурая женщина ответила через смех:

— Конечно, конечно... Скажите, граф, откуда явилось это чудо?

— Из Пограничья, — ответил не Мораддин, а король. — Этот еще ничего, Эви. Встречаются и гораздо хуже...

— Ты, например, — закончила женщина по имени Эвисанда.

* * *

До лестницы я добрался благополучно — никто из встретившихся на пути стражников и слуг меня не остановил, и свернул я в нужном месте. Поднялся на пролет навверх и задумался. Коридор, в котором я сейчас стоял, ни капли не походил на тот, из которого я ушел. А где находится нужный мне — я понятия не имел. Нет, в лесу или в горах отыскать нужную дорогу легче, чем в этом проклятом дворце! Здесь не ходи, там не ходи, этого не тронь, а сюда даже не гляди...

Лестница уходила куда-то дальше. Мораддин вроде сказал, что наверху ходить можно везде. Пойду лучше туда, посмотрю вокруг. Может, получится вылезти на крышу? Интересно, как выглядит город сверху? Наверное, совсем-совсем маленьким...

Следующий пролет лестницы был уже не каменным, а деревянным, и меньше по ширине раза в два. Ступеньки чуть поскрипывали и прогиба-

лись. Наконец лестница закончилась, выведя меня в какой-то темноватый коридор с низкими потолками и полукруглыми окнами. За окнами виднелось серое небо в облаках.

Еще в коридор выходила большая дверь из темно-красного дерева с медными украшениями. На месте ручки торчала резная совиная голова с бронзовым кольцом в клюве. К ней я вообще подходить не стал — ученый уже, спасибо! Опять окажется, что не туда забрел...

И я пошел направо по коридору, освещаемому почти прогоревшими светильниками. Здесь как-то непривычно пахло — старой вылежавшейся кожей и сухими листьями. Хотя откуда в столичном дворце взяться сухим листьям?

Тут вдалеке что-то заклацало, точно шла большая собака и стучала когтями по камню. Я остановился — кто знает, какие тут собачки водятся?

Ровное постукивание приближалось. Затем появилась расплывчатая тень — слишком большая для обычной собаки...

А в следующий миг я шарахнулся назад и схватился за нож. Прямо на меня шла небывалая тварь — огромная коричневатая кошка с орлиной головой и сложенными на спине крыльями. Одно из крыльев угловато свисало вниз. Зверь остановился как вкопанный, и уставился на меня пронзительно-желтыми глазищами.

«Если прыгнет — ударю... Не убью, так свалю...»

— И что ты собираешься делать с этой железкой? — прозвучал в тишине странноватый голос, похожий на удары молоточка по еще не затвердевшему железу. До меня не сразу дошло, что спрашивает животное. Звери ведь не разговаривают, такое только в сказках бывает!

— Ну? — Зверюга по-птичьи наклонила голову набок, смотря на меня хитроватыми глазами.

— А ты... Ты кто? — с трудом выговорил я. Если тварь разговаривает, значит, нападать не собирается. Может, это здешний сторожевой пес? Где они такого страховидлу выкопали? Ну и жите в этой Тарантии...

— Я грифон, — с некоторой едкостью в металлическом голосе ответил зверь и подозрительно прищурился. — А вот тебя я первый раз вижу.

— Мы только вчера приехали, — объяснил я, чувствуя себя как во сне. Стою в коридоре самого настоящего дворца и разговариваю с животным, смахивающим на ходячий кошмар. Так совсем свихнуться недолго... — Из Пограничья.

— Откуда, откуда? — переспросил грифон. Теперь он выглядел не на шутку заинтересовавшимся. — Это такая страна?

— Да, на полночь отсюда. — Я решил, что эта тварь наверняка ручная и живет во дворце как причудливое домашнее животное, а потому убрал кинжал в ножны. — У нас зеленый огонь объявился, вот мы и приехали за помощью...

— Пошли! — вдруг рявкнул грифон и хлестнул себя хвостом по бокам.

— Куда? — От неожиданности я попятился и пожалел, что рано спрятал нож.

— К одному человеку, который будет весьма рад тебя послушать. — И зверь легонько подтолкнул меня клювом. Клюв у него был величиной с два моих кулака, твердый и загнутый крючком, и потому я решил не спорить. В конце концов, он сказал: «поговорить с человеком». А уж с подобным себя я как-нибудь договарюсь, не то что с этой помесью кошки и птицы...

Мы вернулись обратно, к двери с головой совы. Грифон зацепил клювом металлическое кольцо и потянул на себя. Створка почти бесшумно распахнулась, и я с некоторой опаской заглянул внутрь.

За дверью не было ничего страшного. Все лишь небольшая, уютно выглядящая комната. Горящий очаг, который здесь называют камином, звериные шкуры на полу и на стенах, стол и стоящее рядом широкое кресло на низких ножках. В нем кто-то сидел. Причем очень странным способом — почти утонув в кресле, а ноги устроив на столешнице. На коленях сидевшего человека лежала какая-то вещь, и он ее внимательно рассматривал. Еще месяц назад я бы не понял, чем таким он занят. Теперь же я знал: человек читал книгу. Похоже, это занятие так его увлекло, что он не заметил, как мы вошли.

Грифон приглушенно рыкнул. Человек встрепетнулся, быстрым движением сбросил ноги со стола, а затем поднялся нам навстречу. Какое-то время мы с некоторым удивлением глядели друг на друга. Я подумал, что недавно уже встречал этого человека.

Незнакомец казался лет на пять-шесть старше меня, головы на две пониже. Но хлюпиком при этом не выглядел. Смотрел он спокойно и чуточку насмешливо, словно только что загадал какую-то хитроумную загадку, и теперь ждал: ответит на нее кто-нибудь или нет?

Грифон протопал мимо меня и, как обычная кошка, улегся возле очага, предоставив мне выкручиваться самому. Я мялся возле двери, не зная, можно войти или нет (да и стоит ли вообще входить?), а хозяин комнаты терпеливо ждал.

— Так с кем имею честь?.. — прозвучал ясный и очень четко выговаривающий слова голос. Я вовремя вспомнил, что здесь так принято обращаться к гостю. Меня по всем правилам спрашивали, кто я такой и что здесь делаю.

— Эйвинд, — назвался я. — Из Райты в Пограничье.

— Вот как? — Теперь во взгляде человека вспыхнуло любопытство, сменившееся задумчивостью. — Подожди, подожди... Правильно, я видел тебя! Ты вчера приехал вместе с посланником Эрхарда и немедийским графом... Меня зовут Хальк, барон Юсдаль. — Парень церемонно кивнул. — Его имя — Эвунд. — Следующий кивок был направлен на развалившегося у огонька грифона. — Он из Ямурлака, это такая маленькая земля на полуночном закате.

А я сообразил, почему этот тип показался мне смутно знакомым. Правильно, когда вчера мы встретили правителя Аквилонии, он был одним из сопровождающих короля. Но тогда я никого толком не разглядел.

— Садись, — Хальк сделал приглашающий жест, указывая на свое кресло. — Это просто замечательно, что ты сюда зашел... Мне нужно будет кое-что у тебя узнать. Я уже говорил с графом Эрде, но... Он слишком привык хранить свои тайны. А ты, как я понял, первый человек, видевший подземное пламя?

— Да, — осторожно подтвердил я присаживаясь. Кресло угрожающе затрещало, но выдержало. Хальк слегка улыбнулся:

— Здесь иногда король сидит, так что вряд ли сиденье сломается... Подожди, я сейчас вернусь.

Он исчез за неприметной дверью, ведущей, видимо, в соседнюю комнату, и оттуда донесся шорох и металлический звон. Я остался сидеть, недоумевая: вот нашелся первый человек, который хочет со мной поговорить, да только кто он такой? Дворянин, это понятно... Я уже начал разбираться в том, что у всех, обитающих при коралевском дворе, есть какая-то должность. А кто этот Хальк?

Барон Юсдаль вернулся, притаив с собой еще один стул и толстую книгу из сшитых вместе листов

пергамента в ярко-синем переплете. Затем снова ушел, а когда вернулся, к книге добавились пара высоких серебряных стаканов, оплетенная в соломую бутылка и большая тарелка с незнакомыми мне плодами.

— Ничего лучше нет, — извиняющимся тоном сказал Хальк, откупоривая бутылку. — Я не рассчитывал, что у меня будут гости.

Ну хоть кто-то догадался, что пришедшего в дом не помешает накормить. Хотя я предпочел бы чего-нибудь посущественней...

— С приездом в благословенную Тарантию, — с той же мягкой усмешкой сказал Хальк, поднимая свой стакан. Я не понял, серьезно он говорит или шутит. Какая же «благословенная», ежели у них развелась такая же гадость, как у нас?

Вино было непривычное и терпкое, но вкусное.

— Господин Хальк... — неуверенно начал я, но Юсдаль отмахнулся:

— Можно просто Хальк, без «господина».

— Ага, — кивнул я. — Я спросить хотел, если можно... Ты здесь кем?

— Я летописец, — невозмутимо сказал Хальк, открывая свою толстенную книгу. — И хранитель дворцовой библиотеки. Проще говоря, я наблюдаю за всеми событиями в стране, а затем записываю, как они происходили, кто в них участвовал и чем все закончилось. Это называется «вести хронику или летопись». В Аквилонии существует около десятка таких летописей. Некоторые были начаты с полтысячелетия назад, одновременно с основанием королевства... А теперь я очень хотел бы послушать тебя. Расскажи о зеленых огнях, о том, что сейчас делается в Пограничье, и вообще — кто ты, как сюда попал и что произошло до того...

— И... И ты будешь записывать все, что я расскажу? — Я с уважением посмотрел на книгу. О

ремесле, которым занимался Хальк, я слышал и раньше, но мне почему-то казалось, что им должен заниматься какой-нибудь старик или, скажем, монах при храме Митры. Но уж никак не молодой парень.

— Конечно, — подтвердил Хальк. — Говори, как умеешь... и, пожалуйста, как можно подробнее. Твой рассказ останется для людей, которые будут жить после нас. А сегодня, может быть, он чем-то сможет помочь Аквилонии...

Грифон по имени Энунд поднялся, по-кошачьи потянулся и перебрался поближе к столу. Видимо, ему тоже хотелось послушать.

И я начал рассказывать. С самого начала. С того давнего дня, когда я отправился на охоту в Граскааль...

Хальк ни разу меня не перебил. Только иногда поднимал голову, отрываясь от своих записей, и смотрел удивленно. Длинное черное перо так и летало по желтоватому пергаменту, оставляя после себя ровные строчки непонятных знаков. Интересно, какой из меня вышел рассказчик? Жаль, что я не умею читать.

Я закончил свою историю на том, как мы перебрались через Немедийские горы и доехали до Хорота. Повесть вышла длинной: я заметил, что Хальк исписал по меньшей мере два десятка листов.

Когда я сказал «все», он медленно закрыл книгу и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Грифон гулко и претяжно вздохнул.

— Дела значительно хуже, нежели мы предполагали, — уставшим и каким-то бесцветным голосом вдруг проговорил барон Юсдаль. Грифон молча кивнул.

— Это почему? — забеспокоился я.

Вместо ответа Хальк поднялся, подошел к стоящему у стены дубовому шкафу, порылся там и бухнул на стол большой свиток пергамента, намотан-

ный на два деревянных лакированных валика. Затем толкнул валики в разные стороны, и свиток развернулся, закрыв собой почти весь немаленький стол.

— Ты карту читать умеешь? — спросил Хальк. Я кивнул:

— Ага. Немного.

— Тогда посмотри сюда.

Я посмотрел. Такую карту я уже видел не раз и, хоть не мог прочесть надписей, узнал знакомые места. Вот Пограничье и Граскааль, вот Немедия и горы на границе с Аквилонией, это, наверное, Бельверус... И множество ярко-красных точек, разбросанных тут и там.

Я вспомнил стигийца Тотланта, и как он нам объяснял, куда пойдет подземный огонь. Теперь я видел, что колдун был прав. На этой карте были отмечены все известные разрывы, случившиеся в Немедии и Аквилонии, и можно было отчетливо проследить путь зеленого пламени.

— Здесь был форт Велитриум, — с грустью сказал Хальк, ткнув в точку на полуночном закате. — Теперь его нет. Король Конан ехал оттуда, когда вы нас встретили... Значит, самый первый выброс произошел в Граскаале, возле твоей деревни? — Он вдруг оборвал себя, негромко и серьезно проговорив: — Прости, что приходитсяшний раз напоминать о твоей семье...

— Да я все понимаю, — ответил я. — Мне... Мне уже почти не больно. Только я обязательно должен найти того, кто это сделал.

— Кто это сделал? — задумчиво переспросил Хальк. — Сомневаюсь, что у тебя это получится. Хотя кто знает... Я недавно своими глазами видел эту дрянь.

— Как пламя выходит из-под земли? — уточнил я.

— Нет. — Хальк покачал головой. — Того, кто выбрасывает огонь. Это живое существо.

Я хотел что-то сказать и обнаружил, что не могу. Язык не поворачивался. Живое?..

— Огромный подземный зверь, — продолжал Хальк. — Подкрадывающийся из глубин земли к людским поселениям и уничтожающий их... Зверь, о котором нам неизвестно ничего.

— Не только вам, — подал голос грифон. Мне показалось, что он очень недоволен.

— Энунд принадлежит к роду существ, что живут значительно дольше людей, — пояснил барон Юсдаль. — В их краю случилось то же самое, что и у нас, — разрыв земли и зеленое пламя. Большинство из обитателей земли Ямурлак разбежались, а Энунд угодил в ловушку и попал сюда. Но он ведь не жалуется, так? — Хальк наклонился и почесал огромную голову грифона. Зверь согласно кивнул.

— Тогда что делать-то? — растерянно спросил я. — Что же, выходит, эти твари... или кто они там... так и будут ползти, пока не встретятся? И мы все перемрем?

— Не знаю, — просто и спокойно сказал Хальк. — Но от души надеюсь, что этого не произойдет. Может, мы сумеем что-нибудь придумать. Отыщем какой-нибудь способ уничтожить это существо. Ты сказал, что маги оказались против него бессильны? Но вдруг его способно одолеть что-то иное, помимо колдовства?

— А что? — язвительно осведомился грифон. — Да, вы можете предсказать дальнейший путь чудовища, но толку с этого — чуть!

— Ты не прав. Наши расчеты очень важны, — возразил Юсдаль. — По крайней мере теперь жители городов, лежащих на пути подземного чудовища, смогут вовремя уйти. И я убежден, что рано или

поздно средство расправиться с зеленым огнем отыщется!

— Ну-ну. — Энунд вытянул лапы и пошевелил огромными когтями.

— Не слушай его, — сердито сказал Хальк. — Он всегда верит только в худшее.

— Я здраво оцениваю обстановку, — бросил в ответ грифон.

— Лучше бы ты вместо этого подумал, как нам быть. — Барон Юсдаль начал медленно скручивать карту обратно и обратился ко мне: — Ты сейчас занят?

— Нет. — Действительно, чем я мог быть занят? Я даже отведенной мне комнаты отыскать не мог...

— Тогда не составишь мне компанию? — Хальк свернул карту в тугой свиток. — Я собираюсь пойти прогуляться по городу... и где-нибудь перекусить. Хочешь посмотреть Тарантию?

— Конечно. — Я здорово обрадовался возможности выбраться из этого путаного дворца и оглядеться по сторонам. — А меня не будут искать?

— Мы вернемся ко второму или третьему колоколу, — сказал Хальк, но, увидев, что я ничего не понял, объяснил: — То есть к середине дня. Король собирает Малый Совет, и я хочу узнать, о чем там будут говорить. Наверное, обсуждать, как выбраться из этой заварушки, в которую нас втянули гномы...

* * *

Из дворцовой крепости мы по мостам перешли на левый берег и пошли по длинной и широкой улице. Потом свернули, потом еще раз свернули, и я уже окончательно запутался. Хальк шел не топясь, рассказывал о любом доме, улице или месте, которое мне казалось необычным или интересным, и затем так же неторопливо топал дальше.

Мне показалось, что он помнит наперечет все дома в городе и о каждом может рассказать какую-нибудь историю — иногда смешную, иногда страшную.

А потом мы снова куда-то повернули и вышли к берегу реки, а дворец теперь стоял ниже по течению. Издалека он казался похожим... Ну не знаю. Когда смотришь на причудливую скалу, ты не замечаешь, что здесь из нее торчит осколок валуна, а там прошелся оползень. Ты смотришь на нее как она есть, и кажется — ничего к ней не прибавить и не убавить. Иначе это будет уже не загадочная скала, а просто нагромождение камней. Вот и здесь то же самое.

— Дворец очень старый, — сказал Хальк, заметив, что я глазею на огромную крепость посередине реки. — Но не весь, а вон та часть, где низкие башни красного и белого камня. Им почти восемь центур... То есть восемь столетий. Остальное достраивалось позже, потом разрушалось и снова перестраивалось по вкусу нового правителя.

— А зачем сейчас дворец чинят? — Я, пока бродил утром по крепости, успел заметить мастеровых, леса возле зданий, а уж резкий запах краски трудно не учуять.

— Кому-то пришло в голову, что королевская резиденция непременно нуждается в ремонте, — хмыкнул барон Юсдаль. — Правда, сдается мне, что мнение короля по этому поводу как раз и забыли спросить... Но раз деньги на переделку отпущены казной, то теперь уже ничего не поделаешь. Придется терпеть, пока все не будет приведено в порядок.

— А отчего вон та башня стоит отдельно? — Я указал на приземистое строение с крохотными окнами и под черной крышей, выстроенное у самого берега реки.

Хальк помолчал, затем бесстрастным тоном пояснил:

— Это Железная башня. Королевская тюрьма.

— Угу, — сказал я. — Как не понять... Для злодеев короны и прочих преступников...

Хальк посмотрел на меня с недоумением, затем по-кошачьи фыркнул и сказал:

— Пойдем лучше поедим, чем любоваться на это мрачное заведение. Может, ее снесут скоро...

И мы пошли вдоль Хорота, берега которого здесь были обложены большими гранитными плитами. Я решил, что Тарантия — очень красивый город, только суматошный какой-то. На улицах нам часто встречались повозки и даже целые обозы, груженные разным барахлом и направлявшиеся к городским воротам. Хальк сказал, что жители прослышали о приближении подземного огня и теперь уезжают из столицы в надежде переждать опасность.

— Сомневаюсь, что это им удастся, — вполголоса добавил он, глядя, как очередной фургон сцепляется ступицами колес с соседним и начинается перепалка возниц.

Жители города выглядели не на шутку встревоженными. На каждом углу собирались кучки горожан, озабоченно деливших последние сплетнями и решавших, как же теперь быть: бежать из города или остаться? Вдруг беду пронесет мимо или окажется, что слухи были всего лишь слухами?

— Сюда, — сказал Хальк, внезапно сворачивая в какой-то переулок и толкая тяжелую дверь углового дома. — Это «Старая гавань».

Постоялых дворов и трактиров я, пока мы добирались из Пограничья в Немедию, а оттуда в Аквилонию, повидал предостаточно. Этот почти ничем не отличался — такая же большая общая комната, крепко сколоченные столы, бочки вдоль стен...

Только почище да посетители не орут все время и не молотят кружками по столам.

Халька здесь знали. Мы только вошли, и сразу же откуда-то выскочила здешняя служанка и востро зашебетала: мол, почему месьор Юсдаль так давно не заходил, неужто все время занят?

— Брысь, Айса, — сказал Хальк, шлепнув девицу по заду. — Ну-ка бегом на кухню и чтобы через миг был хороший обед на двоих. Еще принеси аргосского... — Он повернулся ко мне и спросил: — Ты что пить будешь?

— А пиво у них тут есть? — осторожно спросил я. Сколько мы проехали, но столь любимый у нас, в Пограничье, напиток варили редко на каком постоянном дворе.

— Эль? Найдем, как не быть... — переспросила девица и повернулась ко мне. — Слушай, а ты откуда такой взялся?

— Он из Пограничья, — ответил за меня Хальк. — Айса, сгинь!

Служанка засмеялась и убежала, а мы сели за свободный стол. Народу в трактире было немного, и все на вид вроде люди солидные. Я прислушался краем уха, — о чем они говорят.

Похоже, все пересуды в Тарантии нынче сводились к одному — что завелось на полуночи. Некоторые говорили, что из-под гор вылезли демоны, кто-то уверял, что в какой-то полуночной Боссонии уже не осталось ни одного живого человека, а один тип, смахивающий на зажиточного купца, постоянно твердил, что настает конец света и надо бежать отсюда, пока не поздно. Я подумал, что сам крикун никуда бежать явно не собирается.

Пришла Айса с тяжелым подносом, расставила на столе тарелки и кружки, а сама уселась на соседнюю скамью. Мы немного поболтали — ей хотелось узнать, где находится Пограничье и что это за

королевство такое, — и тут до меня долетел полный настоящей муки голос Халька:

— О нет... Только не это! Явился...

Он смотрел на распахнувшуюся дверь трактира. Я тоже посмотрел туда, не понимая, что стряслось, а Айса вздохнула и шепотом спросила:

— Месьор Юсдаль, может, за стражниками бежать? Как бы чего не вышло...

— Да вроде он сегодня тихий. — Хальк с плохо скрываемым отвращением посмотрел на вошедшего в трактир человека. — Вот если буяннить начнет, беги.

— Кто это? — спросил я, потому что явившийся посетитель не выглядел забиякой, и я не мог взять в толк, почему Хальк и трактирная служанка опасаются возможной драки.

Парню, на заплетающихся ногах проковылявшему через общую комнату и плюхнувшемуся за стол, было лет тридцать или поменьше. Разило от него, как от винной бочки. Вдобавок мылся он последний раз около седмицы, а то и двух назад, так что длинные темные волосы теперь свисали свалывшимися клоками. В общем, пропойца — он, наверное, и в Аквилонии, и где угодно пропойца...

Я заметил, что некоторые из сидевших в трактире торопливо вышли, а остальные отодвинулись подальше. Служанка, подошедшая узнать, что желает гость, тоже старалась стоять в отдалении.

— Кто это? — повторил я. Хальк скривился, но ответил:

— Ходячая кара богов специально для Тарантии.

— А как эту кару зовут-то? — Я уже понял, что барон Юсдаль разговаривает наподобие Веллана — каждое слово с подковыркой. — И чего она такая... надравшаяся в стельку?

— Это Ринальдо, — сердито сказала Айса. — Ринальдо Чокнутый, вот кто!

— Если у него с головой не все в порядке, то зачем же ему разрешают по городу шастать? — поинтересовался я.

— Айса неверно выразилась, — поправил Хальк. — Этого человека действительно зовут Ринальдо. Он певец. Может быть, лучший в Аквилонии и во всех землях Заката за последние сто или двести лет. Только вместо мозгов у него недоваренная каша, если не что похуже. Он служит любому, у кого достаточно денег. Сейчас у него нет богатого покровителя, и потому он злится на весь белый свет, но в основном на короля.

— А при чем здесь ваш король? — удивился я.

— Ни при чем. Но Ринальдо вбил себе в голову, что покойный Нумедидес был образцом государя, благо иногда король расщедривался и нашей певчей птичке кое-что перепадало. А Конан... — Юс-даль тихо хихикнул: — Ты же сам видел, каков нынешний правитель страны.

— Варвар, — со смешком сказала Айса. Подумала и добавила: — Но лучше варвар, чем никчемный рехнувшийся старик.

— И что с того? — Все равно мне было не понять. — Какая разница, что там думает какой-то уличный пьяница?

— В том-то и беда, что Ринальдо не просто уличный пьяница, — пожал плечами Хальк. — Его знают слишком многие — как дворянство, так и простые люди. И этот вечно пьяный обормот талантлив. У него есть способность убедить кого угодно в чем угодно. Давно надо бы выставить его из города, да и из страны тоже, пока он не натворил дел, но королю наплевать, а властям неохота связываться. Если кто-то тронет Ринальдо, поднимется слишком много шума. Никто не хочет пинать спящую собаку.

— Станные у вас порядки, — высказал я свое мнение. — Того нельзя, этого нельзя...

— Какие есть, — отозвался Хальк.

Черноволосый по имени Ринальдо пока не беспокоил людей. Он просто сидел за столом и пил вино. По его лицу было видно, что он сильно мучается похмельем. У меня однажды было похмелье. Я вместе с отцом поехал в Хезер, а когда мы удачно продали серпы и ножи, а с ними и отличную шкуру серого медведя-доростка, отец взял меня с собой в трактир. Трактир в Хезере хороший. Продают темное пиво и оленьё мясо. Мы с отцом сели за стол к бритунийским купцам, и получилось так, что я выпил слишком много. Проснулся только утром, незадолго до полудня. Голова болела жутко, и, только когда отец дал мне немного пива, я ожил. С тех пор я почти совсем не пью.

— Ты посмотри на этих красавцев. — Хальк толкнул меня кулаком и показал глазами на чех-рех военных. Я уже знал, что люди, носящие черную с серебром форму, называются Черными Драконами. Это личная стража здешнего короля. Хальк продолжал: — Драконы не любят Ринальдо...

— О, — выкрикнул один из гвардейцев, указывая рукой на черноволосого, — посмотрите на нашего поэта! Какой новый пасквиль ты сочинил?

— Отцепись, — помотал головой Ринальдо, даже не глядя на военного.

Раздался громкий хохот гвардейцев, а начавший задиаться опять спросил:

— Знаете, почтенные месьоры, чем стихоплет отличается от мельницы? Не знаете? Ничем!

— Это как понимать? — Ринальдо поднял тяжелый взгляд на Дракона. — Ты что несешь?

— Сочинять висы и молоть муку — дело одинаковое, — рассмеялся гвардеец. — Главное — улавливать ветер. С какой стороны подует — так и работать будешь...

Хальк смотрел на перебранку спокойно, не вступая. Я не запомнил, о чем дальше разговаривали

Черные Драконы и Ринальдо. Но все кончилось плохо. Сочинитель стихов, приведенный в ярость обидными словами военных, вдруг вскочил на скамью и, повысив голос так, чтобы его слышали все гости трактира, выкрикнул:

— Дворянство Аквилонии, услышь речи человека, говорящего с богами!..

Честно признаться, я решил, что Ринальдо чаще говорит не с богами, а с бутылкой. Хальк оставался невозмутим.

— ...Посмотрите, как разорено наше отечество! — пьяным голосом продолжал кричать поэт. — Куда исчезло наследие Эпимитриуса? Где благородство, честь и слава нашего королевства? Сейчас все лучшее покойтся в могиле, вместе с королем Нумедидесом! — Он вдруг вытянул руку, указывая на гвардейцев. — Даже цвет рыцарства Аквилонии согласен лизать грязные сапоги мерзостного варвара, обманом и вероломством захватившего трон нашей несчастной страны!..

Хальк наклонился ко мне и тихо сказал на ухо:

— За такие речи, между прочим, Ринальдо может попасть к барону Гленнору... Наша тайная служба не любит, когда поносят короля.

А Ринальдо заливался:

— ...Киммерия поднялась над Аквилонией! Необразованные варвары топчут коваными подошвами дворян, ведущих род от древних королей! Граф Сурпи повешен! Осмелившийся выступить против тирана барон Кимолос четвертован! А сколько еще жизней потребует неумное варварское честолюбие? Я вас спрашиваю, аквилонцы!

Я удивился, когда Хальк, казавшийся мне тихоней, вдруг поднялся со скамьи и, положив руку на рукоять меча, привешенного к поясу слева, сказал Ринальдо:

— Заткнись. Ты не вправе судить короля.

— Еще один прихвостень дикаря! — взвился поэт. — Может быть, ты скажешь, что нынешнее бедствие постигло Аквилонию не по воле богов, видящих непотребного киммерийца на троне Эпимитриуса?

Хальк ответил:

— Богам было бы проще уничтожить одного человека, а не всю страну. Замолчи.

— Нет, пусть говорит! — Это сказал неприметный человечек в коричневой одежде. Он сидел за столом неподалеку от нас. — Говорить правду не возбраняется!

И тут началось. Один из Черных Драконов запустил в человечка кружкой, а тот выхватил нож. В руке Ринальдо неожиданно появился меч, и он прыгнул на Халька.

Я часто слышал, что в кабаках случаются драки, однако сам никогда в них не участвовал. Здесь получилось так, что мне пришлось обороняться сразу против двоих. Наверное, меня посчитали приверженцем короля Конана. Двое совсем чужих людей, с которыми я даже никогда не разговаривал, наверняка хотели меня убить — уж больно бешеные у них были глаза. Ну я и схватил скамью...

Хальк несколько раз скрестил меч с Ринальдо. Черные Драконы оружие не вынули, а дрались кулаками. Где-то перевернули стол, трактирщик орал во все горло, призывая стражу, завизжала одна из женщин... Когда я сбил с ног тех двоих, пришлось оторвать ножку у стола, хотя делать так совсем нехорошо: стол — Ладонь Богов, подающая пищу, и обижать его нельзя.

В это время Хальк саданул Ринальдо перекрестьем меча по голове. Тот упал. Летописец дернул меня за рукав и прошипел:

— Пошли отсюда.

Драка развернулась вовсю. Пожалуй, на меня и Халька никто вовсе не обращал внимания. Драконы колошматили каких-то ремесленников, купцы сцепились с горожанами. Наверное, люди дрались просто ради собственного удовольствия. Под шумок мы с Хальком протолкались к двери и выскочили на улицу.

— Сходили, пообедали,— вздохнул барон Юсдаль, остановившись у входа в трактир.— Ты не подумай, у нас такое случается не каждый день...

Громыхнула дверь, и из трактира вылетел богато одетый человек. Мы посторонились, давая ему подняться. Человек некоторое время лежал на мостовой, потом привстал, цепляясь руками за стену трактира. Он наверняка хотел пойти обратно и дальше участвовать в драке, но правая ладонь легла на кольцо для факела, укрепленное возле двери. Факел качнулся и свалился вниз. Прямо в лужу, оставшуюся от недавнего дождя. Человек тоже упал.

Я видел, как Хальк поглядел на него, и решил было, что летописец хочет помочь несчастному встать. Но, оказывается, барон Юсдаль смотрел на шипящий в луже смоляной факел. Длинная сосновая палка, обмотанная пропитанными смолой тряпками, лежала в воде и дымилась.

Сложилось впечатление, что Хальк заснул стоя. Я даже дотронулся до его плеча ладонью, чтобы разбудить. А он все стоял и смотрел.

Через некоторое время он нагнулся, взял факел и долго рассматривал. А потом вдруг тихо сказал:

— Пойдем-ка обратно во дворец... Кажется, я придумал, что нужно делать. Мы его утопим!..

— Кого? Ринальдо, что ли?— переспросил я. Но Хальк уже быстро зашагал вниз по улице.

Глава девятая МОРАДДИН, ВТОРОЙ РАССКАЗ

Аквилония, Тарантия, королевский дворец. Постоялый двор в деревне Артен. Город Ивелин, катакомбы
15—18 дни второй осенней луны 1288 г.

«...Прибытие посольства из Пограничья и Немедии только подтвердило худшие предположения, возникшие у аквилонского правителя и его приближенных. Для подземного огня не имело ни малейшего значения, в чьих владениях вырываются из глубин, губя или необратимо изменяя все живое. Аквилония, Немедия или позабытое всеми Пограничье — зеленое пламя равно извергалось в любой стране к закату от Кезанкии. В полуденных землях началась паника, постепенно распространявшаяся на полдень и захватывавшая все лежавшие на пути беженцев города и поселения.

В это время король Аквилонии, сопровождаемый маленьким отрядом преданных ему людей, спешно и тайно покинул столицу, направившись в неизвестном направлении. Злые языки посейчас утверждают, что он пытался скрыться, решив переждать опасность в известном ему одном тайном убежище, а не то вообще скрыться из

страны. Однако в ответ клеветникам можно сказать лишь одно: не судите обо всех людях по себе...»

*Из «Синей, или Незаконной хроники»
Аквилонского королевства*

Ваше Величество! — Пожилой седоватый человек, недавно представленный мне Конаном и оказавшийся тем самым знаменитым канцлером Публио, возмущенно посмотрел на короля. — Не понимаю, как ты, мой государь, можешь позволять барону Юсдалю подобные выходки!

Тут Публио, не дожидаясь ответа Конана, повернулся к раскрасневшемуся и взволнованному Хальку и, величественно указав вытянутой рукой на дверь, ледяным голосом потребовал:

— Хальк, немедленно удались и выведи прочь тех, кого ты привел с собой!

Зрелище, конечно, было неподобающим для королевских покоев, но, как я давно понял, в аквилонском дворце нравы отнюдь не столь чопорные, как у нас в Бельверусе. Хальк ворвался в Малую Оружейную, в которой Конан собрал Малый Государственный Совет, словно вихрь, едва не выломав двери. Вслед за библиотекарем вбежала, скрежеща когтями по паркету, жутковатого вида зверюга, по пристальному рассмотрению оказавшаяся самым настоящим грифоном. Я не слишком удивился, благо Конан уже успел мне рассказать, что содержится во дворце эту тварь ради Халька, который надеется вытянуть из нее побольше сведений о Боссонском Ямурлаке. Грифон остановился у самого стола и, наклонив голову, обвел нас всех взглядом больших желтых глаз. Канцлер, судя по виду, перепугался и едва поборол искушение потянуться к оружию, висевшему на стене у него за спиной.

Следом за этой парочкой, еще более-менее естественно выглядевшей в королевских покоях, вошел Эйвинд. Увидев нашего селянина, Публио едва не поперхнулся собственной слюной. Мало того, что Эйвинд комплекцией не уступал королю Конану, а ростом даже превосходил на два пальца, он еще и выглядел так, будто находился не во дворце одного из королей великих государств Заката, а у себя в деревне. Белая холщовая рубашка с зеленой вышивкой, штаны, заправленные в мягкие кожаные сапоги, перевязанные крест-накрест полосками рыжей кожи, и меховая безрукавка из медвежьей шкуры. Рядом с Публио или герцогом Просперо Пуантенским, к которым (если смотреть на роскошные одеяния) более всего подошло бы слово «расфуфыренные», Эйвинд смотрелся самым настоящим варваром, явившимся вместе с соплеменниками громить захваченный город. Для полного сходства ему не доставало лишь громадной секиры на плече.

— Прости, господин мой. — Эйвинд почтительно глянул на Конана. — Мы в коридоре сшибли кого-то...

— Удалитесь! — тоненько выкрикнул Публио. — Здесь Королевский Совет! Барон Юсдаль, ты будешь наказан!

— Хальк, — Конан строго посмотрел на библиотекаря, — что за дурацкие выходки? Сейчас не время для шуток.

— Да я и не шучу! Я придумал, что делать! — выкрикнул Хальк. — Мы его утопим!

— Мне кажется, — вкрадчиво начал Просперо, — что сейчас утопят тебя. Этим займемся мы вместе с королем и господином канцлером... У нас, смею тебе заметить, серьезное дело!

— Какие вы, люди, бестолковые. — Грифон невозмутимо обошел стол, и, не обращая внима-

ния на вытаращенные глаза Публио, сцапал клювом утиную ножку с блюда, принесенного из кухни перед началом Совета. Проглотив ее, зверь прошел мимо меня, коснувшись теплым боком моей руки, и улегся возле жарко горящего камина. — Как вы вообще умудряетесь жить на свете, если не слушаете друг друга? — едко добавил он.

— Это переходит все границы! — снова заверещал Публио, но Конан остановил возмущенную речь месьора канцлера повелительным жестом руки. Надо полагать, он понял, что Хальк неспроста вломился на Совет.

— Рассказывай, — потребовал Конан.

— Эйвинд, давай бумаги. — Библиотекарь повернулся к асиру. — Уберите со стола, я сейчас все объясню.

Для Публио и Просперо предложение «убрать что-то со стола» было равнозначно рекомендации сходить и помочь в работе дворцовому золотарю. Поэтому менее привычные к слугам я и Конан сами быстренько переставили (вызвав радостное оживление грифона) блюда с холодным мясом и фруктами на пол, оставив лишь кувшины с вином и бокалы. Хальк вместе с Эйвиндом, от которого, к великому негодованию Публио, вкусно пахло пивом, развернули принесенные свитки, прижав загибающиеся углы увесистыми кувшинами.

— Вот, посмотрите на эти красные пятнышки на карте, — сумбурно начал Хальк...

* * *

...Это прозвучит странно, но Конан, плюнув на государственные интересы и неписанные уложения об отношениях с соперничающими странами, пригласил меня на свой Совет. Думаю,

здесь сыграла свою роль наша старая дружба. Однако вышла заминка, когда Конан знакомил меня с канцлером и Просперо Пуантенским, который представлял свою провинцию при дворе в отсутствие графа Троцера, истинного правителя Пуантена. Величественный старик Публио сделал, разумеется, вежливую мину. Но едва король заметил, что я начальствую над пятым департаментом государственной канцелярии Бельверуса, канцлер едва не упал в обморок. А Просперо, непонимающе взглянув на Конана, спросил:

— Но, мой король... Быть может, следовало бы пригласить и барона Гленнора?

Я усмехнулся в душе. Гленнор — очень умный и проницательный человек — занимался тем же ремеслом, что и я. Сомнения герцога Пуантенского были понятны — где ж такое видано: зазывать на закрытый совет начальника тайной службы страны-соперника?

— Не будем звать, — отрезал тогда Конан. — Гленнор живет за городом, дожидайся его... Послушай, Просперо, мы в конце концов собрались поговорить не о планах захвата Немедии.

Лишь значительно позже я узнал, что герцог каким-то невероятным образом узнал о моем настоящем происхождении и всех давних туранских приключениях. Конан ему ничего не разбалтывал, точно известно. Скорее всего, помянутый барон Гленнор наводил справки обо мне через своих шпионов в Туране...

Как бы то ни было, но и Публио, и осторожному пуантенцу пришлось подчиниться воле короля. Мы прошли в одну из многочисленных оружейных зал, расположенных в старом крыле дворца, и (когда слуги, принесшие еду и напитки, вышли) начали обсуждать последние ново-

сти с полуночи. Беседа шла благочинно до тех пор, пока в залу не вломились Хальк и компания.

* * *

— ...Вот! — Библиотекарь ткнул указательным пальцем в карту. — Подземная тварь после Велитриума поползла к Тарантии, резко изменив направление движения. Хочу заметить, что, сравнивая путь второго чудовища, пролегающий по провинциям Немедии... — Хальк благодарно глянул на меня. Еще утром я показал ему на плане немедийского королевства, какие именно города и поселки пострадали до того, как мы с Велланом и Эйвиндом отправились в Аквилонию. Видимо, Хальк сделал из этого некие далеко идущие выводы. — ...я обнаружил, что выдыхающий яд монстр, опустошающий Аквилонию, движется значительно быстрее своего собрата из Немедии. Пусть меня извинит достопочтеннейший Мораддин, но, по моему мнению, Бельверус должен пасть спустя четыре или пять дней, считая от нынешнего.

— Да чего тут извиняться, господин Хальк, — вздохнул я. Очень надеюсь, что граф Майль прислушался к моим советам, заставив короля Нимеда и наследного принца с семьей покинуть столицу...

— Дальше это чудище должно ползти от Бельверуса к Ианте Офирской, — втолковывал Хальк. — А наша тварь, миновав дня через три Тарантию, тоже вскорости окажется возле столицы Альмарика. Там, по всей видимости, чудища должны встретиться. — Хальк прочертил свинцовым карандашом линии на карте, и все увидели, что пути подземного огня сходятся, образуя огромный треугольник, захватывающий большую часть Погра-

ничного королевства, Гандерланд, центральную Аквилонию, закатные графства Офира и почти половину Немедии.

— Так, значит... — Канцлер Публио первым догадался о чем идет речь, побледнел и схватился за сердце. — Все люди, живущие внутри этого треугольника, должны будут погибнуть?

Эйвинд, вставший за моей спиной, зло засопел, словно перед дракой.

— Видимо, так и случится, — сокрушенно кивнул головой Хальк. — Однако границы этого треугольника пока не являются закрытыми. Еще можно покинуть пределы области, отмеченной сейчас на карте, но я не знаю и даже не решусь предполагать, что произойдет, когда твари встретятся под Иантой. Может быть, погибнет все живущее — от полевой мыши до самого великого короля...

— Это мы еще посмотрим. — По залу прокатился бас Эйвинда. — Я этой гадине все жвалы поотрываю! За Райту и родителей с сестрами... Господин Хальк, ты дальше говори!

Грифон, развалившийся у камина, вдруг пошевелился, поднял голову и зашипел, словно почуял кого-то чужого. И точно — в щели между приоткрытой дверью и косяком просунулась беловолосая голова Веллана.

— Вот вы где! С утра найти вас не могу. — Веллан толкнул дверь и, ничуть не смущаясь, вошел. Публио, узрев очередное нарушение этикета, лишь тоскливо воздел очи горе. Тайный совет начал превращаться в бардак. Не думаю, что канцлер удивится, если сейчас заявится главный кухарь или смотритель королевского зверинца.

— Заходи, — обреченно махнул рукой Конан. — Только молчи. Наш книжный червь чего-то придумал... Хальк, не тани, рассказывай.

Веллан устроился на ручке моего кресла, успев по дороге прихватить бокал с вином, и внимательно уставился на карту. Библиотекарь вдохновенно продолжал:

— Чудовище, напавшее на Аквилонию, проходит за день около десяти лиг. Два дня назад пришло сообщение от города Ламбей — это на берегах Ширки. Я сам видел письмо у Просперо...

— Кто рылся в бумагах у меня на столе? — взвился герцог. — Хальк, я прикажу тебя сослать на галеры и не посмотрю на мнение короля!

— Все делается во благо государства, — поморщился библиотекарь. — Граф Мораддин может подтвердить, что я не немедийский шпион, ведь так?

— Хватит трепаться! — рявкнул Конан. — Потом разберетесь, кто здесь шпион, а кто нет! Хальк?..

Тот кивнул на карту:

— Ламбей опустошен. Полагаю, там превратилось около четырех тысяч человек. Отряды конной стражи заметили толпу чудовищ, покинувшую этот городок. Они все шли, как и обычно, к полуночному восходу. Дальше подземная тварь проползла под рекой и сейчас находится в междуречье Ширки и Хорота. Но самое главное в том, что на пути чудовища стоит город Ивелин, владения герцогства Танасульского...

— Ну и что? — не понял Конан. — Насколько я помню те края, Ивелин находится на берегу Утино-го озера, между ним и столицей — где-то с десятком деревень. Лиг двадцать — двадцать пять от Тарантии...

— Именно! — возликовал Хальк, видя догадливость короля. — Следующим наверняка будет уничтожен Ивелин. Город стоит прямо на линии, по которой движется подземный огонь. Это слу-

чится самое позднее через две ночи. Затем — Тарантия...

— Надо уезжать из столицы в Пуантен, — вздохнул Публио. — И за какие неблагочинные дела Митра столь жестоко нас наказывает?

— Помолчи, — остановил причитания канцлера Конан. — Чем этот городок тебя прельстил, а, Хальк?

Библиотекарь широко улыбнулся, обвел нас всех торжествующим взглядом и жестом победителя набросил на согнутую в локте левую руку полу плаща.

— Под Ивелином находятся катакомбы. Весьма обширные, — сообщил он. — Раньше, еще при короле Вилере, там добывали цветной камень. Тот самый, кстати, из которого построен твой, Конан, дворец. Известно, что чудовище ползет глубоко под землей, но рядом с человеческими поселениями поднимается ближе к поверхности.

— Ну-ка, ну-ка. — Киммериец аж приподнялся. — А дальше?

— Рядом с Ивелином — озеро, — срывающим-ся голосом сказал Хальк. — От озера на верхние уровни подземелий проведен канал. Воду из него использовали для промывки руды. Конан, вспомни, я после Велитриума рассказывал, что чудовище очень горячее, буквально раскаленное! Что произойдет, если на горячий металл полить водой?

— Сталь будет лучше закалена, — невпопад пробурчал Эйвинд. — Мой отец был кузнецом, я знаю, что такое закалка.

— Металл может лопнуть, — сказал я и тотчас понял замысел Халька.

Митра и Эрлик, только бы удалось!

— Правильно! — воскликнул библиотекарь. — Я не думаю, что тварь железная, но тем лучше для

нас! Попад в холодную воду, она наверняка разрушится! Мы разобьем перемычки между подземным каналом и катакомбами, зальем чудовище водой и тем самым уничтожим его!

— Какой ты умный, — снисходительно усмехнулся герцог Просперо. — Если чудовище действительно огромно, то вода от соприкосновения с его раскаленной плотью испарится. Пар пойдет вверх, разрушая катакомбы. Понимаешь, что произойдет? Тебя чему-нибудь учили в Университете?

— Мелочи, — отмахнулся Хальк. — Разберемся. Я считаю, что необходимо выезжать немедленно. Нам представляется совершенно удивительная возможность убить чудовище. Как ты не понимаешь, герцог?!

Конан всегда принимал решения мгновенно. Вот и сейчас никто не успел даже как следует задуматься над словами библиотекаря, а мой старый приятель уже вскочил с кресла.

— Веллан, Эйвинд, бегите на конюшню, пусть подготовят пять лошадей. Просперо, ты остаешься в городе. Продолжай командовать вывозом из столицы людей и ценностей. Публио, ты сегодня же выезжаешь в Пуантен, в замок герцога. Я распоряжусь, чтобы подготовили фургоны для перевозки золота из казны. Охранять обоз будут Черные Драконы. Паллантиду я передам письменный приказ...

— Но... — уныло протянул канцлер. — Ваше Величество, разве можно покидать своих верных подданных в столь тяжелое время?

— Я знаю, что делаю, — гаркнул Конан. — Хальк, Мораддин, быстро собирайтесь! Завтра утром мы должны быть в Ивелине.

— А я? — Молодой грифон поднялся на лапы и, встряхнувшись, будто собака, подошел к королю. — Что мне делать?

— Останешься с герцогом Просперо, — решительно сказал король. — Будешь ему помогать.

Уже выходя из Оружейной залы вслед за Конаном и Хальком, я расслышал слова герцога Пуантенского:

— Да за кого меня здесь принимают? За няньку для грифонов? Милорд канцлер, ты слышал, что приказал король? Немедля иди к казначею, готовьте золото короны к вывозу из Тарантии!.. Энунд, проследи за месьюром Публио!

* * *

Наверное, никогда за всю историю Аквилонии король не покидал тарантийский замок столь стремительно. Я много месяцев путешествовал с Конаном, еще в старые добрые времена, и знаю, что этот киммерийский авантюрист за долгие годы привык срываться с места мгновенно, не тратя времени на долгие рассуждения и сборы. Сейчас Конан перестал быть обычным бродягой, выискивающим приключений, славы и богатства, но стал королем, единоподдержанным владыкой огромной страны. Однако его прежние привычки не изжились.

За время между первым и вторым часом полудни было совершено множество самых разнообразных дел. Веллан подготовил лошадей, включая заводных, Эйвинд разграбил королевскую кухню, собрав в кожаные дорожные мешки достаточно еды для пятерых человек (нашего селянина вначале долго пытались выгнать заносчивые королевские кухари, а когда асир, обидевшись на едкое замечание главного повара — кхитайца по имени Тэн И, полез в драку, явился Паллантид с приказом короля выдать этому парню все требуемое), Хальк же нагрузил свою сумку множеством пергаментных и папирусных свитков с планами катакомб города Ивелина.

Скрытно покинуть дворец, располагающийся в самом центре столицы, почти невозможно — это я знаю по своему опыту. Однажды мне пришлось тайно вывозить короля Нимеда из Бельверуса, и, несмотря на все старания пятого департамента, уже на следующее утро по городу пошли слухи. Так случилось и с Конаном.

Стража знаменитых Черных Драконов смотрела на короля, облачившегося в дорожную кожаную куртку и потрепанный холщовый плащ, с недоумением, а придворные, еще оставшиеся во дворце, просто шарахались в стороны, с ужасом выслушивая крепкие выражения, проскакивавшие в речах Его Величества.

Мне самому собирать было нечего. Все необходимое так и лежало в седельной сумке, отнесенное Эйвиндом в предоставленную мне комнату. Чистое белье мне, бритунийцу и Эйвинду только вчера выдали очаровательные служанки дворца короля Конана, еды асир прихватил с кухни достаточно. Что еще нужно человеку?

Когда я спустился во двор, все были в сборе. Король старательно проверял подпругу на вороном жеребце танасульской породы, Хальк распахивал принесенные из библиотеки свитки по сумам и одновременно разговаривал с незнакомым мне человеком. Впрочем, в лицо при дворе короля Конана я знаю немногих.

— Хальк! — рявкнул киммериец. — Хватит копаться! Эй, Мораддин, чего стоишь столбом? Помогите нашему книжному червяку разобраться с бумажками!

Как видно, барон Юсдаль не слишком часто путешествовал, а потому нагрузился (вернее, нагрузил лошадь) совершенно ненужными вещами. Седельные сумки были забиты теплыми меховыми вещами (хотя наступивший второй осенний

месяц был достаточно теплым), здесь же были напиханы оплетенные лозой бутылки с вином, пергаментные карты и почти десяток книг в неподъемных, выложенных золотом и камнями переплетах. Зачем Хальк решил взять их с собой — оставалось для меня загадкой.

Я вместе с кликнутым на подмогу Эйвиндом попытался уложить вещи более плотно, в то время как библиотекарь, оставив разговор с незнакомцем, облаченным в форму Черных Драконов, суетился рядом и пытался давать советы...

Хвала Митре, дорога от дворца к городским воротам представляла собой очень широкую мощенную улицу, по краям которой располагались лавки самых известных в Тарантии торговцев и здания государственных канцелярий. Но увы, промчаться к стенам столицы быстрее ветра — как, собственно, и предполагал король — не получилось. Я достаточно опытен в подобных делах и сразу понял — постепенно в Тарантии нарастает паника. Отходившие от главной улицы проезды были забиты телегами, повозками растерявшейся знати, суетились конные стражники, пытаясь управлять движением в городе... Слышались выкрики, ругань и причитания. Жители покидали столицу в соответствии со вчерашним эдиктом короля.

Едва мы выехали за городские ворота и пересекли широкий каменный мост через Хорот — Конану пришлось как следует наорать на гвардейского капитана, чтобы тот пропустил отряд впереди остальных людей, — сразу стало свободнее. Тем более что мы свернули не на шамарский тракт, куда в основном уходили беженцы, а на дорогу, ведущую к опасности, — на закат. Впрочем, нам навстречу двигались бесконечные обозы с добром и многие десятки всадников. Только сейчас я начал

понимать истинные размеры постигшей закатные страны катастрофы. Невероятное количество людей бежало от неведомой опасности к восходным и полуденным границам страны, города и поселки были покинуты, почти прекратилась торговля, а власти отдельных графств едва удерживали в руках управление...

Наверняка в Немедии творится то же самое, если не хуже. Наша страна населена значительно плотнее, чем Аквилония, а в распоряжении Нимеда находится куда меньшая армия, способная поддерживать относительный порядок в городах.

Конан неплохо знал аквилонские дороги, а Хальк, как человек ученый и много дней просиживавший над планами королевства, постоянно советовал, куда следует свернуть, чтобы избежать встреч с перепуганными и обозленными подданными тарантийского трона. Не раз по дороге мы слышали крики перепуганных обывателей о том, что нынешнее бедствие постигло Аквилонию потому, что престол занимает не царственнородный потомок святого Эпимитриуса, а бешеный варвар, своими руками убивший престарелого добряка Нумедидеса. Конан лишь надвинул на лицо капюшон плаща и без устали гнал лошадь вперед.

Только когда мы, следуя указаниям Халька и Конана, выехали на затерянные в густых лесных дебрях проселки (ведущие, равно как и наезженные тракты, в пределы герцогства Танасульского), стало легче. Путников попадалось значительно меньше, наши лошади перешли с галопа на рысь. Теперь, чтобы скрасить дорогу, можно было даже поговорить.

Моя гирканская лошадка шла вровень со скакуном Халька, и мы с библиотекарем завели ни к

чему не обязывающий разговор о жите-бытье аквилонского двора. Библиотекарь со свойственной ему едкостью расписывал нравы, царящие во дворце, принадлежащем моему старинному приятелю, всего несколькими фразами точно и ярко описывал придворных, в основе своей лентяев и дармоедов. Более всех доставалось канцлеру Публио — он тебе и казнокрад, и прелюбодей, и сквалыга... Однако не отдать должное государственным способностям первого министра Хальк тоже не забыл. Пускай ворует, но, в конце концов, от аквилонской казны не убудет нескольких тысяч золотых, в то время как налогов собирается в десятки, если не сотни раз больше. И все благодаря благоразумной политике месьора Публио.

— А кто тот капитан Черных Драконов, с которым ты разговаривал во дворе во время нашего отъезда? — поинтересовался я у Халька.

Библиотекарь обозрел проплывающую мимо дубовую рощу, порхающих меж веток красногловых дятлов, и только потом соизволил ответить:

— Это Громал. При Нумедидесе он был командиром всей гвардии Черных Драконов, но благоразумно не встал на защиту бывшего короля в ту самую... — Хальк сделал многозначительную паузу, — в ту самую памятную ночь. А на следующий день поддержавший Конана герцог Пуантенский посоветовал новому государю поставить начальником гвардии Паллантида. Громал, конечно, сохранил чин капитана, но потерял все влияние и четвертую по значимости должность в королевстве...

— А о чем вы беседовали? — осведомился я.

— Ну... — Хальк пожал плечами. — Я и сам не понял, что именно Громалу было от меня нужно. Мы мало знакомы. Он просто спросил, куда направляется Его Величество и зачем. Я, само собой,

ответил, что понятия не имею. Еще слухи всякие пойдут... Король, мол, сбежал от опасности неведомо куда.

Затем мы с Хальком поговорили о делах в Немедии (летописец Конана очень интересовался нашим укладом жизни), а иногда в разговор вмешивался ехавший позади Эйвинд, вставлявший словечко о своих впечатлениях от страны Драконьего Трона. Более всего меня поразило то, что Хальк незначительным намеком дал мне понять, что осведомлен о моем происхождении из рода гномов и старых похождениях вместе с Конаном. Великие боги, откуда аквилонцы знают о столь тщательно скрываемых подробностях моей жизни? Не иначе, барон Гленнор разнюхал...

Так мы ехали почти до вечера. Местность была ровной, никаких холмов или взгорий, сплошные лиственные рощи, перемежаемые уже давно убранными крестьянскими полями, редкие деревни и хутора. Ближе к закату мы подъехали к небольшому поселку, названному справившимся с картой Хальком Артемом. Здесь было решено передохнуть и как следует поесть на постоялом дворе с громким названием «Корона Аквилонии». Конан только усмехнулся, увидев вывеску.

Отдав лошадей на попечение старика, прислуживавшего у трактира, мы все вошли внутрь, и я сразу почувствовал, как в желудке заурчало от истекавшего из кухни запаха бараньего жаркого.

* * *

Ранние осенние сумерки заволокли деревню Артен вязкой серой мглой. По здешним захолустным меркам постоялый двор был чем-то наподобие королевского дворца и недаром носил столь вызывающее название — в оконных проемах тускло поблескивали хоть и немые с дня основания

трактира, но вполне настоящие стекла вместо обычного бычьего пузыря. Я разглядел в окне, как в сгущающейся темноте к трактирной коновязи подъехали несколько всадников, но совершенно не придавал этому значения — мало ли кто ездит по аквилонским дорогам в нынешние смутные времена?

Спустя некоторое время в полупустой трактир, где сидели только мы пятером да несколько самых отъявленных деревенских пьянчужек, накачивавшихся дешевым пивом, ввалилась шумная компания дворян, немедленно потребовавших у степенного и пожилого трактирщика пуантенского вина, жаркого и свежих овощей. Дворяне уселись в стороне от нас, в самом дальнем углу, возле пивных бочек.

Ехать уже никуда не хотелось. От тепла и обильной пищи Хальк с Эйвиндом немедленно разомлели, слегка опьяневший Веллан что-то втолковывал Конану (судя по обрывочным фразам, долетавшим до меня, он упрашивал нынешнего аквилонского короля буквально со следующего торгового сезона слать в Пограничье обозы с товарами — мол, найдется на что обменять). Конан угрюмо отмалчивался и изредка бурчал, что к весне, может, не останется ни Пограничья, ни Аквилонии, а торговать будут лишь пузырями с зеленым туманом.

Я привык замечать все и следить за всем — ремесло обязывало. Но сейчас тоже, как и все остальные, расслабился. Тем более что предстоит тяжелая ночь. Придется ехать в темноте, чтобы к утру поспеть к Ивелину. Надеюсь, мы застанем город целым и невредимым. Я посчитал, что никто из гостей «Короны Аквилонии» не представляет даже малейшей опасности, и просто сидел, потягивая подогретое вино.

— Добрые господа, — в общую залу неожиданно-негаданно вошел седобородый старец, присматривавший за лошадьми, и направился прямо к нашему столу, — добрые господа, у вас ведь была высокая вороная лошадь с красным седлом?

Старикан, на мой взгляд, был слегка перепуган. Что такого могло случиться?

— Это мой конь. — Конан повернулся на звуки голоса. — Не уследил? Украли, что ли?

— Нет, господин, — поклонился старик, сложив руки на груди. — У лошадки что-то с передней ногой. Не иначе, камешек за подкову попал... Не охромела бы. Пойди посмотри...

— Шлет Митра наказание! — буркнул король и, глянув на нас, приказал: — Сидите, сейчас приду.

Быстрым шагом Конан миновал обеденный зал постоянного двора и скрылся за дверью. А вот старец, семенивший вслед, неожиданно свернул к двери кухни... Странно. Вроде бы он должен проводить Конана во двор и показать, что произошло с конем... Я начал подниматься, собираясь пойти за королем. Но не успел.

В таких случаях действует само тело, безо всякого участия разума. Я лишь потом заметил, как недавно приехавшие дворяне вскочили на ноги и схватились за оружие. Первым делом взгляд сосредоточился на медленно-медленно летящем на меня кинжале. В такие моменты время замедляется и, если у тебя достаточно умения и ловкости, ты можешь отбить нацеленный в горло удар. Или уклониться.

Я сделал последнее. Тонкое длинное лезвие свистнуло всего в двух пальцах справа от моей шеи и с хрустом вонзилось в деревянную стену постоянного двора, под кольцом для факела.

Я успел их сосчитать — врагов было семеро. Все отлично вооружены. Кто мечом, кто саблей, у

одного в руке был арбалет. Именно этого типа мне следовало взять на себя. Никто из нашей компании не сумеет увернуться от стрелы... Но с мечниками Веллан и остальные наверняка справятся.

— Эй, зачем вы это делаете?! — услышал я сдавленный голос Халька и предостерегающий выкрик Эйвинда. Но сейчас не следовало отвлекаться. Прыжок вверх, кувырок в воздухе, левая нога выстреливает прямо, целя в грудь арбалетчику, правая ударяет пяткой по виску. Готово. Он лежит на полу. Остальные успели броситься вперед и схватиться с Хальком, Эйвиндом и Велланом. Противники оставили меня за спинами, о чем весьма скоро пожалеют...

Теперь их пятеро — еще одного нападавшего завалил, как ни странно, Эйвинд, перехвативший руку высокого темноволосого боссонца, а правым кулаком от души врезавший ему меж глаз. Великие боги, да таким ударом можно лося свалить! Крепкий народец в деревнях Пограничья!

Следующего я убил быстро и безболезненно — на шее человека, под ухом, есть точки, на которые достаточно просто надавить... Дыхание останавливается мгновенно. Нападать со спины, конечно, не очень хорошо, но хочется самому остаться в живых и помочь друзьям. Хотя чего им помогать? Хальк, даром что библиотекарь и книжник, великолепно управляет с рапирой, поднятой с пола, грамотно отбивая сыплющиеся на него удары. Эйвинд, как видно, не слишком отчетливо понявший, что происходит, оторвал у табурета ножку и со всех сил дубасит ею сразу двоих врагов, умудряясь останавливать их клинки круглым деревянным сиденьем все того же табурета. А вот Веллан... С ним справиться сложнее всего. У бритунийца огромный вороне-

ный меч, наподобие королевского, и подступить к господину послу может только большой умелец.

Кстати, а что с нашим королем? Вернее, не с нашим (то есть моим), а с аквилонским? С Его Величеством Конаном I? Здесь так орут, что охотный до драк киммериец просто обязан примчаться и принять участие в общем веселье! А его нет... Значит, надо быстро бежать во двор. С оставшимися злодеями подданные Эрхарда вместе с Хальком и без меня разберутся.

...Потрясающе! Нет, великолепно было вовсе не зрелище, открывшееся мне с крыльца, а то обстоятельство, что Конан оставил меч в трактирной зале и теперь отбивался колом. От четверых. Пятый уже отдыхал на земле.

— Морадин! — Конан меня заметил. — Как прежде! Тебе двое, мне двое!

Да пожалуйста. Стоило один-единственный раз приехать в Аквилонию, как сразу начинают вспоминаться старые времена, наши с варваром приключения в Султанапуре или путешествие в Паган. Но было-то это давно... А сейчас ни я, ни Конан уже вовсе не мальчики. Но все равно — стоит опробовать несколько старинных приемов туранской борьбы. Хотя бы вот на этом красавце, повернувшемся ко мне спиной и совершенно не замечавшем моего присутствия. Ах, досада, варвар уже успел съездить ему по голове своим бревном... Следовательно, займемся остальными.

Меня с детства учили драться без всякого оружия и противостоять самому опасному врагу, вооруженному любым видом клинка, лука или метательного ножа, а то и всем сразу. Здесь было даже не интересно — нападавшие отлично умели сражаться на мечах, но как только им противо-

поставляли что-нибудь необычное, мигом терялись.

...Он был уверен, что сейчас развалит меня надвое своим слегка зазубренным у гарды двуручным мечом. Ошибался.

Кувырок вниз и вперед, перекатиться через голову, чтобы оказаться у самых ног врага, и вот его меч с ядовитым свистом рассекает пустоту, а я рублю ребром ладони ему между бедер, ведя руку наверх. Не самые приятные ощущения должны быть у этого парня в месте, именуемом туранскими поэтами «долиной любви». Впрочем, он сам виноват. Вот, полюбуйте, даже меч выронил и согнулся едва не вчетверо...

Тут все и закончилось. Мой друг Конан никогда ничего не делает наполовину. Оставшихся двоих разбойников он все-таки зашиб насмерть колом, прежде служившим оглоблей в телеге хозяина трактира, и, сразу вспомнив о наших попутчиках, ринулся к дверям постоялого двора. Оттуда как раз выходил Веллан...

Конац, не глядя, смахнул оборотня-бритунийца с крыльца, так что Веллан свалился в густые заросли белого шиповника, росшего у фундамента дома, и обернулся лишь на его возмущенный вопль:

— Варвар! Смотри, куда прешь! Едва шею мне не сломал!

В проеме двери появился Хальк и, улыбаясь, уставился на Конана, замершего возле порога.

— Ваше королевское Величество, — с гадючьим ядом в голосе произнес библиотекарь. — Не изволь беспокоиться, со злодеями покончено. Нам не нужна помощь изнеженного и впечатлительного монарха. Настоящие мужчины привыкли со всеми неприятностями справляться самостоятельно, без помощи государственной власти.

— Убью, трепло! — рявкнул король. — Вы хоть выяснили, кто они? Сначала в меня стреляли из арбалета, но промахнулись. Потом набросились сразу впятером...

Я вспомнил об одном нападавшем, оставшемся в живых. Том самом, которого я заставил выронить двуручник. Сейчас мы с ним и побеседуем... Э, а где он?

Сбежал. Превозмог боль и сбежал. М-да, что-то я начинаю допускать ошибки в самых простых вещах... Мне следовало скрутить разбойника или хотя бы присмотреть, чтобы он не скрылся. Но сделанного не воротишь. Может, старик конюх что-нибудь знает?

Конан, ворвавшись в трактир как смерч, окончательно расстроил и без того перепуганного хозяина, обещая прирезать на месте пожилого служку. Когда старикана обнаружили забившимся в кухонный чулан и Конан за бороду выволок его на свет, выяснилось, что оставшиеся во дворе разбойники потребовали любым способом выманить из трактира высокого темноволосого человека лет сорока, похожего на варвара. Пригрозили убить, если не сделает. Вот он и исполнил приказ.

— А с лошадкой все в порядке, — лепетал старикашка. — Это я придумал, про подкову-то. Господин, пощадите, не убивайте!

— Тьфу, — сплюнул король. — Что за дурацкая история! Мораддин, есть какие-нибудь соображения?

Я постоял, подумал, снова осмотрел семь трупов, валявшихся на полу обеденного зала, и сказал самое очевидное:

— Тебя кто-то не любит. Сильно не любит.

— А за что его любить? — подал голос Веллан, выбравшийся наконец из кустов и вошедший в трактир. — Да я чудом жив остался после королевского пинка!

— Королевского? — ахнул трактирщик, с ужасом глядя то на мертвые тела, украсившие его постоянный двор, то на Конана. — Быть не может!

— Правильно, не может, — буркнул Конан. — Этот человек шутит. Пинок был по силе королевским, достойным нынешнего аквилонского владыки. Как известно, злодея, варвара и пьяницы...

— Вот-вот, — закивал бритуниец и сразу сделал вполне разумное предложение: — Месьоры, давайте заплатим за разгром и поедем отсюда побыстрее. Отчего-то сердце мне вещует, что подобные гости вполне могут снова понаехать. Какая разница, где драться — в лесу или на постоялом дворе? Поговорим обо всем по дороге.

Трактирщик остался в доме, любуясь на десяток старых золотых монет с профилем Нумедидеса (Конан расщедрился), оробевшие и притихшие пьяницы начали тихо обсуждать случившееся, с восторженным ужасом поглядывая нам вслед, а мы, отвязав лошадей, забрались в седла и выехали на едва серевшую в темноте дорогу.

* * *

Мы старательно ждали рассвета, расположившись лагерем на заросшем молодой еловой порослью холме. Это я посоветовал Конану не подъезжать к городку раньше восхода солнца. Подземная тварь словно знала, что люди ночами спят у себя в домах, а не уходят работать в поле или выезжают из города по торговым делам. И потому смертоносные зеленые облака появлялись только от заката до рассвета...

Спасибо Хальку — он захватил с собой самые подробные карты междуречья Ширки и Хорота. Некоторые из них были составлены лучшими учеными мужами Аквилонии специально для королевского войска, и я предпочел не спрашивать

почтенного библиотекаря, откуда он достал эти планы. Одно хорошо — там были обозначены не то что проселочные дороги или хутора в один-два дома, но даже небольшие тропинки в лесу и остатки давно разрушенных хижин охотников.

Холм находился возле самой дороги на Ивелин, вернее, она огибала пологую возвышенность с полуночной стороны. Мы забрались наверх, спотыкаясь в темноте о старые полусгнившие стволы, и развели небольшой костерок.

Веллан, обладавший недоступным обычному человеку чутьем на опасность, сказал, будто пока не чувствует угрозы, а налетающий со стороны Ивелина ветерок, попахивающий дымом очагов, говорит о том, что люди живы и выброса подземного огня минувшей ночью не случилось.

— Значит, это произойдет завтра, — зевнул Хальк. Библиотекарь стоял возле костра, протянув к нему руки. Ночь выдалась не слишком теплой. — Если до утра все обойдется — с самым рассветом мы должны приехать в город.

— А дальше куда? — спросил Конан. Его Величество уселся на расстеленный плащ и, меланхолично поглядывая на пламя, отхлебывал из своей фляги. Судя по запаху, король в одиночку тепил себя красным вином.

— Дальше? — Хальк бросился к своей лошади, порывшись в седельной суме и, вытащив оттуда несколько потрепанных свитков, прибежал обратно. Эйвинд с Велланом, вооружившись мечами, пытались разрубить на дрова давным-давно поваленный лесорубами еловый ствол. — Катакомбы, располагающиеся под городом, прорывались в течение последних трехсот лет... Еще при короле Эпамидонте V здесь начали разработку серого и розового мрамора. Во времена правления Сигиберта...

— Хальк, — перебил его Конан. — Мне не нужна история про моих коронованных предшественников. Ты про подземелья расскажи.

— Я про них и рассказываю! — возмутился библиотекарь. — А ты мешаешь! Думаешь, королям все позволено? Ты сколько книжек за всю жизнь прочитал, варварская душа?

Конан лишь поморщился, а я едва сдержал улыбку. Еще одна наглядная иллюстрация свободы нравов при тарантийском дворе. Попробовал бы Хальк сказать хоть что-либо подобное нашему Нимеду! Я не спорю, Нимед — человек мягкий и отходчивый, но любые нарушения этикета и недозволительное обхождение с царственной особой выводят его из себя. Хальк уже на следующий день оказался бы в ссылке в каком-нибудь медвежьем углу, если не на галерах. А Конан терпит. Впрочем, во дворце библиотекарь ведет себя куда приличнее...

— Прочитал, прочитал, — вяло отмахнулся король. — Ты же сам, с мерзкой ухмылочкой, подсовываешь мне сочинения этого болвана Петрониуса. Признайся, на самом деле это ты пишешь подобные гадости о своем короле? И всякие дурацкие сказки о волшебных колечках или драконах, охраняющих золото?

Некоторое время между Хальком и Конаном продолжалась оживленная словесная перепалка, во время которой библиотекарь оправдывался и клялся, что к сочинителю Петрониусу не имеет никакого отношения...

Я вспомнил, что знаменитейший тарантийский сказочник с именем Петрониус (между прочим, списками с его сочинений упоенно зачитывались мои дети), действительно перешел в последнее время на благодатную тему — описание давно прошедших приключений нынешнего короля. Работы

ему хватит, надо полагать, очень надолго. А я сам больше люблю повествования Стефана, Короля Историй. Когда время позволяет почитать не деловые письма, а что-нибудь для души.

Наконец по дружному требованию Конана и Веллана Хальк прекратил ненужные разговоры и начал объяснять устройство мраморных копей под Ивелином.

— ...Из подземелий наружу ведет около полутора десятков выходов. — Хальк водил пальцем по старинному плану, датированному, как я заметил, 1230 годом. Значит, составлен он больше полусотни лет назад. — Почти все проходы вниз были завалены, когда копи иссякли. Однако сохранился главный вход, начинающийся на дворе каменотесной мастерской Ивелина. Это через две улицы от полуденного въезда в город. Шлюз, через который пропускалась вода из озера, расположен не меньше чем в восьми сотнях шагов от входа. План, к сожалению, не слишком подробный, но найти врат шлюза вполне возможно... Если мы сумеем полностью открыть заслонку, вода сначала заполнит каменные чаны для промывки мрамора, а затем хлынет вниз. Катакомбы очень глубокие, не меньше десятка подземных этажей...

— Восхитительно, — проворчал Веллан, подбрасывая дрова в костер. — А откуда ты знаешь, что напор воды будет достаточно силен для того, чтобы быстро затопить все коридоры и как следует охладить нашего подземного гостя?

— Не знаю, — пожал плечами Хальк. — Разберемся. Кстати, Конан, а вдруг нас не пустят в мастерские? Или проход перекрыт дверью с замком?

— Пустят, — ответил король. — У меня с собой парочка чистых гербовых бумаг с государственной печатью. В крайнем случае я быстренько напишу

приказ короля. Пусть посмеют ослушаться! Король я или не король?

— Сейчас, — вкрадчиво сказал Веллан, — ты бродяга, сопровождаемый подозрительной компанией, разбойник и убийца. Скольких ты прикончил сегодня вечером, а?

— На себя посмотри, нелюдь! — Киммериец после упоминания о случившемся в трактире померк. Тут я решил, что стоит поговорить о столь непонятном происшествии. Такое впечатление, что в «Короне Аквилонии» мы стали свидетелями попытки (и бездарно провалившейся, скажу я вам) покушения на короля.

Конан угрюмо выслушал мои соображения, подумал и ответил:

— Если всерьез пытались убить не Конана из Киммерии, а короля Аквилонского, то покушение было спланировано заранее, до нашего отъезда из Тарантии. Они просто воспользовались первым же подходящим случаем и проследили наш путь...

— Согласен, — кивнул я, мигом вспомнив о письме Стейны, в котором говорилось о пьяных речах кофийского вояки. — А в самом дворце ты не замечал ничего подозрительного? Просперо или барон Гленнор ничего не докладывали?

— Нет, — покачал головой Конан. — Тишь до благодати. Никаких заговоров. Но дворянство меня все равно не очень любит...

— И правильно делает, — вставил свое словечко Хальк. — Хотя все заговоры не идут дальше слов, произносимых обычно шепотом и за твоей спиной. Сколько я подобных разговорчиков слышал во дворце!

— А почему не доложил? — грозно сдвинул брови король.

— А меня и не спрашивали. Только вот что я заметил. — Хальк многозначительно поднял ука-

зательный палец.— Кофийский шпион в Тарантии...

— Постой, постой.— Конан подался вперед.— Какой кофийский шпион? Почему я ничего не знаю?

— Великий Митра! — страдальчески воздел руки Хальк.— Всем известно, что главный писарь налогового департамента подкуплен Страбонусом и собирает про тебя сплетни для Хоршемиша! Барон Гленнор его не трогает, а мы все подбрасываем писарю самые невероятные байки. И ему работа, и нам развлечение.

— Кошмар! — Конан сплюнул.— Что творится в стране!

— Приедешь в столицу,— проворчал Эйвинд, внимательно следивший за разговором, но доселе не вмешивавшийся,— наведи порядок. У нас шпиона давно бы повесили...

— Помолчи,— прикрикнул на Эйвинда Хальк.— Так вот, наш кофийский шпион в последнее время очень забеспокоился и подал в отставку. Но Публио его не отпустил из-за нынешних событий. Сейчас любая пара рук на счету. Все остальные шпионы...

— Сколько их? — простонал Конан.— Почему король обо всем узнает последним?

Я, будучи не в силах далее сдерживать смех, зажал рот ладонью. Веселая страна эта Аквилония... Но ничего, пройдет годик-другой, Конан освоится и поймет, что страшны не те лазутчики, о которых знает вся столица, а настоящие — люди, на которых не может пасть даже тень подозрения. У меня в Тарантии лишь один такой человек, а все остальные предназначены для отвода глаз и являются всеобщим посмешищем, наподобие незадачливого писаря.

Однако Хальк, сам того не понимая, разгласил ценные для меня сведения. Если канцеляр-

ская крыса из налогового департамента действительно куплена с потрохами Страбонусом, то почему она подает в отставку с выгодной должности при ведомстве Публио? Почему это прошение почти совпадает по времени с докладами из Турана о возможной опасности для аквилонской короны и бездарным покушением минувшим вечером?

Хальк, видимо, решил окончательно расстроить своего короля и под издевательский хохот Веллана перечислил с десяток ошивающихся при дворе «шпионов», среди которых встретился и совершенно безобидный человек, подкупленный мною года четыре назад. От этого бестолкового канцеляриста пятый департамент Немедии в лучшем случае получал сообщения о меню на торжественных обедах или о количестве повредивших ногу лошадей на королевских конюшнях. К моему облегчению, Хальк ни разу не помянул имя человека, которым я как начальник тайной службы безмерно дорожу...

— Всех повешу! — ярился король после речи библиотекаря.— А в первую очередь — Просперо и барона Гленнора! И тебя тоже, за недоносительство!

— Я дворянин,— всерьез оскорбился Хальк.— Доносы не имеют ничего общего с дворянской честью! Между прочим, мой король, все перечисленные только что люди живут в Тарантии уже долгие годы и вряд ли представляют самую малую опасность. Гленнор отлично знает о них, но не трогает, а просто следит вполглаза...

— Правильно,— согласился я. Конан раздраженно посмотрел в мою сторону.— Вот, между прочим, я тоже терплю лазутчика вашего Гленнора во дворце Нимеда, и даже не одного, а целую компанию. Конан, пойми, опасаться надо скрытого, а не явного...

Невероятная была картина: темная осенняя ночь, на пригорке у костра, позабыв о гибнущем мире, сидят трое людей, полугном и оборотень, и начальник тайной службы Немедии поучает аквилонского короля, каким образом следует избегать заговоров и лучше следить за безопасностью страны. Расскажи кому — не поверят!..

До рассвета не произошло ничего страшного. Едва небо на восходе налилось светом Ока Митры и стало возможно рассмотреть окружающую нас местность, Конан, уставший от заушных бесед и постоянных подтруниваний со стороны Халька и Веллана, приказал собираться. До города Ивелина оставалось не более лиги пути.

* * *

— Знакомо, знакомо, — бормотал я, оглядывая темно-красные со светлыми прожилками стены подземелья. — Конан, помнишь медные рудники в Кезанкийских горах?

— Лучше, чем хотелось бы, — ответил король, поднимая факел высоко над головой. — Правда, там переходы были куда запутаннее, а мрамора значительно меньше. И летучие мыши жили... Кстати, Мораддин, а где твой беленький уродец?

Конан затронул болезную для меня тему. Я приручил однажды летучую мышку, отличавшуюся от прочих сородичей необычной белой окраской, — это случилось за год до того, как я познакомился с киммерийцем. Мышка с тех пор неотлучно находилась при мне в качестве необычного домашнего животного. К сожалению, у этих зверюшек весьма небольшой срок жизни, и моя любимица умерла три-четыре года назад, уже в Бельверусе. Вначале я хотел завести еще одну такую же тварь, но Хейд, няня моих детей, и многие другие домашние ужасно боялись лету-

чих мышей. Поэтому я остановил свой выбор на собаке — громадном сером волкодаве. Таких собак разводили горцы на полуночном восходе Аквилонии, и мой дальний знакомый, Коннахт Мабидан, два года назад прислал мне в подарок щенка. Вестри и Долиана до сих пор ездят на нем, будто на коне, настолько мой пес огромен... В соответствии с традициями, он носит горское имя — Бриан.

Конан, не дождавшись моего ответа, зашагал дальше, по направлению, указанному Хальком. Библиотекарь немного побаивался подземелий, да и Эйвинд тоже. Но я — потомок гномов, Веллан, отлично видевший в темноте, и Конан были спокойны. До ворот, открывавшего шлюз, идти было недолго, а верхние уровни старых катакомб не являлись столь запутанными, как глубинные этажи...

...С шестым послеполуночным колоколом, отзвонившим на башне храма Митры, мы ворвались в Ивелин, стоящий на берегу окруженного лесом вытянутого озера. Удивительны эти захолустные городки — люди не паникуют, жизнь течет размеренно, в столь ранний час открыты трактиры. Городская стража, набранная из отставных военных, не обратила на пятерых всадников никакого внимания, даже не спросив подорожных. Мы заехали в один из постоялых дворов — немножко поесть, а заодно расспросить хозяина о здешних катакомбах — и получили совет обратиться к сторожу заброшенных каменотесных мастерских, находящихся на окраине города.

Люди, живущие в Ивелине, конечно же, слышали о надвигающейся с полуночи опасности, об опустошении Велитриума и прочих бедах, доставляемых подземным огнем. Но относились к слухам о постигшем Аквилонию несчастье так, словно

выбросы зеленого пламени происходили в чужой и далекой стране. Трактирщик прямо заявил, что уезжать не собирается и если на то пошло, то Митра оградит своих верных слуг от чужеземной напасти.

Конан заново впал в угрюмство: кем ему приходится править? Силовые бестолочи. Неужели у людей абсолютно пропал инстинкт самосохранения?

Любой нормальный человек, чтобы сохранить жизнь, а главное — душу, дарованную Митрой, давно ушел бы на полдень, в Пуантен или к границам Зингары! А эти сидят в своих прогнивших деревянных домах, берегут скудное добро и с места их не может сдвинуть даже угроза всеобщей катастрофы...

Постоялый двор находился совсем рядом со старыми мастерскими, и мы немедленно поехали к скривившемуся деревянному забору, огораживавшему место, где раньше десятки каменотесов отшлифовывали мраморные плиты, предназначенные для герцогских и королевских дворцов. У ворот нас встретил сторож, вернее, сторожиха. Пожилая, иссушенная временем женщина была вооружена не чем-нибудь, а отличным тауранским арбалетом и вначале ни за что не желала пускать нас внутрь.

Конан принял мудрое решение: он послал к старухе Веллана, самого обаятельного из нашей компании. Разумеется, предварительно снабдив его несколькими золотыми монетами. Неизвестно, о чем оборотень из Пограничья толковал с грозной старухой, но вскоре ворота отворились и мы беспрепятственно въехали во двор бывших мастерских. Оказывается, золото безотказно действует не только на столичных чиновников, но и на решительных провинциальных бабушек, готовых

палить из арбалета во всякого, посягнувшего на собственность ее хозяина.

Попутно выяснилось, что таковым хозяином является сам Конан — мастерские и копи доныне принадлежали аквилонской короне, а не местному герцогу...

Вход в лабиринты катакомб отыскался быстро. Единственно, нам (вернее, мне) пришлось повозиться с гигантским висячим замком, запиравшим железную дверь, просто выбить которую было невозможно. Конан только ухмылялся, видя, как я колупаюсь острием кинжала в скважине замка, а позже заметил, что лет двадцать назад в Шадизаре (в определенных кругах) мне цены бы не было.

После этих слов короля Хальк откровенно заржал, а Эйвинд недоумевающе посмотрел на библиотекаря, не понимая, что именно его так сильно насмешило.

Веллан пошел первым, за ним я, а следом топали все остальные. Конан догадался еще в Тарантии захватить с собой пару десятков факелов, и теперь ровная подземная дорога, отполированная тысячами сапог и башмаков некогда сновавших здесь мастеровых, вела нас к водяному шлюзу.

— Здесь, — уверенно сказал Хальк, когда мы наконец очутились в четырехугольном вытянутом зале. — Пожалуйста, месьюры, вот тут и открывается шлюз.

В центре зала торчали две покрытые многолетней пылью тяжелые деревянные крестовины, соединенные заржавленными цепями. Если начать вращать эти ворота, затапливающая подземный канал вода из Утинога озера начнет переливаться в чаны, где раньше промывали камень. Вон они, эти чаны, — громадные, вырубленные из цельного

куска камня сосуды, числом семь. Над каждым — залеженная ржавой чешуей стальная пластина, размером со щит аквилонского legionера. Обычно шлюзы открывались лишь на несколько дюймов, чтобы залить воду в емкости, из которых она затем удалялась по канавкам, прорубленным в теле скалы.

— Если сейчас открыть шлюзы на полную ширину, — Хальк бегал по залу и показывал, — напор воды будет достаточным, чтобы затопить несколько уровней катакомб за время от полуденного колокола до первой послеполуденной четверти! То есть времени, чтобы выбраться отсюда, будет в обрез!

— Постой, постой. — Конан поднял руку, останавливая библиотекаря. — Хальк, разве подземелья надо затапливать сейчас? Ведь мы не знаем, когда придет эта тварь. И придет ли вообще? А вдруг она почует воду и не станет подниматься вверх под Ивелином?

— А? — переспросил библиотекарь и вдруг схватился за голову. — Солнцеликий Митра, почему ты вразумил не меня, а этого варвара, напавшего на голову корону Эпимитриуса?

— Дело говори! — рявкнул Конан, первым не выдержав повисшего в воздухе молчания.

Хальк, как-то странно и печально глядя на нас, тусклым голосом проговорил:

— Друзья мои, кажется, мы не учли одного важнейшего обстоятельства. Если подземная дрянь действительно вынырнет из глубин под Ивелином, в этих самых катакомбах, и мы внезапно зальем ее водой, значит, человек, открывающий шлюзы, будет находиться в этой самой зале... Герцог Пуантенский был прав, говоря, что вода в соприкосновении с огнем образует пар, выходящий наружу. У того, кто останется здесь

вращать ворот, будет прекрасная возможность умереть.

— И не только у него. — Меня неожиданно осенила догадка. — Пар, рвущийся на волю, разрушит подземелья и появится на поверхности там, где стоит город. Над нашими головами. Обрушившиеся пещеры увлекут за собой и дома... Конан, ты понимаешь, что, уничтожив зверюгу, мы превратим Ивелин в руины?

— А если она останется жива, — вполголоса заметил король, — то вообще все жители города погибнут. Вернее, превратятся в чудовищ. Что, по-твоему, лучше?

Некоторое время все растерянно переглядывались. Наконец я решился высказать свои соображения:

— Конан, ты все-таки король. У тебя с собой государственная печать и королевская цепь под плащом. Поднимись наверх и иди к бургомистру. Пусть он вывезет из города всех, кого возможно. До заката у нас много времени.

— Извини, любезный граф, — подал голос Веллан и хмуро посмотрел на меня, — но ты предлагаешь неразумное решение. Может, я чего не понимаю, но, как кажется, подземное чудовище всегда знает, что над ним находятся люди. Оно, наверное, чует их. Вспомни, что выбросы зеленого огня случались только под городами и деревнями, а не в лесу и не в поле. Если Конан уведет людей — тогда мы потеряем единственную возможность убить проклятую тварь!

— Точно, — поддержал Веллана Хальк. — Конан, вспомни, что в Ивелине живет от силы три тысячи человек, а в Тарантии — полные сто пятьдесят тысяч. Следующей жертвой будет твой столичный город... Месьор Мораддин не учитывает одного: если чудовище расколется от холодной воды,

Ивелин может и не пострадать. А если оно пойдет дальше — Аквилония перестанет быть королевством, населенным людьми.

— Так! — Конан приобрел решительный вид, и стало понятно, что он не послушает моего совета. — Я не пойду к бургомистру. Пусть все будет как решили...

В этот момент, словно эхом на слова короля, по гулким коридорам подземелий прокатился тихий-тихий скрежещущий звук, словно в отдалении скребла когтями огромная крыса. Я ощутил, как пол под ногами на несколько мгновений задрожал, а затем послышалось очень далекое, но явственно различимое гудение. Возникло такое впечатление, что в деревянную бочку посадили невероятное количество жирных зеленых мух...

— Оно приближается, — робко сказал Эйвинд. — Вы все были правы, господа мои. Чудовище собирается напасть на Ивелин. Наверное, к закату оно будет здесь.

— Кто останется? — неожиданно спросил Хальк, стараясь скрыть дрожь в голосе. Библиотекарь, как видно, испугался едва слышного звука, идущего из глубин земли. — Совершенно точно нельзя оставлять Конану...

— Это почему? — возмущенно перебил киммерец. — В конце концов, я правлю этой страной и чудовище напало на мои владения!..

— Вот именно, — отозвался Веллан. — Поэтому и нельзя. Ты король. Ты должен вернуться в столицу, чем бы не закончилась наша авантюра. Либо с победой, либо затем, чтобы заняться спасением уцелевших. По-моему, граф Морадин тоже не должен находиться здесь. На нем лежит ответственность за Немедию. Останутся либо я, либо Эйвинд с Хальком.

— Я не уйду, — упрямо заявил Эйвинд и нахмурился, словно его кто-то гнал из подземелий. — Я должен отомстить за Райту.

— Хальк. — Веллан повернулся к библиотекарю. — Ты тоже уходи с королем и графом Эрде.

— Какого демона?! — Мне было видно, что Конан не на шутку разозлился. — Почему ты распоряжаешься здесь, нелюдь четвероногая? Кто король, ты или я?

— Хватит! — повысил голос Веллан. — Мы с Эйвиндом сумеем за себя постоять. А если погибнем — поставишь нам золотой памятник в Тарантии. Желательно с поверженным драконом, лежащим у ног. Хальк придумает какой.

— Постойте, — проговорил я. — Все-таки мой отец — гном, да и мне самому не привыкать к пещерам. Кроме того, я обучен некоторым вещам, недоступным даже оборотню...

— При чем тут оборотни? — перебил меня Хальк. Я вспомнил, что единственным в нашей маленькой компании, не подозревавшим о истинной сущности Веллана, оставался библиотекарь. — Объясните, о чем идет речь?!

— Обо мне, — с коротким смешком отозвался посол Эрхарда. — Кстати, у Эйвинда хватит силушки отворить шлюзы без меня, а я сам больше пригужусь нашему асиру... немного в другом виде. Король прав — четыре ноги порой лучше двух. Я смогу бегать на нижние уровни и следить за происходящим. Месьор Хальк, дело в том, что я оборотень.

— Нелюдь он, а не оборотень, — буркнул Конан. — Все они в Пограничье сумасшедшие, начиная с короля! Ладно, уговорили. Хальк, Морадин, пошли наверх. Веллан, мы будем вас ждать с лошадьми на пригорке, где ночевали сегодня. Хальк, червяк книжный, отдай Веллану планы подземелий...

Прощание вышло недолгим и каким-то скомканным. Мы пожелали успеха асиру и бритунийцу, оставили им прихваченные с поверхности два мешка с едой, две бутылки вина и с десяток факелов, а сами отправились по коридору к выходу.

Наверху нас встретило желтое осеннее солнце, уже склонявшееся к закату.

Глава десятая ВЕЛЛАН, ВТОРОЙ РАССКАЗ

Аквилония, подземелья под городом Ивелин
18-й день второй осенней луны, 1288 г. Вечер

«...Мы не могли ожидать, что предпринятая тайная экспедиция к Ивелину и дерзкий план уничтожения подземного чудовища приведут к столь разрушительным и страшным последствиям. Все ученые мужи, с коими мне приходилось разговаривать после событий в Ивелине, единогласно утверждали: ни одно живое существо со времен атлантов и Валузии не способно было причинить столько бедствий одновременно. Засим многомудрые учителя из Тарантийского Университета сочли, что катастрофа 18-го дня второй осенней луны не была спровоцирована действиями людей, но произошла из-за стечения невероятных обстоятельств. Якобы король Конан I и его сопровождающие наблюдали в Ивелине явление вулканического происхождения. К моим доводам и объяснениям они прислушаться не смогли или не захотели.

...И по прошествии длительного времени считается, будто король или нанял могущественного волшебника, испепелившего чудовище, а с ним и

город, или случилось прямое вмешательство божественных сил и ради спасения Аквилонии с небес сошел сам Лучезарный Митра...

Я свидетельствую, что все происходило по-иному».

*Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства*

Вот ведь какая дурацкая история приключилась...

Наверное, все, произошедшее с нами за последние два десятка дней, надо именовать судьбой. «С нами» — то есть со мной, Велланом из Бритунии, и с Эйвиндом из Райты. Самое смешное в другом: Эрхард, отсылая посланцев к королю Нимеду с просьбой о помощи, даже подозревать не мог, что его собственного начальника стражи и деревенского парня, оказавшегося свидетелем первого появления зеленого пламени, занесет аж в Аквилонию. И что они будут первыми, осмелившимися всерьез противостоять подземной твари, опустошающей закатные земли.

Честное слово, я никогда не рвался в герои. Просто так получилось. Нет, конечно, в подземельях, у шлюзов, могли остаться и граф Мораддин, и сам Конан. Однако они люди серьезные (первый, напомним, король, другой приближенный короля) и подставлять свою шкуру под укусы неизвестной зверюги им нельзя. Я, кстати, невероятно удивился, когда Конан столь легко позволил уговорить себя покинуть подземелья. Зная с прежних времен бешеный нрав этого киммерийца, я был глубоко уверен, что Конан, если мы будем возражать против его решения остаться, перебьет нас всех или вышвырнет из копей, но самолично останется топить чудовище. А он ушел. Видимо, варвар становится настоящим королем...

Я сразу заметил, как сильно он изменился за прошедшие четыре года. В Пограничье, когда мы охотились на Бешеного Вожака, Конан всегда кидался вперед очертя голову, не рассуждая и не подсчитывая количество врагов. Он оказался единственным из всего десятка Эрхарда, осмелившимся выступить против Бешеного Вожака в поединке. Конан тогда дрался не только за себя, но и за нас. Если бы варвар проиграл, сейчас наши косточки лежали бы в заброшенном граскаальском храме, а души гуляли по Серым Равнинам.

Теперь Конан человек степенный. Правда, его серьезность и надлежащее королю величие больше показные. Посейчас не могу забыть, как он встретил нас с Морадином на дороге в Тарантию. Мы пересекли Немедийские горы и сначала ехали по тракту, проложенному на восходном берегу Хорота, а затем свернули на дорогу, ведущую от Танасула к столице.

Мы постепенно нагоняли четверых всадников. У меня зрение очень хорошее, не то что у графа Морадина, и мне даже обидно стало, когда именно Морадин первым опознал в одном из четырех незнакомцев аквилонского короля.

Я начал было спорить с Морадином, но очень скоро мы решили просто догнать всадников и окликнуть. Если мы обознались — просто извинимся и спросим дорогу...

Конан Морадина едва не придушил. Я сначала очень удивился — варвар стащил графа с седла и начал орать что-то наподобие: «Где ты так долго пропадал?» Только потом Морадин и Конан объяснили мне, что были знакомы раньше, много лет назад. Но во время встречи на дороге я просто от души посмеялся. Представьте только: мелкий дождик, старый тракт, раскисшая грязь, все мы

едва с седел не падаем от усталости. А аквилонский король, стоя в глине едва ли не по колено, всю обнимает немедийского графа. Причем надо учесть большую разницу в их росте — месьор Мораддин макушкой достает Конану едва до грудины...

Вот тут меня и разобрал смех, да такой, что я сполз с лошади, уткнулся в ее гриву и всхлипывал, не в силах остановиться. Наверное, со стороны я выглядел полным дураком, но мне было как-то все равно.

Зато во дворце Конан хотел казаться строгим. Распоряжался всюю, ходил с поднятой головой. Казалось — сейчас носом потолок поцарапает. На людях ко мне иначе как «месьор Веллан» не обращался. В общем, старательно пытался выглядеть королем. Не слишком хорошо, однако, это у него получается. Нимед — другое дело. Старик из Бельверуса всю жизнь во дворцовых покоях прожил. Только взгляд на Нимеда бросишь, сразу видно — король!..

А Конан раньше если с правителями и общался, то очень своеобразным способом. Между прочим, именно киммериец прирезал памятной зимой 1284 года короля Пограничья Хьярелла. Где тут обучиться дворцовой куртуазии...

Конан превратился из короля обратно в нормального человека, только когда мы приехали из столицы сюда, в Ивелин. Но киммериец, что характерно, наверняка и останется человеком. А вот мы с Эйвиндом этим вечером вполне можем превратиться в самых настоящих покойников. Или что гораздо хуже — в тварей, порождаемых зеленым туманом.

Впрочем, мне превращение в чудовище не грозит.оборотни от зеленого огня умирают, и, как я полагаю, не самой легкой и приятной смертью...

— Веллан, посмотри план, — отвлек меня от грустных мыслей Эйвинд. — Ты грамотный, должен разбираться.

Я запалил второй факел, так как оставленный нам Конаном огонь начал потухать, и развернул свиток Халька. Нет, конечно, я, в отличие от Эйвинда, умею читать, и не только на аквилонском... Но для того, чтобы разобраться в карте подземелий, моих скромных способностей вряд ли хватит. Это я понял сразу, едва глянув на немыслимое переплетение линий, специальных значков, которые используют только горные рабочие, и увидев малопонятные сокращенные надписи. Единственное, что я сумел уяснить в точности, — мы находились неподалеку от входа на следующий уровень катакомб. Там была лестница, вырубленная прямо в породе.

— Я думаю, чудище придет с закатной стороны, — заметил Эйвинд, смотревший, сдвинув брови, на план. — А где мы сейчас стоим?

— Здесь. — Я ткнул пальцем в свиток, туда, где были прорисованы семь квадратиков, обозначающих шлюзы. — Эйв, посмотри сюда. Насколько я понимаю, самый центр города отстоит от нас приблизительно на тысячу шагов. Зверюга же выныривала из-под земли обычно не в самой середине уже опустошенных поселков, а ближе к краю.

— Иногда даже вовсе за оградой, — добавил асир. — Мы входили в подземелье со стороны полуценных ворот города. Внизу свернули налево, то есть к закату. Значит, тварь никак не сможет нас миновать...

Обрадовал, нечего сказать. Я и так начинаю ощущать неприятное сжатие где-то под грудной, обычно сопровождающее чувство страха, — моя звериная половина тоненько скулит, призывая бро-

свить это дело ко всем демонам Нижнего мира и сбегать. Волк, сидящий во мне, лучше знает, с чем можно бороться, а с чем нельзя.

Камень под ногами начал весьма ощутимо подрагивать, но я почему-то точно знал: огненное чудовище пока далеко. Лигах в двух от города. Оно, безусловно, продолжает ползти, каким-то чудом прорывая нору в камне и песке, и его движение явственно чувствуется. Видимо, Хальк был прав, говоря, что тварь очень большая. Такое сотрясение почвы может вызвать существо, значительно превосходящее по размерам всех известных мне живых тварей.

— Вот интересно, — вдруг задумчиво проговорил Эйвинд. — Эта тварь живая или?.. Ну я хочу сказать, что демоны — они ведь тоже кажутся живыми, а на самом деле мертвые.

— Не знаю, — усмехнулся я, и вдруг меня пронзила совсем неожиданная мысль, которой я поспешил поделиться с моими деревенским приятелем:

— Эйвинд, а почему мы все уверены, что чудовище является либо живой тварью, либо демоном?

— А чем же еще? — удивился Эйвинд.

— Я, конечно, понимаю, что такого просто не может быть, — осторожно начал я. — Но вдруг это чучело кем-нибудь сделано из неживого материала? Вдруг оно является чем-то наподобие... Ну, например, водяной мельницы или осадного орудия?

— Ерунда, — покачал головой Эйв. — Сам подумай, как можно осадную башню заставить ползти под землей да еще плевать зеленым огнем? И кто тогда башней управляет? Если человек, то он должен видеть, что творится снаружи, на земле. Не вслепую же тащиться! Однако я не думаю, что человек может сотворить такое вот... существо, в общем.

— Постой, постой. — Я вытянул руку к Эйвинду, заставляя его замолчать. Мысль была ускользающей и какой-то невероятной. Именно поэтому я боялся упустить ее раз и навсегда. — Ведь гном, которого ты нашел, говорил, будто их клан распал под горами очень большую штуковину. Не железную, не деревянную, а какую-то иную... Если гномы пытались пробраться внутрь, значит... Нет, не понимаю! Если есть дверь — значит, должен быть и создавший эту дверь, повесивший ее на петли. Или карлики хотели забраться внутрь чудовища через его рот?

Эйвинд помолчал, подвигал бровями, размышляя, а потом высказался:

— Я знаешь что думаю? Наверное, под Граскаалем спало не одно такое чудовище, а несколько. Гномы случайно разбудили двоих, которые пошли крушить Аквилонию с Немедией и Пограничье. Только одного не могу понять: выходит, существа выползли из-под Граскаала только ради того, чтобы плевать зеленым огнем? Они им плюются, чтобы превращать людей в невиданных тварей, так?

— Ну согласен, — подтвердил я. — И что дальше?

— Все твари идут куда-то к полуночи, через Пограничье, в горы. Мы никогда не думали, зачем они туда идут?

— В горы, — пробормотал я. — Знаешь, есть единственное разумное объяснение, которое приходит мне в голову: какой-нибудь окончательно спятивший гиперборейский колдун с помощью подземных тварей создает армию измененных людей. Когда их соберется достаточное число, он начнет войну против стран Заката. Ты ведь сам только что сказал об измененных людях, идущих на полночь? А если они идут не в Граскааль, а через перевалы, в Гиперборею? Мы же не знаем...

— Помнишь волшебника? — спросил Эйвинд. — Этого, Тота... ну, как его?

— Тотланта? — переспросил я. — Конечно. Он поехал за стадом, в которое превратились люди графа Мораддина. Может, у стигийца получится разведать, куда направляются измененные?

— Слушай. — Эйвинд вдруг хлопнул меня по плечу, да так сильно, что я едва не упал. Рука у него тяжелая. — Я придумал одну вещь. Давай спустимся вниз и посмотрим поближе, какое чудище из себя! Надо бы выяснить, живое оно или нет...

— С ума сошел? — запротестовал я. — Во-первых, оно может напасть на нас. Во-вторых, мы можем не успеть открыть водяные шлюзы, прежде чем существо выбросит зеленое облако. Тогда нам точно конец. И все планы Конана с Хальком рухнут, а от Аквилонии останется пустое место. Никуда я не пойду!

— Тогда я сам схожу, — с решительностью в голосе заявил Эйвинд. — Хочу зверю в глаза посмотреть и спросить, что ему Райта да мои родичи сделали?

— А если у него глаз нет? — усмехнулся я углом рта. — И оно разговаривать не умеет? Брось! Ерунду ты придумал. Останемся здесь и будем ждать, а когда тварь появится, откроем шлюзы...

— Ты боишься, — сказал Эйвинд, не обращая внимания на изменившееся выражение моего лица. — И я даже знаю почему. Вы, оборотни, всегда пугаетесь всяких необычностей гораздо больше людей.

— Вот что, — начал я угрожающим тоном. — По моему, тебе лучше сейчас помолчать...

— Я еще не все сказал, — отмахнулся Эйвинд перебив. — Я же не говорю, что ты боишься вооб-

ще. Просто чудовище из подземелий пугает твою волчью половину.

Один к одному мои мысли. Впрочем, Эйвинд сам рассказывал, будто в его деревне жили оборотни и он наверняка сумел неплохо изучить моих сородичей. Но позволять деревенскому мальчишке обвинять меня, Веллана Бритунийца, в трусости? Не позволю!

— Хорошо, — преувеличенно холодным тоном сказал я. — Пойдем. Но предупреждаю: мне придется сменить облик. По крайней мере, если заблудимся, я сумею отыскать дорогу обратно.

Эйвинд только плечами пожал. А я поставил к стене возле одного из ворот свой меч, расстегнул пояс и начал раздеваться. Эйвинд невозмутимо смотрел.

Я как-то упоминал, что превращаться из человека в волка довольно просто. Я лег набок на расстеленном плаще, закрыл глаза и даже сам не заметил, как кожа начала менять цвет, пробилась серо-серебристая шерсть, а лицо вытянулось, превращаясь в волчью морду...

— Здорово! — где-то слева вздохнул Эйвинд. — Который раз смотрю, и всегда диву даюсь.

Да мало ли чему ты удивляешься, оглобля деревенская! Я вот сейчас удивлен гораздо больше. Едва сознание прояснилось, я осмотрелся, пользуясь недоступными человеку возможностями. Слух, обоняние, способность чувствовать приближение врага со всей ясностью говорили: зверь, исторгающий зеленый огонь, совсем неподалеку. Из мельчайших щелей в камне приходил слабый, едва уловимый запах раскаленной породы, были слышны хруст и потрескивание, а также появился совсем непонятный и прежде неизвестный звук. Создавалось впечатление, что под землей ползет гигантский снежный червяк, шурша ребристыми боками о стенки норы.

И еще я понял, что приближающееся к нам с Эйвиндом существо, скорее всего, не является живым.

— Пошли? — Эйвинд вопросительно посмотрел на меня. — Ты запомнил план? Где дорога вниз?

* * *

Когда мою человеческую сущность сменяет волчья, я получаю сразу несколько преимуществ. Во-первых, я бегаю гораздо быстрее. Конан, еще в старые времена охоты за Книгой Бытия, насмотревшись на меня, Эртеля и кое-кого еще из нашего рода, долго качал головой и говорил, что, когда остепенится и заведет семейство, дом и хозяйство, обязательно наймет оборотня в качестве сторожевой собаки. Любого вора догонит.

Во-вторых, кроме быстроты движений, волчьего зрения и обоняния, я могу пользоваться тем самым «шестым чувством» оборотня, которое не раз спасало в Пограничье жизни всей нашей компании. Я не знаю, как это описать человеческими словами. Ты словно знаешь, с какой стороны придет опасность, куда можно будет убежать, если бой заведомо безнадежен, на кого можно положиться во время драки, а на кого нет...

Вот на Эйвинда как раз положиться можно. В наших деревнях — да и везде на полуночи — люди, если берутся за дело, то никогда не отступят. Эйвинд происходит из асиров, а эти варвары славятся гораздо большим упрямством и стойкостью, нежели остальные жители Пограничья, Нордхейма да — чего уж говорить — Киммерии. Асир за редким исключением будет первым и в битве, и в истреблении пива...

«И как он не боится?» — думал я. — Человеку подземелья непривычны всегда, а уж сейчас, когда неподалеку ползает самое страшное чудовище из

всех, появившихся на людской памяти в пределах земель полуночи и заката... Разум волка мне говорит: «Веллан, уноси ноги, пока цел!» Я склонен прислушаться к этому голосу, честно признаться. Но, оборачиваясь на Эйвинда, я вижу: человек спокоен, как стигийская мумия, пылящаяся в своей пирамиде. Если он идет и ничем не показывает страх — значит, и мне придется...»

— Велл, ты уверен, что нам надо идти после лестницы именно направо? — Когда мы спустились на следующий уровень катакомб, Эйвинд остановился у выхода и настороженно закрутил головой. Похоже, он начал чувствовать запах подземной твари, усиливавшийся с каждым мгновением. — Велл, ты меня слышишь?

Я поднял голову, наморщил лоб и коротко рыкнул — слышу, мол. Главнейшее неудобство волчьей шкуры: я не могу говорить. Я, кажется, упоминал, что оборотень имеет три ипостаси, своего рода три тела, в которые он может превращаться: человеческое, волчье и... Ну как бы это сказать? Третье тело представляет собой смесь звериного и людского, а выглядит настолько жутко, что мы пытаемся никогда в него не воплощаться. Представьте себе человека с уродливой полуволчьей головой, когтями на руках и ногах и длинным темным волосом, выросшим на затылке. Чудовище, да и только! А кроме того, это неполноценное тело не обладает некоторыми человеческими и волчьими возможностями, отчего оборотень становится более незащищен. Но зато в обличье «чудовища» мы можем разговаривать...

Я решительно свернул направо, оставив Эйвинда позади. Факел светил из-за моей спины и не слепил чувствительные глаза, однако все происшедшее перед нами было отлично видно.

Длинный коридор слегка забирал вниз и налево. Насколько я помнил план, шагов через двести мы должны выйти в зал, где каменотесы, добывавшие мрамор, хранили деревянные тачки для перевозки породы. Следовательно, находясь в просторном помещении, мы с Эйвиндом сумеем более точно определиться — тварь идет к нам или в другую сторону, а оттого взглянуть на нее не получится. Честно признаться, более всего я был бы рад последнему. Сейчас я ощущаю опасность как никогда остро. Но не могу понять самого главного: что за существо подбирается к нам? Живое оно или нет? А если не живое, то какова его природа? Демон?.. Или оно появилось в мире еще во времена, предшествовавшие валузийцам? Ходят сказки, будто тогда жили совсем невероятные звери...

— Веллан, подожди меня. — Это был голос Эйвинда. — Кажется, дым под потолком. Посмотри!

Асир поднял факел высоко над головой и посмотрел вверх. Великие боги, если так пойдет и дальше, мы задохнемся. Со стороны зала, находившегося, кстати, прямо под помещением с водяными шлюзами, наплывали клубы незнакомо пахнущего густого серого дыма. Я начал подозревать, что зверюга, исторгающая зеленый огонь, не что иное, как дракон... Но ведь драконы вымерли много лет назад! Насколько я помню, последнего убил какой-то рыцарь из Аквилонии. Кажется, его звали граф Джорджи. Только дракона нам не доставало!

— Вперед, — буркнул Эйвинд. — Дым горячий, потому будет держаться под потолком.

«Да знаю, — мрачно подумал я. — Но если дыма станет слишком много, он заполнит весь коридор и выбраться вверх будет сложно... Если Конан не поставит нам золотой памятник, как обещал,

мой призрак будет посещать варвара каждую ночь и выть под окнами. Хочу памятник, на главной площади Тарантии... А еще больше хочу уцелеть».

Разумеется, мы напоролись на то, что искали. Едва мы вышли в зал, из трещин в стенах которого выбивался дым, уносимый потом сквозняком в коридоры подземелий, тряска усилилась настолько, что Эйвинд вынужден был ухватиться свободной рукой за торчащее из стены заржавленное стальное кольцо, а я попросту лег на живот, будучи не в силах отвести взгляд от самой большой трещины...

«Зачем я только сюда поехал? — мелькнула мысль. — Высокие небеса, призываю вас в свидетели — я всегда поклонялся Иштар, однако сейчас готов уверовать в Митру, лишь бы он покинул свою обитель и пришел сюда с огненным мечом!.. Спасите!»

Митра остался глух. Из-под земли до Солнечно-го бога наверняка не докричишься. Сюда его взгляд не проникает.

Эйвинд словно услышал мои мысли и тихо проговорил, складывая пальцы в охранительном жесте:

— Веллан, я слышал, подземным миром владеет бог Сет... Может, это он сам?

Дубина деревенская! Нашел время поминать проклятую стигийскую гадюку! Имя Сета и среди ясного полдня лучше не произносить!

Я начал отползать к коридору.

— Ты куда?.. — начал было Эйвинд, но осекся. Каменная стена, располагавшаяся напротив нас, рухнула. Обломки мрамора запрыгали по полу.

Сначала мне показалось, что мы действительно увидели дракона. Несколько горящих ярчайшим светом глаз показались в проломе. Кажется, их было

пять. Под глазами чудовища виднелись толстые короткие жвалы, испускавшие бело-синий огонь. Я достаточно неплохо знаком с кузнечным искусством, чтобы сказать: пламя такого цвета — самое горячее. Жвалы просунулись в пролом, струи огня коснулись камня, мигом раскалившегося и потекшего на пол багровыми струйками. Значит, вот как оно движется — прожигая камень... Хальк оказался прав.

Зверюга, надо полагать, сунулась в прожженную дыру только лишь головой. Наверное, осматривалась. А затем глаза вдруг погасли, огонь, выходящий из щупалец, словно втянулся внутрь них, и чудовище начало медленно протаскивать в зал свое тело. Эйвинд, прижавшийся к стене, догадался бросить факел на пол и наступить на него. Он, видимо, решил, что зверь сможет углеть огонь.

В зале стало светло и без факела. Два глаза чудовища не потухли и теперь шарили по стенам, словно закрытые фонари со стеклами, придуманные гномами. Когда дым и каменная пыль начали постепенно рассеиваться, я как следует всмотрелся в подземного гостя и не поверил своим глазам.

Существо плыло в воздухе...

Хальк совершенно верно утверждал, что оно огромно. Тварь была размером не меньше торгового фургона и слегка напоминала какую-то несущую вытянутую рыбину без хвоста и плавников. Мы с Эйвиндом явственно почувствовали жар, исходящий от шкуры чудища, — его гладкая кожа была раскалена и слегка светилась темно-багровым. Позади зверя в стене пещеры образовался черный провал — такое впечатление, что прополз очень большой дождевой червяк, оставив ход в земле.

«Надо убираться отсюда! — хотел было выкрикнуть я, совсем забыв, что человеческая речь мне недоступна. Получился звук, очень похожий на предсмертное поскуливание. — Эйвинд, пойдем наверх!»

— Не бойся. — Эйвинд меня услышал. — Кажется, оно не обращает на нас внимания... Разве такой громадине интересны две букашки?

Мы притаились возле входа в коридор, продолжая наблюдать.

Чудовище очень медленно летело вперед, к самой середине зала. Лишь когда существо отделяло от нас не более двадцати шагов, оно, слегка покачиваясь, зависло над полом и на какое-то время замерло. Из его брюха неожиданно появились шесть коротеньких толстых ножек, оканчивающихся плоскими ступнями с когтями. Ножки коснулись камня, раздавив несколько старинных полустгнивших тачек, чудище осело на землю и издало звук, похожий на довольное фырканье.

— Я же говорил, что оно живое, — прошептал Эйвинд. — Слышишь, как урчит?

Я ничего не понимал. Мое чутье со всей определенностью говорило: тварюга не является живым существом. И одновременно у нее обнаружились глаза, ноги, она способна рычать и фыркать... Кто ответит, с чем мы столкнулись? Из каких глубин веков пришло в Аквилонию это невероятное создание?

Дальше начало происходить нечто вовсе невиданное. Тварь, посидев на полу, вдруг закричала, раздалось тихое жужжание, и из ее спины показались несколько разлапистых щупалец и длинный, немного смахивающий на громадный арбалетный болт, рог, начавший подниматься к потолку. По каменному своду над нашими головами промелькнули зеленоватые блики, зверь раза два тихо пис-

кнул, а жвалы, росшие из головы, поднявшись, снова засверкали синим огнем.

— Время уходить, — наконец-то промолвил Эйвинд. — Видишь, оно не остыло. По-моему, как раз теперь надо залить его водичкой. Бежим?

Я тихонько рыкнул, стараясь придать голосу утвердительный оттенок. Давно, мол, пора.

Но тут Эйвинд совершил невероятно безрассудный поступок. Я не знал, зачем он это сделал, и до сих пор не получил внятного ответа. Сын кузнеца из Райты поднял валявшийся под ногами камень и, прошептав что-то недоброе, запустил его в подземную тварь.

Эйвинд попал ей в глаз. Послышался хруст, огонь, выпускаемый оком чудовища, погас, и оно коротко заверещало.

— Бежим! — повторил Эйвинд.

Ах как я жалел о том, что не могу как следует выругаться! Зачем было кидаться камнями? Существо прежде не обращало на нас никакого внимания, а теперь, наверное обидевшись, начало действовать с неожиданной для его размеров резвостью. Краем глаза я успел заметить, как мгновенно втянулись щупальца, исчезли появившиеся на спине непонятные штуковины, похожие на дополнительные лапки или плавники, убрался в шкуру поднятый к потолку рог, и зверь, посмотрев на нас оставшимися глазами, бросился вслед.

Вы когда-нибудь убегали от бросившегося на вас чудовища размерами с обозную фуру? У которого вперед выставлены щупальца, полыхающие тугим синим огнем? Которое может раздавить вас, как муравья? Нет? Вам повезло...

Факел остался валяться у выхода в зал, но Эйвинд, как выяснилось, отлично бегал в темноте. Наверное, он замечал редкие блики света на камне. За нашими спинами раздавалось шипение и грохот

обрушивающейся породы. Постепенно настигал жгущий кожу жар. Как ни странно, чудовище двигалось гораздо быстрее, чем мы. И это несмотря на это кажущуюся неповоротливость!

Эйвинд пытался бежать быстро, но отстал и едва не проскочил мимо выхода. Я уже стоял у лестницы, уводящей наверх.

— Чего стоишь?! — рявкнул он, постоянно оглядываясь. — Догоняет!

И точно — шагах в пятидесяти от нас всюду сверкало голубоватое пламя. Зверюга, наверное, очень обиделась на выбившего ей глаз Эйвинда.

...Ну как тебе, дураку, объяснить, что я побегу отвлекать чудовище, а ты обязан подняться наверх и открыть шлюзы? Я схватил Эйвинда зубами за штаны, протащил за собой на несколько шагов, потом отпустил, а сам отбежал вниз.

«Понятно?»

— Ты куда? — переполошился Эйвинд. Я издал самый грозный рык, на который был способен. — Ты что, идешь вниз?

— Р-р-р! Уау!

— Выберешься без меня? — неожиданно понял Эйвинд. Я кивнул. — Ну давай, пусть тебе поможет Митра!

Перепрыгивая через три ступени, он понесся наверх. А я остался в коридоре.

* * *

«Что оно такое?» — Эта мысль вертелась у меня в голове постоянно.

Едва Эйвинд ушел к залу со шлюзами, я встал прямо посередине подземной галереи, широко расставив лапы. Верхняя губа поднята, обнажая клыки, шерсть на спине наверняка стоит дыбом, хвост опущен. В общем, боевая стойка оборотня-волка. Я не надеюсь, что смогу победить в этой драке. По-

добное было бы слишком невероятно. Но достойно встретить врага Веллан, сын Арта из Бритунии, сумеет...

Оно напозало на меня, будто ожившая скала. Мне почему-то вспомнилось, что у гномов есть легенда о некоем Живом Камне. Этот камень способен по приказу владельца (гнома, конечно же) прожигать корни гор и создавать для гномов новые подземные галереи... А если передо мной именно Живой Камень? Ведь ему можно как-то приказывать...

«Стой, я сказал! — Я отдал мысленный приказ чудовищу. — Остановись!»

Зверюга с ревом и шипением продолжала двигаться по коридору, обрушивая за собой почву и превращая мрамор в лужицы жидкого огня. Кажется, от гнева она раскалилась еще больше. Я понял: оставаться на месте — значит умереть. Сейчас нужно заманить тварь обратно в зал, где мы с Эйвиндом впервые увидели ее.

Но каким образом? Путь назад перекрыт. Остается лишь положиться на свою память и попробовать погонять чудовище по бесконечным переходам катакомб, надеясь лишь на свой инстинкт. И на Эйвинда.

Я, стараясь не обращать внимания на опалаящий шкуру огонь, присел, развернулся и со всех ног бросился прочь, в темноту коридора. Монстр попался на мою удочку. Он ненадолго замер, словно раздумывая, идти ли за Эйвиндом вверх или следовать за мной, и наконец остановил свой выбор на командире королевской стражи Пограничья, Веллане из Бритунии.

Направо. Прямо. Налево. Еще раз направо и дальше по лестнице вниз... Какой идиот набросал под ноги битого стекла? Так, а здесь тупик. Назад, и теперь вверх...

Я не помню, сколько мы так бегали. Вернее, бегал один я. Чудовище либо прошибало камень своим телом, либо просто летело вслед за мной по коридору, если таковой был достаточно широк. Иногда оно меня почти нагоняло. Я чувствовал, как шерсть у меня на хвосте и возле крестца начинает завиваться от жары. Иногда я делал ему мелкие пакости — отталкивал плечом забытую каменщиками тележку, так, чтобы она, двинувшись вниз по наклонному коридору, ударилась о тело существа; успел подкопать, обдирая в кровь подушечки передних лап, горку щебня... Но, казалось, подземной твари все нипочем. Я удивлялся, почему существо с такой настойчивостью охотится за мной. Разве я, по виду самый обычный волк, могу причинить ему какую-нибудь неприятность? Или оно должно уничтожать всех, кто хотя бы одним глазком взглянул на истинный источник зеленого подземного огня?

На самом излете слуха я сумел различить новый звук — журчание воды. Значит, Эйвинд успел открыть шлюзы и вода начала вытекать из чанов в коридоры. Но более всего меня озадачило другое — изредка, когда мы находились совсем рядом, зверь метал в меня молнии. Да-да, самые настоящие молнии. Синие, пахнущие грозой искры ударялись в пол и стены коридора — каким-то чудом я успевал уворачиваться. Летели каменные брызги, угрожающе потрескивал над головой потолок, грозя обрушиться, а я настойчиво вел тварь за собой, к залу, над которым находились шлюзы.

Мне повезло — я увидел трещину в стене галереи, и инстинкт повел меня туда. Оказалось, что я попал в округлый проход, выжженный в скале подземной тварью. Он и вывел меня в нужный зал. Существо неотступно следовало в пяти-шести десятках шагов позади.

Сверху, через неприметные щели в камне, вода уже не капала, а лилась, размывая слоистую породу. Я отбежал к коридору, возле которого прежде стояли мы с Эйвиндом, и обернулся. Тварь появилась очень скоро, но после того, как на ее раскаленную шкуру попали первые капли воды, немедленно превратившиеся в белесоватый пар, словно забыла обо мне. Внутри существа что-то затрещало, пискнуло, и оно, замерев почти в центре зала, внезапно рванулась вверх, наверняка почувствовав, что опасность исходит не от меня.

Удар пришелся в потолок пещеры. Скала треснула, заскрежетал камень, и струи воды превратились в усиливающийся поток. Клубы пара начали заполнять подземелья. Я понял, что нужно уходить. Наверняка Эйвинд сделал свое дело и успел выбежать из пещер.

Под ногами хлюпала горячая вода, шерсть намочла, я почти ничего не видел, но сил, чтобы нестись вперед, пока хватало. Позади грохотал камень, я чувствовал, как в галерее начал обрушиваться потолок... Но самым скверным было то, что лестница, по которой ушел Эйвинд, теперь была завалена камнями.

Я никогда прежде не терял остатки человеческой сущности, полностью превращаясь в волка. Сейчас произошло именно это. Исчезли мысли, ушли куда-то разум, способность мыслить... Меня полностью захватила волна инстинкта. Я знал — спустя несколько мгновений случится нечто, прежде невиданное в землях людей, а мне за это время следует удрать как можно дальше.

Мы с Хальком потом посмотрели по карте — я сумел менее чем за одну послеполуденную четверть пробежать одну пятую лиги по подземелью, а, найдя выводившую наружу шахту, еще столько, уже по поверхности земли...

Волчье чутье действительно привело меня к выходу из катакомб — это была обычная отдушина, прокопанная много лет назад. Конечно, она была узкая, с лисьей нору, но мое тело приложило все возможные усилия, чтобы миновать шахту как можно быстрее. Когти скользили по камню, об острые изломы царапалась шкура, однако я знал — если меня зажмет в этой норе, живым не быть...

Я выбрался. И побежал дальше тяжелым галопом. Я был в лесу, к полуденному восходу от города.

Земля изогнулась подо мной в невероятной судороге. Казалось, твердь сейчас расколется и рухнет во Внешнюю Тьму, что за краем Мира. Трянуло раз, потом снова, потом до ушей донесся чудовищный грохот — словно близкий удар грома от самой сильной молнии. Я нашел в себе силы обернуться и посмотреть в сторону города.

Поначалу мои глаза ослепли от пятна белоснежного огня, куполом встававшего над Ивелином — маленьким городком в центре Аквилонии. Пламенная полусфера расширялась, накрывая собой озеро, неожиданно вскипевшее, разгоняя низкие осенние облака и круша все встреченное на пути. Я почувствовал, что березовый лес, на опушке которого я находился, замер в предвкушении чего-то недоброго. А потом налетел ураган.

Честное слово, я не помню во всех подробностях, что происходило дальше. Немыслимой силы ветер подхватил волчье тело, швырнул его шагов на двадцать пять в сторону, прямо на кусты молодого ольшаника, за которым располагалось неглубокое болотце. Именно оно и спасло жизнь Веллану Бритунийцу. Сразу за ветром пришел огонь, но к тому времени я, преодолевая боль во всех членах, успел отползти к болотине, забраться в воду и нырнуть с головой.

Вода мгновенно нагрелась. По счастью, некоторое время терпеть было можно. Но долго под водой

не просидишь, тем более в волчьем облике — человек мог бы вцепиться руками в лежащие на дне ветки и подождать, пока не кончится весь воздух в легких. А мне чем цепляться? Хвостом?

В общем, я вынырнул довольно быстро — не прошло и полусотни ударов сердца, бывшего сейчас с утроенной частотой. Лес горел. Некоторые деревья вывернуло ураганом с корнем. Кусты, с которых сдуло чахлые осенние листочки, превратились в один большой костер. Болотце было окружено сбитыми с деревьев ветками, тоже тлеющими. Предок-волк снова подсказал мне, что нужно собрать последние силы и бежать отсюда прочь.

Постепенно возвращалась способность соображать. Я понял, что везение сегодня меня не оставит. Лесок находился совсем неподалеку от холма, где меня и Эйвинда должен ждать король... Лесной пожар не разгорится излишне сильно — сейчас осень, и в течение последних дней шли дожди. Следовательно, я сумею повстречать Конана, Халька и Мораддина довольно скоро. Если, правда, с ними ничего не случилось...

«Эйвинд?»

Я бежал, припадая на раненные лапы, по березняку, огибая разбитые деревья и тлеющий кустарник. Сейчас меня меньше всего интересовало, что же случилось с Ивелином и осталась ли живая проклятая тварюга. Больше всего удручало то, что теперь я никогда не увижу Эйвинда из Райты... Человек неповоротлив и покинуть город так быстро наверняка не успел бы. Я, используя все четыре быстрые лапы и звериное чутье, и то едва спасся. Эйвинд, скорее всего, сгорел...

Вот и дорога. Великая Иштар, что такое случилось с песком, устилающим тракт? Он оплавился, позеленел и стал похож на стекло для витражей. Желтая осенняя трава по краям дороги выгорела до черноты. Кое-где она до сих пор тлеет...

Холм. И голос. Знакомый. Очень знакомый.

— Веллан! Ты?

Я не знаю, какое чудо позволило мне взобраться наверх и свалиться у ног Конана. Запомнились его прожженный плащ, покрасневшее, будто от ожога, лицо, и бешеные глаза.

— Эй, Велл, ты живой?

Конан присел рядом и погладил меня по холке. Подошли Хальк и Мораддин. Библиотекарь снял с пояса флягу с водой и попытался меня напоить. Вода попадала в основном не в глотку, а выливалась изо рта. Я чувствовал, что сейчас потеряю сознание...

* * *

...Конан по пути в столицу рассказал, что я провалялся без чувств почти сутки. Король, граф Эрде и Хальк все это время ждали Эйвинда, а следующим утром библиотекарь из любопытства поехал к городу. Точнее, к гигантской оплавленной яме, оставшейся на его месте. Никого из жителей Ивелина не осталось в живых, Утиное озеро пересохло, а лесной пожар, начавшийся после разрушения подземного чудовища, продолжался до ночи, пока не пошел ливень.

Еще Конан сказал, что они, стоя на пригорке, видели, как огненная волна смела городок, к небу поднялось черное облако, рассеявшееся после заката, а самое главное — зеленый туман ночью не появился. Конану и Хальку слегка обожгло лица в момент, когда погиб Ивелин: свет, исходящий от умирающей твари, оказался очень силен. Граф Мораддин успел отвернуться и упасть на землю, впрочем, на нем все равно прожгло одежду.

...Значит, мы с Эйвиндом сделали свое дело. Разбуженный гномами подгорный ужас сгинул. Мы сумели уничтожить чудище.

По дороге к Тарантии Хальк пытался строить предположения о природе этого огня, но так и не пришел ни к какому выводу. Несколько позже стало известно, что неподалеку от Ивелина пострадали две деревни, однако не сильно. Люди остались живы, только лишь загорелись несколько домов.

А еще следовало помнить: убит всего один подземный монстр. Второй наверняка продолжает опустошать Немедию. И неизвестно, какую угрозу продолжают таить в себе Граскаальские горы...

Никто из нас не знал, что продолжение истории с подземным огнем будет занимать королей Конана, Эрхарда и Нимеда, а с ними и всех прочих, несколько следующих месяцев.

Мы вчетвером — Конан из Киммерии, Хальк, барон Юсдаль, Мораддин, граф Эрде, а с ними я, Веллан из Бритунии, — вернулись в Тарантию через два дня. Спустя еще несколько дней Мораддин, Хальк, молодой грифон по имени Энунд и я уехали в Ямурлак.

ДОКУМЕНТ

К летописи прилагается копия письма, адресованного Кеарану, графу Майлю, а через него — и лично королю Нимеду I.

Подлинник был обнаружен начальником стражи Черных Драконов Паллантидом в маленьком деревянном футляре, прицепленном к лапке почтового голубя, задранный кошкой во дворе Тарантийского замка. Письмо было передано начальнику тайной службы Аквилонии барону Гленнору

«...однако, Повелитель, я могу с уверенностью сказать, что король Конан действительно находился неподалеку от Ивелина в ночь с 18-го на 19-й день второй осенней луны, ибо во дворце, да и в самой столице он отсутствовал, а по городу прокатился слух о бегстве короля за пределы страны. Известно, что после разрушения Ивелина, свидетелем — а

возможно, и причиной — коего был Конан, некоторые дворяне, не исключая самого герцога Танасульского, напрямик обвинили короля в гибели города и почти всех его жителей, на что последний ответил (привожу дословно): «Я имею право делать в своей стране все, что хочу!» Однако подтверждать или опровергать обвинения в разрушении помянутого городка Ивелин Конан отказался.

Но совершенно достоверно выяснено, что появление зеленого пламени не отмечается в пределах Аквилонии вот уже несколько дней. Надо полагать, следствием гибели Ивелина явилась и смерть неизвестного подземного чудовища, о котором рассказывал поминавшийся в прежних донесениях Хальк, барон Юсдаль.

Из отрывочных и скудных бесед с королем мне стало известно, что по пути к Ивелину на Конана было совершено покушение, к счастью не удавшееся. Наблюдая утром 18-го дня во дворце и не зная, что имела место попытка убийства короля, мне все равно пришлось насторожиться, ибо стража почему-то была усилена, а некоторые придворные вовсе не появились на утреннем приеме у герцога Просперо. Не исключено, что вышеупомянутые дворяне просто собирались покинуть столицу, но я не могу не проследить связи между покушением и некоторыми странностями, происходившими во дворце. Возможно, мне пришлось стать свидетелем неудавшейся попытки дворянского заговора.

Мораддин, граф Эрде, по-прежнему находится в Тарантии. Мое сильное удивление вызвали его дружеские отношения с королем Конаном, а от самого короля мне стало известно, что граф Эрде в прежние времена неоднократно встречался с нынешним аквилонским властителем, который некоторое время состоял на службе в канцелярии покойного герцога Лаварона. Не ошибусь, указав

на историю, связанную с таинственным исчезновением короля Нимеда в 1273 году и его последующим спасением от рук злодеев.

Надеюсь, что подробный отчет обо всех событиях последнего времени пятый департамент Государственной канцелярии Драконьего Трона получит лично от графа Эрде, как только он вернется в Бельверус. Однако мне стало известно, что возвращение месьюра Мораддина на родину несколько откладывается, ибо он вместе с бароном Юсдалем в ближайшие дни собирается съездить в земли, именуемые Боссонским Ямурлаком. Никаких более подробных сведений о планируемом путешествии графа Эрде в эту таинственную область вытянуть из короля Конана мне не удалось, а разговаривать с иными посвященными я не решаюсь, дабы не вызвать подозрений.

В целом могу заметить, что чувство напряжения и опасности меня по-прежнему не оставляет. Сейчас, после внезапного исчезновения подземного огня, угроза Аквилонскому государству, как кажется, миновала, но сохранилась угроза, нависшая лично над самим королем Конаном. Если мятежные дворяне, подталкиваемые силами извне, сумеют устранить короля, то королевство Немедия станет свидетелем новой и еще более страшной гражданской войны в Аквилонии. Но самую великую опасность может представлять захват короны и власти людьми, которые верно служат некоторым другим королям, а в частности Его Величеству Страбонусу Кофийскому или, что допускается меньше, Фердруго Зингарскому...

Письмо не подписано. Известно, что барон Гленнор в течение долгого времени пытался отыскать таинственного автора, но не преуспел...

Глава одиннадцатая ХАЛЬК, ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Аквилония, земли Боссонского Ямурлака
20—28-й день второй осенней луны 1288 г.

«...После гибели подземного чудовища раздался всеобщий вздох облегчения и наступило относительное затишье. Люди постепенно возвращались на спешно покинутые ими угодья, начались попытки отстроить разрушенные разрывами города и поселки...

Подлинная причина смерти кошмарной твари доныне людям неизвестна. Мы, своими глазами видевшие уничтожение этого существа, порожденного на свет неизвестными человеческому разуму силами, и косвенным образом способствовавшие его разрушению, поклялись молчать о том, что сотворилось в катакомбах под городом Ивелин. По сей же причине рассказы очевидцев не станут всеобщим достоянием, оставшись только лишь в этой летописи.

Истина, конечно, рано или поздно восторжествует, открыв подлинные обстоятельства минувших событий. Но сейчас никому не дано будет знать о том, что именно случилось 18-го дня второй осенней луны возле маленького про-

винциального города в Танасульском герцогстве. Так лучше и для нас, и для всех остальных людей в королевстве...»

*Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства, 1288 год*

Зловещий и ужасный Ямурлак, о котором на протяжении доброго тысячелетия ходило множество страшных историй, на деле оказался обыкновеннейшей землей, заросшей преимущественно хвойными лесами. Если, конечно, не обращать внимания на некоторые странности, творящиеся в этом забытом богами и людьми краю, надежно спрятавшемся в верховьях Громовой реки и закатных отрогах Немедийских гор... Впрочем, за последний месяц мы все перевидали такое количество странностей, что здешним обитателям придется очень постараться, чтобы нас по-настоящему удивить.

Впрочем, пока мы прошли по землям Ямурлака всего лигу или две, а потому трудно сказать, что ожидает нас впереди. Ведет наш маленький отряд Энунд, постоянно ворчащий оттого, что я не позволяю ему взлетать и он вынужден бежать пешком. Дорогу сюда грифон проделал в колеснице (что ему весьма понравилось), однако вместительную повозку пришлось оставить в пограничной деревне. На узкой лесной тропинке она бы непременно застряла. Когда — и если — мы вернемся, то захватим ее с собой.

Энунд колеблется в выборе решения — вернуть ли ему к своим сородичам или еще немного пожить среди людей. Его «долг», как он об этом постоянно толкует, состоит в том, чтобы как можно ближе изучить людское племя. Но самому Энунду хочется поскорее оказаться среди тех, кто родствен ему по крови. Я же полагаю, что грифон разрывается между страхом перед людьми и не-

уемым любопытством, и любопытство побеждает. Именно так я ему и сказал.

Грифон взъерошил перья на загривке, щелкнул клювом и ответил, что люди, как он уже многократно убедился, ничего в жизни не понимают... Это его обычный ответ, когда ему нечего возразить.

Энунд действительно самый настоящий грифон, родившийся в Ямурлаке. По грифоньим меркам он еще детеныш, по людским же ему около трехсот лет. Внешне Энунд похож на крупного льва, которому по недоразумению приставили большую орлиную голову, а для полноты картины привесили пару огромных крыльев. Энунд, как и многие его сородичи, сбегал из Ямурлака, когда на границе этой затерянной в лесах крохотной страны произошел выброс подземного огня. Убегая, он сломал крыло, угодил на земли одного из окрестных поместий, был изловлен и торжественно привезен в столицу. В качестве подарка для королевского зверинца.

Полагаю, туда его и следовало посадить... Зря я возражал. Сидел бы наш грифон в уютной клетке, придворные ходили бы на него любоваться, а у нас одной трудностью стало бы меньше. Ведь именно Энунд предложил прокатиться в Ямурлак, утверждая, что здесь обитает некто, хорошо осведомленный о зеленом огне.

Вот мы и едем. Компания у нас подобралась весьма странная (один грифон чего стоит!): глава немедийского Пятого департамента — сиречь тайной службы — Морадин, граф Эрде, сын подгорного гнома и женщины из рода людей, затем посланник из Пограничного королевства, он же тамошний капитан королевской гвардии — Веллан Бритуниец, который по сути своей настоящий оборотень. И я, очень скромно выглядящий на фоне сих экстравагантных личностей летописец

Аквилонского двора, Хальк, барон Юсдаль-младший. В отличие от всех вышеупомянутых персон, я самый обыкновенный человек — дворянин из Гандерланда.

...Сейчас мы сидим у небольшого, но очень яркого и горячего костра, готовим ужин и ждем от Ямурлакской земли необычных сюрпризов.

Энунд убедил меня и Мораддина, что за рубежами Ямурлака двуногим не угрожает никакой серьезной опасности — животные и разумные твари, обитающие в закрытых землях, не склонны нападать на людей и не считают человеческое мясо деликатесом. Веллан, однако, в это не верил.

Все время после событий в Ивелине наш оборотень был мрачен, раздражителен и хмур. Я не знаю, что вызвало у бритунийца подобную перемену настроения. Обычно Веллана нельзя было удержать от постоянных и зачастую излишних разговоров, развеселых шуток, а иногда и откровенных насмешек, проистекавших, правда, не от злости, но от природного жизнелюбия. Однако после приезда в Тарантию из Ивелина (а точнее, от его развалин) Веллан потерял былую веселость, стал угрюм и не слишком вежлив, а в вечер нашего прибытия сорвался и закатил настоящий скандал. Я и Мораддин полагали, что неприятности, пережитые Велланом в катакомбах, и гибель Эйвинда не слишком благоприятно воздействовали на непонятную людям душу оборотня. Именно поэтому Мораддин упросил Конана послать Веллана с нами в Ямурлак. Пускай отвлечется.

— ...Хальк, подай соль. — Граф Мораддин, как всегда, был невозмутим и деловит. Я удивляюсь этому человеку — Мораддин, что бы ни произошло, всегда позаботится о своих попутчиках, первым выберет место стоянки, заставит остальных насоби-

рать хвороста и разжечь костер, а сам начнет готовить еду.

Так получилось и сегодняшним вечером. Сиятельный граф Эрде перед закатом остановил наш маленький отряд возле полянки, окруженной пушистыми столетними соснами и какими-то совершенно непонятными растениями, несколько смахивающими на стигийские пальмы (чего только в Ямурлаке не встретишь!). Следуя приказам Мораддина, я и Веллан мигом разожгли огонь, а грифон Энунд встал на стражу. Грифоны способны чувствовать приближение опасности гораздо лучше оборотней, а уж тем более людей.

— Веллан. — Я повернулся к бритунийцу. — Помоему, соль должна быть в твоём мешке. Если не найдешь — жаркое будет пресным...

— Все равно, — поморщился Веллан. — Волки едят мясо несоленым, и их племя почему-то доньше не выродилось.

Пускай фраза Веллана и прозвучала безразлично, он все-таки нехотя потянулся к мешку, порылся в нашитых снаружи кармашках и вытащил из одного тяжелый холщовый мешочек. Мораддин выжидательно посмотрел на оборотня — крольчатина, шипящая на вертеле, была почти готова, и оставалось только пересыпать ее солью. Веллан уже протянул руку, но неожиданно его взгляд остановился на одном из камней, которыми мы обложили костер. Я и Мораддин, видя, что бритуниец буквально застыл, обратили свои взгляды туда же.

— Невероятно, — выдохнул граф Эрде. — Если я расскажу об этом в Университете Бельверуса, ученые мужи меня просто высмеют!

На камне сидела маленькая неприметная птичка, похожая на обычного соловья. Она совершенно не обращала внимания на брызжущие от костра искры и, казалось, с удовольствием поворачивала

голову к шипящему оранжевому пламени. Спустя мгновение птичка взмахнула крыльями и прыгнула в самый жар, в раскаленные до багровости уголья.

Небольшие — с ладонь — крылышки развернулись, и птица превратилась в сияющий багрово-золотым светом огненный силуэт, словно впитывающий в себя пламя костерка. Птица не горела — у меня создалось впечатление, что она искренне наслаждается палящим жаром и огненными языками. Она превратилась в одну из составляющих огня, одновременно растворившись в нем и сделав его собой...

Это небывалое зрелище продолжалось совсем недолго. Птичка снова хлопнула крыльями, взлетела из самого центра костра и, оставив за собой легкий огнистый след, исчезла в темноте леса. Мораддин недоумевающе повернулся к Энунду. Грифон, с царственным видом возлежавший на огромной мшистой кочке, только вздохнул.

— Ну любят они открытый огонь, — муторно пояснил Энунд и раздраженно дернул хвостом с кисточкой на конце. — Эта птица у людей иногда называется фениксом, а у нас в Ямурлаке ее именуют огневкой. Чему вы удивляетесь?

— Чему? — переспросил я. — Я всегда полагал, что фениксы — сказочные существа!

— Сказочные? — усмехнулся грифон. — Хочу заметить, месьор Хальк, что твоя первая ночевка в Ямурлаке еще не преподнесла других, более неприятных сюрпризов...

— Постой, постой, — неожиданно оживился Веллан. — Если я правильно помню, феникс суть знак основателя Аквилонии, святого Эпимитриуса. В легендах эта птица выглядит огромной и очень красивой. А тут что? Жалкая пичужка с серыми перьями!

— Легенды, — недовольно проворчал грифон. — И прочие сказки... А среди грифонов, например, ходит легенда, будто люди созданы только для того, чтобы убивать других разумных существ. Правда, я в последнее время убедился, что это не совсем так. Однако кое в чем легенда верна — несколько тысяч лет назад вы очень нехорошо поступили с альвами...

Мораддин и Веллан промолчали, так как оба были не совсем людьми, а я, поняв, на что намекает Энунд, поторопился заступиться за род человеческий.

— Когда хайборийцы пришли на земли этого континента, — патетически начал я, — альвы встретили людей огнем и мечом! Я не думаю, что наши немногочисленные племена не смогли бы поделить все обширнейшие земли, коими теперь владеют скипетры закатных государств. Альвы сами напросились!

— То же самое они говорят про людей, — бесстрастно ответил грифон, глядя, как Мораддин снимает жаркое с вертела. — Я имею в виду тех альвов, которые уцелели после хайборийского нашествия...

Наверняка оборотень из Пограничья и граф из Немедии плохо понимали, о чем мы спорим с Энундом. Еще во время обучения в Университете я интересовался списками со старых хроник, повествующих о пришествии хайборийцев на закат. Бессмертный народ альвов, сотворенный прежде Валузии и Атлантиды, обитал на землях континента, граничащих с океаном, с самого начала мира. Люди вытеснили альвов на север, а другие Бессмертные, не пожелавшие оставаться в землях людей, ушли неизвестно куда. Сейчас мы знаем, что небольшие поселения альвов сохранились на полуночи Киммерии и в горах, отделяющих владения варваров-горцев от Нордхейма. Альвы очень редко общаются с людьми, почитая их за непримиримых

врагов своего рода, но неужели альвы сохранились и в Ямурлаке? Конечно же, я сразу задал Энунду вопрос об этом народе.

— Есть у нас альвы,— вздохнув, проговорил грифон.— Только какая-то странная сила изменила их, превратив в маленький и злобный народец, ненавидящий других разумных существ. Ведь ты, наверное, знаешь, что Изначальные альвы были высоки и прекрасны собой, как лучшие из людей?

Я, несомненно, помнил о записях в самых древнейших хрониках. Действительно, народ альвов внешне походил на Детей Митры — род человеческий. Только Бессмертные были несколько выше ростом и гораздо красивее...

Но все это относится к непроверенным и малоизвестным большинству людей преданиям о глубокой древности, когда черты Хайборийского материка были совсем иными, Кезанкийские горы именовались Туманными, а на месте моря Вилайет якобы находился огромный лесной массив, называемый Сумрачным лесом. Прошло множество тысячелетий...

Внезапно грифон прервал свою речь и застыл, глядя куда-то за спину Мораддина, разделявавшего мясо на плоском камне. Веллан, отлично видевший в темноте, с открытым ртом уставился туда же, в глубину темного, наполненного странными ночными звуками, волшебного леса

— А-а! — Энунд совершенно по-человечески махнул лапой.— Не бойтесь,— после этих слов даже Мораддин обернулся, и правая рука немедийца потянулась к кинжалу на поясе. А я до рези в глазах начал всматриваться в темноту.— Это насквозь безобидное существо, только вечно голодное... Может быть, у нас найдется лишний кусочек?

Я впервые увидел, как негибемый граф Эрде шарахнулся в сторону с выражением страха и

недоумения на лице. Веллан приподнялся и положил ладонь на рукоять меча. Честно признаться, тут было чему испугаться...

Из-за толстенной седой ели на полянку, освещенную костром, медленно выползла тварь, какую и в кошмарном сне не всякий раз увидишь. Представьте только: по низкой травке и синева-зеленому мху на вас движется громадный паук о восьми ногах, но, единственно, у него вместо туловища самая обыкновенная человеческая голова. Волосатые острые ноги росли из основания черепа и подбородка головы, оканчиваясь черными плоскими коготками. Голова медленно приблизилась к костру и, настороженно посмотрев на безмятежного грифона, обратилась к графу Эрде:

— Извини, почтенный, я вижу, вы мясо жарите?..

— Ну... ага,— оторопело кивнул Мораддин.— А тебе что за дело?

— Давно не пробовал жареного мяса,— вздохнула голова. Судя по лицу, я мог бы сказать, что странное существо было в родстве с пиктами — смуглая кожа, жесткие темные волосы и серые, немного раскосые глаза.— Может, дадите немножко?

— Самим мало,— сварливо проворчал грифон.— Катись отсюда! Здесь гости Ямурлака, а ты сам знаешь, что попрошайничать у гостей неприлично!

— Всегда вы так,— смущаясь, пробормотала тварь на паучьих ногах и попятилась.— А я есть хочу... Ночь сегодня темная, полевков или крыс не поймать... Ну дайте хоть немножко!

Мораддин, отойдя от первого изумления, глянул на Энунда и, не дожидаясь ответа вальяжного грифона, отрезал от жаркого небольшой кусочек и осторожно бросил на траву.

— Бери,— предложил граф.— Только больше не проси.

— Зря, — слышался голос Энунда. — Их сейчас с полсотни сбежится. И все голодные. Не бойтесь, вас они есть не будут, но без ужина точно оставят. Эй, восьминогий, кыш отсюда!

Жутковатое создание пискнуло что-то (судя по тону, благодарственное), мгновенно подхватило мясо зубами и, прошуршав по палой листве длинными паучьими ногами, исчезло в темноте. Однако на этом сюрпризы не кончились — Ямурлак продолжал удивлять нас своими чудесами.

Едва Мораддин и Веллан разрезали жаркое и хлебные лепешки, а также отворили большую баклагу с пуантенским вином, подаренным нашему отряду герцогом Просперо, с неба (в буквальном смысле этого слова) свалилась очередная напасть, оказавшаяся, впрочем, удивительно незлобивой, как и большинство обитателей Ямурлака... Наверное, существ привлекал свет костра.

На траву с размаху грохнулся, прилетев неизвестно откуда, необычный зверь. Внешне он напоминал каменное изваяние сказочного чудовища, которыми обычно украшают храмы Митры. Только он был прозрачен, будто стеклянная статуэтка, да еще светился голубоватым холодным огнем. Мораддин и Веллан снова шарахнулись в стороны, да и я был грешен — от неожиданности отскочил за спину Энунда. Грифон остался спокойным и даже не пошевелился.

— Это сармак, — пояснил Энунд. Никто, само собой, не понял, что это: название породы или собственное имя существа. — Он не разумен, однако очень любопытен. Питается цветными камнями — такие встречаются в наших горах к полуночи. Ему просто интересно видеть все новое.

Сармак был размером с некрупную охотничью собаку, которой по чистому недоразумению приставили крылья, как у летучей мыши. Он, встав на

четыре прозрачные когтистые лапы, обошел костер, старательно обнюхал наши вещи, ткнулся острым носом в мой пояс и, попытавшись откусить рукоять меча, сломал клык. Этот клык, похожий на острую стекляшку, я немедленно спрятал в свой кошелек — на память о Ямурлаке.

Потом сармак исследовал наших лошадей, отнесшихся к нему довольно безразлично, сунулся в Мораддинов котелок, попытался оцарапать коготками сапог Веллана и, наконец, успокоился, устроившись прямо на мешке с моими теплыми вещами. Создалось впечатление, что на тючке лежит невероятно красивая хрустальная статуя.

— Вы ему понравились, — с усмешкой в голосе проворчал Энунд. — Теперь не отвяжется. Только иногда слетает в горы подкрепиться. Так и будет за нами ходить.

— Забавное животное, — сквозь зубы процедил Веллан. — Энунд, а после полуночи нам следует ждать в гости дракона?

— Или вампира? — предположил я. — А может, каменного великана или гарпию?

— Драконов давно перебили люди, — с сожалением в голосе сказал грифон. — Вампиры в Ямурлаке не водятся. А гарпии ночью спят. И вообще, почему вы такие пугливые? Я сколько раз повторял — в Ямурлаке не живут опасные существа! Люди боятся жителей лесов только из-за их необычного вида. Между прочим, любой человеческий король Заката наверняка отдал бы целую гору золота, чтобы заполучить такого вот сармака себе во дворец в качестве необычной потешки. Давайте ужинать, в желудке урчит...

Прозрачный сармак, словно подтверждая слова Энунда, коротко пискнул и свернулся калачиком на моем мешке. Стекловидные крылья плотно укрыли его тело, а радужные отсветы луны и ко-

стра поигрывали на украшавших хребет маленьких шипах.

Мы расселись у самого огня, принявшись за еду. Меня терзала одна мысль: как можно было много столетий жить рядом с землей, наполненной невероятными чудесами, и ничего о ней не знать? Фениксы, грифоны, сармаки и прочие разумные и неразумные удивительные твари, сохранившиеся с довалузийских времен, были вовсе не врагами человека, но милыми и забавными существами, которых мои родичи-люди боялись лишь потому, что они насквозь чужие... Энунд утверждает, будто в Ямурлаке ни мне, ни Морадину, ни Веллану не грозит опасность, и, пожалуй, он прав. Если все закончится хорошо и мы вернемся в город, я попытаюсь уговорить короля Конана приказать ректору тарантийского Университета послать в Ямурлак ученых мужей, чтобы изучить и описать всех здешних животных, сохранявшихся неизменными за магической стеной бессчетные века. Думаю, отчет университетских мудрецов потрясет всех ученых Закатных стран...

Но пусть ответят великие боги или хоть кто-нибудь: почему рухнула волшебная преграда? Почему зеленое подземное пламя сумело испепелить невесомую, но действенную защиту Ямурлака? И каким образом подземный огонь связан с этими закрытыми землями?

Вот для того, чтобы получить ответы на эти вопросы, король Конан и послал меня, Морадина и Веллана в Ямурлак. Энунд просто сопровождает нас, а заодно охраняет и ведет к нужному месту — обителицу древнейшего жителя этих краев.

* * *

«Бывают победы, больше похожие на поражения».

Эта фраза, некогда вычитанная в трактате по военному делу, застряла у меня в голове и упорно не желала никуда уходить. Она преследовала меня с того самого дня, когда над Ивелином взметнулся огненный вращающийся смерч, и билась в ушах всю дорогу до Тарантии. Она и не подумала исчезнуть, когда голубиная почта принесла из Бельверуса радостное известие: подземный зверь, губивший население земель Немедии, внезапно сгинул неизвестно куда.

А объяснить свое непреходящее тревожное предчувствие я не мог.

Мы вернулись невредимыми, если не считать совершенно непонятного нападения на постоялом дворе деревушки Артен. То ли нам действительно сопутствовало благословение богов, то ли так сложились обстоятельства, но мы победили. Поднявшаяся из неведомых глубин тварь была уничтожена.

Тогда почему же меня не оставляет смутное беспокойство? Я бы не удивился, если б подобное мрачное настроение овладело только мной (я вообще склонен порой преувеличивать размеры грозящей опасности), однако каждый из нашего маленького отряда в той или иной мере предполагал незавершенность нашего дела. Даже Энунд, который не покидал столицы и обо всем знал только из наших рассказов.

Кажется, я понимаю, отчего впал в мрачность Веллан. Для любого живого существа — неважно, человека или оборотня — испытание, выпавшее на долю бритунийца, оказалось бы чрезмерным. Кроме того, он явно решил взвалить на себя всю тяжесть вины за гибель Эйвинда. Что было ошибкой — каждый сам выбирает свою судьбу. Асир знал, на что шел, когда вызвался остаться в катакомбах. Мне тоже очень жаль его, и я считаю случившееся в высшей степени несправедливым. Од-

нако прошедшего назад уже не вернуть. Эйвинд погиб, и нам остается только хранить память о нем...

Тарантия встретила нас суматохой, грозившей перерасти в неуправляемую панику и повальное бегство жителей из столицы. Срочно вызванные герцогом Просперо конногвардейские полки и вооруженные отряды тайной стражи барона Гленнора с трудом поддерживали порядок на улицах, охраняли канцелярии и гонялись за мародерами, грабившими брошенные лавки. В глаза не видевшие короля кавалеристы, выставленные на стражу у закатных ворот Тарантии, с трудом пропустили его в город — Конану пришлось наорать на капитана, а в доказательство своей личности предъявить королевскую цепь и тяжелый кругляш с государственной печатью.

На улицах к нашему отряду отнеслись весьма недоброжелательно. Плебс, почти вышедший из подчинения, что-то кричал вслед четверым дворянам, а когда в толпе раздался возглас: «Это же он, проклятый варвар!», в Конана полетел гнилой капустный кочешок. К счастью, неизвестный злоумышленник промахнулся, тем самым сохранив себе жизнь, — король был очень недоволен всем сущим, и бросился бы с клинком на любого обидчика.

Во дворце мы обнаружили пустые покои (большинство придворных бежали из столицы). Замок наполняли лишь офицеры гвардии, по-прежнему стоявшие на своих постах. Встретивший нас Палландид не замедлил сообщить, что золото из подвалов вывезено в Пуантен, главные сокровища короны тоже, а Его светлость канцлер Публио так спешил уехать из Тарантии, что даже позабыл прихватить свою молоденькую любовницу... В замке остались лишь герцог Пуантенский, несколько цензурионов из военной канцелярии да незаменимый

барон Гленнор, вместе с Просперо пытавшийся сохранить престиж государственной власти в глазах подданных.

И естественно, дворец не покинули грифон из Ямурлака, а также прекрасная фаворитка короля, графиня Эвисанда.

Герцог, которому кто-то из личной стражи сообщил о прибытии монарха в город, немедленно примчался в апартаменты Конана, в тот момент, когда он сбросил дорожную одежду и переодевался.

— Государь! — Просперо едва не сбил меня с ног, вихрем ворвавшись в комнату короля. Я и Морадин тоже находились в опочивальне, обсуждая срочный эдикт, который должен был издать Конан, — указ об отмене осадного положения в Тарантии. — Все-таки ты живой!

— Сам видишь, — проворчал король. — Как дела?

— Честно признаться, мерзко, — покачал головой герцог и опустился (а скорее просто упал) в кресло. Действительно, Просперо был бледен, а под его глазами ясно виднелись коричневатые круги. Интересно, когда он спал последний раз? — Жители паникуют, дворянство бежит из страны на полдень, и даже на обоз канцлера произошло нападение!

— Так ему и надо, — жестокосердно ответил Конан. — С казной все в порядке?

— Разумеется, мой король. Черные Драконы отбились с честью. А кроме всех бед три дня назад случилось небольшое землетрясение и был слышен гром на закате...

— Наша работа, — встрял Морадин. Немедийский граф стоял возле камина и потягивал вино. — Милорд герцог, срочно вызывайте писаря и герольдов. Нужно объявить в городе, что подземное чудовище погибло.

Я, сообразив, что никак нельзя упускать такую возможность, схватился за чернильницу, висящую у пояса, и вынул из-за пазухи футляр с перьями и пергаментными свитками. Отличный случай представляется — самому написать исторический документ, который наверняка войдет в анналы царствования короля Конана!

— Пойдите, пойдите. — Просперо подался вперед. — Как — погибло? Вы его убили? То есть недавнее землетрясение...

— Именно, — кивнул Конан. — Неужели вы все видели?

Просперо с пятого на десятое рассказал, что вечером третьего дня, ближе к шестому колоколу, на закате от столицы вдруг мелькнула яркая вспышка, спустя несколько мгновений земля затряслась, и послышался отдаленный раскат грома. Наиболее остроглазые гвардейцы смогли углядеть с главной башни замка, как вдалеке поднимается в небеса черное бурлящее облако. Ветрами тучу отнесло на полдень, а по городу немедленно пошла слухи, будто один из богов спустился на землю.

— Очень хорошо, — неожиданно просиял король. — Пускай в народе так и думают. Хальк, запиши в эдикт: «Милость Митры нас не оставила. Солнцеликий пришел с неба и все исправил. Больше зеленого огня не будет».

— Так эдикты не пишутся, — возразил я. — Плохо звучит. Невнушительно...

— А-а! — Конан едва не сплюнул прямо на блестящий паркет. — Делай как знаешь. Только чтобы смысл не менялся.

Вот так и получилось, что указ о снятии военного положения в столице и сообщение о гибели явившегося с полуночи чудовища писал именно я. Конан потом лишь чиркнул пером внизу и, поды-

шав на печать, приложил ее к пергаменту. Паллантид, прибежавший на зов короля, немедленно отнес эдикт, на котором еще не просохли чернила, к глашатаям (самая неблагоприятная должность при дворе. Во всех просчетах короля виноват именно герольд — он приносит дурную весть обывателям и частенько страдает от их недовольства...).

Когда Паллантид ушел, сжимая в руках бесценный для меня, гордеца, свиток, Конан немного облобелыми глазами осмотрел нас с Морадином и спросил:

— Ребята, а где Веллан?

— Спать пошел, — пожал плечами граф Эрде. — Я бы на его месте сейчас поступил так же. С какой стати подданный короля Немедии должен обихаживать аквилонского владыку? Или у тебя, дорогой друг, своей головы на плечах нет?

— Хорошо, хорошо, — поморщился Конан. Сейчас Его Величество уже переоделся в костюм, стилизованный под простонародный — рубаха с коротким рукавом и белые льняные штаны, — и походил не на короля великой державы, а на самого обычного варвара. Впрочем, Конан всегда был таковым и не собирался меняться. — Морадин, Хальк, идите отдыхать. Если проснетесь к ужину — жду вас у себя... Хальк, задержись.

Я обернулся на зов короля. Конан, выглядевший предельно усталым и вымотанным, спокойно посмотрел мне в глаза и тихо проговорил:

— Будешь проходить мимо бассейна — скажи банщику, чтобы как можно быстрее приготовил горячей воды. И пожалуйста, разыщи Эвисанду... передай, чтобы пришла к термам.

— Хорошо, — кивнул я. Конечно, дворянину не пристало бегать по поручениям, как последнему слуге, однако сейчас я мог сделать для нашего

монарха — варвара, престолюдина и авантюриста, но в то же время человека, своей решительностью и благоразумием спасшего страну, — все что угодно. Хочет, чтобы к нему пришла Эвисанда? Прекрасно, я ее позову, даже если придется перевернуть с ног на голову весь дворец. Белокурая красавица Эви способна утешить короля и вернуть ему обычную жизнерадостность лучше нас всех вместе взятых.

Все-таки Конан из Киммерии — очень хороший человек... Но почему мы с такой готовностью бросаемся выполнять его просьбы? Только потому, что он — наш король? Или потому, что каждый из нас твердо уверен: случись что-нибудь, с чем мы окажемся не в состоянии справиться, — мы всегда можем рассчитывать на любую его помощь? Или по какой-то другой, неизвестной мне, но очень важной причине?..

* * *

Скромный ужин, на который были приглашены только самые близкие друзья, Конан устроил в малой трапезной незадолго до полуночи. Я и Мораддин уже успели сходить в баню, Конан, которому хватало для сна совсем немного времени, выглядел посвежевшим и веселым, Паллан-тид и Просперо явились в лучших нарядах, грифон Эунд пригласил себя сам, а графиня Эвисанда, как обычно, блистала неземной красотой и подаренными Конаном бриллиантами... Ждали одного Веллана.

Оборотень явился после повторного приглашения. Посол Эрхарда был угрюм и неразговорчив, от еды отказался и сразу налег на темное тауранское пиво. В результате чего напился до зеленых демонов в глазах, прежде чем остальные успели отведать первую перемену.

Барон Гленнор — начальник нашей тайной службы (и фактически третий человек в стране после короля и канцлера) — на ужин не явился, хотя его тоже приглашали. Могу сказать, что таинственный Гленнор очень редко приезжал в Тарантию из своего загородного дома, и только последние события, связанные с появлением зеленого пламени, заставили барона прибыть в столицу. В то же время месьор Гленнор ни разу не предстал перед королем, общался только с герцогом Просперо и продолжал оставаться одним из самых загадочных людей королевства. Честно говоря, я, как библиотекарь и летописец-любитель, успел познакомиться со всеми дворцовыми служащими и дворянами короля, но начальник тайной службы был неуловим. Я неоднократно пытался напроситься к нему на прием, мотивируя свои претензии сообщениями о якобы раскрытых чужеземных конфидентах (благо таковых при дворе как Нумедидеса, так и Конана было довольно много), но господин барон всегда отказывал или предлагал через посланников отправить мои сообщения письмом.

Полагаю, что барону Гленнору было бы безынтересно познакомиться со своим коллегой по службе из Немедии — графом Морадином... Меня весьма удивляло, что Мораддин (вроде бы подданный соперничающего с Троном Льва короля) так хорошо и благорасположенно относится к нашему варвару Конану. Безусловно, всем нам было известно, что Конан и граф Эрде — старые и добрые приятели, немало пережившие во времена их прежних приключений. Однако я и предположить не мог, что начальник Пятого департамента Немедийской канцелярии (самое доверенное лицо короля Нимеда!) станет помогать аквилонскому владыке, будто родному брату. Надо думать, в прошлом у

них на самом деле была настоящая душевная дружба и минувшее наложило на Конана и Мораддина определенный отпечаток — они остались друзьями навсегда. Нам, циничным и постоянно опасаящимся чужих интриг аквилонским дворянам, подобного не понять...

— Веллан, может, тебе хватит пить? — Конан озабоченно посмотрел на бритунийца, у которого уже давно затуманились глаза и появилась сильная икота. — Давай я отправлю с тобой двоих гвардейцев проводить до комнаты. И ты ляжешь спать...

— Отвали, — пьяным голосом огрызнулся оборотень из Пограничья. — Я имею право сегодня напиться! Ты не видел того, что видели мы с Эйвиндом... Пусть его душу упокоит Митра!.. Конан, я боюсь... Смертно боюсь.

Госпожа Эвисанда недовольно посмотрела на Веллана, наверняка испугавшись, что он испортит вечеринку. Оборотень, однако, продолжал, не замечая устремленных на него тревожных взглядов:

— Конан, это только начало... Ведь в горах Граскаала уцелела та главная тварь, что выпустила своих отпрысков, отправившихся крушить твою страну и Немедию! Конан, дорогой, рассуди: если случилась одна беда, непременно должна стрястись и вторая! Куда, по твоему мнению, уходили измененные люди? Кстати, ты не ждешь через две-три луны появления с полуночи армии чудовищ, направляемых не известным никому волшебником?

— Веллан, — осторожно начал Мораддин. — Я очень прошу тебя: помолчи. Завтра мы обсудим твои предположения, а сейчас тебе лучше отправиться спать. Мы, конечно, очень жалеем Эйвинда, но, видимо, такова была его судьба. Вел, пойми, что потери, пусть даже и самых близких людей, можно пережить... Это ведь жизнь, а она порой слишком жестока.

Неожиданно послышался металлический голосок грифона, лежавшего возле стола и обгладывавшего специально принесенное для него свиное бедро:

— Правильно граф говорит. — Энунд оставил кость, сел на задние лапы и посмотрел умными желтыми глазами на короля, а затем на Веллана. — Когда подземный огонь появился возле границ моей страны, некоторые мои родичи попали в зеленое облако и умерли. Нас, грифонов, осталось совсем мало, от силы тысяча. Вы не можете понять, что для грифонов значит потеря хотя бы одного существа из нашего рода. Вас, людей, гораздо больше...

— Слышать ничего не желаю!! — внезапно заорал Веллан и рывком поднялся с кресла. — Катитесь вы все в задницу! Вы не понимаете, что происходит! Ладно, я не буду портить вам праздник, а пойду к главным воротам замка — охранять вас всех! Может быть, я, существо из племени Карающей Длани, смогу почувствовать, как приближается подземное чудовище!

Графиня Эвисанда замерла, не донеся до рта свежий розовато-желтый персик. Конан вскочил со своего сиденья, забыв бросить обратно на блюдо надкушенную гусиную ножку. Единственно, Мораддин оставался невозмутим и даже не сделал ни одного лишнего движения.

Разозленный и пьяный Веллан сорвал с себя тунику, сбросил сапоги и начал снимать рубаху. Я сидел рядом с посланником Эрхарда и поэтому предпочел быстро встать и отойти в сторону — кто знает, что сейчас случится? Почему-то мне казалось, что ничего хорошего...

Веллан через голову стянул нательную белую рубашку, обнажив мускулистое тело, достойное быть образцом для лучших аквилонских ваятелей из мрамора, и с ним начало происходить нечто удивительное и пугающее. По крайней мере для меня. Я

прежде никогда не видел оборотней воочию, и не думал, что превращение человека в волка выглядит настолько чудовищно.

Фаворитка короля с визгом бросилась в угол комнаты, Конан схватился за кинжал (я и предположить не мог, что король может убить своего друга, и это действие было, скорее всего, инстинктивным), а граф Мораддин просто отодвинул свое кресло в сторону. В его руке был зажат хрустальный бокал с вином, а глаза, как, собственно, и всегда, выражали безмятежное спокойствие. Видимо, граф Эрде, сам будучи человеком лишь наполовину, прекрасно понимал чувства нелюдей. Слово «нелюдь» я употребляю здесь в хорошем смысле...

Паллантид и Просперо тоже на всякий случай отошли в сторону, а герцог Пуантенский настороженно поглядывал в сторону повелителя. Мало ли, прикажет связать или вовсе прикончить оборотня. Гвардейский центурион Паллантид, конечно, положил ладонь на рукоять меча (благо ранее таких чудес никогда не видел), но был спокоен и ждал лишь приказа от своего короля Конана. Я всегда удивлялся, насколько вышколены дворцовые гвардейцы, — пусть перед ними явится сам Владыка Ночи Сет, без королевского слова они не сделают даже лишнего движения.

Веллан превратился в зверя довольно быстро. Мы молча наблюдали, как пьяный бритуниец неуклюже падает на пол, сворачиваясь калачиком и судорожно дергаясь. Его длинные светлые волосы, выскользнувшие из-под удерживающей их кожаной ленты, отливали ярким золотистым блеском, на глазах превращаясь в шерсть животного...

Вначале человеческая сущность оборотня уступила место страшному чудовищу, лишь отдаленно похожему на существо людского рода. Человеко-

подобный монстр с волчьей головой, страшными когтями на пальцах и покрытый жестким серым ворсом постепенно изменился в обыкновеннейшего, очень красивого серебристо-белого волка. Это на самом деле был настоящий волк: острая собачья голова, длинный темно-серый с серебришкой хвост, мощные когтистые лапы и замечательная пушистая шкура.

Мы все сбились в кучку — я и Мораддин впереди, за нашими спинами обнаживший меч Паллантид и Просперо, а за ними Эвисанда, тихонько вскрикивавшая от страха, — графиня тоже впервые видела превращение оборотня. Король Конан стоял впереди, убрав правую руку с оружия.

— Ну зачем тебе это было нужно? — Конан опустился на корточки рядом с лежавшим зверем и обеими руками взъерошил шерсть на его загривке. Веллан-волк слегка приподнял верхнюю губу, показав ровные белые зубы, и тихо зарычал. — Вел, ты же знаешь: твоя потеря — наша потеря. Мы тоже сожалеем о гибели Эйвинда. Но твоей вины в его смерти нет!.. Послушай, Веллан, ты сейчас находишься в моем дворце. Я король. Я здесь самый главный. Давай я, как король, дам тебе приказ. Хорошо?

— Р-р-р. — Веллан серьезно посмотрел на Конана яркими глазами. Глазами оборотня — человека и волка одновременно. Видимо, я никогда не привыкну к мысли о том, что насмешливый и несколько легкомысленный бритуниец — одно целое с опасным хищным зверем. — Уау! Р-р...

— Отлично, — спокойно сказал Конан. — Иди куда хочешь. Можешь посторожить вместе с гвардейцами, я их предупрежу. Хочешь — возвращайся в свою комнату, хочешь — оставайся с нами. Только помни одно: аквилонский король и обычный человек, которого зовут Конан из клана Канах, тебя

любит как друга и никогда не сделает тебе плохого. Согласен?

Барвар поднялся на ноги, еще раз проведя широкой ладонью по спине волка, и вопросительно посмотрел на Веллана. Оборотень коротко рыкнул, вяло помахал хвостом, развернулся и медленно пошел к двери, ведущей в галерею второго этажа замка. Спустя несколько мгновений огромный серо-серебристый волк беззвучно исчез в темноте коридора. Энунд, оставив свою косточку, поднялся и направился вслед за ним.

— Эй! — выкрикнул Конан, оглянувшись. — Дворецкий здесь?

— Разумеется, Ваше Величество, — из-за двери, ведущей к замковой кухне, выглянул степенный и толстый старик в темной одежде дворцовых слугах. — Что будет угодно королю?

— Отнесите эту одежду в комнаты Его светлости посла короля Пограничья, — Конан, изобразив Величественный жест, показал рукой на одеяния Веллана-человека. — И кроме того. Во дворце разгуливает крупный пес серебристой масти, удивительно похожий на волка. Не вздумайте его трогать — это моя собака. Пускай ходит где желает. Никто из стражи не имеет права даже пальцем прикоснуться к собачке!

— Слушаюсь, Ваше Величество, — бесстрастным голосом ответил дворецкий и, пятась, подошел к дверям. Когда он скрылся за створками, я различил приглушенный голос, обращенный к капитану стражи и лакеям:

— Король требует, чтобы находящаяся в замке собака, схожая с волком, была невредима! Попробуйте хоть косо посмотреть на любимца нашего владыки!

Я понял, что Веллану в тарантийском дворце ничто не угрожает. Охранники подчинятся прика-

зу короля: собаку не обижать и соблюдать спокойствие. Надеюсь, Веллану ничего не взбредет в голову и он не вздумает кого-нибудь покусать...

И все же подобное возможно только в Аквилонии — пьяный оборотень в волчьем облике шастает по королевскому дворцу одного из самых блистательных государств Закатного материка! Жуть берет!..

* * *

Из-за Веллановской выходки вечер был безнадежно испорчен. Естественно, веселиться уже никому не хотелось, и разговор сам собой перешел на события последних седмиц. Ужин фактически превратился в заседание Государственного Совета. Бедная графиня Эвисанда начала откровенно зевать, когда Просперо начал выкладывать Конану все сведения по налоговым сборам и непонятные для остальных цифры.

— Хорошо, — ворчал король. — Отправляй в Боссонию обозы с продовольствием, только, пожалуйста, выбей с тауранских купцов деньги на охрану... Цены должны быть самые низкие. Зеленый огонь появился как раз в дни, когда снимались остатки урожая...

— Да, владыка. — Герцог помечал что-то в свою книжечку. — Полуночным областям страны может грозить голод этой зимой. И я думаю, надо немедленно провести перепись жителей Боссонии и всех пострадавших от подземного огня графств. Должны же мы знать, сколько людей потеряно!

Я повернулся к Моррадину и Паллантиду — эти двое мигом нашли общий язык и теперь обсуждали достоинства и недостатки организации гвардейской службы в Немедии и Аквилонии. Граф Моррадин встретил в лице королевского капитана

достойного собеседника, отлично разбиравшегося в военных вопросах.

Эвисанда, слегка опьяневшая, взяла лютню и тихонько, чтобы не мешать другим, напевала грустную балладу о менестреле, убитом богатым сеньором. Мне поболтать было не с кем. Я решил раскланяться да отправиться спать. Завтра придется полный день трудиться, заноса в хронику рассказ о последних событиях...

— Эй, вы! — послышался от двери нечеловеческий голос грифона. Энунд, проследив за Велланом, наверное, удостоверился, что оборотню ничего не угрожает, и вернулся в трапезную. — Я, кажется, к вам обращаюсь!..

У этого древнего ямурлакского чудовища весьма относительные представления об этикете, однако на грифона никто во дворце не сердится — все считают его игрушкой короля и пропускают колкости Энунда мимо ушей.

— Чего тебе? — прошипел я, взглянув на грифона. — Где Веллан?

— Сидит во дворе и воет на луну, — со смешком в голосе ответил Энунд. — А если серьезно — гуляет по замку, изредка поднимая ногу у колонн... Напоили вы его.

— Великий Митра! — Король отвлекся от разговора с Просперо. — Теперь весь дворец провоняет собачьей мочой!

— Помолчи, пожалуйста, — бесцеремонно скрипел грифон, оборвав короля. — Я вспомнил одну вещь. Раньше я ей никогда не придавал значения, но после слов человека из Бритунии о том, что опасность остается, пришлось поразмыслить.

— Говори, — устало вздохнул Конан. Наверняка король решил, что грифон начнет обвинять всех присутствующих в грехе пьянства.

Энунд, проскрежетав когтями по паркету, подошел к столу, запрыгнул на свободный диванчик, который едва не сломался под его тяжестью, улется, положив орлиную голову на лапы, и обвел людей многозначительным взглядом.

— Я знаю, кто может рассказать вам про зеленый огонь, — сообщил грифон. — Это существо зовут... — Энунд запнулся, а потом с трудом выговорил: — Тлаочауака. Или просто Тач. Он самый старый житель Ямурлака. Тач очень большой, живет у нас с довалузийских времен и почти никогда не выходит из своей пещеры. Тач абсолютно неопасен — он потерял все зубы давным-давно, а его магическое умение со временем почти исчезло. Как старейшего, Тача в нашей стране все уважают и очень часто ходят за советами. Я уже намекал господину Хальку, будто несколько тысяч лет назад случилось нечто наподобие недавних событий... Если спросить обо всем у Тача, он вспомнит.

— Вот как? — озадаченно потер лоб Конан. — А кто он такой, этот твой Тла... Толч... ну, в общем, зверь, о котором ты говоришь?

— Старейший, — невразумительно проговорил Энунд. — Большой. Я не знаю, как этих существ называть по-людски. Хотите — поезжайте к нему, расспросите. Может быть, Тач подскажет, как быть дальше.

— Но ведь бедствие миновало, — возразил герцог Пуантенский. — Наша тварь погибла, в Немедии тоже вдруг все стало тихо. словно немедийский зверь испугался гибели собрата... Конечно, было бы интересно поспрашивать древнее чудовище о том о сем, но не сейчас. В стране дел неупророт!

— Погоди, погоди, Просперо, — скривился Конан. — А вдруг подземная зверюга снова появится? Веллан мог оказаться прав...

И вот тут я решил взять дело в свои руки. Да кому из смертных за последние несколько столетий удавалось побывать в заколдованной стране на полуночи Боссонии?! Какой материал для летописи! Нет уж, подобной возможности я не упущу, чтобы там не твердил всемогущий фаворит короля!

— Ваше Величество,— я умоляющим взглядом посмотрел на Конана,— мой король, по-моему, Энунд говорит правильно. В Ямурлак необходимо поехать!

— Я не могу,— удрученно покачал головой Конан.— Если я опять надолго исчезну из столицы, то, когда вернусь, обнаружится, что на трон уселся какой-нибудь дворянчик, а гвардия мне изменила...

Паллантид обиженно засопел и хотел было вступить за честь своего полка, но Конан остановил его жестом руки.

— Послушайте,— заявил король.— Кто у нас больше всех бездельничает? Правильно, барон Юсдаль. Он сам хочет поехать в Ямурлак? Пускай едет. Вернется — хорошо, не вернется — еще лучше... Жить будет спокойнее.

— Издеваетесь, да? — Сстроив мрачное лицо, я повернулся к Конану.— Вот и не надейтесь, я вернусь, а вы все умрете от зависти!

— Кроме меня,— слышался спокойный голос Морадины.— Я, пожалуй, тоже отправлюсь с месьором Хальком. Мне интересно.

— Зачем? — не понял Конан старого приятеля.

— Посмотреть,— развел руками граф Эрде.— Ты знаешь, что я любознателен.

— Даже слишком хорошо,— усмехнулся король.— Если бы не твоя любознательность, мы бы лет пятнадцать назад не провалились сквозь дырку во времени и не очутились в Пагане!

Старая история. Мне однажды сам Конан ее рассказывал. Так, значит, он вдвоем с Морадином отыскал таинственный алтарь Бога Времени Лангола и совершил путешествие в маленькую империю на самом краю света?! Надо будет по дороге расспросить графа Эрде поподробнее об этом давнем приключении нашего монарха... Между прочим, Конан уверял меня, что сейчас наследником трона Пагана наверняка является его отпрыск.

— Да езжайте вы куда хотите! — отмахнулся король.— Хоть завтра! Просперо, распорядись, чтобы Морадину и барону Юсдалю выдали лошадей и припасы.

— Без меня они заблудятся,— уверенным голосом сказал Энунд.— Я тоже отправлюсь. Только одна беда — летать не могу, крыло до сих пор болит. Сделайте мне такую же повозку, в какой меня сюда привезли. Только без решетки.

— Паллантид,— Конан повернулся к гвардейцу,— после отбытия обоза с золотом у нас в каретном дворе остались фургоны?

— Нет,— качнул головой капитан.— Но можно использовать военную колесницу. Думаю, грифон в нее поместится.

— Решено,— сказал король.— Езжайте и без ответов на все вопросы не возвращайтесь!

— Тогда мы пойдем собираться,— оживился я.— Выехать лучше с раннего утра...

Мы с Морадином пожелали всем спокойной ночи, вышли в коридор и двинулись по направлению к своим комнатам. Грифон трусил за нами следом.

Когда мы вышли к лестнице, ведущей наверх, Морадин вдруг остановился и поднял руку, призывая к тишине.

— Барон,— немедлец озадаченно посмотрел на меня.— Ты ничего не слышишь? По-моему, здесь

ребенок... Откуда во дворце ночью может появиться ребенок?

Мы спустились на один пролет, следуя на звук, — неподалеку детский голосок негромко напевал какую-то песенку.

Мораддин ошибся, сочтя, что поет ребенок. На мраморных плитах лестничной площадки под наполовину прогоревшими факелами сидела молодая девушка лет шестнадцати, рядом с ней возлежал громадный серебристый волчище и спал. Темноволосая девушка, в которой я узнал помощницу ночного повара, гладила зверя по холке и тонким голосом мурлыкала простонародную колыбельную. Зрелище было потрясающее.

— Ага, вот и месьор Веллан нашелся, — вполголоса проговорил Мораддин. Девушка вскочила на звук его речи и опустила глаза, словно мы ее застали за чем-то непотребным.

— Ой, — пискнула она. — Извините меня, благородные господа...

— За что? — усмехнулся я, спускаясь на площадку. Тут же вспомнилось имя девчонки — Элга. Она уже полгода помогала на кухне.

— Я тут просто мимо проходила, — оправдывающимся голосом начала Элга, не поднимая на меня взгляд. — Вижу — собака спит. У нас в деревне была такая же. Это чья собачка, господин Хальк? Уж больно красивая...

— Это собака короля. — Я решил не вдаваться в подробности и лишний раз пугать деревенскую девушку.

— Может, ее покормить нужно? — участливо осведомилась Элга. — У нас на кухне осталась требуха...

— Эту собачку надо лечить от похмеля, — хмыкнул за моей спиной Мораддин. — Хальк, как думаешь, мы вдвоем донесем его до комнаты?

— Да пускай здесь спит, — запротестовала девушка. — На лестнице тепло, кухня недалеко...

Я представил, какая сцена может произойти утром: очередной караул, обходящий дворец, обнаружит спящего на лестнице абсолютно голого посла из Пограничья. Воображаю, какие поползут слухи...

— Нет, — решительно ответил я. — Король желает, чтобы собака была при нем.

— А-а, — разочарованно протянула Элга. Тут Веллан зашевелился, открыл глаза и обвел нас с Морадином замутненным и все еще пьяным взором. Не думал, что глаза оборотня могут быть настолько выразительны.

— Пошли, — снисходительно сказал волку Мораддин. — Или ты собираешься всю ночь проваляться здесь?

Веллан сел, зевнул, показав розовую, наполненную жуткими зубами пасть, и почесал шею задней лапой.

— Во, уже блох нахватался, — вздохнул граф. — Пойдем наверх. Да, кстати, — Мораддин дернул меня за рукав. — Месьор Хальк, а почему бы Веллану не поехать с нами? Развеется, отдохнет... И не будет надоедать королю своим унынием.

— Пускай едет, — согласился я. — Только как его завтра разбудить?

Элга непонимающе слушала наш разговор, и, когда Мораддин, взявшись ладонью за загривок оборотня, повел его за собой, проводила нас недоуменным взглядом.

* * *

Наутро первого дня нашего пребывания в Ямурлаке, после невероятной, сказочной ночи, когда мы — я, барон Юсдаль, граф Мораддин, Веллан и грифон Энунд — стали свидетелями потрясающих чудес этой прежде закрытой земли, мы все отправились даль-

ше, в глубь волшебной страны. Впрочем, к отряду прибилась новый попутчик — странное прозрачное существо, которое Энунд называл сармаком. Тварь, несколько напоминавшая крылатую охотничью собаку, сотворенную из голубоватого горного хрусталя, не желала уходить прочь, как мы ее ни гнали. В конце концов сармак уцепился коготками за седло графа Мораддина и смирно сидел у него за спиной, поводя мордочкой вправо-влево. Наверное, ему было любопытно разглядывать окрестности...

Мы подъехали к границам Ямурлака прошедшим вечером и решили пересечь порубежную линию в пределах баронства Линген. Зная прав Омсы, барона Линген, привезшего в королевский дворец несколько седмиц назад раненого грифона, я решил не заезжать в его замок. Толстяк Омса — человек крайне гостеприимный и наверняка задержал бы нас не менее чем на пять дней. Поэтому маленький отряд миновал замок и подъехал к пограничной деревушке Альда к шестому полуденному колоколу, когда солнце уже склонялось на закат.

Почтенный седобородый староста деревни, увидев королевскую подорожную с личной подписью государя Конана, лишился дара речи, а услышав наши титулы, и вовсе задрожал. Однако этот человек указал нам на тропинку, ведущую в глубь Ямурлака, и дал провожающих, строго наказав им вернуться в деревню до темноты. Вилланы баронства Линген, перепуганные недавним нашествием необычных существ из волшебной страны, предприняли немало усилий для обороны деревни — на древней пограничной меже громоздились неуклюжие рогатины, везде были протянуты нити с навешанными на них колокольчиками, а мост в Ямурлак охранял десяток самых здоровенных деревенских парней, вооруженных самострелами, косами и старинными заржавленными мечами.

— Господа почтенные, — лепетал староста, когда мы оставили возле деревянного моста колесницу, в которой прежде ехал грифон. Сейчас Энунд топтался в сторонке, косо поглядывая на крестьян, не столь давно поймавших его. — Не ездить бы вам лучше в проклятые земли! Там же чудища живут на каждом шагу! К нам в деревню третьего дня голубой лысый медведь забрел, корову задрал... А вчера гарпии над общинными полями кружили. Только головы свои положите!

— Мы едем туда по приказу короля. — Я собрал всю надменность, данную мне от рождения, и строго посмотрел на старосту. Тот мелко закивал. — Охраняйте повозку и впряженных в нее лошадей. Вот тебе пять золотых, столько же получишь, когда мы вернемся обратно.

Старик провожал нас взглядом, в котором явно читалось: «Никогда вы оттуда не вернетесь, господа мои...»

Я уже рассказывал, как проходила наша первая ночевка в Ямурлаке. День принес не меньше сюрпризов.

Меня весьма озадачило то, что здесь были тропы, удивительно похожие на самые настоящие дороги, разве что очень узкие. Видимо, таинственные обитатели Ямурлака часто путешествовали по своей маленькой стране. И вот, когда тропа проходила меж густых зарослей боярышника, покрытого крупными багровыми ягодами, шедший впереди Энунд вдруг остановился и, повернувшись к нам, еле слышно прошепел:

— А ну замрите! И не говорите ни слова!

Грифон прислушался, наклонив голову, да и мы тоже наострили уши. Несколько мгновений спустя я различил, как в кустах кто-то разговаривает. Речь была аквилонской, правда, с незнакомым акцентом, а голоса звучали очень тонко.

— Давай выстрелим! — требовательно сказал один из невидимок, укрывшихся возле тропы.

— Там грифон, — отвечал второй. — Да и зачем?

— А просто так! Это же люди! Ну давай выстрелим!

— Сам и стреляй, — пропищал второй, и в кустах зашуршало.

— Осторожнее! — вдруг рывкнул Энунд, и в тот же момент тренькнула тетива.

Я всегда восхищался несравненными боевыми умениями графа Морадина, и вот сейчас появился новый повод поздравить немедийца с очередной победой. Милорд Эрде, в которого наверняка целили неизвестные существа, притаившиеся в боярышнике, незаметным глазу движением перехватил направленную ему в шею стрелу прямо в воздухе, с хрустом сломал ее и мгновенно соскочил с коня. Грифон с низким рыком вломился в кусты, оттуда послышались сдавленный писк и непонятные проклятия.

Я сам не помню, как вывалился из седла и залег среди кустиков брусники. Рядом со мной залег Веллан, понявший, что противостоять странным лучникам, как граф Мораддин, он не сможет.

— Проклятый грифон, — пропищал бритунец. — Всю дорогу говорил, что здесь безопасно!

Энунд, раздвигая боками кусты, вышел обратно на тропинку и приглушенно сказал, если так можно выразиться, сквозь клюв:

— Кто тут хотел увидеть альвов? Пожалуйста...

Грифон, схватив за шкуру, удерживал в клюве маленькое существо с бледной кожей и редкими светлыми волосами. Пойманная Энундом тварь напоминала очень низкорослого человека, только была значительно безобразнее — короткопалые ручки и кривые ножки, тонкий длинный нос на узком

лице и громадные зеленые глаза. Я себе альвов представлял по-другому...

Энунд разжал клюв, существо упало на траву и сразу было прижато к земле мощной лапой грифона.

— Вы что творите, мерзавцы? — прямо в лицо перепуганного альва прошипел наш провожатый. — Это гости! Их нельзя трогать!

— Это не я стрелял! — закрыв от ужаса глаза, пискнул альв. — Это Элрадан! Он же удрал, ты сам видел! Я не виноват, я вовсе не хотел обидеть гостей!

— Ври больше. — Грифон был разъярен, и я испугался, что он сейчас попросту раздавит маленького альва. — Вас тут много прячется?

— Нет, нет, — запричитал альв. — Мы с Элраданом пошли на охоту и случайно вас увидели. Это все он, а не я!

Грифон поднял голову и уставился на меня. Я ждал объяснений.

— Маленькие пакостники, — проскрипел наконец Энунд. — По-моему, альвы стреляли, просто чтобы поразвлечься.

— И часто они так развлекаются? — Веллан встал на ноги и начал отряхивать с одежды старые еловые иголки и пожелтевшие осенние листики. — Спасибо графу, сумел перехватить стрелу...

— Это Элрадан виноват! — опять заверещало существо.

— Мы поняли. — Энунд снова обратил взгляд на альва, помолчал немного и вдруг спросил: — Вы ведь шляетесь по всему Ямурлаку, правильно? А ну расскажи, где сейчас Тач, старейший? Спит у себя в пещере или пошел на пастбище? И вообще, как тебя зовут?

— Даэрон... — захныкал недомерок.

— Отвечай, я задал тебе вопрос!

— Великий Тач пять дней назад ушел к Розовым холмам, — немедленно ответил альв. — Мы его

видели неподалеку от Лыдистого водопада. Я могу проводить, только не убивайте!

— Не надо нас провожать, — рыкнул грифон и снял лапу с груди карлика. — Сами дорогу найдем. Учти, если вы еще хоть раз посмеете обидеть гостей — приведу весь свой клан, и грифоны разгромят ваш городишко! Понял, недомерок?

Альв вскочил, отбежал к кустам, и, едва тощая фигурка малыша скрылась в зарослях, в Энунда оттуда полетела еловая шишка.

— Дождешься, что люди набьют из тебя чучело! — послышалась злорадная пискливая речь. — А их самих сожрет Тач!

Грифон сел на дорожку и, покачав головой, сказал нам:

— Альвы неисправимы. Не понимаю, как в таком маленьком существе может жить столько злости? Идемте, до Розовых холмов полдня пути верхом.

— Альв говорил, будто Тач нас сожрет, — насто-роженно буркнул Веллан. — К кому ты нас ведешь?

— Сами увидите. — Энунд встал и затрусил по тропинке. Мораддин забрался в седло, отпихнув прозрачного сармака, разлегшегося у самой луки и сказал, что поедет позади всех.

...Мы двигались по тропе, вившейся между поросшими сосной холмами, до времени, когда на башне в Тарантии обычно звенел пятый послепопуденный колокол. Наконец леса сменились вересковыми пустошами и скалами, а это значило, что мы достигли предгорий Киммерийского хребта. Я понял, отчего обитатели Ямурлака называли это место Розовыми холмами, — куда ни посмотришь, увидишь заросли вереска: розоватые, фиолетовые, лиловые пятна на фоне осенней природы выглядели радостно и ярко.

— Водопад, — вытянул руку Мораддин. — Энунд, про это место говорил альв?

— Верно, — кивнул грифон. — Предупреждаю, относитесь к Тачу почтительно. Он не любит панибратства. И ради всех богов, не бойтесь его. На памяти грифонов не было случая, чтобы старейший убил разумную тварь... Ага, вон он!

— Где? — не понял Веллан, а мы с Морадином молча всмотрелись в вересковые луга и окружающие их скалы. С одной из них низвергался бурный шумливый водопад, превращавшийся внизу в речку, с полуночной стороны возвышались нагромождения валунов, а в полутысяче шагов к закату из земли вырастал бурый выветрившийся скальный выход. Я не мог заметить ни одного живого существа, кроме стайки птиц, усевшихся на темных камнях.

— Прямо на него смотрите, — невозмутимо сказал Энунд. — Я же говорил — он большой. Присмотритесь как следует! Идемте к нему.

И грифон повел нас прямо к вытянутой, поросшей мхом скале.

— Великий Митра! — Мораддин натянул поводья и остановил лошадь. — Дракон! Честное слово, это настоящий дракон! Только какой громадный!

— Тач не дракон, — Энунд услышал слова графа. — Просто похож немножко.

— Где дракон? — всполошился Веллан. — Мораддин, что ты увидел?

Я выехал вперед и, призвав на помощь все воображение, начал осматривать скалу. Великие боги... Да, Ямурлак не зря славится чудесами.

То, что вначале показалось нам скальным выходом, было живым существом. Сейчас оно не шевелилось, и поэтому мы приняли его за часть ландшафта. Невовобразимо огромное животное, похожее на ящерицу, лежало среди пустоши, положив бугристую голову на лапы, — один коготь Тача превосходил длиной мою лошадь, а голова была размером с вместительный дом зажиточного крестьянина. На-

верное, от кончика носа до кончика хвоста чудовища было не меньше полутора тысяч шагов.

— Это невероятно! — замотал головой Веллан. — Такую огромную тварь невозможно прокормить! Он, скорее всего, даже двигаться не может!

— Еще как может. — Энунд издал звук, похожий на смешок. — Я думаю, он использует магию... Тач спит, его надо разбудить.

— Вот и займись этим, — заявил Веллан и покоился на графа Мораддина. — Вы, месьоры, не подумайте, я никогда не был трусом. Но уж больно он здоровый...

— Мне и самому боязно, — честно ответил Мораддин. — Никогда не думал, что в нашем мире могут существовать настолько... ну настолько необычные животные. Господин Хальк, ты встречал упоминания о чем-либо подобном в хрониках?

— Нет, — признался я. — Никогда.

Энунд безбоязненно подошел к голове Тача, запрыгнул ему на лапу, прошелся по переносице, будто по широчайшей улице Тарантии, и постучал клювом о бочкообразный бугор, видимо, бывший веком старейшего жителя Ямурлака, а может быть, и всего мира... Я смотрел на грифона, и мне казалось, что муравей ползет по туловищу боевого коня.

— Проснись, старейший! — Ветер донес до нас слова Энунда. — К тебе пришли люди!

Послышался скрежет заросшей мхом чешуи, чудовище шевельнулось и приоткрыло один глаз, тот самый, рядом с которым стоял Энунд.

— Грифоны, — приоткрылась пасть, и мы услышали глубокий хриплый голос. Лошади заплесали от страха, — почему вы такие любопытные? Ты кто? Я тебя не вижу, спустись на землю с моего носа.

Энунд спрыгнул вниз, сначала на толстенную лапу Тача, а затем на валявшийся рядом валун.

Тварь открыла второй глаз и уставилась узкими ящеричьими зрачками на грифона.

— Теперь вижу, — медленно сказал Тач. — И даже узнаю. Ты Энунд из клана Стигов. Правильно?

— Да, мудрейший. — Грифон напряг голос, чтобы гигант мог его слышать. — Я привел людей из королевства Аквилония...

— Откуда? — В речи Тача послышались недоуменные нотки. — А почему люди находятся в Ямурлаке? Да и где они?

Грифон обернулся и махнул здоровым крылом, подзывая нас.

— Веллан, может быть, ты лошадей поддержишь? — неуверенно спросил я бритунийца. — А мы с графом подойдем ближе...

— Не дождетесь, — рявкнул оборотень. — Когда расскажу об этом Эртелю, королевский племянничек от зависти подохнет!

Мораддин быстро спутал лошадям ноги, чтобы не убежали, и мы втроем подошли к лапе существа, встав рядом с Энундом. Крылатый сармак прибежал вслед. Вблизи казалось, что Тач вырастает из земли и действительно является ожившим каменным изваянием. Шипы на его спине поднимались над нашими головами локтей на пятьдесят. Я, поборов дрожь в коленях, шагнул вперед и выпалил первое пришедшее на ум:

— Приветствую тебя, о великий дракон!

— Действительно, люди... — прохрипел Тач. — Вы здорово изменились со времен Атлантиды. Одеты необычно... Я не дракон, пусть это вам будет известно. Валузийцы и атланты называли моих соплеменников василисками.

— Еще не хватало, — едва слышно простонал за моим плечом Веллан. — Сейчас превратит нас в гранитные статуи... Я, конечно, хотел памятник, но не такой!

— Заткнись, — бросил я оборотню и снова посмотрел на Тача. Василиск молчал — вероятно, ждал моих вопросов.

— Я говорю от имени короля людей Конана Аквилонского... — начал я. — У нас беда. Энунд сказал, будто ты помнишь и знаешь все...

— За последние восемь тысяч солнечных кругов — помню, — поразмыслив, ответил василиск. — Если нужно — я дам вам совет. Но потом вы мне расскажете, что происходит в землях Закатного материка. Я уже много столетий не покидал Ямурлак и не ведаю, что происходит в широком мире... Договорились?

— Конечно, — судорожно сглотнув слюну, ответил я. — Может быть, ты знаешь, почтеннейший, отчего могут появляться фонтаны зеленого пламени, изменяющего людей и убивающего других живых существ?

— Опять? Он вернулся?.. — Голова василиска поднялась над нами локтей на тридцать. Не очень-то приятно, когда над тобой завис целый дом... — Хорошо, я расскажу...

ДОКУМЕНТ

Лист из летописи Аквилонского королевства, ведущейся при храме Митры Подателя Жизни в Тарангии, запись осени 1397 года

«...В начале осени 1288 года по основанию Аквилонии на земли, лежащие на полуночи и принадлежащие соответственно Пограничному и Немедийскому королевствам, обрушилось необъяснимое и ужасное бедствие.

Косвенной причиной сих печальных событий послужили разыскания племен подгорных карликов или гномов, кои во множестве обитают под горами Граскааль. Движимый непреходящим стремлением

расширять свои владения, а также увеличивать накопленные их предками богатства, один из кланов подгорных жителей (именующий себя кланом Фрерина) решил начать работы в давно заброшенной и овеянной множеством предостерегающих легенд шахте. Труды гномов привели к обнаружению некоего странного предмета огромной величины, глубоко застрявшего в горных породах. Разумеется, гномы приложили все усилия, чтобы обнаружить возможный вход в недра сей удивительной вещи, и их настойчивые поиски увенчались успехом.

Однако, когда предполагаемая дверь после многих трудностей была распахнута, она открыла прямую дорогу в царство горестей...

На волю было выпущено нечто, позднее названное подземным огнем. С того скорбного дня такое пламя, более напоминающее видом туман или огромное облако зеленого цвета, вырывалось из-под земной тверди возле селений стран Заката, губя все живые существа, не принадлежащие к роду людей, и превращая создания Светлого Бога в непредставимых чудовищ, единой целью которых было — идти, невзирая на все препятствия, в горы Полуночи.

Распространение «Зеленого огня» происходило по двум путям. Во-первых, через восходные области Пограничья, мимо Соленых озер и далее через Немедию в предположительном направлении к Ианте Офирской и, во-вторых, через полуночные отроги Немедийских гор, полуночную Боссонию до владения Аквилонии на Громовой реке — форта Велитриум. Погубив обитателей сего военного укрепления, подземное пламя резко повернуло на полуденный восход и двинулось через центральные области королевства все к той же Ианте Офирской.

Тогда же некоему человеку, находившемуся в форте проездом, удалось разглядеть тварь, слу-

жившую причиной явления подземного пламени. По его описанию, существо то было весьма огромно размерами и напоминало земляного червя, сотворенного из неизвестного материала. Эти сведения были немедленно сообщены правителю Аквилонии и по его решению сохранялись в тайне, дабы не вызвать ненужных пересудов.

Излишне говорить, что путь зеленого пламени отмечался не только разрушением городов и многочисленными жертвами, но и все более возрастающей паникой и повальным бегством жителей в полуденные земли... Предполагалось даже вывезти население обеих столиц — Тарантии и Бельверуса — в более безопасные края, и власти городов уже приступили к осуществлению этого плана... Однако судьба и воля богов распорядились по-иному.

В 18-й день второй осенней луны подземный огонь вырвался на свободу под городом Ивелин, владением герцогства Танасульского. Сей город вырос неподалеку от обширных мраморных копей и большого озера, называемого Утиным.

Некоторые чудом уцелевшие свидетели позже рассказывали, что явившееся было над поверхностью зеленое пламя внезапно погасло, затем раздался ужасающей силы грохот, и над катакомбами возник столб всепожирающего огня. В этом огне сгинули как город со всеми его жителями, так и озеро с окрестными лесами. Видимо, неведомое существо также было уничтожено сим пламенем, ибо после событий в Ивелине разрывы земляной тверди нигде более не отмечались.

Что помешало подземной твари осуществить свое губительное дело — остается загадкой и по сей день...

Глава двенадцатая РИНГА, ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Ианта, столица Офира. Полдень
22-й день второй осенней луны, 1288 г.

«...Потрясения в людских умах и душах, вызванные явлением подземного огня, распространялись, как волны от брошенного в воду камня. Где-то они уже успевали затихнуть, а где-то только-только становились достоянием общества, превращаясь из неясных слухов в официально подтвержденные сведения. И, как волны, сталкиваясь, порождают бурю, так и дошедшие до умов правителей и обывателей удаленных земель подлинные сведения о положении дел в Аквилонии и Немедии служили источником многочисленных бедствий и лихорадочного устройства многообразных текущих дел. Ибо, как известно, неприятности твоего соседа — благоприятный шанс для твоих неблагоприятных действий. Сосед слишком занят обрушившимися на него бедствиями, чтобы наблюдать за тобой и вовремя дать надлежащий отпор. Итак, отчего бы слегка не осложнить жизнь и без того отягощенному тяжким грузом соседу?..»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

Хорошо иметь репутацию взбалмошной женщины.

Спрашивается, почему?

Сейчас объясню. Во-первых, всегда можно позволить себе нечто из ряда вон выходящее, а потом с милой улыбкой извиняться и говорить, что, мол, настроение было подходящее.

Во-вторых, когда вы отколете что-нибудь настоящему идущее вразрез с общественными представлениями о приличиях, все только вздохнут, пожмут плечами и соболезнующе пояснят: «Что с нее возьмешь, она всегда такая...»

В-третьих, вы всегда можете позволить себе маленькие и большие отступления от этикета и заведенных распорядков. От вас даже ожидают очередного преступления против традиций, дабы потом вволю посудачить о нем.

А в-четвертых — никому и никогда не придет в голову воспринимать вас серьезно.

При моем образе жизни и роде занятий четвертая причина порой является самой главной. Чтобы в дальнейшем не возникало недоуменных вопросов, сразу назову мое ремесло. Оно несколько своеобразно... Я конфидент. Еще меня можно именовать лазутчиком, осведомителем, шпионом, ищейкой или просто одной из скромных служащих пятого департамента личной канцелярии Его Величества короля Немедии Нимеда I.

Хотя не такой уж и скромной. Я лучшая. Этого положения я добилась сама и только сама, а потому имею все основания гордиться. Чем иногда и занимаюсь — смотрю в зеркало и сообщаю своему отражению: «Ну до чего же ты у нас умная, прямо сил нет!» Отражение со мной полностью согласно. Мои друзья — тоже. Враги вынуждены соглашаться по не зависящим от них причинам. У них просто не остается другого выбора.

Что до моего занятия... Я считаю, что оно ничем не хуже других, и выполняю свою работу так, что никто не сумеет придрататься. Работа мне нравится, и менять ее в угоду чьим-то представлениям я не собираюсь.

Хотя в последнее время я обнаружила, что эти необычные для женщины занятия наносят значительный ущерб моей личной жизни. С мужем мы обмениваемся письмами,носящими чаще всего сугубо деловой характер, а детей я вижу раз в полгода. Мать, называется... Еще немного — и они забудут, как я выгляжу.

Впрочем, я и сама порой это забываю. Опять же — требования ремесла. Разве можно допустить, чтобы лучшую из ищеек Нимеда знали в лицо и могли назвать по имени? Конечно, нет. Потому у меня по меньшей мере сотня имен и такое же множество обликов.

Сейчас меня зовут госпожа Хилена. Вот она и есть на редкость капризная, вздорная и сумасбродная девица. В данный миг эта особа валяется на огромной кровати (хотя уже давно за полдень), поглощает третью кисть винограда (зачем-то плюя косточками на обошедшийся в целое состояние иранистанский ковер) и с интересом разглядывает исключительно любопытные картинки в толстом вендийском трактате. Вообще-то подразумевается, что молодые девицы моего положения и воспитания даже догадываться не должны о существовании подобных книг, а уж тем более — иметь представление о вещах, описываемых в оных. Однако, как уже говорилось, госпожа Хилена — женщина со своими собственными представлениями о правилах и приличиях.

А книга и на самом деле интересная. И большая, так что мне надолго хватит чтения. Все равно сейчас делать мне совершенно нечего. Человек, в

доме которого я обитаю вот уже полгода, утром дисциплинированно отбыл на службу (на всякий случай я разыграла сцену трогательного прощания), а ехать куда-либо с визитами или по делам не хочется.

Опять же для внесения ясности: с начала этого, 1288 года по основанию Аквилонии или, как считают в странах Восхода — 106 года Огненного Дракона, я обитаю в городе Ианте, столице Офира. В качестве «подруги жизни и сердца» (название-то какое придумали! Ох, сил моих нет — выслушивать по несколько раз за вечер эти изысканные перлы придворной куртуазности!) некоего почтеннейшего месьора Аксалаута, графа Тэлиер. Сей добродетельный муж, между прочим, заведует личной королевской почтой и отвечает за получение секретных депеш. В своем служебном рвении он предпочитает хранить эти запечатанные несколькими грозными печатями послания в самом недоступном (как он считает) месте — у себя дома.

Бедняга, если бы он знал, насколько облегчает мои труды... Но прекрасная госпожа Хилена, как известно всем, не интересуется политикой. Она еще с превеликим трудом может вспомнить, кто правит Офиром, но дальше этого ее скромные познания не идут. Зато она всегда может вам рассказать, чем шелк кхитайской выделки отличается от камбуджийского или какую прическу модно носить этой осенью.

От подобных бесед я скоро с ума сойду. И от безделья. Подозреваю, что в Ианту меня отправили именно за этим — чтобы я немного поскучала. Дело в том, что в конце прошлого года я сумела проверить несколько дел с далеко идущими последствиями, и мое начальство здраво рассудило, что мне лучше временно исчезнуть. Следуя вечной истине: «Светлее всего под свечой», — мне предложили в

качестве убежища Ианту, где я теперь и пребываю, маясь от тоски. Скука же на меня действует, как хлыст на лошадь, — я хватаюсь за любую возможность что-нибудь натворить. А что, спрашивается, можно натворить в благословенной всеми богами Ианте?

Действительно, благословенной... Сверх всякого приличия. Ианта мне напоминает разряженную в пух и прах фаворитку старого, но до отвращения богатого и не слишком умного правителя. И все потому, что Офир — страна золота. Здешние копи — крупнейшие во всем мире. Богатство здесь — удел не только благородного сословия, но и простолюдинов всех мастей, от купцов до последних крестьян. Иштар Великая, по-моему, тут даже ночные горшки делают из золота!..

А я тихо зверею от скуки посреди всей этой вульгарной пышности. Единственное, что всполошило двор короля в последние дни, — градом посыпавшиеся известия о странных происшествиях, охвативших полуночные страны, Немедию и Аквилонию. Говорили о каких-то чудовищах и зеленом огне, вырывавшемся из-под земли, но дальше разговоров и досужих сплетен дело не пошло. Видимо, и Трон Дракона, и Трон Льва сумели предотвратить опасность, на чем все и затихло. Вернусь в Бельверус — обязательно поподробнее разузнаю, что же там творилось.

Я перевернула очередной лист моего познавательного чтения, полюбовалась на яркие краски и необычность стиля представшей перед глазами фривольной картинки и горестно призадумалась: «Чем бы мне заняться?» Перспектива безвылазно проторчать целый день в почти пустом и безвкусно-роскошном доме вовсе не привлекала. Вот он, главнейший недостаток моей работы — иногда приходится просто ничего не делать и ждать: вокруг

начнет что-то происходить? По-моему, нет ничего хуже, чем вот так маяться в ожидании. Всю сновидку с опытом потерять недолго... А, придумала!..

Переилетенный в лиловый бархат том с треском захлопнулся и отправился под подушки — до лучших времен. Я прислушалась — в доме тихо. Служанки либо прибираются в комнатах нижнего этажа, либо на кухне перемывают косточки приятельницам. Пойду-ка я прогуляюсь в кабинет моего дражайшего покровителя. Вроде бы сегодняшним утром гонцы доставили господину графу какие-то очень привлекательно выглядевшие послания. Доставили как раз в тот момент, когда он отправлялся в королевский дворец, провожаемый моими откровенно сожалеющими о сем прискорбном событии взглядами. Уезжать ему явно не хотелось, но верность долгу все же взяла вверх. Мне было велено «не грустить» и «сходить куда-нибудь развеяться». Чем я сейчас и займусь.

Наверное, в Шадизаре — городе воров — я бы очень скоро прославилась. Сделанный по особому заказу секретный замок на двери кабинета не сопротивлялся даже для виду. Впрочем, я давно подобрала к нему и к находящимся в комнате разнообразным шкатулкам для бумаг и сундукам неплохой набор отмычек.

Войдя, я огляделась и уже в который раз с сожалением пожала плечами. Станные в Офире представления о том, как должна выглядеть рабочая комната придворного, занимающегося тайными делами своего правителя. Повсюду какие-то безделушки, частью серебряные, частью из резной кости, на полу не одна, а целых три тигровые шкуры, положенные одна на другую, а от обилия позолоты у меня в глазах желтеет. Стол, за которым месьору Аксалауту полагалось бы проводить дни и ночи, представлял собой выдающийся образец безвкуси-

цы, украшенный пластинками цветного камня и бронзовыми накладками. А венчалось это безобразие маленькой скульптурной группой, изображавшей нечто символическо-патриотическое. Меня при взгляде на сие монументальное сооружение бросало в дрожь, но работа есть работа.

К счастью, мне не понадобилось прерывать все многочисленные ящички и шкафчики стола. Небрежно брошенные письма валялись посреди малахитовой столешницы, так что оставалось только взять их и просмотреть.

Я уселась прямо на пушистых шкурах и приступила к чтению. Первое письмо оказалось всего лишь очередным докладом о том, как обстоят дела на золотых рудниках, и я его пока отложила в сторону. Следующее было адресовано дворцовому распорядителю и наверняка содержало отчеты об отправленных ко двору припасах. Это меня тоже не интересовало.

Зато третье послание оказалось весьма загадочным. Без имен адресата и отправителя, запечатанное зеленой сургучной печатью с плохо оттиснувшимся изображением летящей птицы, несомненно из числа хищных. Я покрутила письмо так и эдак, посмотрела на свет — не помогло. Придется вскрывать, да так, чтобы потом милейший граф Аксалаут не заподозрил чьего-то постороннего интереса к его почте.

Все предметы, необходимые для того, чтобы удалить печать, не повредив ее, находились при мне, а свечу я позаимствовала у хозяина кабинета. Дело простейшее: немного подержать письмо надо огнем, чтобы сургуч стал помягче, затем осторожно подцепить печать острием кинжала — и готово!

Сложенный в несколько раз пергамент с готовностью развернулся, явив несколько строчек, начертанных, судя по всему, в большой спешке. И что же

такое пишет неизвестно кто неизвестно кому, посылая свои вести через Ианту?

«Сим сообщаем, что труды наши не достигли успеха. Нанятые люди не сумели справиться с возложенной на них задачей. В оправдание наше сообщаем, что действовать пришлось в большой спешке, а сопровождающие короля лица оказали изрядное сопротивление...»

Чего-о? Какого короля?

Я зажмурилась, потрясла головой, а затем еще раз перечитала начальные строки письма. Нет, все верно, так и написано: *«сопровождающие короля лица»*. Ладно, а что там дальше?

«...Однако, несмотря на сию досадную неудачу, мы продолжим угодное Митре дело по свержению узурпатора, в чем надеемся на вашу всемерную поддержку. Сообщаем также, что наши разыскания доподлинно установили причастность известной вам особы к трагической гибели населения городка Ивелин. Таковое известие, в надлежащем виде распространенное среди жителей все еще бурлящей и терзаемой беспокойством столицы, может послужить неплохим поводом к возникновению недовольства, кое поддержит как направляемый нами плебс, так и благородное сословие. Засим остаюсь ваш верный и преданный слуга».

Подпись, разумеется, отсутствовала. Постеснялся «верный слуга» отяготить слух господина звучанием своего скромного имени. Жаль.

Признаюсь честно — ничего я не поняла. А потому аккуратно запечатала письмо, сложила все в прежнем порядке и убралась из кабинета к себе — поразмыслить в тишине и покое.

Начать, разумеется, следовало с поисков ответа на вопрос: с чем (вернее, с кем) я имею дело? Этому человеку (или людям, ведь он не раз пишет — «мы», «нам») известен способ, как отпра-

вить письмо по тайной королевской почте Офира. Он не подписывает свое послание — значит, уверен, что здесь знают, куда следует его передать. И наконец, мне не верится, что сия весточка предназначалась Амальрику или одному из его приближенных. Тогда кому?

Вопрос второй: кого собирался преждевременно отправить на Серые Равнины таинственный автор письма и не преуспел в сем деянии? Кто из нынешних правителей заслуживает почетного прозвища Узурпатор?

Вопрос третий: где находится город Ивелин и что такое в нем стряслось? Причем стряслось совсем недавно, и почему-то эти события могут послужить «поводом для недовольства»...

Я прогулялась из угла в угол комнаты — не помогло. Попинала валявшуюся на полу узорчатую шелковую подушку — то же. Попыталась сообразить, где в доме Аксалаута можно отыскать большую карту стран Заката — ничего не приходило в голову. Видимо, сказывалось ничегонеделанье последних пяти или шести месяцев.

— Мозги напрочь заплыли жиром, дорогуша, — сообщила я самой себе. И тут у меня в голове что-то звонко щелкнуло, словно встали на свое место кусочки замысловатой деревянной головоломки. Где недавно произошел насильственный захват власти? Правильно, в Аквилонии! Кто теперь там королем вместо этого старого недоумка Нумедидеса?

Конан. Более известный как Конан Киммериец. Варвар, наемник и искатель приключений на свою голову. Человек, однажды разбивший мое бедное сердце в двенадцати или тринадцати местах, и умудрившийся не заметить этого!..

Хорошо, что в комнате никого не было. Вряд ли бы кто-нибудь по достоинству оценил, сколько bran-

ных выражений известно госпоже Хилене. Довелось полдесяток лет назад обучаться у знающего учителя...

* * *

Ругалась я больше от душевного расстройства, чем от настоящей злости. Чего сейчас не хватало для полного счастья, так только заговора в Аквилонии. Теперь я не сомневалась, что дело пахнет именно заговором. Все осложнялось тем, что я представления не имела, кто мог затеять таковой заговор. Нет, в Аквилонии, бесспорно, отыщется куча личностей, недовольных новым королем, но на что-нибудь, кроме болтовни, они вряд ли способны.

Тогда кто? Короля и его окружение вполне устраивает существующее положение вещей. Кроме того, Офир надежно защищен сетью хитроумных договоров и соглашений, заставляющей правителя любой страны трижды как следует подумать, прежде чем нарушить покой этой маленькой страны. Амальрику сейчас совершенно ни к чему интриговать против Трона Льва. Он всегда предпочитает выжидать, наблюдая со стороны. Как говорят в Кхитае: «Размышляй о вечности на пороге своего дома, и мимо тебя пронесут труп твоего врага».

Шем? Там куда больше озабочены враждой Асгалуна и Шушана, оспаривающих друг у друга право называться столицей, и незатухающей войной со Стигией, чем делами соседей.

Зингара? Фердруго никогда не имел ничего против Аквилонии. Конечно, при непременном условии, что Пуантен не попытается передвинуть границу на полдень, за Алиману, оттянув при этом порядочный кусок зингарских земель.

Аргос? Глупо. Аргосу больше всего необходим мир и спокойствие на торговых путях, особенно на

Дороге Королей, а устройство заговора — вернейший путь надолго лишиться этих двух жизненно важных вещей. А с ними — и изрядных прибылей от морской торговли, чего король Мило никогда не допустит.

Значит, остается два возможных ответа. Либо наша тайная служба затевает какую-то замысловатую интригу, либо правитель Хоршемиша после долгого затишья снова взялся за старое.

После недолгого, но всестороннего обдумывания я все же склонилась ко второй версии. Нет, тайная служба Немедии никогда не упустит случая слегка осложнить жизнь своих соседей, но устраивать покушение на правящего всего пять месяцев короля Аквилонии? Зачем? Конан в должности властителя страны нас устраивает гораздо больше, чем Нумедидес, начисто отстраненный от власти своими советниками и фаворитами. У варвара значительно больше здравого смысла и сообразительности...

И потом, наша главная задача не создание поводов к войне между государствами, а сохранение политического равновесия в странах Заката. Гибель короля непременно приведет к кровопролитным стычкам в Аквилонии. И поскольку некогда славная, но с годами захиревшая династия потомков Эпимитриуса не оставила после себя законных наследников, то заварушка выйдет нешуточная, а многочисленные щепки полетят во все стороны, в том числе и в нашу. Пусть уж лучше аквилонцы воюют с пиктами, чем режут друг друга, выясняя, кто займет дворец в Тарантии.

Но раз тайная служба вряд ли имеет отношение к этому таинственному заговору...

С досады я несколько раз пнула ни в чем не повинные подушки. Хоршемиш, больше никому! Его Величество Страбонус из Кофа — наша вечная

головная боль и источник постоянных неприятностей!.. Вот кого действительно следовало бы отправить на встречу с Нергалом и желательно как можно скорее!.. Митра Всевидящий и Всезнающий, ну как в одном человеке может уместиться столько злобы и хитрости, сочетающихся с непомерной жадностью власти? Иногда мне кажется, что Страбонус появился на свет исключительно с одной целью — всячески отравлять жизнь собственным подданным... и вообще всем.

Я высказала все, что думала о кофийском правителе — причем громко и вслух, — затем добавила несколько выражений по адресу его правой руки, волшебника Тсота-ланти, и напоследок прошла по не вовремя объявившимся доморощенным заговорщикам. Неужели они всерьез надеялись, что им так легко удастся прикончить своего правителя? Ха! Если таковой подвиг не удалось совершить никому на протяжении почти двух десятков лет (а занимались этим настоящие мастера своего дела), то куда уж лезть жалким и неискушенным новичкам? Интересно, из них кто-нибудь остался в живых? Должно быть, хоть один уцелел, иначе кто бы доложил автору письма о провале их изначально безумной затеи?

Безумной-то безумной, однако в послании черным по белому (вернее, по желтоватому) написано, что они не собираются останавливаться. И, если за ними действительно стоит Страбонус с его деньгами и почти неограниченными возможностями, они и не остановятся. Хитрый лис из Хоршемиша выбрал замечательное время — дворянство в Аквилонии пребывает в задумчивости по поводу своей дальнейшей судьбы, да еще и какие-то странные события на полуночных границах...

Интересно, а наш человек в Тарантии знает о происходящем? Мы пристроили в окружение коро-

ля одного из наших лучших конфиденентов, хотя в последнее время я начинаю сомневаться в его верности. Ну хорошо, если нашему тарантийскому лазутчику было бы что-то известно, он незамедлительно сообщил бы о неприятностях в Бельверус, а оттуда прислали весточку мне... Погодите, а когда я последний раз навевывалась за почтой из Немедии?

Тут мне пришлось хорошенько обругать не кого-нибудь, а себя. Беспечное существование Ианты и меня затянуло в свое благовонное дремотное болото. Мне полагалось хотя бы раз в два-три дня заходить к человеку, получающему для меня вести от Пятого департамента, а я побывала у него в гостях по меньшей мере дней десять или двенадцать назад! Великие Боги, неужели я умудрилась пропустить нечто по-настоящему важное?

...По лестнице я мчалась, перепрыгивая через две ступеньки и едва не споткнувшись о загнутый край ковра. Удержавшись все-таки на ногах, пролетела через всю просторную нижнюю приемную, врзалась в высокие двери, с готовностью распахнувшиеся, и выскочила во двор. Пусто, тихо и жарко. Даже ярко-зеленая лужайка с яркими пятнами роз кажется поблекшей. В полдень все живое в Ианте — от людей до птиц и животных — прячется в тень и засыпает до наступления несущего прохладу вечера.

В конюшне было немножко прохладнее, но никто из конюхов мне на глаза не попался. Ну и ладно, сама справлюсь. В соответствии с моими капризами на конюшне всегда стоят готовая к выезду лошадь и легкая колесница, в которую эту лошадь необходимо запрячь.

На это привычное в общем-то дело ушло чуть больше времени, чем я рассчитывала, но вскоре мы уже бодрой рысью выезжали со двора, направ-

ляясь в торговый квартал. Маленькая белая лошадка коринфской породы трясла длинным страусовым пером, украшавшим ее голову, надраенные медные пряжки на сбруе ослепительно блестя, и в целом мы, наверное, представляли весьма приятное на вид зрелище. Только любоваться было некому — улицы пустовали, если не считать редких, одинаково унылых и сонных стражников и привратников.

За площадью Побед я свернула налево. Колесница часто запрыгала на мелких булыжниках, которыми по традиции мостили улицы в торговом квартале. Лично мне всегда казалось, что подогнанные друг к другу плиты гораздо удобнее, но против заведенных сотню лет назад порядков не попрешь.

Мы миновали ряды пустующих уличных прилавков под полосатыми тряпичными навесами, юркнули в переулок, настолько узкий, что колеса чиркнули по стенам, проскочили его и остановились возле ничем не примечательной на вид лавки, единственным украшением коей были чуть позванивающие на ветру связки медных колечек и колокольчиков. Дверь, само собой, оказалась закрыта, но после третьего или четвертого удара распахнулась настежь. Подозреваю, что хозяин ожидал моего приезда, но нарочно заставил поторчать снаружи. Чтобы любой, кому приспичило бы наблюдать за моими перемещениями по городу, мог честно доложить: «Около полудня госпожа Хилена ездила в лавку ювелира Дженго. Она там частенько что-нибудь покупает...»

Дженго, шемит, уроженец Аграпура, и на самом деле ювелир. Помимо этого основного занятия он за определенную плату предоставляет нам часть своего дома, исполняет различные, не требующие большого ума, поручения тайной службы Немедии,

и получает для меня и тех, кто работает в Ианте, весточки из Бельверуса.

Правда, при этом он искренне уверен, что оказывает услуги лазутчикам короля и ужасно гордится таковым обстоятельством. Оно добавляет в пресное существование заурядного торговца некий острый привкус загадочности и приближенности к делам сильных мира сего...

В лавке меня уважали и немного побаивались. Провели в отдельную комнатку для расчетов с покупателями и должниками, усадили в огромное кресло на разлапистых ножках, предложили аргосского со льдом, стоящим едва ли не больше самого напитка, а затем, горестно вздыхая, сообщили печальную новость. Оказывается, меня уже почти дюжину дней дожидается спешно привезенная депеша. Я состроила самую любезную из улыбок, мысленно еще раз обозвав себя всеми подходящими эпитетами, которые вспомнила, и принялась взламывать печать. Дженго сообразил выйти, пробормотав в оправдание что-то невнятное о ждущих его покупателях.

Собственно, письмо я могла прочитать и дома, но меня не оставляло тревожное чувство стремительно приближающейся опасности. Потому я переломила жалобно хрустнувший сургуч, предусмотрительно лишенный всяких оттисков, и мрачно пробежалась глазами по строчкам, несколько напоминавшим туранскую вязь.

«Дорогая!...»

Так. Грядут нешуточные неприятности... Если мой возлюбленный муж начинает письмо ко мне с этого слова, значит, стряслось (или наверняка стрясется в ближайшем будущем) что-то по-настоящему серьезное.

Кстати, я еще не говорила, за кем я замужем? За почтеннейшим начальником Пятого департа-

мента, благородным графом Эрде, досточтимым Мораддином, сыном Гроина, бывшим капитаном тайной гвардии туранского царя Илдиза, и прочая, прочая, прочая... То есть за самым хитроумным и опасным человеком во всех королевствах Заката.

Самое смешное, что за встречу с ним я должна быть благодарна не кому иному, а Конану, нынешнему королю Аквилонии. Эти двое странствующих авантюристов почти полтора десятка лет назад в один прекрасный день свалились мне на голову, окончательно запутав и без того непонятное дело, которым я тогда занималась, и превратив мирную жизнь захолустного заморийского городка в жутчайшее безобразие. А потом они потащились за мной в Немедию (вернее, это я их пригласила) в расчете на щедрую награду за оказанную мне посильную помощь. То есть Конан рассчитывал, Мораддин же поехал просто из дружеских чувств и из любопытства.

В Бельверусе господа наемники всего за седмицу умудрились перевернуть вверх дном всю столицу, устроили бунт черни и попутно сорвали достаточно остроумно задуманный заговор против королевской семьи. Тогдашний начальник Пятого департамента, герцог Лаварон, не слушая моих яростных возражений, предложил этой буйной парочке поступить на королевскую службу. Мораддин, поразмыслив, согласился. Конан, даже не раздумывая, отказался. Впрочем, я не сомневалась, что он откажется. Заставить киммерийца сидеть на одном месте в те времена можно было только одним способом — заперев в железную клетку и приковав двумя или тремя цепями для надежности.

Так мы и расстались. Интересно, как нынче живет мой старому знакомому? Некогда ему

предсказали, будто свою жизнь он закончит государем огромной страны. Никто в это не верил, и он сам в первую очередь, однако нынче в Аквилонии правит Конан I. Он ведь так и не выполнил своего обещания — пригласить меня на свою коронацию. Интересно, варвар меня еще помнит или забыл в тот же миг, как выехал за ворота Бельверуса?.. А я, честно говоря, порой скучала по этому невозможному типу, вечно влипающему в какие-то идиотские переделки и жившему по своим собственным законам...

Ладно, это дела прошлые. Пускай Конан сам разбирается со своими заговорщиками, у меня найдутся дела поважнее. Хотя бы вот письмо до конца дочитать...

«Дорогая! — я снова вернулась к началу послания Мораддина. — К сожалению, вынужден тебя огорчить — тебе придется срочно покинуть Ианту. На полуночных границах нашей страны творится нечто, непредставимое человеческим разумом. Жертвы подступившего бедствия уже исчисляются сотнями, Бельверус готовится к исходу жителей... Я сегодня снаряжаюсь к местам появления подземного огня — хочу лично взглянуть на причиненный стране урон.

Однако ты направишься не домой, а на закат. В Хоршемише снова разводят сильный огонь, и, боюсь, поджаривать над ним будут трон нашего давнего и хорошего знакомого. Того самого, с которым ты лет пятнадцать назад гонялась в Заморе за твоим бешеным сородичем, а потом спасала голову известной нам особы.

Чем быстрее ты выедешь, тем лучше. На месте постарайся найти нашего человека и пристроиться неподалеку. Присмотри за порядком, но особенно на глаза не попадайся. Впрочем, ты и сама все прекрасно знаешь.

Надеюсь, все закончится благополучно. Учти, у наших закатных соседей такие же неприятности, как и у нас. Постарайся прислать весточку — хорошо ли у тебя пойдут дела.

Будь осторожна. Желаю удачи.

28-й день первой осенней луны, 1288 год».

В какой-то миг показалось, что по моей несчастной голове безжалостно шарахнули обернутой тряпьем дубинкой. Я сидела, уставившись на листок пергамента в руке, и не могла понять, что же на нем написано. Великие боги, письмо было отправлено почти две дюжины дней назад! А что, если за это время Бельверус уже полностью сметен с лица земли? Если Мораддина нет в живых? А наши дети? Иштар Милосердная, что с детьми?..

«Прекрати! — прикрикнул уверенный голос, обитающий где-то в глубине моей души и время от времени подающий дельные советы. — Немедленно прекрати выть и начинай думать! Что тебе нужно сделать в первую очередь?»

— Уехать из Ианты, — пробормотала я. Странно, однако эти простые слова заставили меня успокоиться. Вряд ли что-то случилось с Бельверусом — иначе весть об происшествии в немедийской столице уже давно облетела бы все страны. А если мой муж погиб, его помощник, молодой граф Майль, нашел бы способ немедленно сообщить мне об этом. Да я и сама бы почувствовала...

Значит, здесь беспокоиться пока не о чем. Моя задача — как можно скорее и незаметнее выбрать-ся из столицы Офира. План действий в подобных случаях давно отработан до мелочей, и я могу немедленно приступить к его осуществлению.

Но сначала — уничтожить письмо. Верный своей привычке, Мораддин постарался написать его, избегая упоминания имен и обходясь только наме-

ками, но я с самого начала своей карьеры твердо усвоила простое правило: «Заметай следы!»

Я запалила свечку, сожгла неохотно горевший пергамент, а пепел выкинула в узкое, забранное деревянной решеткой окно. Затем позвала маяв-шегося за дверью Дженго и попросила сделать для меня одну вещь — послать кого-нибудь из слуг на улицу Меньял, седьмой дом от начала. Там посланнику надлежит трижды постучать в дверь, дожждаться вопроса «Кто там?» и сказать, что намеченная накануне сделка отменяется. К просьбе я присовокупила десяток золотых монет офирской чеканки и похлопала ресницами с наивным ви-дом. Почему-то на некоторых мужчин это — хло-панье, а не деньги — действует безотказно. Джен-го относился именно к их числу. На улицу Меньял был незамедлительно отправлен один из подмас-терьев, а я посидела еще немного, со скучающим видом выслушивая последние местные новости, купила аляповатого вида золотой браслет и отпра-вилась домой, к Аскалауту. Мне было необходимо заехать туда, чтобы забрать некоторые вещи. Где вы, те времена, когда я могла сорваться с места и помчаться на другой край света, не задумываясь, на что жить завтра?..

А потом я приеду на улицу Меньял, где во дворе неприметного дома меня будет ожидать колесница, запряженная четверкой выносливых коней, и от-правлюсь в долгое путешествие на закат.

* * *

Во двор я влетела галопом, бросила лошадь у входа в конюшню и рысью побежала наверх, в свою комнату, выкрикивая на ходу:

— Мне-ейвис! Мнейвис, ты где?

Мнейвис — одна из моих служанок. Мне требо-валась именно она, так как Мнейвис выгодно отли-

чалась от прочих околачивающихся в доме девиц наличием некоторой сообразительности.

— Бегу, госпожа! — донеслось до меня откуда-то из глубин огромного дома. — Уже бегу!

Мнейвис действительно старалась изо всех сил, но пробежать по длинным коридорам из одного крыла дома в другой — дело нешуточное и долгое. Так что когда она добралась, то застала очень странную картину: я прыгала на одной ноге, пытаюсь одновременно натянуть шаровары, а свободной рукой выдергивала из ушей длинные болтавшиеся серьги. Разумеется, ничего не получалось.

— Госпожа... — растерянно начала Мнейвис, застыв на пороге.

— Молчи, не перебивай! — Я наконец справилась с серьгами, после чего смогла вплотную заняться треклятыми штанами. И за что мне только такое наказание? — Я уезжаю. Надолго. Возможно, навсегда. Вон там стоит шкатулка, можешь взять ее себе. Если захочешь продать то, что в ней лежит, — сходи на Чистоганную, к ювелиру Дженго. Скажешь, что от меня, шемит предложит хорошую цену... Потом можешь смело выходить замуж — приданого хватит до старости. Поняла?

Мнейвис закивала и уставилась на меня преданным взглядом.

— Когда хозяин вернется и спросит, где я, говори, что хочешь, но чтобы походило на правду. — Я затанула пояс и с сожалением подумала, что в Аквилонии сейчас осень. Чего не люблю больше всего — так это холода и сырости. — Скажешь, будто приехали какие-то люди и увезли госпожу. Причем та отбивалась и вопила...

— Тогда бы все услышали, — здраво заметила Мнейвис. — И не позволили увести госпожу против ее воли.

— Да, — согласилась я. — Ладно, скажи, что я сама с ними пошла. И очень обрадовалась. Запомнила?

— Конечно, — затрясла кудряшками Мнейвис и вдруг жалобно спросила: — Госпожа Хилена... А куда ты?

— Далеко. — Я хмыкнула и вытащила со дна сундука длинный и узкий меч в потертых кожаных ножнах. Вообще-то я могла прекрасно обойтись и без него, но лучше предусмотреть любые сложности. Ехать мне далеко, а если в Аквилонии еще и какие-то неурядицы, то на дорогах наверняка беспокойно. Служанка, увидев оружие, ойкнула: — Не волнуйся, меньше знаешь — крепче спишь. Всего хорошего, Мнейвис.

Не дожидаясь ответа, я выскочила за дверь и побежала вниз. Кажется, мне предстоит захватывающе интересное дело, а я совсем недавно убивалась, что помру со скуки!

Лошадь стояла на прежнем месте. Проснувшийся и выбравшийся во двор конюх с недоумением уставился на меня, видимо, не признав в промчавшемся мимо подростке-мальчишке хозяйку. Я не стала задерживаться и растолковывать, в чем дело, запрыгнула в колесницу и стегнула бедную кобылку, не привыкшую к таким скачкам. Мы вылетели за ворота, и я без всякого сожаления подумала, что никогда больше сюда не вернусь. Невелика потеря. Мне всего лишь требовалась укромная нора, где можно пересидеть опасность.

...Седьмой дом по улице Меньял встретил меня тишиной, быстро распахнувшимися створками ворот, и поездкой через несколько соединенных друг с другом внутренних дворов. Я начну свой путь, выехав из ворот дома по совершенно другой улице, а моя колесница и лошадь бесследно исчезнут.

Я не знаю, кому принадлежит этот дом и как зовут человека, встретившего меня в очередном дворе. Знаю только, что он, как и я, служит короне Немедии и что его прозвище Сторож. Думаю, ему обо мне известно не больше, если не меньше. Я для него всего лишь человек, приславший сообщение, что ему необходимо как можно скорее покинуть Ианту.

Мой экипаж куда-то увели, затем во двор с топотом ворвалась упряжка из четырех соловых коней, с легкостью тянущих за собой тяжелую дорожную колесницу. Колесницей довольно умело управлял молодой парень. Он остановил коней в центре двора, спрыгнул, коротко поклонился мне и ушел.

— Это твое, — наконец заговорил Сторож, указывая на фыркающую упряжку. — В колеснице лежит запас провизии на пару дней, арбалет со стрелами и теплые вещи. Вот подорожная и деньги. — Мне вручили плотно скрученный свиток, обвязанный кожаным шнурком, и глухо звякнувший тяжелый мешочек. — Куда едешь, на закат или восход?

— На закат, — ответила я.

— Тогда сможешь поменять лошадей на границе или в Шамаре. Тебе нужно еще что-нибудь?

— Зеркало, — невозмутимо сказала я. Сторож не удивился, только уточнил:

— Большое, маленькое?

— Большое. Не беспокойся, я не повезу его с собой.

— Сейчас принесу. — Он ушел и вскоре действительно вернулся с серебряным полированным зеркалом в резной деревянной оправе. Я установила его на коновязи и заглянула внутрь. С блестящей поверхности на меня смотрела довольно хорошенькая, но ничем особым не примечатель-

ная девица лет двадцати с наивными голубыми глазками и светлыми локонами.

— Всего хорошего, — сказала я госпоже Хилене. Затем зажмурилась и принялась сосредоточенно вспоминать свой настоящий облик. Этому замечательному трюку я научилась не так давно, а состоит он в том, чтобы представить на месте своего лица другое, такое, какое тебе требуется. У меня есть небольшой врожденный дар внушения, и с его помощью я создаю себе любую внешность. Госпожа Хилена, на мой взгляд, не отличалась особой притязательностью, хотя в Ианте многие находили ее очаровательной...

Когда я открыла глаза, зеркало послушно отразило именно мою физиономию. Ту, с которой я явилась на свет и с которой когда-нибудь отправлюсь в путешествие по дороге без конца. Отражение ехидно ухмылялось.

Некоторые утверждают, будто я похожа на кошку. Желающие поспорить со мной непременно добавляют: «На драную кошку с шадизарской помойки». К семейству кошачьих я отношусь с большой симпатией, а потому подобные намеки меня не слишком задевают.

— Спасибо. — Я вернула Сторожу его зеркало. Превращение пухленькой блондинки в поджарую особу с темно-каштановыми волосами и чуть раскосыми глазами светло-желтого цвета его совершенно не заинтересовало. Ну и отлично. Путешествовать я предпочитаю в своем настоящем облике, хотя мой муж постоянно твердит, что это может быть опасным. Но еще опаснее, по-моему, по дороге забыть о необходимости поддерживать поддельную внешность и изрядно напугать окружающих внезапной переменой.

Я забралась в колесницу, разобралась с поводьями и легонько подхлестнула обрадованно заржав-

ших лошадей. Перед нами распахнулись ворота, затем мимо стремительно замелькали начавшие оживать улицы, прогудел под копытами лошадей мост через канал, соединенный с Красной рекой, и вскоре мы выбрались на дорогу, ведущую к закатным границам королевства. И почему только двести лет назад тогдашний король — кажется, Фульк Четвертый — пожалел денег на участие в строительстве Дороги Королей? Насколько бы мне сейчас было проще... Конечно, дороги в Офире неплохие, однако ехать-то мне предстоит дня четыре или пять, почти без остановок и с утра до вечера. Надеюсь, лошади выдержат.

Надеюсь, за это время в Аквилонии не случится ничего непоправимого...

Надеюсь, я успею вовремя...

Я надеюсь...

Глава тринадцатая МОРАДДИН, ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Тарантия, королевский дворец

28-й день второй осенней луны и следующее утро

«...Визит людей в земли Боссонского Ямурлака, первый за пять или шесть минувших столетий, был одновременно и любопытнейшим, и обескураживающим. Ибо маленький отряд, побывавший в Ямурлаке, увидел едва ли тысячную долю чудес и загадок этой затерянной в полуночных лесах страны. К величайшему сожалению, у отряда не было времени даже на то, чтобы как следует рассмотреть и осознать все увиденное. Правда, людям удалось переговорить с некоторыми из обитателей этой таинственной страны и получить довольно четкие ответы на интересующие их вопросы, а также со всей достоверностью установить — в Ямурлаке нет существ, опасных для человека. Что приводит к мрачному итогу — Ямурлак, лишенный своей защиты, в скором времени может стать для проживающих рядом людей охотничьим угодьем...»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

Теперь я могу уверенно заявить любому человеку, утверждающему, будто Ямурлак — гиблое место, что более красивой, необычной и спокойной страны я никогда прежде не встречал, а разговоры о бесчисленных опасностях, поджидающих людей в закрытых землях, являются досужим вымыслом.

Мы вчетвером (а если говорить более точно, учитывая новых необычных спутников — вшестером) вернулись в Тарантию ближе к вечеру 28-го дня второй осенней луны. Дорога туда и обратно, а также короткое пребывание за рубежами Ямурлака заняли полную седмицу. Конану мы привезли новые, доселе неизвестные сведения об этом крае, и двух живых существ, прежде невиданных в мире людей. Грифон Энунд только посмеивался, глядя на наш маленький кортеж, въезжающий в Полночные ворота столицы, — на моем седле, уцепившись прозрачными коготками за куртку, сидела странная тварь, абсолютно прозрачная и крылатая. Второе животное Хальк вез в корзинке, которую придерживал одной рукой. Внутри сплетенной из ивовой лозы корзины, закрытой крышкой, кто-то попискивал, возился, а иногда верещал так, что уши закладывало.

Я сразу заметил, что в главном городе Аквилонии стало гораздо спокойнее — на улицах не отмечалось беспорядков, на каждом углу стоял разъезд конных гвардейцев, а патрули городской стражи обходили кварталы, пресекая любые попытки плебса возобновить недавнюю панику. Тарантийцы поняли, что опасность явления подземного огня миновала, и начали возвращаться в столицу. Кроме того, горожане прекратили поносить государя Конана, видя, что за последние дни он сумел навести порядок в городе, а казна даже выплатила возмещение лавочникам, магазины которых пострадали во время недавних народных возмущений.

У ворот мы предъявили придирчивому десятнику стражи подписанные королем и герцогом Пуантенским подорожные — разумеется, нас пропустили в город беспрепятственно. Миновав главную улицу, ведущую к замку, мы подъехали к его стенам и сразу были опознаны гвардейцами стражи Черных Драконов, благо караул в этот день возглавлял знакомый Хальк, молодой лейтенант, оказавшийся дальним родственником нашего библиотекара.

— Привет тебе, барон Стагис! — Хальк нагнулся с лошади, чтобы пожать руку гвардейцу. — Как дела во дворце?

Грифон, изъявивший желание вернуться вместе с нами в город, вылез из колесницы и по-хозяйски прошел через ворота замка. Лейтенант проводил ямурлакского зверя заученно-невозмутимым взглядом и ответил:

— Юсдаль, у нас очередные неприятности.

— Я так и знал, — вздохнул Веллан, уже спрыгнувший с седла. — В этом королевстве всегда неприятности. Что стряслось на этот раз?

Стагис покосился на бритунийца, но ответил не ему, а Хальку:

— Король получил какое-то письмо, причем самым необычным образом. Государь уже три дня бродит по дворцу и рычит на всех, кого увидит. Даже канцлеру Публио досталось.

— Публио переживет, ему не привыкать, — бессердечно отозвался Хальк. — Стагис, пошли кого-нибудь из своих, доложить Конану, что мы приехали. Пускай назначит аудиенцию, что ли...

Библиотекарь сказал последние слова с ироническим оттенком, и я едва не рассмеялся. Аудиенцию можно было бы просить у Нимеда или у короля Офира, но только не у нашего киммерийца. Не думаю, что Конан даже такое слово знает. В

Тарантии все обстоит просто — к Его Величеству можно вламываться (конечно, только близким друзьям) когда угодно. А Хальк мне недавно рассказывал, давась со смеху, как однажды нарушил покой короля в насквозь лирический момент — Конан уединился с госпожой Эвисандой... И ничего, книжнику безнаказанно сошло с рук то, за что в других странах его бы немедленно обезглавили.

Во дворе мы отдали лошадей конюшним, Веллан и я, сопровождаемые прозрачным сармаком, не пожелавшим отстать от нашего отряда даже после выезда из пределов Ямурлака, пошли в свои комнаты на втором этаже. Хальк, прихватив бесценную корзинку с найденной нами тварью, убежал на самый верх, в библиотеку. Судя по возмущенным репликам поваров, доносившихся с кухни, вечно голодный Энунд сейчас занимался разграблением мясной кладовой дворца.

Для непросвещенных я хочу заметить, что находиться в седле семь дней подряд довольно тяжело даже для человека привычного. Как бы ни была плотна и непромокаема ваша одежда, она все равно насквозь провоняет едким лошадиным потом, а из вашей задницы будет сделана настоящая отбивная — аквилонские седла жесткие, они не покрываются войлоком, как у гирканийцев. Посему я сразу забрал из своей комнаты чистую одежду и направился в термы, расположенные на первом этаже закатного крыла дворца.

Конану в наследство от Нумедидеса и династии Эпимитриев достался великолепный, отлично обустроенный дворец. Я уж не говорю про обширные винные подвалы, сделавшие бы честь любому владыке от Иранистана до побережья Закатного Океана... В замке есть все для удобной и спокойной жизни — заросшие редкими растениями террасы для отдыха, бассейны с золотыми рыбками (возле

них очень любит отвлекаться от насущных дел графиня Эвисанда...), а самое главное — обширные термы, нагреваемые угольными печами. И все эти чудеса скрыты в мрачном и грубоватом с виду замке.

Вслед за мной в термы явился Веллан, миглом забравшийся в парную и просидевший там почти половину колокола. Оборотень заявил, что достаточно промерз на холодных осенних ветрах и желает как следует согреться. Затем мы вдвоем нырнули в обложенный розовым мрамором бассейн с теплой водой, игнорируя вкрадчивые вопросы главного дворцового банщика, наподобие: «Может быть, благородным господам угодно отдохнуть вместе с прелестными девами?»

Я лишь заказал ему кувшин сладкого красного вина и фруктов. Веллан меня поддержал.

— Пускай вас сожрут живьем демоны Сета! — Этот возмущенный возглас донесся от дверей терм. — Я сижу, жду, когда мне представят отчет о поездке, а вы что творите? Мораддин, знаешь, за последние пятнадцать лет ты изменился в худшую сторону!

— А именно? — Я присел на погруженный в воду каменный выступ бассейна и повернулся на звук голоса. Ну конечно, Его Величество Конан пожаловал лично и, между прочим, в сопровождении своей фаворитки. Я никогда не страдал излишней стыдливостью, Веллан, судя по всему, тоже, а потому мы не стали срочно заворачиваться в предложенные банщиком тоги. В конце концов, графиня Эвисанда наверняка видела и не такое...

Не успел король закончить свою вдохновенную речь, в которой обвинял меня в привившейся изнеженности, как грохнула дверь и появился Хальк. Книжник буркнул в адрес Конана что-то привет-

ственное, получив в ответ широкую улыбку и кивок, сбросил тунику и сразу ушел в парную.

— Мораддин, — страдальческим голосом воззвал ко мне Конан. Эвисанда молча уселась на обитый красным бархатом диванчик и, подозревая банщика, приказала принести легкого белого вина. Сармак, не отходивший во дворце от меня, неожиданно запрыгнул в пустовавший соседний бассейн и начал кувыркаться в теплой воде. — Мораддин, если ты сейчас же не расскажешь мне о вашем путешествии, я прикажу тебя казнить как немедийского шпиона! А голову отошлю Нимеду, в подарок!

— Тогда получишь войну с соседней державой, — рассмеялся Веллан. — Конан, не забудь, граф Эрде — правая рука немедийского короля...

— Рассказывайте! — рявкнул король и, неожиданно стащив с себя рубаху и штаны, тоже запрыгнул в бассейн, подняв тучу брызг. Когда он вынырнул, фыркая, синие глаза киммерийца смотрели на меня в упор. — Хватит тянуть! Что вы узнали и что привезли с собой?

Ответ на последний вопрос выбрался из соседнего бассейна, встряхнулся и подошел к графине Эвисанде. Сармак, обняв платье фаворитки, вскочил к ней на колени и начал тереться мордочкой о плечо.

— Какая прелесть! — восторженно проворковала Эви. — Вы это привезли из Ямурлака? Месьор Мораддин, а почему это животное такое прозрачное?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Госпожа графиня, мне сармак абсолютно не нужен. Прими зверька в подарок...

— Спасибо, — обольстительно улыбнулась Эвисанда, глядя правой рукой голову прозрачной твари. — Это очень мило с твоей стороны... А чем он питается?

— Эзунд утверждает, что самоцветными камнями, вроде нефрита или оникса, — ответил я. — Думаю, ни в одном дворце мира не найдется столь необычного домашнего любимца.

Конан ударил ладонью по воде, окатывая меня брызгами, и сказал:

— Эвисанде ты потом все объяснишь. Что вы узнали, сколько можно спрашивать? Хальк бегал по дворцу с выпученными глазами и орал, будто Ямурлак — чудо природы. Веллан, может, ты объяснишь, что происходило?

Оборотень ухмыльнулся, сложил руки над головой и с размаху нырнул. Появился он только возле противоположного края бассейна.

— Отцепись, варварская душа, — отплевываясь и мотая мокрой головой, заявил бритунец. — У нас здесь Хальк самый умный. Выйдет из парной и все расскажет. А я отдыхаю, не видишь разве?

Конан в несколько гребков доплыл до оборотня, схватил его за плечи и попытался утопить. Некоторое время продолжалась буйная потасовка, в которой никто не мог одержать верх, поднятые двумя варварами волны перекатывались через край бассейна, а Эвисанда, почесывая за ухом разлегшегося на ее коленях сармака, тихо посмеивалась.

— Эй, вы! — Это был голос Халька. — Вы что творите?

— Сейчас я его утоплю, — прорычал Конан. — И мы поговорим!

— Смотря кто кого утопит. — Веллан вцепился обеими руками в голову короля и, невзирая на сопротивление, погрузил ее в воду. — Хальк, ты начинай...

Немного погодя Конан и Веллан прекратили шуточную драку в воде, подплыли к бортику бассейна и уселись на нем. Хальк, завернутый в бело-

снежную с золотистой оторочкой тогу, присел на диванчик рядом с Эвисандой, неторопливо налил себе вина, сгрыз персик и, посмотрев на короля с нескрываемым злорадством, сказал:

— Интересно, да? Будешь локти себе грызть из-за того, что не поехал с нами! Ладно, слушай. Мы прибыли в Ямурлак пять дней назад...

* * *

Хальк, как человек книжный и склонный замечать многое, не видное другим, говорил долго, обращая внимание короля на самые мелкие детали. Но сейчас я попытаюсь рассказать наши приключения после встречи с гигантским василиском по имени Тлакочауака своими словами. Извините, если повествование выйдет сбивчивым и не слишком внятным.

Тлакочауака, которого обитатели Ямурлака для простоты называли Тачем, несмотря на свою непомерную огромность, оказался очень милым созданием. Единственно, Тач был несколько велеречив и обстоятелен, отчего речи василиска продлились до заката и отряд вынужден был заночевать в пространстве меж его передних лап, больше напоминавшем горное ущелье. Однако мы прекрасно сознавали, что, будучи гостями Тача, находимся под его защитой и нам не страшны любые чудовища. Впрочем, достоверно выяснилось: в Ямурлаке не водятся монстры, опасные для жизни человека и все обитатели этой земли — как разумные, так и неразумные — относятся к людям с симпатией. Кроме, разумеется, выродившихся и обозленных альвов. Но те не посмели бы напасть на нас, так как боялись грифонов и самого древнего существа, ныне живущего на Закатном материке.

Тач рассказал нам многое. Сам он происходил из породы василисков, появившихся на свет при

самом сотворении мира. Василиски растут в течение всей жизни, а потому Тач, единственный из рода обосновавшийся в Ямурлаке и остававшийся под защитой волшебной стены, вырос до столь немислимых пределов. Вся беда василисков состояла в том, что их третий глаз, расположенный посреди лба, чудесным образом превращал любое живое существо в камень. Поэтому люди очень не любили это племя и всячески истребляли. По словам Тача, сейчас на Закатном материке осталось всего девятнадцать его сородичей, укрывшихся в самых недоступных человеку местах.

Да, Тач, проживший не меньше восьми тысяч лет, помнил, как зеленое пламя, ныне поставившее под угрозу самое существование государств людей, появлялось и раньше. Явления подземного огня происходили один раз за три тысячи лет, но сейчас случилось необычное: зеленые облака, выбрасываемые подземными тварями, в последний раз видели всего тысячу двести лет назад, во времена жизни святого Эпимитриуса и основания Аквилонии.

— Я помню, как атланты и кхарийцы боролись против подземного огня, — спокойно, с расстановкой, говорил Тач. Мы вместе с Велланом, Хальком и Энундом расположились на войлочной подстилке возле левой лапы василиска и глаза Тача, размером с десятиведерную бочку, взирали на нас с высоты. Хвала богам, что третий глаз гигантского чудовища был постоянно закрыт. — Впервые то, что вы сейчас обрисовали в своих речах, появилось спустя два солнечных круга после падения огромной небесной горы в каменистые пустоши на полуночи континента. Случилось тогда невероятное потрясение всех основ мира. Много лун над землями, теперь занятыми людьми, стояли черные облака пепла, не пропускавшие солнечный свет, а бли-

же к полуночным пределам внезапно воздвиглись горы...

— Это же Граскааль! — воскликнул Веллан, перебив старейшего. — Гномы нам рассказывали, будто Граскааль появился после падения Небесной горы!

— Возможно, — согласился Тач. — Но я говорю о другом. Люди, называвшие свою землю Атлантидой, и кхарийцы, основавшие великие королевства, из коих теперь осталась лишь Стигия, были сильны в волшебстве. Они поставили преграду на пути подземного огня. Спустя три тысячи лет, когда я еще жил в землях людей, невозбранно бродя по полуночным пределам, зеленое пламя появилось снова. Но среди людей, предпочитавших наименование «хайборийцы», обнаружился один, остановивший подземных тварей, которые, как я полагаю, явились к нам из другого, чужого всем разумным существам, сотворенным Митрой ж Богом Единым, мира. Я не помню, как его звали, этого человека...

— А что с ним случилось? Он выжил или погиб? — спросил Хальк.

Громадная голова Тача приблизилась к нам на расстояние десятка шагов, и мы явственно почувствовали горячее дыхание василиска. Закрытые кожистыми клапанами ноздри то расширялись, то опадали. Наверное, старейший знал, что его выдох, будто ураганный порыв, сметет людей и отбросит их далеко в сторону, а потому Тач поднял голову и с высоты прохрипел:

— Люди потом рассказывали, будто человек погиб в поединке с неким великим богом, предавшимся Тьме. Меня не интересуют дела богов... Однако сразу после смерти этого подвижника здесь, меж двумя отрогами гор и рукавами реки, воздвиглась волшебная стена, образовавшая границы

Ямурлака. Думаю, что человек, коему боги — великие духи, созданные Единым, — оказывали величайшее благоволение, выбросил существо, владеющее зеленым огнем, сюда и запер его в этом краю.

— Подожди немного. — Теперь вскочил я и стукнул кулаком по толстой чешуйчатой броне, покрывавшей лапу Тача. — Ты хочешь сказать, будто тварь, виновная в появлении подземных чудищ, здесь, в Ямурлаке?

— Да, — бесстрастно ответил старейший. — Скорее всего, существо живет здесь. И я знаю, где именно.

— Грифоны тоже знают. — Энунд был удивительно бесцеремонен, прерывая гигантского василиска и вскакивая на его лапу, а затем на нос. — Тач, ты говоришь о закрытом облачной стеной полуострове озера Зеленой Тени?

— Слезь с моей ноздри, — недовольно потребовал старейший и, только когда грифон соскочил на землю, продолжил: — Верно. Неподалеку, к полуночному восходу, всего в трех сотнях моих шагов, считая от этого места, на большом озере есть полуостров, уже тысячу двести восемьдесят солнечных кругов накрытый плотной стеной облаков. Никто не знает, кто там живет. Тяжелый страх отпугивает любое существо, появившееся возле озера.

— Мы пойдем туда, — с неожиданной решимостью в голосе сказал Хальк. — Однако я хотел бы узнать у тебя, великий дракон, кто там может прятаться?

— Я не дракон, — слегка раздраженно ответил Тач. — Я василиск. Драконы — лишь наши дальние родственники, не обладающие способностью к волшебству. — Старейший прервался, довольно долго молчал, размышляя, и наконец изрек: — Наверное, если у вас хватит смелости, вы найдете тварь,

некогда запертую в Ямурлаке. Она пришла в наш мир вместе с небесной горой. Раньше говорили, будто она велика размерами, светится зеленым и жутко выглядит. Ни одно творение богов не могло сравниться с ней по силе. Что именно хочет это существо — я не знаю. Знаю лишь, что оно пробуждается от сна один раз за три тысячелетия, а теперь проснулось раньше... Я могу предложить следующее: вы оставляете лошадей на попечение моих слуг. — Тач неожиданно издал тоненький мелодичный писк, всмотрелся в сгущающиеся сумерки и удовлетворенно рыкнул. Со стороны леса появились какие-то тени, несколько напоминавшие лошадей. Единственно, к туловищу коня была приставлена голова человека. Существа остановились неподалеку, не решаясь подходить к нам. — А завтра утром я отвезу вас к облачной стене. Договорились?

— Конечно, — поклонился Хальк. — Я и мои друзья согласны. Мы останемся на ночь возле тебя, о великий. Однако я прошу Тача из рода василисков... — Хальк сделал паузу и задумался, решая, как правильно сказать: — ...Я прошу тебя не шевелиться, иначе ты нас раздавишь. Мы маленькие, ты большой...

— Хорошо. — Из глотки гиганта послышались звуки, напоминающие смех. — Устраивайтесь рядом, разводите огонь и ни о чем не беспокойтесь. В любом случае я смогу защитить гостей и постараюсь не причинить вам неудобств. Кстати, если вы боитесь врага, я покажу вам, на что способен...

Никто из нас совершенно не заметил пролетающую неподалеку стаю гусей. Я лишь поднял взгляд выше и увидел, что посреди лба огромного ящера, принявшего нас под свою защиту, на краткий миг приоткрылся третий глаз, устремленный на вожа-

ка стаи. Спустя мгновение гусь прервал свой полет и упал на землю в тридцати шагах от нашего маленького лагеря. Веллан вскочил на ноги, отбросив в сторону флягу с вином, и кинулся к упавшей в вересковые заросли птице. Вскоре он притащил в руках каменное изваяние гуся, больше похожее на украшение королевского замка в Тарантии. Мы все поняли, что василиск Тач действительно имеет право считаться величайшим среди всех жителей Ямурлака — существо, способное обратить в камень любого, но не использующее данное от рода волшебство против разумных существ, достойно уважения.

— Ложитесь спать, — спокойно посоветовал Тач. — Я тоже отдохну до рассвета. А ваши лошади погуляют вместе с моими слугами. Завтра утром я отвезу вас к Туманному полуострову. Как, рискнете проехаться на моей спине?

— Да, старейший, — снова кивнул Хальк. — Мы были рады выслушать твои речи.

— Очень хорошо, — ответил василиск. — А теперь ты расскажешь мне, что происходит в окружающих землях. Я так давно не говорил с людьми...

Я и Веллан пошли за дровами для костра, Энунд улегся спать, сармак, недавно прибившийся к нам, ползал по лапе василиска, изредка пробуя на зуб чешую древнего чудовища, а королевский библиотекарь Хальк, устроившись возле когтя Тача, начал неторопливую повесть о истории Аквилонского королевства за последние пятьсот лет.

На Ямурлак опустилась ночь, где-то неподалеку слышались возгласы неких таинственных существ, вышедших на полуночную охоту, а люди, расположившиеся лагерем у лап самой огромной твари мира, невозмутимо готовили ужин. Никогда бы не подумал, что такое может произойти...

Перед самым восходом солнца Тач разбудил нас тем, что пощипал передней лапой. Земля ощутимо заколебалась, когти василиска оставили глубокие, как канавы, борозды среди вересковой пустоши, а мы, решив, что началось землетрясение, в легкой панике вскочили на ноги.

Далеко за Немедийскими горами небо окрасилось в оранжево-розовые цвета, над Закатным Океаном еще горели последние звездочки, и в скалах Ямурлака свистел холодный ветер, налетавший со стороны Киммерийского хребта. Кона ну наверняка очень бы понравилось подобное утро — он всегда был чуточку романтиком...

— Не стоит тратить время на еду. — Веллан посмотрел на остатки вчерашнего жаркого и начал заворачивать мясо в промасленную холстину. — Пожует в дороге. Собирайтесь быстрее!

— Да, — прогремел сверху Тач. — Очень разумная мысль. Между прочим, ты, беловолосый, можешь запросто сбегать на четырех лапах в лес и найти кролика. Если будешь голоден, конечно.

— Постой. — Веллан вскинул голову и посмотрел на склонившегося к нам Тача. — Я ведь не говорил, что я... Ну что я не совсем человек.

— Я умею различать, — сказал василиск. — Извини, если упоминание о присущих тебе свойствах Карающей Длани было неприятным.

— Брунда какая! — возмутился бритунец и тут же рассмеялся: — Здесь все знают, что я оборотень. А мне нравится быть и человеком, и волком одновременно.

— Тут недалеко, — как-бы невзначай сообщил Тач, — есть несколько деревень твоих родичей, осевших в Ямурлаке. Хочешь, мы потом их навестим? Они очень хорошо относятся ко мне.

Пока василиск и оборотень чесали языками, мы с Хальком упаковали дорожные мешки и встали рядом с Велланом. Стало достаточно светло, чтобы видеть дорогу и пора было отправляться в путь, к непонятному озеру Зеленой Тени. Я понимал, какую авантюру мы затеваем: если даже Тач побаивается заходить в те края, то как мы, люди, будем противостоять засевшей в укромном уголке нечисти? Один Хальк, похоже, ни о чем не беспокоился. Господину библиотекарю наверняка было интересно сунуть голову под лезвие топора, дабы *просто посмотреть*, что из этого получится...

— Забирайтесь мне на загривок, — скомандовал наконец Тач и медленно опустил громадную ящеричью голову на землю, меж передних лап. Грифон, цепляясь когтями за жесткую чешую василиска, совершенно по-кошачьи залез ему на голову и вопросительно оглядел с высоты нас. Веллан двинулся первым, бурча под нос:

— Не-ет, Эртель точно удавится от зависти, когда буду рассказывать... Кто бы мог подумать, что я однажды покатаюсь на спине василиска?

Мы устроились на короткой бугристой шее ящера, и я не переставал удивляться величине этого безобидного существа. Лоб Тача был в ширину не меньше десятка шагов, а в рассветных сумерках было невозможно определить, как далеко находится кончик его хвоста.

Веллан, я и Хальк уселись на жестком кожистом гребне, выраставшем из хребта василиска, Энунд разлегся возле наших ног, и тотчас послышался вздох Тача. Гигант шевельнулся, поднялся на ноги и сделал первый шаг.

— Невероятно, — бормотал Хальк, покачиваясь в ритме движения василиска. — Он же такой огромный, наверняка очень тяжелый! Почему мы не

видели следов в округе? От его лап земля должна продавливаться на много локтей!

Видимо, мы находились неподалеку от ушей ящера, и Тач расслышал слова библиотекаря.

— Я никогда не оставляю за собой следов, как это понимают другие живые твари, — сказал он. Мимо проплывали холмы, поросшие чахлыми деревцами, и, куда ни взгляни, багровел вереск. — Это умение дано от рождения всем василискам. Когда я иду, я не ощущаю тяжести своего тела, а почему так получается — не знаю.

— А-а, — понимающе протянул Хальк и неожиданно взглянул вверх. В небе кружили какие-то большие птицы, кричавшие почти человеческими голосами. — Энунд, кто это?

— Гарпии, — грифон лениво потянулся и зевнул. — Не беспокойтесь, не нападут. Наверное, гарпии полетели в сторону гор, охотиться на баранов... Хальк, почему ты мне не позволяешь летать? Крыло теперь совсем не болит.

— Рано, — помотал головой книжник. — Не думаю, что кость срослась так быстро. Потерпи еще половину луны, а потом летай, сколько душе угодно.

Мы не совсем правильно оценили расстояние от Розовых холмов до озера. Тач говорил, будто ему достаточно пройти три сотни шагов. Однако следует учитывать, что один шаг старейшего равнялся половине стадиа... Вот и получилось, что путь оказался не короче полутора лиг.

Пустошь сменилась обычным для Ямурлака редким сосновым лесом, и меня мороз драл по коже, когда слышался хруст ломаемых Тачем столетних деревьев. Для него сосна в два обхвата наверняка казалась травинкой. Какое счастье для человеческого рода, что древние чудовища почти все вымерли! Что произошло бы, вздумай васи-

лиск, пускай даже и не столь громадный, как Тач, помериться силами с армией людей? Убить такое существо практически невозможно, а вот его третий глаз за мгновение обратит в каменные статуи десяток конных центур...

Веллан, которому надоело сидеть на месте, отправился гулять по спине василиска и теперь всю расхаживал между росшими на спине Тача шипами. Вернулся оборотень необыкновенно довольным, держа в руке несколько птичьих яиц.

— Голуби у него на хребте гнезда свили, — сообщил бритуниец. — Никогда этого путешествия не забуду...

Он выделил нам с Хальком по одному голубиному яичку, а сам принялся высасывать остальные.

Тач двигался довольно медленно, отчего в окрестности озера мы попали лишь за два колокола до полудня. Скрывшееся в широкой ложине озеро Зеленой Тени было большим и овальным, берега поросли темными елями, а противоположный берег почему-то был укрыт густым белоснежным туманом. Наверное, это и была стена облаков, о которой говорил Тач. Едва мы увидели ровную синюю гладь озера, откуда-то пришло чувство беспокойства и неуверенности — Веллан начал подозрительно озираться, Хальк встал, пристально всматриваясь в туман, а Энунд взъерошил перья на загривке и чуть слышно порывкивал. Чем ближе Тач подходил к берегу, тем сильнее проявлялось ничем не обоснованное чувство страха.

— Нас просто пугают, — проворчал бритуниец. — Оно не хочет, чтобы мы приходили...

— Ты прав, оборотень, — слышался голос василиска. — Я не пойду в туман. Не хочу. И отсоветовал бы вам идти, но я не вправе навязывать свою волю. Я буду ждать вас десять полных дней.

Земля, укрытая туманом, очень невелика, и вы наверняка сможете обнаружить искомое до сегодняшнего заката. Но я все равно буду ждать десять дней.

Вскоре Тач остановился, с хрипением опустился брюхом на землю, и неугомонный Хальк (сейчас бледный и всерьез напуганный) первым спрыгнул вниз.

— Я останусь со старейшим, — капризно заявил Энунд. — Не полезу в пасть дракона ради вашего любопытства!

— Да пожалуйста, — отмахнулся книжник и вопросительно посмотрел на меня и Веллана. — А вы?

Я просто кивнул, а Веллан нервно улыбнулся и пожал плечами.

— Пошли, — сказал он. — Все равно смерть бывает только одна.

Мы спустились по обрывистому берегу к самой кромке воды и двинулись в сторону колыхавшегося тумана. Стало заметно, что облако, словно купол, укрывает начинающийся в полутысяче шагов от нас длинный полуостров, далеко вдающийся в воды озера. По моей оценке, туман застилал не меньше десятка акров земли.

...Хальк остановился перед туманной стеной и несколько раз судорожно вздохнул. Страх усилился неимоверно, мне и самому казалось, что еще немного — и я побегу обратно со всех ног, лишь бы убраться отсюда побыстрее. Я повернулся и увидел, как вдалеке, над верхушками сосен, маячит голова пристально наблюдающего за нами Тача. Рыжая крапинка на его лбу — наверняка Энунд.

Веллан, тяжело дышавший и взмокший, неожиданно вытащил меч и, шагнув к облаку, ткнул в него острием клинка. Лезвие рассекло пустоту.

— Чисто, — сказал бритуниец. — Там ничего твердого. Однако идти туда не хочется...

— А ты думаешь, нам сейчас легко? — раздраженно проворчал библиотекарь. — Ну что, решаемся?

— Убью! — вдруг рявкнул Веллан, замахнулся мечом неизвестно на кого, прыгнул вперед и сразу исчез в плотном бурлящем мареве.

— Мы же так потеряем друг друга! — заорал Хальк и кинулся вслед. — Вернись, нелюдь проклятая!

Мне не оставалось ничего другого, как пойти за ними. Меньше всего сейчас хотелось оказаться целью для клинка бритунийца, который может в тумане принять меня за местное чудовище. Оставалось надеяться, что этого не произойдет.

Туман рассеялся буквально через пять шагов. Но самое интересное в том, что, едва я вышел из облака, чувство страха полностью исчезло. Веллан и Хальк, стоявшие немного впереди, тоже недоуменно оглядывались, а оборотень бормотал:

— Честное слово, демоны морок навели... Не бывает такого.

Лес, заросли папоротников и нагромождение бурелома, оставленные нами позади, будто сквозь землю провалились. Подошвы сапог шуршали по абсолютно гладким плитам, коими была выложена земля. Впереди, в полусотне шагов, виднелись какие-то удивительные сооружения, напоминавшие увеличенные в сотни раз кристаллы горного хрусталя. Посреди скопления маленьких прозрачных домиков, смахивающих на стеклянные пчелиные улья, возвышался идеально ровный голубоватый купол. Выглядело все безжизненно — ни одного движения, солнечного блика, отсутствовали запахи, движение воздуха... Только колыхалась закрывшая это странное место туманная стена.

— По-моему, здесь некого убивать, — шепнул Хальк Веллану. — Тут и без тебя все давно умерли.

— А если оно прячется? — справедливо возразил оборотень и выставил меч перед собой. — Чего стоите, давайте хотя бы рассмотрим, что здесь понастроили...

Мы прошли дальше, миновав выраставшие из каменных плит стеклянные пирамидки, внутри которых ничего не обнаружилось, а Хальк напрямик двинулся к синей полусфере, поднимавшейся на высоту двух человеческих ростов.

— Двери нет, — сказал нам библиотекарь, обойдя полусферу вокруг. — Звуков внутри тоже нет. Я не понимаю, где мы оказались?

— Это ни на что не похоже, — кивнул я. — Люди подобных сооружений никогда не возводили. Гномы тоже, насколько я знаю. Может быть, это место сохранилось с самых древних времен, когда людей на земле и вовсе не было? Да и зачем это построили? Здесь нельзя жить...

— Однако кто-то напускал на нас страх, — возразил Веллан. — Не знаю, может, это было колдовство, сохранившееся после умершего хозяина?

— Постойте-ка. — Хальк, оттолкнув бритунийца, подбежал к стоявшему неподалеку стеклянному домику. — Гляньте, в других пирамидах ничего нет, а здесь лежит какая-то штукавина!

Мы окружили четырехгранную стеклянную башенку, высотой едва достигавшую человеческого пояса, и начали разглядывать хранившуюся внутри вещь. Больше всего она напоминала маленький прозрачный шарик с чуть теплящимся внутри зеленым огоньком.

— Надо достать, — уверенно сказал Веллан. — Если самим не пригодится — загоним в Тарантии какому-нибудь волшебнику, он разберется. — И саданул по прозрачным стенкам рукоятью меча.

Зазвенели стеклянные осколки, шарик, мигом подобраный Хальком, вдруг засветился ярче, а за нашими спинами раздалось шипение. Я развернулся на каблуках, вытаскивая меч из ножен за спиной.

Ничего страшного не произошло. Просто лазоревый купол треснул в нескольких местах и раскрылся, будто цветок. Внутри купола, к великому огорчению Халька (глаза библиотекаря просто из орбит вылезали от любопытства), не было притаившегося чудовища, горы золота или алмазов, ну или какого-нибудь волшебного предмета. Лишь прежние стеклянные пирамидки с шариками внутри.

— Странно, — вздохнул Хальк. — Никого нигде нет.

Веллан, обойдя один из лепестков купола, зашел внутрь и начал внимательно осматриваться.

— Хальк! — вдруг завопил он и замахал рукой, подзывая нас. — Иди сюда, здесь кто-то живой!

Меж двумя стеклянными треугольниками, которые заполняли все пространство внутри раскрывшегося синего купола, лежало, свернувшись калачиком, маленькое существо размером самое большее с кошку. Пушистая белая шкурка, острая мордочка, отдаленно напоминавшая медвежью или росомашью, и короткий хвостик... Маленькая тварь спала — это было заметно по движениям груди.

Больше никого и ничего вокруг не было.

— Это что? — Веллан оторопело посмотрел на библиотекаря. Хальк пожевал губами, задумался и изрек:

— Животное. Маленькое.

Он нагнулся и осторожно взял зверька на руки. Существо тихонько пискнуло, раскрыло глаза, оказавшиеся небесно-голубыми, и с интересом посмот-

рело на нас. Лапки, напоминавшие обезьяньи, крепко держали Халька за воротник.

— Будь внимателен, укусит, — заявил Веллан, на всякий случай отодвигаясь в сторону. — Может, я лучше пойду осмотрю все остальное?

— Давай, только осторожнее, — согласился я. Библиотекарь уже вовсю ворковал со зверюшкой. На мой взгляд, тварь не была разумной, а напоминала обленившуюся белую кошку из гостинной аквилонской дворянки. Кусаться она, похоже, вовсе не собиралась.

Некоторое время ушло на то, чтобы осмотреть прочие сооружения, внутри которых не обнаружилось абсолютно ничего интересного. Бритуниец кровожадно предложил перебить здесь все, но мы с Хальком запротестовали. Я забеспокоился, что в случае, если мы поведем себя как варвары, хозяин странного обиталища возмутится и покажет свою силу. В душе я даже немного радовался тому, что мы не обнаружили здесь существо, о котором говорил Тач, — большое зеленое чудовище, явившееся в наш мир неизвестно откуда. Не думаю, что трое людей могли бы противостоять созданию, которого боялся даже гигантский василиск. По крайней мере сейчас мы выяснили: здесь отсутствуют любые опасные твари, нет привычных нам картин или записей, способных пролить свет на историю появления в Ямурлаке облачной стены, и знаем, что данное место необитаемо. Почти.

Белая зверюшка пригласилась на руках у Халька и снова заснула. Я и Веллан постарались осмотреть ее подробнее по просьбе библиотекаря, знавшего, что гномы и оборотни способны чувствовать необычное. Я не нашел в маленьком существе ничего странного и отличного от прочих живых тварей. Веллан, воспринимавший окружающее не-

сколько тоньше меня, немного подумал и проговорил:

— Знаете, друзья мои, я полагаю, что мы нашли... Нет, это не передать человеческими словами. Я вижу, что зверь родился не здесь. Я имею в виду, не в Хайбории. — Бритуниец наморщил лоб и поскреб пальцами в виске. — Оно не злое, я умею распознавать тьму в душах. Оно особенное. И потом, я не думаю, что зверек разумен, как мы. Больше пока ничего сказать не могу.

Мы решили уйти и оставить все как есть. Хальк тут же заявил, что возьмет зверька с собой — на память о Ямурлаке. И вдобавок, наверное, пушистой тварюшке скучно за облачной стеной.

...Когда мы вышли в лес, я не сразу заметил изменения и лишь некоторое время спустя понял: отгонявший нас страх больше не появлялся. Такое впечатление, что некто, доселе пребывавший внутри туманного купола, понял: люди не представляют для него опасности.

Тач отнесся к нашей находке недоуменно. Во-первых, ему требовалось время, чтобы рассмотреть немыслимо маленькую для него тварь. Во-вторых, василиск, тоже обладавший необычайными способностями, не распознал в ней опасного.

— Это не может быть хозяином зеленого огня, — уверенно сказал Тач. — Но что именно вы нашли — я не представляю. Ладно, если вы закончили свои дела, залезайте на спину и поедem обратно. Кстати, я заметил странную вещь: облачная стена больше не отпугивает меня.

«Любопытно, — подумал я. — Мы ехали в Ямурлак, чтобы разрешить загадки, поставленные нам подземными чудовищами. А теперь вопросов только прибавилось... Кто жил (или живет?) на полуострове озера Зеленой Тени? Что за существо мы обнаружили здесь и взяли с собой? Правду ли

говорил Тач о борьбе хозяина зеленого огня с неким человеком? Или, может быть, древний василиск что-то перепутал? Непонятно... А самое главное — как теперь следует поступить? Если зеленое пламя появится заново, то нам вряд ли удастся остановить его».

Мы попрощались с Тачем этим же днем, оставив василиска отдыхать на вересковых пустошах. Хальк, на мой взгляд, несколько погорячился, пригласив ящера зайти однажды в Тарантию, в гости к королю. Воображаю, какая паника поднимется на полуночи Аквилонии, когда василиск размером с крепостную стену двинется в сторону столицы... Однако Тач милостиво согласился, сказав:

— Я обязательно приду. И вообще, спасибо вам за визит. Я не видел людей уже много столетий. Напоследок я хотел бы предупредить вас — Ямурлак очень древняя земля, и все ее обитатели непривычны для человеческого рода. Запомните: все вышедшее из Ямурлака в новый, человеческий мир, может принести людям много неприятностей. Хотя бы потому, что сменившие атлантов хайборийцы не ведают о великих чудесах прошлого и боятся их. Боятся не потому, что мы представляем опасность, а из-за необычности. Люди живут коротко и беспмятно, ваши народы не сохраняют воспоминаний о минувшем. Если бы вы помнили, то могли бы избежать многих неразумных страхов... Желаю вам удачи. Будет тяжело — приходите ко мне. Василиск Тлакочауака постарается помочь новым хозяевам этого древнего мира...

Существа, почти точно описанные в аргосских легендах, рассказывавших о кентаврах, привели наших лошадей и молча ускакали прочь. Мы раскланялись со старейшим, Энунд попросил Тача передать родичам-грифонам, что возвращается в

город людей, а Веллан, узнав, что дорога обратно пролегает через владения оборотней, и вовсе пропал.

К полуденным границам Ямурлака мы вышли следующим утром, переночевав в гостеприимном доме вожака местных оборотней, принявшего Веллана как брата. Было очень интересно наблюдать за этими осколками рода Карающей Длани, уже много столетий оторванных от остального мира. Уклад жизни, нравы, и даже мелкая домашняя утварь, по словам Халька, остались неизменными со времен основания Аквилонии. Мы, будто по воле Бога Времени, прошли сквозь долгие годы, оказавшись в эпохе, предшествовавшей зарождению нынешних королевств Заката.

Перейдя границы Ямурлака, мы поехали к тракту, связывавшему полуночные графства и центральные области Аквилонии. Спустя два дня отряд должен был прибыть в Тарантию...

* * *

— Вот, собственно, и вся история. — Хальк раскланялся перед слушателями, картинно набросив на левую руку полу тоги. Сейчас господин летописец напоминал известнейшего аквилонского сказочника Петрониуса, сочинявшего чудесные истории для детей. — Таким образом, мой король, барон Юсдаль, граф Эрде и... Вел, у тебя есть какой-нибудь титул? Нет? Какая, впрочем, разница... Так вот, указанные благородные дворяне прибыли в твою столицу, государь Конан из клана Канах. Можно начинать аплодировать.

— Канах... — вздохнул Конан. — И зачем только я в молодости уехал из Киммерии? Жил бы как человек, был бы воином и охотником, а теперь... Хальк, ты сейчас много натрепал, и я склонен тебе

верить, потому что Веллан и Мораддин не опровергали твои сказки.

— Вовсе это и не сказки! — возмутился бритунец и, набрав в горсти воды, плеснул ею в короля. — Мы же тебя предупреждали: таких чудес, как в Ямурлаке, ты нигде не увидишь!

— У нас свои чудеса, — мрачно проворчал король. — Письма вываливаются неизвестно откуда... А в твоём любимом Пограничье творится вовсе невообразимое.

— Постой. — Я поднял руку, призывая всех к тишине. — Конан, один гвардеец нам насплетничал, будто ты получил странное письмо. Оно из Пограничья, правильно?

Конан склонил голову.

— Спорим, я отгадаю, от кого пришло послание? — воскликнул Веллан. — От короля Эрхарда? Или депешу прислал Тотлант?

— В яблочко, — усмехнулся киммериец. — От них обоих. Сижу я, понимаешь, за столом, смотрю какие-то бумажки, подсунутые канцлером... Кажется, план указа о ценах на драгоценные металлы. И вдруг над столешницей появляется огненное кольцо, из него прямо мне в физиономию летит запечатанный пакет, а голос нашего стигийца — никогда его не забуду! — сообщает: «Конан, прочитай как можно быстрее и дай ответ голубиной почтой».

— А, знаю! — Я даже рассмеялся и хлопнул ладонью по воде бассейна. — Это называется почтовым порталом. У нас в Немедии некоторые колдуны способны на такое. Письмо пересылается мгновенно. Конан, расскажи лучше, что было в послании.

— Зачем рассказывать? — раздраженно поморщился король. — Я его уже три дня таскаю с собой, в поясе. Эви, передай, пожалуйста.

Конан вылез на край бассейна и вопросительно посмотрел на графиню Эвисанду. Фаворитка нашла в беспорядочной куче сброшенной киммерийцем одежды широкий ремень с нашитыми кармашками и извлекла помятый пергаментный свиток.

— Это? — с удивительной для меня (прекрасно знающего, кем именно является Эвисанда), невинностью спросила красавица.

— Конечно, — буркнул Конан и, забрав переданный свиток, начал читать. Единственно, в начале он подозрительно посмотрел на меня и сказал:

— Мораддин, мы, конечно, старые друзья, но не забывай, что я верю другу и опасаясь начальника тайной службы Немедии. Понял?

Я кивнул. Я никогда не использую в интересах службы хорошие отношения с Конаном Канах. Этот человек для меня много значит, и поссориться с ним никак не хочется.

— Вот, — проворчал Конан. — Слушайте. *«Государю Аквилонскому, великому владыке Пуантена, Боссонии, Таурана и прочих земель под скипетром Аквилонским находящихся, Его Величеству Конану I от повелителя Королевства Пограничного Эрхарда, сына Этельвульфа и придворного волшебника Тотланта Стигийского».*

— Ну завернули, — расхохотался Веллан. — Сдуреть можно! А я не думал, что Тотлант успеет за последние две луны получить должность дворцового мага. Силен!

Конан продолжал читать:

— *«Привет, киммерийское отродье!»*

Общий взрыв смеха потряс термы. Хальк аж сполз на мраморный пол с диванчика, держась за живот, а сам Конан, тщательно пытаясь сохранить королевское достоинство, фыркнул под нос. Ничего себе переписка между королями!

— «Надеюсь, ты жив и здоров. Мы полгода назад долго удивлялись, что старый знакомец по истории с Вешеным Вожаком¹ придушил болвана Нумедидеса и занял трон. Я, кажется, предлагал тебе стать королем Пограничья в ту самую ночь, когда прирезали Хьярелла. Теперь я знаю, почему ты не согласился. Здесь столько работы, что твои киммерийские плечи ее не выдержали бы. Ушел на готовенькое? Ладно, в сторону ненужные разговоры. Конан, у нас беда. Ты мой друг, и я надеюсь на твою помощь. После явлений зеленого огня в Пограничье пришли гномы, которых мы обязаны кормить (пускай подгорные карлики и платят самым высокопробным золотом), а кроме того, в Граскаальских горах, неподалеку от пика Бушующих Ветров, творится нечто невообразимое. Если у тебя есть возможность, отправь к нам обозы с продовольствием на эту зиму и несколько отрядов армии. О всем прочем сейчас допишет Тотлант.

Подписал Эрхард,
сын Этельвульфа, король Пограничья.
25-й день второй осенней луны 1288 года
по счету Аквилонии.

Кстати, Эртель, мой племянник и наследник, стоит рядом, смеивается и передает тебе привет. Если Веллан у вас, немедленно гоните его обратно. Мне без начальника гвардии очень тяжело, а Эртелю можно доверить лишь должность свинопаса...»

— Понятно. — Веллан вылез из бассейна и немело завернулся в тогу. Конечно, для варвара из Пограничья одевание аквилонских дворян несколь-

ко непривычно. — Чуть что стрясется, сразу требуют к ответу бедного Веллана... Конан, а что приписал Тотлант?

— Сейчас. — Король разбирал невозможные каракули, написанные рукой стигийца.

(Я хочу заметить, что Тотлант, с которым я познакомился в Бельверусе, очень порядочный человек, всем сердцем отвергший религию Сета. Он очень дружелюбен, хотя обычно остается себе на уме. Если рассказанное недавно Конаном о Тотланте — правда, то остается лишь смириться с тем, что и среди стигийцев изредка встречаются хорошие люди).

— «Мое почтение государю Конану, — медленно начал король. — Я знаю, что Мораддин, граф Эрде, Веллан и Эйвинд уехали к твоему двору. Знаю также (не спрашивай откуда) об уничтожении подземного монстра, выплевывавшего зеленый огонь.

Я разведал, куда направляются люди, измененные таинственным изумрудным пламенем. Все стада собираются у подножий пика Бушующих Ветров, что находится в десяти лигах от Вольфгарда, столицы Пограничья. Теперь окрестности горы укрыты туманным маревом, сквозь которое человек пройти не может. Мы знаем, что несколько подземных чудовищ ползают на глубине вокруг пика и изредка выбрасывают зеленый огонь. Конан, я отсылаю тебе письмо с помощью портала и думаю, что оно найдет тебя. Я передаю личную просьбу короля Эрхарда прислать к нам либо самого великого мага Аквилонии Валамира, сына Гонтрана, либо явиться лично и помочь нам. Хочу заметить, что Пограничное королевство на грани разрушения — нашествие спасающихся от подземного ужаса гномов может подорвать устойчивость государства, а продовольствия, скорее всего, хва-

¹ Упоминаются события романа О. Локнита «Конан и Карающая Длань».

тит лишь до второй зимней луны. Гномы согласны оплатить присылаемую из других стран еду самыми лучшими самоцветами, золотом и серебром. Король разрушенного зеленым огнем государства гномов, Дьюрин VIII, сейчас находится при дворе Эрхарда и обещает возместить все потери ближайших королевств-соседей всем достоянием, спасенным из гибнущих подземелий. Зная твою, Конан, расчетливость, могу сказать, что гномы, нагрузив золотом и драгоценными камнями даже своих женщин и детей, вынесли на поверхность столько сокровищ, сколько не может вместить даже казна Черного Круга Стигии, известная своими богатствами. Мы ждем помощи.

Подписал собственноручно волшебник Тотлант, сын Менхотена, родом происходящий из Луксура».

— Интересные новости, — протянул Хальк, когда Конан отбросил в сторону свиток. — И что мы теперь будем делать?

— Я думаю, необходимо ехать в Пограничье, — твердо сказал Конан. — Я уже распорядился отослать в Вольфгард обозы с мукой, сахаром и мясом. Обозы вышли из Тарантии и Танасула день назад. Если гномы согласны заплатить — прекрасно. Пожалуй, я оставлю Аквилонию на управление герцога Пуантенского и милорда канцлера Публио, возьму небольшую охрану и отправлюсь в Пограничье. Я обязан помочь Эрхарду. Кто со мной?

Возникла неловкая пауза. Эвисанда вытаращила глаза, Хальк непроизвольно икнул, а Веллан аж поперхнулся слюной. Я прекрасно понимаю Конана — человек, похожий на него, жизнерадостный и следующий лишь своим желаниям, может немедленно сорваться с места ради того, чтобы уехать за

сотни лиг и помочь старому другу. Но король, владыка величайшего королевства Закатного материка, не имеет права покидать страну из-за личных прихотей. Нимед, которому служу я, на месте Конана послал бы в Пограничье сына (наверняка младшего, не наследника), король Офира нанял бы хорошего конфидента, а Фердруго из Зингары попросту игнорировал подобное послание.

Конану, разумеется, на месте не сидится... Я очень надеюсь, что мой старый приятель рано или поздно поймет свое значение не как человека, а как владыки и остепенится. Однако произойдет это лишь через два-три года. Если вообще когда-нибудь произойдет...

— Государь, — медленно начал Хальк. — Тебе не кажется, что оставлять Тарантию...

— Заткнись, — прикрикнул на него Конан. — Сколько можно повторять — я всегда знаю, что делаю! Наместником и правящим регентом Аквилонии будет оставлен Публио...

— Он ворует, — заметил Хальк. — Не слишком много, но все-таки... Может быть, лучше поставить генерального казначея, герцога Ришильди? По крайней мере герцог честный человек и слишком богат для того, чтобы красть из казны.

— Пускай канцлер ворует, — упрямо магнув голову Конан. — Но лучшего управителя по казне и налогам, которого вдобавок уважают дворяне, мне не найти. В конце концов, Публио не сможет украсть всю Аквилонию!

Забавно. Тайная служба Нимеда была прекрасно осведомлена о закулисных делах канцлера, приеваивавшего часть поступлений в казну. Выходит, Конан и его ближайшее окружение не хуже нас знают, что в карман Публио стекаются золотые ручейки от пуантенских и боссонских налоговых

сборов. Я-то вообще надеялся однажды поймать канцлера на крючок и попытаться шантажировать с целью сделать его немедийским конфиден-том. Боюсь, теперь я не смогу превратить аквилонского государственного канцлера в шпиона Немедии... Ладно, найдем кого-нибудь другого.

— Давайте решать, кто поедет вместе со мной, — сказал король. — Ну, несомненно, Веллан. По тебе, — Конан посмотрел на бритунийца, — Эрхард и Эртель уже наверняка соскучились. Эви, хочешь посмотреть на дальние страны?

Эвисанда неожиданно бросила короткий недоумевающий взгляд на меня и задумалась.

— Нет, — сказала графиня. — Конечно, я съездила бы в блистательный Офир или в Зингару, отдохнуть на море, но в Пограничье... — Последние слова Эвисанда произнесла с обидным Веллану оттенком презрения. — Я лучше буду сидеть во дворце и проливать слезы, ожидая своего короля.

Мои мысли текли одна за другой, противореча друг другу — безусловно, сейчас меня ждут в Бельверусе с отчетом о поездке, но одновременно я обязан хранить Трон Дракона даже от предполагаемых опасностей. Если Граскаальский хребет по-прежнему таит угрозу, то я непременно должен отправиться туда и каким-либо образом предотвратить возможное бедствие. В конце концов, начальник Пятого департамента Немедии может пересылать депеши королю практически из любого города, расположенного закатнее Аграпура. А в Пограничье я уговорю Тотланта отправить письмо Нимеду или графу Майлю через Малый портал.

Но есть другая, не менее важная проблема. Если Конан уедет, то государственный переворот в Аквилонии становится более чем возможным. Попытаемся увязать недавнее покушение на кимме-

рийца, сообщение из Султанапура и мои наблюдения. Получается следующее: в тарантийском замке, резиденции короля, все тихо. Публио и Просперо, скорее всего, не изменят Конану. Однако город, общее настроение плебса, мещан и дворянства, напуганного последними событиями, могут сыграть важную роль в предполагаемом заговоре, исходящем от неизвестных персон....

Хорошо, давайте выстроим следующее предположение: Конан уезжает в Пограничье и там гибнет. Кто в таком случае займет трон Аквилонии? Прямых наследников династии Эпимитриев не осталось. И мы получим серьезнейшую гражданскую войну в Аквилонии, разрушение порубежных укреплений на границе с пиктами и смуту, способную охватить все государство Заката. Следовательно, я обязан ехать в Пограничье вместе с Конаном и с помощью всех своих способностей охранять нынешнего самодержца Аквилонии от любых опасностей. Конан теперь — единственный человек, способный удержать в руках Аквилонское королевство и примирить соперничающих феодалов. И кроме того, скоро в Тарантию должна приехать моя жена, Ринга, тоже старая знакомая киммерийца. Ринга — самый лучший конфиден-т за всю историю Немедии и наверняка сумеет приглядеть за обстановкой в стране. Тем более что она пристроится во дворце, рядом с нашим лазутчиком из окружения Конана. Таким образом (при условии, если Конан останется жив, а во время его отсутствия власти Аквилонии удержат в подчинении плебс и мелкое дворянство) мы сохраним политическое равновесие...

— Морадин, — донесся до меня рык Конана, — я, кажется, тебя уже третий раз спрашиваю — ты едешь с нами в Пограничье или нет?

— Конечно, еду. — Я улыбнулся и склонил голову. — Как я могу оставить беззащитного кимме-

рийца одного; среди опасностей и в окружении жутких подземных чудовищ?

— Трешло, — отмахнулся Конан. — Ничуть не лучше Халька. В таком случае я сейчас пойду к Просперо и отдам последние приказы. Выезжаем завтра утром, раньше полудня.

— А я?! — возопил Хальк. — А меня вы с собой возьмете? Кто будет живописать для потомков ваши несравненные подвиги в трактирах Пограничья и в тамошних домах терпимости? Конан, между прочим, а в Пограничье есть подобные заведения?

— Хотя бы одно должно быть, — твердо сказал киммериец, не обращая внимания на сразу помрачневшую Эвисанду. — Значит, я беру с собой тебя, Вейлана, Мораддина и... наверное, Паллантида. Центурион — человек верный. Паллантид возглавит мою личную охрану.

Я немедленно подумал о том, что сейчас нужно пойти наверх и составить письмо для Ринги с самыми подробными указаниями. Денешу я оставлю у немедийского посланника...

* * *

Я очень надеялся, что отъезд из Тарантии пройдет без каких-либо неприятностей, но чаяния оказались тщетными. Уже рано утром меня разбудил специально присланный Конаном гвардеец и довольно жестко потребовал прибыть в личные покои короля для, как он выразился, «объяснений».

«Что могло случиться? — напряженно думал я, собирая разбросанную возле постели одежду. — Вечером все мирно разошлись из бассейна, Хальк показал нам свою белую зверюшку, привезенную из Ямурлака, потом я отправился спать... Куда ушел Вейлан — непонятно, а король уединился с Эвисандой в парадной спальне. Неужели за ночь произо-

шел переворот или барон Гленнор сумел раскрыть моего тайного агента при дворе Конана? В последнем случае мне точно придется давать объяснения... А грозит тогда самое меньшее высылка из страны....»

Когда я понял, что офицер Черных Драконов не собирается покидать комнату и будет дожидаться меня возле двери, мне стало совсем грустно. Я уверен: Конан не забудет нашей старой (и, на мой взгляд, довольно крепкой) дружбы, а потому моя голова останется на плечах. Однако всерьез поссориться со старым приятелем, а теперь еще и с королем Аквилонии желания нет вовсе.

Я натянул рубаху, стеганый шерстяной тигеляй с вышивкой, с молчаливого согласия офицера пристегнул меч к поясу и последовал за гвардейцем. Когда мы проходили через бесконечные анфилады и галереи дворца, я не заметил лишних караулов стражи, равно как и особенного оживления. Следовательно, минувшая ночь не стала для Аквилонии переломной — в дни переворотов обычно случается немыслимый в спокойные времена переполох. Значит, король Конан либо сумел раскрыть заговор, либо заговора вовсе не было, а киммериец встал не с той ноги и почему-то злится на весь мир...

Меня препроводили к жилым покоям короля — они располагаются на втором этаже и представляют собой дюжину уютных комнат и зальчиков, среди которых есть две спальни, столовый покой, оружейная и маленький гимнастический зал, в котором Конан продолжает совершенствоваться в науке мечного боя. Именно в этом помещении меня и встретили участники вчерашнего ужина. Кроме знакомых лиц Конана, Просперо, Халька и Эвисанды я увидел сморщенную физиономию месьора Монтеля — главного дворцового лекаря.

— Мораддин! — Конан увидел меня и махнул рукой. — У нас беда. Кто-то пытался убить Энунда.

Только теперь я заметил, что на мягких кожаных матрасах гимнастического зала, у ног короля, лежит грифон с перевязанной белыми тряпицами головой. Лекарь и его помощники суетились вокруг, а сам Монтель пытался влить в глотку ямурлакского зверя какой-то темный отвар.

— Конан, расскажи, пожалуйста, что произошло, — спокойно произнес я.

— Что произошло?! — взревел король, и по его тону стало понятно: Конан необычайно рассержен и возмущен. — Лучше пусть остальные мне ответят, почему во дворце творятся всякие... всякие... — Киммериец занулся, видимо, не находя подходящего слова, чтобы охарактеризовать случившееся, и наконец ругнулся так, что Эвисанда аж зажала ушки ладонями. — Вот что здесь происходит! Мне было бы понятно, если б хотели убить меня, канцлера или высокого герцога Просперо! Но кому понадобилась жизнь безобидной твари?

Я наклонился над телом грифона и от изумления присвистнул. Сейчас, когда лекарь Монтель перевязал голову Энунду, повреждения выглядели не столь страшно, но... Я за свою жизнь повидал множество самых разнообразных ран и, лишь бросив взгляд на орлиную голову грифона, мог сказать: некто пытался убить Энунда, выколов глаз. Судя по тому, что грифон сейчас был еще жив, хотя и пребывал без чувств, рана была недостаточно глубокая для того, чтобы повредить мозг.

«Но зачем? — недоумевал я, поглаживая левой рукой жесткие перья на затылке Энунда. — Абсолютно бессмысленное покушение... Конан прав — если бы требовалась разрушить зыбкое спокойствие Тарантии, то оружие убийц направили бы

на людей. Причем не на самых малых людей королевства. Кому была нужна жизнь грифона?»

— Я послал за бароном Гленнором, — снова рявкнул Конан, но я, как человек, привыкший разбираться с подобными историями, перебил короля:

— Подожди. Конан, скажи, пожалуйста, как все это произошло? Когда вы обнаружили Энунда раненым? Может быть, кто-то из дворцовых служащих видел нечто необычное?

— Хальк! — гаркнул король. Бледный летописец вышел вперед и неуклюже кивнул мне. Конан отступил на шаг назад, давая понять, что сейчас допускается говорить барону Юсдалю.

— Ночью... — голос Халька дрожал. — Ночью Энунд всегда выходит в дворцовый сад. Проветриться. Я уже перестал замечать, как он выбирается из моей комнаты, а потом из библиотечного зала. Он вышел... Наверное, после четвертого полуночного колокола. А я спал. Утром кухонная прислуга разносила горячую воду для умывания и наткнулась на тело. Меня сразу разбудили, и я побежал к королю... Вот, посмотри, что нашли рядом с грифоном.

Хальк протянул мне завернутый в тряпочку острый кинжал-дагу с украшенной нефритом гардой и заплетенной тонким кожаным ремешком рукоятью. Я сразу понял, что кинжал делали гномы из клана, родственного моему отцу, — на лезвии стояло клеймо в виде наковальни и семи звезд. Гномий кинжал... Я вспомнил, что этим оружием несколько раз хвастался Веллан. Мол, такой даги вы нигде не найдете — от Стигии до Гипербореи. Ему, Веллану, этот кинжал был подарен послом гномьего государя Дьюрина, на память...

На первый и самый поверхностный взгляд выходит, что Энунда хотел убить именно Веллан.

Я непонимающе посмотрел на Конана и понял, что сейчас ~~с~~ киммерийцем разговаривать бесполезно. Пускай у него за плечами опыт двух десятков лет, проведенных в походах и самых немислимых авантюрах, пускай он к сорока годам научился думать не как наемник, а как серьезный и много испытавший человек, но горячая киммерийская кровь все равно не дает Конану возможности как следует осмыслить случившееся. Особенно в ярости...

Между прочим, а где же Веллан? Я не буду завидовать бритунийцу, если ему сейчас придется предстать перед Конаном.

Ну разумеется, Веллан явился в самое неподходящее время. В промежуток между дверью и косяком сунулась знакомая белобровая и веснушчатая физиономия, оборотень широко и радостно улыбнулся, завидев нас, но тотчас помрачнел. Зверское лицо Конана не сулило Веллану ничего хорошего.

Грифон, распластанный на полу, тяжело дышал и не шевелился. Месьор Монтель и его помощники стояли неподалеку, и на их лицах было явно написано: «Мы сделали, что смогли, но воля судьбы сильнее лекарского искусства».

Хальк, которому я отдал кинжал, застыл как статуя. Эвисанда спокойно, хотя и с некоторой растерянностью, смотрела на короля.

— Твоя работа, сучий выродок? — процедил сквозь зубы Конан, ожигая взглядом Веллана. Бритуниец, подошедший к нам, выглядел заспанным, и я понял, что его совсем недавно подняли с постели, — Веллан пришел босиком, лишь в белых льняных штанах и подвязанной кожаным поясом рубахе с красной оторочкой.

— Что случилось? — Бритуниец протер глаза правой ладонью. — Конан, чего ты такой бешеный с утра?

— Я понимаю, — медленно, с плохо скрываемой злостью в голосе начал король, — грифон — это только грифон и ничего больше. Но это мой грифон!!!

Неожиданно Конан рванулся к Веллану, сгреб его обеими руками за ворот рубахи и сильно встряхнул. Оборотень вытаращил непонимающие синие глаза и даже не пытался вырваться.

— Что происходит? — выдохнул он. — Конан, ты что, лотоса обкурился? Объясните!

— Объяснить? — Киммериец, напирая всем телом на Веллана, прижал его к стене гимнастического зала. — Рассказывай, отродье нелюдское, зачем ты хотел убить Энунда? Кинжал чей? Твой?!

— Мой. — Веллан покосился на клинок, услужливо протянутый Хальком. — Я думал, что забыл его вчера... После ужина. Так что случилось, объясни, пожалуйста!

Бритуниец, как видно, окончательно проснулся и, положив ладони за запястье Конана, осторожно, но настойчиво отстранил руки короля. Веллану наверняка испортили посейчас непонятной мне утренней сценой хорошее настроение, и он начал злиться.

Я решил, что лучше будет вмешаться, или дело закончится самой обычной дракой. Веллан, разумеется, не столь тяжел, как Конан или (пусть его душу упокоит Митра!) Эйвинд, но более верток и ловок. Таким образом, Конан и бритуниец могут сцепиться надолго, и неизвестно, кто выйдет победителем. Конан, безусловно, силен, и людей, подобных ему в странах Заката не слишком много, однако, если посмотреть на Веллана, можно понять — он не так мускулист, сколько невероятно жилист...

— Разойдитесь, — твердо сказал я, оттолкнул в сторону Конана и отстранил Веллана. — Король, сначала разберись во всем, а потом пускай в ход

кулаки. Веллан же сердись на варвара, это он сгоряча.

Меня поцеловались.

— Ты где был после полуночного колокола, рассказывай! — Конан усмирив свою ярость и отступил на шаг. — Почему твой кинжал нашли возле Энунда?

— Я... — запнулся Веллан. — Я отдыхал. Неважно где и неважно с кем. Конан, поверь, не трогал я грифона! Я же знаю, что Энунд хороший!

— Если мне будет позволено... — смущенно перепробовал Хальк. — То я могу сказать, где Веллан Бритуниец провел минувшую ночь...

Всем придворным тарантийского замка (да и гостям тоже) давно пора уяснить, что Хальк с его истинно библиотечарской склонностью впитывать сплетни и раздобывать оные от самых разнообразных людей, всегда знает даже о самых незначительных событиях. Только вчера вечером за ужином он счел нужным уведомить меня, что кошка, живущая на кухне первого этажа, принесла семерых котят, а лейтенант Черных Драконов Гай Марселлус подцепил неприличную болезнь от городской шлюхи и к тому же голубиная почта доставила Просперо какое-то важное письмо с полудня... Немудрено, что барон Юсдаль осведомлен о похождениях Веллана.

— Рассказывай, — рявкнул Конан, а бритуниец опустил глаза и покраснелся.

— Веллан в течение всей ночи, вплоть до шестого полуночного колокола находился в своей комнате, это я точно знаю, — осторожно подбирая слова, начал Хальк.

— Ты его сторожил, что ли? — мрачно усмехнулся король.

— Не совсем, — ответил библиотечарь. — Велл, расскажи лучше ты.

— А чего говорить? — буркнул оборотень. — Ну с бабой я был... Чего в этом плохого? Не с мужиком же...

— Хальк, а ты откуда про это знаешь? — подозрительно сощурился Конан.

— Мои камин сообщается одной трубой с камином в покоях Веллана, — невозмутимо сказал Хальк. — Равно и с камином первого этажа. Если сидеть в кресле у очага и не мешает посторонний шум, все прекрасно слышно. А я как раз спал на диванчике у камина. Они мне спать мешали... Вначале смеялись громко, потом... — Хальк сделал многозначительную паузу. — Потом опять... Веллан, не смотри ты на меня волком, я ж не в замочную скважину подглядывал! Просто в других комнатах было холодно, вот я и устроился рядом с камином.

— Кто хоть она? — одним углом рта улыбнулся Конан и посмотрел на Веллана. — Герцогиню небось охмурил?

— Не-е, — отмахнулся бритуниец. — Служанка с кухни. Зачем мне благородные?..

— Следовательно, — я счел нужным снова вмешаться в разговор, так как Веллан совсем засмущался и сейчас нужно было выяснять не обстоятельства Веллановых приключений во имя Иштар, а суть неприятного происшествия с Энундом. Кроме того, я мог понять бритунийца: если в простецком Пограничье его бы никто не осудил за невинную интрижку с местной красоткой, то в Аквилонии с ее устоявшимися традициями могли серьезно пожурить за прелюбодеяние, — следовательно, мы не можем найти свидетелей, а от Веллана подозрения, надо полагать, отводятся... Мы можем, конечно, спросить у прекрасной дамы, с которой он проводил время, что они делали после полуночи, но, полагаю... — При этих словах оборотень хмык-

нул. — Веллан не виноват. У кого есть соображения?

Все замолчали. Спустя некоторое время Конан развел руками и покачал головой:

— Я ничего не понимаю. Бессмыслица. Энунд за все время пребывания во дворце никого и когтем не тронул! Его все любили... Бред.

— Не забудь, — я повернулся к королю, — хотели оклеветать Веллана, это ясно как день.

— Честное слово, — вскинулся бритунец. — Я не мог нажать себе врагов в Тарантии! Кому было нужно, чтобы подозрения упали на меня?

Я добавил:

— И почему неизвестный выбрал именно грифона? Такое большое животное могло оказать сопротивление, причем яростное. А следов борьбы, как я полагаю, не обнаружилось?

— Да, — коротко ответил король. — Лекарь!

— Слушаю, повелитель, — с достоинством поклонился месьор Монтель. — Какие будут приказы?

— Помести Энунда в удобную комнату, — распорядился Конан. — Чтобы при нем неотлучно был один из твоих учеников. Постарайтесь вылечить.

— Это будет сложно, господин, — ответил Монтель. — Глаз животного вытек, кинжал пробил глазницу... Думаю, твой зверь долго не придет в сознание. А может быть, даже умрет, не сказав и слова.

— Если он вдруг очнется, — Конан положил ладонь на плечо Монтелю и заглянул ему в глаза, — сразу же выясни обстоятельства случившегося. Понял? Расскажешь герцогу Просперо или барону Гленнору. Я хочу выяснить... — Тут киммериец обернулся к Веллану, легонько ткнул его кулаком в грудь и проговорил: — А ты не обижайся, нелюдь. Сам знаешь, когда я злой — лучше под руку не попадаться. Мир?

— Ненавижу киммерийцев, — проворчал Веллан, подавая руку Конану. — Сначала по морде бьют, а только потом разбираются. Ладно, мир.

Когда мы все выходили из гимнасической комнаты, а помощники лекаря Монтеля перекладывали бесчувственное тело грифона на широкие деревянные носилки, я расслышал, что Конан буркнул себе под нос:

— Дурацкая история... Ничего понять не могу.

* * *

Далее все происходило, как и намечали. Незадолго до полудня Конан вызвал к себе герцога Пуантенского и канцлера Публию, отдал им последние указания, вручил им на сохранение корону и скипетр Аквилонии вместе с Большой печатью, оставив себе лишь Малую, подписал эдикт о временной передаче власти Государственному Совету, а затем ушел одеваться.

Когда на главной башне замка колокол отбил двенадцать раз, возвестив время середины дня, из ворот Тарантии выехал небольшой кортеж. Я, Веллан, Хальк и Конан были в статском дворянском платье, десяток Черных Драконов под командой Паллантида сменили парадные черно-серебряные колеты, принятые по дворцовому распорядку, на полевую форму и теперь смотрелись, как обычные гвардейские офицеры. С каждым всадником шла заводная лошадь, нагруженная припасами. Почти никто из горожан не заметил, что отряд, направлявшийся к полуночному тракту, ведущему к немедийской границе, возглавлял сам король.

Мы оставили за спиной каменные громады тарантийских стен, копыта лошадей ударили по мощеной четырехугольными плитами дороге. Внезапно Конан натянул поводья и оглянулся, хотя знал: это дурная примета.

— Мораддин, — тихонько позвал он меня. — Посмотри на дождю. Поневоле уверуешь в силу судьбы.

Я, сощурив глаза и приложив ладонь ко лбу, всмотрелся. Наверху невероятно огромной башни, поднимавшейся над Тарантией, торчала игла флагштока. Королевское знамя слабо колыхалось, и изображенный на нем золотой лев, слившись в солнечных лучах с пурпурным полем, казался окруженным зеленоватым ореолом.

Я уже видел такой оттенок зеленого. Ядовитый, неживой цвет тумана, выбрасываемого подземным чудищем. Такое впечатление, что некто решил пошутить над аквилонским королем, придав его знамени цвет пришедшей с полуночи грозы...

Но вот ударил порыв ветра, штандарт распрямился, снова засияв золотом и пурпуром. Конан рассмеялся:

— Мой прадед, Аудагос Канах, говорил, будто все плохое нам лишь кажется. А в этом мире есть одно хорошее. Его только нужно увидеть... Поехали. Хальк, ты зачем взял с собой эту скотинку?..

Глава четырнадцатая ВЕЛЛАН, ТРЕТИЙ РАССКАЗ

Пограничное королевство,
постоялый двор в деревне Брийт
12—13-й дни третьей осенней луны

«... Древо старой дружбы иногда способно принести самые неожиданные плоды. Так, например, кто мог предсказать, что выйдет из совершенно случайной встречи десятника стражи Пограничья и наемника, странствующего в поисках заработка? Последствием же сего знакомства стал освобожденный трон Пограничного королевства, в скором времени занятый бывшим десятником, ныне известным под именем короля Эрхарда. Спустя четыре года встретил свою давно предсказанную судьбу и наемник — нынешний правитель Аквилонии.

Но ни минувшие годы, ни королевская власть, завоеванная этими людьми, не сумели заставить их забыть о пережитых испытаниях и о данных когда-то обещаниях. И поздней осенью 1288 года, когда доныне твердая и надежная земля содрогалась от разрывов подземного огня, пришла пора выполнять клятвы...»

Из «Синей, или Незаконной Хроники»
Аквилонского королевства

Конан, вспоминаешь эти места? — я подхватил с еловой лапы пригоршню снега, мигом слепил снежок и запустил им в киммерийца. Не попал. Однако тот обернулся и понимающе вздохнул.

— Вспоминаю. Кажется, в трех лигах к полуночи должна быть деревня Грейзи. Если она, конечно, осталась с тех времен.

— Расскажите, расскажите, — Хальк немедленно подъехал к нам поближе. — Это наверняка связано с историей про Бешеного Вожака?

— Юсдаль, я сколько раз тебе про это рассказывал, — проворчал Конан, поправляя рукой роскошную круглую шапку из черно-бурой лисицы. — Нас с Велланом и Эрхардом хотели там в жертву принести.

Да, было дело... Больше всех тогда досталось Конану, за которым носился неожиданно воскресший труп деревенского шамана. А все остальные — то есть Эрхард, Эртель и еще несколько ребят из нашего десятка — сидели на елке и всю давали киммерийцу полезные советы, как лучше отправить умертвие обратно, к его хозяину Нергалу. Веселая была история. Шумная.

— Когда мы подъедем к обещанному трактиру? — Хальк, изрядно замерзший, смахнул рукавицей иней с бровей. — С самого утра едем! Веллан, ты дорогу не перепутал?

Я обиделся. Эти места знакомы мне с юности, то есть лет с восемнадцати. Именно тогда, семь лет назад, я приехал в Пограничье и случайно набрел на Эрхарда, почему-то взявшего неопытного молодого наемника в свой десяток Стражи. Наверное, нынешний король, а тогда лишь обычный десятник королевского войска, учуял во мне родную кровь Карающей Длани. Думаю, не стоит напоминать, что нынешний король Пограничья и Закатных земель

возле Немедийского хребта — оборотень, как и я сам.

— Трактир? — переспросил я у барона Юсдаля. — Сейчас надо проехать немного на полночь, потом чуточку к восходу, миновать Белые Холмы — там выселки — потом на полдень, совсем недолго, а затем ты увидишь дорогу на закат...

— Так это круг получается! — изумился Хальк.

— Именно, — слышался ровный голос графа Мораддина. — Веллан тебя разыгрывает. Насколько я помню карты, до села Брийт осталось меньше полулиги.

Ай да Мораддин! Я всегда знал, что у этого парня мозги в голове имеются. Он сам в Пограничье никогда не приезжал, но любую дорогу, каждую сколь-нибудь серьезную приметку — скалу там или речку — опознавал мгновенно, в отличие от Халька или Паллантида с его мрачноватыми гвардейцами.

...Мы путешествуем уже одиннадцать полных дней. Покинув Тарантию, отряд двинулся на полночь, перевалил Немедийские горы, беспрепятственно миновал границу Немедии... Не так чтобы совсем беспрепятственно, конечно. Вначале нас ни за что не хотела пускать пограничная стража Драконьего трона, а предъявленные подорожные, подписанные для верности и Конаном, и канцлером Публио, не производили на немедийцев никакого впечатления. Где, мол, разрешение на въезд в королевство? Нам аквилонский король не хозяин, понимаешь...

Положение спас Мораддин. Он отозвал капитана заставы в сторону, немного с ним потолковал, показал какие-то свитки и... Случилось чудо. Отряд проводили едва ли не с музыкой, выдали каждому подорожную, а немедийский капитан смотрел на графа Эрде, будто на самого короля Нимеда — почтительно и с нескрываемым страхом. Не пойму, почему вечно спокойного и вежливого Мораддина так боятся?

Нас было ~~пять~~надцать. Король Конан, я сам — Веллан из Бритунии, Мораддин и Хальк. Затем центурион аквилонской гвардии Паллантис — серьезный и неразговорчивый вояка лет тридцати пяти, преданный Конану, как собака, и десять гвардейцев, среди которых были три лейтенанта и семь младших офицеров. Конан, между прочим, путешествовал под своим собственным именем, стоявшим во всех подорожных, но строго-настрого запретил нам говорить встречным, что он является аквилонским королем. Сами догадаются — и ладно. Не догадаются — еще лучше.

Вообще-то, все было при деле. Гвардейцы, как и положено, бдели, я трепался то с Конаном, то с Мораддином, а Хальк развлекался с новой игрушкой. Игрушка представляла собой маленькую пушистую тварь со снежно-белой шкуркой и пронзительно-голубыми глазами. Ее мы нашли в Ямурлаке, почти целую луну назад.

Настоящее безумие овладело Хальком. Мы с Конаном даже хотели отвести его к лекарю, буде такой встретится в Немедии или в Пограничье. Во-первых, барон Юсдаль взял с собой никчемную зверюшку и вез в притороченной к седлу деревянной корзинке. Во-вторых, на одном из первых же привалов (еще в Аквилонии) он заявил нам всем, будто тварь разумна, только говорить по-человечьи пока не сподобилась научиться. Вот он и будет ее натаскивать... В-третьих, Хальк целыми днями таскал зверя у себя на плече и разговаривал с ним. Вот сами подумайте — едет отряд дворян, все люди как люди, а один тыкает рукой во все, что видит, и говорит: «Вот это елка, а вот это камень. Того человека с черными волосами зовут Конан. Повтори: Ко-нан».

Сидящий на плече зверек — эдакая помесь медвежонка с кошкой и росомарой — старательно пищит в ответ: «Кьё-нян»...

Когда Хальк заснул — это мы ночевали в лесу, день назад — мы с Конаном ради смеху вытащили белую тварь из корзинки и долго учили словечкам, называемым в аквилонских или немедийских дворах «простонародными», а чаще и вовсе «плебейскими». Зверь послушно повторял.

Эх, надо было видеть рожу Халька наутро! Зверек, едва проснувшись, выдал ему фразочку, означавшую в переводе на относительно куртуазный язык: «Ну ты, сын потаскухи, уходи отсюда в задницу своей оскопленной лошади...» Замените здесь все слова на жаргон наемников и сами увидите, что получится.

Хальк жутко возмущался, а потом в отместку связал мне ночью ремешки, которыми завязываются штанины у голени. И заорал над ухом: «Гипербореицы напали! Бежим!»

Далеко я, конечно, не убежал. А когда понял, в чем дело, окунул Халька в сугроб. Даже Паллантис с Мораддином смеялись.

В общем, весело ехали. Только Конан сказал однажды мне и Морадину: «Смейтесь, смейтесь, потом не до веселья будет». Прав король. Мы все словно забыли, для чего направляемся в Пограничье.

Я так думаю: пятнадцать человек ничего не сумеют сделать против поселившегося в горах ужаса, будь они семь пядей во лбу и сажень в плечах каждый. Выяснить, что происходит, наверное, получится. Может быть, даже разведем, что сейчас измененные зеленым огнем люди делают в горах, у пика Бушующих Ветров. А дальше что? Катакомб здесь поблизости нет, кроме, единственно, полуразрушенных гномьих подземелий. Воду туда пустить не получится — нет больших рек и озер в Пограничье. Впрочем, изначально надо в Вольфгард приехать да посмотреть на месте, что происходит... А до Вольфгарда осталось полтора дня конного пути.

Прямо на полуденный восход. По тракту, который Эрхардом от Брийта до столицы год назад проложен был.

Брийт — большое село. Почти город. Я понимаю, что городом в Пограничье может именоваться только столица, Вольфгард, да и то с натяжкой — там лишь одно каменное здание, королевская крепость. Правда, больше похожая на флигель Тарантийского замка. Маленькая она. Однако наша крепость может держать долгую осаду и штурмовать ее затруднительно — на холме стоит, который двумя сторонами обрывом низвергается. Приедем в Вольфгард — я Хальку крепость сверху донизу покажу, книжнику все интересно.

Так вот, о Брийте. Во-он, видите, с возвышенности, где мы сейчас находимся, темная полоска видна? Это частокол. За ним дома поселян. Сбоку, на Белых холмах — выселки. В Брийте, как и положено искони, люди и оборотни вместе живут, друг другу плохого не чиня. Оборотней гораздо меньше, чем людей, и селятся они в отдельных домах. Эрхард года два назад затеял пересчитать всех подданных Пограничья и получилось, если судить по переписи, что в Брийте живет больше полутора тысяч людей и семьдесят с лишним оборотней. Большое село, верно говорю.

Брийт славен трактиром. Трактир уже, наверное, лет двести содержит семья Бютт — почтенный клан, хотя и малочисленный. Дом, отведенный под таверну и постоялый двор, стоит в центре поселка, а выстроили его — как люди говорят — во времена правления аквилонского короля Сигиберта II из династии Эпимитриев. Тогда часть Пограничья была под протекцией Аквилонии, а полуденные земли управлялись немедийскими маркграфами. Правда, потом их выгнали, но это отдельная история.

Трактир называется «Танцующая лошадь». На вывеске — белая пузатая коняшка, поднявшаяся на дыбы. Красиво. А какое пиво хозяин варит — Конан обзавидуется! В Тарантии, между прочим, пиво дерьмовое делают...

Словом, приедем и отдохнем хоть одну ночку в тепле и удобстве. Хозяин «Танцующей лошади», господин Бютт, в комнатах каждую новую луну тараканов да клопов травит особенным снадобьем, отчего постояльцы заведение его безмерно уважают. Замечу, что в Брийте всегда можно девок найти, да не таких, как обычно, а чистых и вполне опрятных. Их под своим крылом мамаша Бютт содержит — знает, что проезжему не только поесть да выпить нужно. Добрая женщина.

«Танцующая лошадь», как я полагаю — один из лучших трактиров во всех странах Заката. Тут тебе и вполне приличная еда за небольшую плату, отличное пиво, удобные комнаты (причем в каждой очаг есть и белье на постелях меняют после каждого постояльца), и девки мамаша Бютт, спокойные и ласковые... Не чета аквилонским или немедийским постоялым дворам, где хозяева на гостя внимания почти не обращают. Все-таки Пограничье хорошая страна, если у нас такие трактиры есть. Примут, уважат как родственника, а денег возьмут совсем немного.

Частокол впереди. Ворота закрыты. На деревянных башнях бородатые мужики с копьями стоят. Вот и Брийт...

Наконец-то я дома. В Пограничье.

* * *

— Кто такие, по какому делу?

Человек (а это был именно человек, я сразу распознал) перегнулся через обшитое тонким железом окно привратной башенки и строго воззрился

ся на отряд. Я знаю, что времена нынче беспокойные, и поэтому в любом крупном поселке даже днем ворота держат закрытыми. Мы все — как гвардейцы в черно-серой полевой форме и теплых меховых куртках, так и король со свитой, состоящей из весьма подозрительных личностей — выглядим странно. Откуда в забытом всеми Пограничье появились люди в хорошей одежде, а некоторые даже несли в руках пики с дворянскими вымпелами? Для стражи Брийта ответов может быть два: либо появился безвестный барон из закатных областей Вольных Кланов, либо прибыла дружина иноземного и обедневшего дворянина, ждущая найма у короля Эрхарда.

Хвала Иштар и Митре (а их обоих я почитаю равно), что в большинстве селений на пятьдесят лиг от Вольфгарда меня знают. Как-никак, капитан гвардии короля Эрхарда.

Конан и остальные, прекрасно зная, что мое слово в Пограничье имеет вес, глянули на меня, а Хальк, поглаживая правой рукой свою белую зверюшку, вцепившуюся розовыми пальчиками в мех воротника, прошипел:

— Велл, иди и скажи им...

А что «сказать» — не уточнил. Ну, я и направил коня к воротам.

— Я Веллан, сын Арта из Бритунии. Открывай!

На башенке зашебуршились. Бородатая харя стражника ненадолго исчезла, краем уха я улавливал, как он говорит с кем-то неизвестным мне и, наконец, в окне появилось лицо, мне знакомое. Это был Кетиль, сын Асти, наследник здешнего Вожака оборотней. Хороший парень, только угрюмый. Есть у меня подозрение, что Кетиль во времена появления Бешеного Вожака ушел вместе с ним, затем одумался и вернулся домой. Наверняка, Кетиль сейчас совесть терзает.

— Веллан, ты, что ли? — он сощурил глаза и пристально посмотрел на меня. Остальных Кетиль окинул подозрительным взглядом. — Давненько тебя видно не было. Куда ходил?

— В Аквилонию, — коротко ответил я. — Открывай ворота! Эти люди со мной едут.

Я услышал, что Конан кашлянул за моей спиной. Это должно было означать следующее: «Надо подумать, кто с кем едет...»

— Подорожные давайте, — Кетилю, видно, было плевать и на меня, и на чужестранных дворян. Ему Вожак и староста поселка приказали никого не пропускать — он и не пропустит. Великий позор для оборотня — ослушаться Вожака. — Сейчас я спущусь.

Развернулась, шурша, веревочная лестница и сын Асти-вожака, ловко выбравшись из узкого окна башни, сошел на землю перед моим конем. Мне пришлось спешиться, потому что разговаривать с равным себе оборотнем, сидя на лошади, нехорошо.

Сверху кто-то крикнул:

— Кетиль! Если что — мы прикроем стрелами!

Мой слух различил тихое поскрипывание натягиваемой тетивы. Великая Иштар, что же происходит в нашей стране, если безобидных путешественников принимают за разбойников, едва увидев?

Конан за моей спиной сделал незаметное движение, давшее понять Паллантиду и его гвардейцам, что оружие обнажать не следует.

— Мы едем по приглашению Эрхарда, сына Этельвульфа, нашего короля, — веско начал я, обращаясь к Кетилю. — Нас ждут в Вольфгарде со дня на день. Нужно переночевать. Пропусти.

— Подорожные, — твердо ответил Кетиль, мрачно озирая гвардейцев и выехавшего вперед Конана. — Без подорожных даже разговаривать с ними

не буду. Ты в Брийт войдешь, они — нет. Последнее слово.

Конан, кликнув Халька, спрыгнул с седла и подошел к настороженному и серьезному Кетилу. Сын Асти по сравнению с Черными Драконами или даже безразлично относящемуся к роскоши (а потому одетому весьма скромно) Мораддину выглядел истовым варваром — овчинный тулуп мехом внутрь, росомашья шапка с длинными ушами и привешенный к ней сзади беличий хвост; дешевый, хотя и добрый меч на поясе... Борода у Кетили была рыжая, хотя выбивавшиеся из-под шапки волосы отливали темно-коричневым. Глаза — серые и большие — смотрели не то, чтобы воинственно, но строго.

— Подорожные? — голос Конана прозвучал как гром. — Будут тебе подорожные. Ты читать хоть умеешь? А печати различаешь?

Кетиль оскорбленно вскинулся, смерив нехорошим взглядом киммерийца. Сколько раз я Конану говорил: оборотни всегда стараются получить какие-никакие знания, и даже в самых глухих деревнях взрослые учат детей алфавиту и счету до сотни.

Варвар разыграл целый спектакль, в котором ему прекрасно подыгрывал Хальк. Вначале библиотекарь, поняв, что от него требуется, медленно и торжественно рылся в своей сумке. Едва, правда, сдерживая смех. Затем барон Юсдаль извлек под свет небесный полдюжины внушительных свитков, оплетенных золотистым шнуром и свисающими багровыми печатями. Конан, приняв царственно-величественную позу (и где только научился?!), ждал. Хальк, разумея, что благородных аквилонцев следует преподнести перед варварами из Пограничья достойно, протянул киммерийцу самый огромный свиток и поклонился столь куртуазно, что мне немедленно захотелось дать ему пинка. Мигом в

снег свалился бы. Мораддин сидел и наблюдал, а Паллантид откровенно фыркнул.

— Его Величество король Аквилонии, великий владыка Таурана, Гандерланда и Боссонии, король Пуантенский, а также иных земель наследный государь и обладатель Конан Первый! — возгласил Хальк голосом насквозь непотребным — так тонко и вычурно говорят лишь наемные мальчишки из совсем уж неприличных притонов Тарантии. Мне про такие рассказывали. Пакость сплошная.

— Государь аквилонский в неизъясненной милости своей в Пограничное королевство прибыть изволили! — столь же гнусно добавил Хальк. Конан с трудом сохранял серьезность. — Герольды, возгласите!

Библиотекарь хитро покосился на двоих гвардейских лейтенантов, при которых имелись короткие боевые рога и те, моментально вступив в игру, протрубили нечто чудовищное — смесь крика дарфарского ослика и мявканья весеннего кота изыскивающего кошку в тумане.

— Чего? — выпучил глаза Кетиль, сжимая в руках свиток, надменно выданный ему Хальком. — Вы про что это? Веллан, ты с собой актеров везешь?

— Заткнись, — прошипел я сыну Вожака. — Не мешай! Здесь настоящий король!

— Сам заткнись, — ответил Кетиль, совладав с первым изумлением. Я всегда знал, что оборотни меньше поддаются чувствам, чем люди. Сын Асти приобрел серьезный и неприступный вид, сорвал с подорожной крученый шнур, развернул и, беззвучно шевеля губами, начал читать. Пока Кетиль разбирал вычурные аквилонские буквы, вырисованные Хальком, изучал печать и корявую подпись Конана, с башни прокричали:

— Эй, мужики, а когда будет вторая часть представления?

Кетиль онемел. Я его прекрасно понимаю — перед его глазами роскошная, выполненная на самой лучшей, телачьей коже подорожная, приправленная огромной красной печатью с изображением льва и девиза Аквилонского королевства: «Где властна воля — там путь к победе!», подпись (пусть и малоразборчивая) короля величайшего государства заката, удостоверенная господином канцлером Аквилонии, неким светлейшим герцогом Публио Форсеца... А стоящий рядом мужик — здоровенный, широкоплечий и простолицый — специально распахнул подбитый дорогой куницей плащ, чтобы была видна тончайшей работы золотая цепь. На цепи же висит выложенное алмазами и неким белым камнем, оправленное в лучшее золото, изображение поднявшегося на задние лапы льва в пятизубой короне.

— Хорошая подорожная, — медленно сказал Кетиль. Глаза его были мутны. — Хорошо, короля Аквилонского я пропущу. Остальные пусть дадут свои свитки.

Конан незаметно для других прыснул в кулак, Хальк продолжил развлекаться. Господин летописец прошелся по кругу, забрал у каждого из гвардейцев охраны, у Мораддина и меня самого манускрипты, и затем с видом завязатого придворного холуя попытался всучить их Кетилю. Последний смотрел на меня изумленно. Наконец, он шагнул назад и поманил меня пальцем.

— Велл, я тебя знаю давно, — жарко прошептал мне Кетиль на ухо и машинально стряхнул снег с плеча, — Это правда? Это на самом деле король Аквилонии?

— Ну да, да, — поморщившись, ответил я. — Скажи спасибо, что Их величество в добром... — я долго подбирал слово, — в добром и благостном расположении, иначе не сносить тебе головы. Эрхард,

наш Вожак, может обидеться, что его царственного брата принимают плохо. Понял, дубина?

— Сам дубина, — мрачно ответил Кетиль. — Какой это, в задницу, король? Рожа варварская, на киммерийца загорного смахивает... Ладно, пропущу. Уж больно бумаги красивые. Но если что — тебе перед Вожаком ответ держать. Понял, желтоволосый?

С тем и въехали мы в бург.

Объясняю: в Пограничье по дедовским традициям крупные села бургами зовутся. Как, например, в Нордхейме и прилегающих к нему землях.

* * *

Кетиль не зря меня назвал желтоволосым.оборотни, древний род Карающей Длани, как и люди, разделяются на несколько племен. Некоторые всегда темны кожей и черноволосы, другие светлые, третьих почти не отличишь от пиктов. Так Единый задумал. Не нам Его судить. Подумайте сами — я, пусть и оборотень, неполный человек, а вовсе наполовину волк, имеющий способность превращаться то в того, то в другого, в человеческом обличье выгляжу как бритуниец или нордхеймец. Глаза, как говорят девицы, синие и нахальные, волосы до плеча — соломенного цвета, да и силой не обделен. Как-то раз, когда в Вольфгарде гостил известный лекарь из Немедии, именем Гуннар, я по его просьбе долго на скамье лежал, раздетый. Рассматривали и изучали. Гуннар ученикам говорил: «Посмотрите, мол, вот перед вами настоящий человек, происходящий родом с полуночи. Гляньте, любая мышца видна, любая связка. Кожа светлая, тонкая, все жилы и волокна проследить можно. Ни капли жира нет...»

А я и не спорю. Прав был лекарь. Мне всего-то двадцать семь лет от рождения. А на иных муж-

чин, что из людей, что из оборотней, нарастивших жирок на боках да на брюхе, смотреть стыдно. Мужчина должен быть мужчиной лет до шестидесяти. Наши оборотни всегда такие.

К чему я этот разговор завел? А вот к чему. Едва мы въехали в Брийт, увидел я в проездах меж домами много соплеменников. Люди оборотней почувствовать не могут, а я могу. Знаю, как они выглядят. Блеск в глазах особый. Не как у людей, ушедших от матери-земли. А равно в них и человеческое, и звериное проглядывает. Изначальное. Понял я, что оборотни неспроста с выселков обратно в Брийт переселились. Мы — народ, любящий порядок. Настоящий порядок. Чтобы все было, как предки заповедали. А сейчас благочиния в селе нет. Вот и пришли помочь людям.

Ходят меж домов крепкие парни — молодые из людей и из нашего племени. Кто с дубьем, иные с мечами. За порядком смотрят. Есть отчего. Много гномов вокруг, вот и причина.

Я возле ворот, когда Кетиль нас в Брийт пропускал, с сыном Вожака побеседовал. Ничего хорошего он мне не поведал. А сказал вот что: как зеленый огонь в горах появился, так сразу гномы пришли. Вначале их гномский государь Дьюрин, властвующий над Граскаалем, у короля Эрхарда аудиенции испросил. Про договор старый вспомнил. Что, мол, гномы и люди друг другу помогать должны. А у гномов сейчас бедствие. Пещеры разрушены, зеленый огонь жизнь испепеляет, и обитать в горах нынче вовсе невозможно. Таким образом, гномы на поверхность переселились. Много их. Большие сотни сотен. И все жрать хотят.

Эрхард многих в столице и в близлежащих поселках расселил. Сказал, чтобы гномы себе дома, наподобие людских, строили. Они и строят. Гномы народ трудолюбивый, работать умеют, особенно для

себя. Но тоска их ест, гномов-то. Хотят обратно, в катакомбы свои гномьи вернуться. От тоски и пить начали беспримерно. А выпивши, гном опасен становится. Драться лезет, к людским девкам пристает... Известно, гномы в три раза дольше людей живут и как мужчины весьма сильны. Неправду говорят, будто гномы человеку всего лишь по колено — выглядят они как люди, только более плотно сбитые, с широкой костью и с бородами лопатой. Единственно, рост у них маленький, чуть выше полтора локтей. Однако распутные девки говорят, будто гном в сотню раз сильнее людского мужчины будет. Уд у гнома, мол, куда больше и величественнее человеческого оказываться. Вот уж не знаю, не мерял и не смотрел... И что с того? Разве охота поданным Эрхарда своих дочерей недомеркам уступать, пускай и богаты они?

Так мало того — хочет гном себя хозяином земли заделать. Нашей земли. Королевства Эрхарда. Искони принадлежавшей оборотням и людям, что почти одинаково. Только одни в волков могут обращаться, а другие нет.

Гномы пожелали вот что: если договор о дружбе заключен, то как ближайшие союзники, вы, люди и оборотни, принимайте нас и землю давайте, чтобы хлеб возделывать. А где земли-то взять? Нет земли у нас! Вся поделена меж баронами закатных краев Вольных Кланов да свободными крестьянскими общинами вокруг Вольфгарда.

От того, что Эрхард не может никак с гномьим государем Дьюрином, спасшимся из погибельных подземелий, договориться, и происходят все беды. Гномы сочли себя гостями, а не равными с людьми, владеющими землей, а потому ведут себя, как гости, коим все прощается. То есть пьют и дерутся, особенное сгущенное вино потребляя каждодневно. Делать им нечего. Гномы привыкли в горах ко-

паться, золото да алмазы изыскивать. А хлеб выращивать они все не способны.

Единственное, на что способны — девиц людских совращать. Благо невероятные по сравнению с человеком способности имеются...

Вот и ходят по Брийту отряды людей и оборотней. Как я погляжу, в каждом карауле — один или двое оборотней (самых молодых и сильных) и четверо-пятеро людей (младшие и средние сыновья мастеровых и охотников, парни хоть куда).

...Мы в количестве четырнадцати человек (пятнадцатый — оборотень, то есть я) проехали по главной улице поселка и неспешно прибыли к площади Брийта, на которой стояли старинный и облупленный храм Митры с изображением золотого солнца на шпилье, а также большое бревенчатое здание, у входа в которое висела зеленая вывеска с белоснежной танцующей лошадью. Трактир. Тот самый, знаменитый.

Возле двери, ведущей в постоянный двор батюшки Бютта, сидел волк. Настоящий. Серый, с почти незаметными буроватыми подпалинами на боках. Я, выскочив из седла, оставил позади коротко переругивающихся гвардейцев, Халька, воркующего со своей белосерстной тварью, и Конана, о чем-то спорящего с Мораддином. Волк посмотрел на меня внимательно.

— Ну что, — я присел на корточки рядом с родичем. — Не пускают?

— Р-р-р. Уа-уа, — ответил волк. Сразу стало понятно — это не просто зверь, а оборотень. Причем очень молодой. На людской счет — не больше лет двенадцати. Щенок еще.

— Тебя родовичи послали купить что-то? — я погладил волка по холке, а тот, засмутившись, ткнулся мне мокрым носом в грудь. — И не пускают в трактир?

Точно. На груди молодого волчка висел небольшой кожаный мешочек с тяжелыми круглыми монетами, а из-под ошейника — богато изукрашенного бронзой — проглядывала записка.

Я встал и не без натуги раскрыл дверь. Все-таки Бютты делают добротно не только пиво. Ух, какая пружина навешена!

Волчок проскочил внутрь, коротко и благодарственно рыкнув. И сей же момент у моего правого плеча воздвиглась фигура Конана. За ним маячили Хальк и Мораддин.

— Лошадей отдали службе, — сообщил киммерец. — Пошли отогреться. Кто хвастался, будто в Пограничье пиво самое лучшее? Ты? Давай проверим...

* * *

Я знаю, что такое трактиры Пограничья. Много их видел. Начиная от «Короны и посоха», что располагается возле самого замка нашей столицы Вольфгарда, и заканчивая распоследним постоянным двором, населенным тысячами тысяч клопов и столь же великим количеством тараканов. Таковая таверна с «комнатами» находится неподалеку от постоянно заснеженного и очень опасного перевала, ведущего в Гандерланд. Однако когда тыходишь в «Танцующую лошадь», представление о трактирах (и что самое главное — трактирщиках) резко меняется.

Вы только представьте — в хозяйский дом вламывается пятнадцать человек. Полтора десятка — это много. И все хотят жрать. Как на вашем месте поступил бы трактирщик? Правильно, либо, сделав каменное лицо, сказал, что мест нет и извольте, господа, искать себе другой ночлег, либо запросил бы немыслимую цену за пару убогих комнаток с разжиревшими и кусачими клопами.

Пока гвардейцы из охраны короля Конана уст-
раивали своих лошадей в теплой и обширной ко-
нюшне месьора Бютта, мы все (я имею в виду свиту
Его величества, больше похожую на шайку голово-
резов) вошли в горницу трактира. И, как один, вста-
ли столбом.

Сколько раз можно повторять: «Танцующая ло-
шадь» — трактир хоть куда. Весь первый этаж доб-
ротного двухэтажного дома отведен под пиршествен-
ный зал для гостей. Справа, у стены пристройки,
расположен длинный стол хозяина. За ним громоз-
дятся неимоверно большие бочки с пивом или при-
возным розовым вином. Кстати говоря, вина в По-
граничье привозят редкие немедийские купцы. Зал,
размером в двадцать пять шагов длиной и пятнад-
цать шириной, тесно уставлен крепко сколоченны-
ми столами из сосновых досок. У столов — длин-
ные лавки, тщательно отполированные задницами
бесчисленных посетителей таверны. На стенах по-
ставлены в грубо откованных железных кольцах
яростно плыющие искрами факелы, а под потол-
ком висит чудовищных размеров колесо, утыкан-
ное толстыми восковыми свечами, способными го-
реть от одной полуночи до другой. Хорошие свечи.
И света много дают, и горят преизрядно долго.

У стены, что смотрела на полночь, хозяин дер-
жал очаг. Большой очаг. Это вам не мраморный
камин тарантийского дворца. Очаг обложен круг-
лыми, прокопченными камнями, дымоход над ним
прорублен в крыше дома, а на огне могут однове-
менно жариться три жирных окорока. Пламя в
очаге бушевало яростно. Это добрый огонь, даю-
щий тепло и радость гостям. Человека, оскорбив-
шего главный огонь дома, хозяева могут прогнать.
Потому что в Пограничье нельзя забывать — тепло
и жизнь дает не солнце, но огонь от дерева. Наша
страна холодная. Полуночная. Правда, в Нордхей-

ме куда холоднее, но там и народ живет другой.
Барвары, ко льду и снегу привычные.

Справа от длинного стола хозяина — достопоч-
тенного месьора Бютта — уходила в темноту гру-
бая деревянная лестница, ведущая на второй этаж
таверны. Впрочем, «грубая» — это неправильно ска-
зано. Лестница была сделана умело, хорошим ма-
стером-плотником, с расчетом на любого постоя-
льца. Пускай хоть разжиревший офирский купец
пройдет — все одно ступеньки выдержат.

— Благородные гости! — этот басовитый крик
прорвался через неразборчивые голоса постояльцев
«Танцующей лошади» и принадлежал хозяину, тол-
стяку Барли Бютту. Барли всегда приветствует гостей,
какими бы они не были — вышедшими из лучших
родов дворянами или оборванными бродягами. —
Благородные гости, проходите в дом!

Барли Бютт явно не хотел замечать наших удив-
ленных лиц. А было чему удивляться. За столами
(причем за лучшими, что ближе к стойке) сидели
коренастые, бородатые гномы. Людей в таверне было
совсем немного, а оборотней и всего-то двое. Мои
родичи зажались в самый дальний уголок и, ти-
хонько переговариваясь, отхлебывали из деревян-
ных кружек пиво.

Волчок, которого я выпустил в таверну, подошел
к хозяину. Барли вытащил из-за ошейника запис-
ку, прочитал, кивнул и, отстегнув с шеи маленького
оборотня кошель, отошел за стойку. Вскоре месьор
Бютт принес перекидные сумки со свежее испечен-
ным хлебом и ветчиной, умело закрепил их на
загравке волчка и пожелал тому доброго пути, а
также попросил передать привет уважаемому То-
риру. Наверное, Торир был главой одной из семей
оборотней Брийта.

Меня поразило, что гномы относились к оборот-
ню в обличье волка исключительно дружелюбно.

Один совсем молодой карлик с едва пробившейся темной бородой даже поднес на ладони кусок баранины, которую волк незамедлительно сжевал. Остальные подгорные жители смотрели на зверя без какой-либо агрессивности, присущей людям при встрече с нашим племенем. Молодой гном сопровождал волчка до двери, раскрыл ее и громко пожелал моему родичу удачи. Удивительно. Впрочем, гномы и оборотни не являются людьми и склонны помогать друг другу — как один меньшой брат другому.

Гномы веселились. Они старательно пропивали свое золото, пытаясь забыть о разрушенных подземельях, а также о том, что, может быть, вернуться в родные горы никогда не придется. Совсем неподалеку от входа подгорные карлики составили вместе три стола и, собравшись там шумной и говорливой компанией, бурно обсуждали что-то на своем невообразимо языколомном наречии. Далее, возле двух столов у стойки, более почтенные и украшенные благородной сединой гномы орали хором некую тоскливую и занудную песню, на аквилонском языке. Повествовала она о неизвестных нам «Пожирателях скал» и «Багровом ужасе глубин», против которых боролись доблестные гномы со стальными топорами в руках. Естественно, что гномы победили...

— Насколько я вижу, — осторожно начал Моррадин, — вон тот гном — старейшина. — Граф Эрде указал глазами на очень высокого, по сравнению с остальными карликами, подгорного жителя. Тот носил добротную темно-зеленую одежду из сукна, на груди светилась искусно выкованная цепь из очень дорогого металла, похожего на серебро, а в правом ухе блистала великолепными алмазами круглая серьга. — Его стол почти не занят. Может быть, он нас пустит к себе?

— Еще чего! — искренне возмутился Конан. — Я в стране людей! И если какие-то там...

Хальк положил руку на плечо киммерийца, и я расслышал, как он прошептал:

— Мой король, может быть, не нужно нарываться на драку сразу? Давай сначала покушаем, а потом уже дерись с кем угодно...

Граф Эрде подошел к седобородому гному, вежливо поклонился и попросил разрешения присесть за его стол. Тут же подбежал хозяин — низкорослый, толстенький и краснощекий человек. Месьор Бютт сказал гномам, будто гостей нужно уважить, и пускай эти благородные господа посидят за тем же столом, за коим изволят ужинать достопочтеннейший и уважаемый старейшина Двалин, сын Зиланта. Ты согласен, о длиннородый?

Длиннородый милостиво согласился.

Так мы и познакомились с Двалином и его племянником Строри — молодым и рыжебородым гномом, являвшимся наследником старейшины. Хальк, впервые в жизни увидевший живых гномов, постарался расположиться справа от Двалина, наверняка задумав как следует порасспросить старика о том, о сем...

Не успел хозяин сбегать за кружками для новых гостей, в зал ввалились Черные Драконы во главе с Паллантидом. Центурион отвечая на безмолвный вопрос Конана, наклонил голову — с лошадьми, мол, все в порядке, устроены и накормлены. Первое время гвардейцы, никогда не отличавшиеся застенчивостью, тоже стояли, переминаясь с ноги на ногу, у входа, но затем потеснили возмущенно заворчавших гномов, расселись и начали шумно требовать вина. В обеденном зале «Танцующей лошади» стало жарко и тесно.

Хальк своего не упускал. Поглаживая пальцами загривок белой тварюшки, свернувшейся калачиком

у него на коленях; библиотекарь представился Двалину и задал чинную, но очень многословную речь. Суть ~~этой~~ сводилась к следующему: как было бы здорово ученым людям из Аквилонии узнать побольше о замечательном подгорном народе, именуемом гномами, каковые, как известно всем, отличаются гостеприимством, щедростью, добродушием и миролюбием. Столь грубая лесть начала оказывать действие на Двалина почти сразу. Глазки старейшины, оказавшегося, кстати, ростом мне почти по плечо, умаслились, уши покраснелись, а правая ладонь величественно легла на навершие изумительно красивого, покрытого узорами и цветными камнями топора. Мораддин, как я заметил, тихонько ухмылялся в бороду, выслушивая Хальковы излияния.

Неожиданно я ощутил сильный тычок под ребра, а повернувшись, увидел сероглазую физиономию племянничка Строри.

— Выпьешь со мной? — гном, не дожидаясь ответа, плеснул мне в показавшую дно кружку темного пенистого эля. — Тебя как зовут? Если нельзя называть родовое имя, скажи хоть прозвище.

— Обычно люди кличут меня Велланом, сыном Арта, — заметив взгляд Строри, я кивнул в сторону погрузившегося в изучение содержимого кружки варвара и добавил: — А вон того здоровяка мы зовем Конаном из клана Канах.

— А я Мораддин, сын Гроина, — встрял граф Эрде, сидевший напротив. Видно, ему надоело слушать Халька, продолжавшего обихаживать старейшину.

— Приветствую, родич, — чинно кивнул Строри, мигом уяснивший, кто таков Мораддин. — Не ты ли единственный сын кузнеца Гроина, ушедшего из рода и живущего под горой Серебряного Снега?

— Нет, — твердо сказал Мораддин. — Мой отец происходит из Кезанкийского клана, а его отца звали Фарином Секирой...

— А, знаю! — просиял Строри. — Это та самая семья, что потеряла лет сорок или пятьдесят назад сокровище Нейглам и была проклята богами? Хвала Длиннобородому Предку, Гроин отыскал чудесный кувшин. Сейчас это богатая семья, уважаемая и многочисленная...

— Положим, Нейглам вовсе не Гроин отыскал, — заметил слушавший нас Конан. — А кое-кто другой¹.

...Почти до полуночи мы занимались тем, что ели, пили и болтали с гномами. А заодно наблюдали за происходящим вокруг. К великому неудовольствию подданных старейшины Двалина, наши гвардейцы провели спешную мобилизацию всех находившихся в зале девиц матушки Бютт — последние предпочли людей бородатым карликам, хотя те предлагали за услуги несравненно больше. Позже случилось так, что четверо гномов, что-то не поделив, передрались, перевернули стол, разломали пару скамей и разбили несколько кувшинов. Только вмешательство Двалина остановило забияк, и они, повинувшись слову старейшины, убрались из трактира прочь. К ночи заглянули оборотни — Кетиль с двумя младшими братьями — передохнуть после стражи и выпить пива. Словом, обычный вечер в обычной таверне. Только среди гномов не протолкнуться.

Строри рассказал мне, Морадину и Конану много интересного. Говорил он долго, иногда отвлекаясь для того, чтобы опрокинуть еще кружечку эля и сжевать ломоть баранины. Вначале мы слышали

¹ Упоминаются события романа О. Локнита «Песчаные небеса».

донельзя знающую историю о появлении зеленого огня в подземельях, а затем более интересные сведения о том, что творилось возле пика Бушующих Ветров в последние дни.

— Честно вам скажу, — ворчал Строри. — Прежде такого не бывало. Пускай и говорят разные мудрецы, что наши, что людские — будто досталось от древних времен наследство непотребное. Как с таким наследством расправляться? Сам бы знал — ответил.

Я понял, что гном сейчас отвлечется и начнет долго и занудно сетовать на несчастную судьбу своего племени и поэтому спросил прямо:

— Так что видели-то? Зачем туда чудовища собрались?

— Копают, — буркнул гном. — Руками копают или инструментами, из наших подземелий украденными. Выкапывают некий предмет огромности невероятной. Я вот что мыслю — если какой колдун вознамерился упавшую с неба скалу вырыть, то проще было к нам обратиться, чем из людей чудовищ страховидных делать. Гномы все сделали бы раза в три быстрее, благо привычны. И понимаем мы в рудном деле...

— Помолчи, — неожиданно прервал племянника Двалин, увлеченно обсуждавший с Хальком достоинства и недостатки жизни на поверхности земли. — Где это видано, чтобы гном человечьему колдуну или какой нежити в услужение шел?

— Да я так просто, — вздохнул Строри. — Все равно ничего не вернешь.

— Копают, значит, — в задумчивости пожевал губами Конан. — Интересно... А видел ее кто, штуковину эту?

— Большая она, — повторил гном. — Очень большая — и по людским, и по гномьим меркам. Гладкая, вытянутая. Поверхность черная с насеченны-

ми рунами в рост человека каждая. Туда, за облачную стену, Балин, сын Ниди, и Трайн, сын Фреки, ходили. Все видели, только близко подобраться не сумели.

— А как они вообще туда попали? — поднял в недоумении бровь Конан. — Я слышал, будто люди не могут миновать стены из тумана...

«Стена из тумана, — почему-то эти слова Конана зацепили меня. — Что-то очень знакомое. Кажется, совсем недавно мы видели такую стену...»

— Так то — люди, — отозвался Строри. Между прочим, гном уже изрядно окосел, но продолжал подливать себе пива. — Люди не могут, а гномы могут. У нас свое умение. По подземным ходам добраться можно — некоторые галереи не завалило.

— Понятно... — протянул киммериец и я углядел, как он бросил многозначительный взгляд на Мораддина. Не удивлюсь, если Конан надумает лично заглянуть к подножию пика Бушующих Ветров и посмотреть, во что превратились его подданные.

Строри много другого рассказал. Вот уже почти три луны Пограничье жило в страхе. Поначалу зеленый огонь ночами появлялся, затем, не разбирая дорог, пришли с полудня и полуденного заката стада чудовищ (хорошо, хоть, на людей не нападали, да деревни не грабили, а просто шли себе мимо). Последние седмицы под горами что-то гремит, земля изредка трясется, над Граскаалем зеленое зарево по ночам появляется. Неспокойно.

Гномы, лютой смерти избежав, да на поверхность изникнув, вокруг Вольфгарда поселились. Эрхард деревья им рубить разрешил, чтобы дома строить. Дома хорошие получаются, теплые. Король надеется, что когда напасть сгинет, гномы все постройки людям оставят. Только не сгинет она никогда...

Строри кивнул, утер здоровенную слезу, появившуюся в его глаза и закончил свою печальную повесть вполне банально:

— Давайте еще выпьем? Могу угостить, да не пивом, а нашим, гномьим.

Знаю я, чем Строри попотчевать нас собрался. Отрава жуткая. Гномы это пойло «водкой» зовут. Специально зерно с дрожжами у людей покупают, потом перегоняют как-то, настаивают на травах или пахучем пещерном мхе. Однажды послы государя Дьюрина Эрхарду целый бочонок этого зелья подарили. Пить можно, только если разбавить водой или развести сладким квасом.

Строри нырнул под стол и с крихтением вытащил небольшой пузатый жбан, залитый смолой и воском. Вышиб пробку, понюхал, сморщился. Ядреная, видать, водка.

— Наливай, — махнул рукой Двалин и подозвал еще двоих гномов, скучавших за соседним столом. — Судри, Фрар, идите к нам.

Гномы, раскланявшись с Конаном (по трактиру уже прошел слухок, что явился не кто-нибудь, а знаменитый киммериец, пристукнувший четыре года назад Бешеного Вожака), уселись на лавку и, не поморщившись, выпили. Когда Хальк, принявший от Двалина угощение, опрокинул в рот первую стопку, стол оказался забрызган — изнеженный господин библиотекарь под громкий хохот карликов и Конана некуртуазно выплюнул часть напитка обратно. А потом, отдышавшись, заорал:

— Отравили! Помру сейчас!

Конан налил остальным еще по порции и демонстративно выпил свою долю.

— Гадость, конечно, ужасная, — заключил он многозначительно. — Но как тепло внутри становится... Почтенный Двалин, давай споем. Я много всяких песен знаю...

— Я тоже, — встрял Хальк. — Конан, может быть, помнишь горские песни? Киммерийские например, или темрийские? В Темре хорошие баллады слагают...

— Темра? — заинтересовался я. Название было незнакомым, но звучало красиво. — А это где?

— Между Гандерландом и изгибом Немедийских гор, на полуночном восходе, — пояснил Конан. — Самая отдаленная провинция Аквилонии.

Выяснилось также (это рассказал Хальк), что темрийские земли населены мало. Горцы же вовсе не являются потомками хайборийцев, а происходят от древнейших племен, населявших закатные земли до завоевания. Они, будучи оторванными от аквилонской культуры, сохранили все старые обычаи и были славны способностями к стихосложению...

Пока библиотекарь излагал краткую историю Темры, не замечая, что его слова мало кому интересны, Конан сходил к хозяину Бютту и попросил лютию. Затем, вернувшись к столу, варвар прервал трепотню Халька, вручил инструмент, зная, что тот неплохо умеет играть, и уселся рядом. Господин летописец прошелся пальцами по струнам, некоторые подтянул — лютия была изрядно расстроена — и вопросительно посмотрел на киммерийца.

— Темрийскую?

— Давай, — согласился Конан. — Помнишь балладу о Макмэде? Которая на два голоса?

— Несомненно, — Хальк, подвинув заинтересованного Двалина, устроился поудобнее и, бросив Конану: «Я говорю за тана, ты — за Макмэда», начал играть. Конан, страбастав опустевший жбанчик, стоявший на столе, использовал его как маленький барабан, отбивая ритм.

Я никогда не слышал таких песен. У нас в Пограничье все намного проще — скальды расска-

зывают балладами в тероях или битвах, воины обычно голосат и попристойные песни наемников, а женщины в деревнях любят петь о семье или о том, что видят каждодневно — о лесах, водопадах или синем небе.

С первых же строк я понял — темрийская баллада изображает разговор двух людей, правителя и воина. Хальк высоким тенором выводил речи тана Темры, а Конан низким глуховатым голосом говорил за главного героя — неизвестного никому Макмэда.

— Зачем ты покинул обители клана,
Где вьется вокруг вереска солнечный свет,
Где мерзнет заря, как смертельная рана
Над россыпью древних полночных планет,
Алан Макмэд?

— Уж лучше клинков ненасытная пляска,
И вьюга в предгорьях, и мрак, и туман,
Чем взгляд, лучезарнее неба над Темрой,
И сочные губы, и трепетный стан,
Не правда ли, тан?..

— Сердце леди Хайлэнда податливей воска,
Если человек в бранных делах знаменит,
Когда дедовский меч его, поднятый к звездам,
О щиты чужестранцев победно звенит,
Потрясая зенит...

— Меч Макмэда не сломлен никем ни в турнире,
Ни среди битв ни в низине, ни на вольных холмах.
Но для леди Хайлэнда нет желаннее в мире
Песен рыцаря в черном, что сводят с ума
Женщин в клане Галмах...

— Мне понятен твой гнев, но поверь мне, как тану —
Бог не создал для мира неподатливых бед.
Уж тебя ли, герой, я испытывать стану,
Как сорвать с плеч врага и башку, и берет,
Алан Макмэд?

— Опоздал твой совет, ибо чаша испита,
И жестокий урок мной сопернику дан.
Там, где вереск поет у речного гранита,
Рыцарь в черном лежит, вечным сном обуян.
Я не лгу тебе, тан...

— Так зачем ты покинул обители клана,
Где вьется вокруг вереска солнечный свет,
Где навек упокоила рваная рана
Ненавистного барда, виновника бед?
Возвращайся, Макмэд...

— Не видать мне ни славы, ни свадебной пляски,
Пенный кубок не пить, не обнять тонкий стан.
Брошен плед мой в костер, и в неистовом лязге
Гордых горских клинков клан Галмах гневом пьян,
Меня проклял, о тан!..

Рыцарь в черном, укравший сердце нежное леди,
Рыцарь в черном, затмивший ей песнями свет,
Он, уснувший навек в окровавленном плеле,
Рыцарь в черном — мой брат, Эдвин Макмэд...¹

Хальк взял завершающие аккорды и положил ладонь на струны. Строри, сидевший рядом со мной, тихо всхлипнул. Я неожиданно заметил, что вокруг нашего стола собрались гномы и люди — они стояли тихо-тихо и слушали. Когда замер последний звук лютни, Двалин встал и поклонился Хальку, а собравшиеся в круг сородичи старейшины забили в ладоши и начали восторженно орать.

— Ай да Хальк... — прошептал мне на ухо Мораддин. — Гномов нелегко растрогать, равно как и привлечь внимание человеческими песнями. Но если гному понравится, как ты поешь, станешь его другом навеки.

¹ Перевод стихов с английского Е. Сусорова и Л. Бочаровой.

Хозяин трактира, упитанный и низенький месь-ор Бютт, тожидупавший песню, вдруг поднял руку, глянул сурового на служек и срывающимся голосом крикнул:

— Пива благородным господам из Аквилонии! За счет трактира!

Допелись. В Пограничье очень ценится золото, которым платят за еду. На золото можно купить теплые вещи, жилище, оружие, лошадей... Но больше всего ценится пища, хлеб насущный. Именно поэтому золото обменивается на нее, а не наоборот. А сейчас произошло невиданное — матерый трактирщик, умудренный опытом многочисленных предков, за одну песенку готов угощать абсолютно бесплатно!

Так как все присутствующие изрядно захмелели, в обеденном зале творилось нечто невообразимое. Я имею в виду то, что высокородные аквилонские дворяне из десятка Паллантида вместе с командиром были приглашены к столу компанией молодых гномов и моментально нашли общий язык с карликами. Вино полилось рекой — как в переносном, так и в буквальном смысле: один из гномов, желая показать Паллантиду достоинства своего боевого топора, столь широко размахнулся, разрубая воздух, что перевернул бочку с драгоценным в Пограничье красным зингарским вином. Вкусно пахнувшая виноградом жидкость разлилась на земляной пол, а гном, поскользнувшись, рухнул в темную лужу.

Все, включая хозяина, ответили на эту выходку дружным хохотом. Госпожа Бютт, занявшая место у стойки, скривилась, но промолчала. Уважаемая хозяйка «Танцующей лошади» подсчитывала немалую выручку — гномы были щедры на золото, да и аквилонцы не скупились.

...Спустя некоторое время мы выбрались на улицу — проветриться. Уже стемнело, однако не-

большая площадь перед постоянным двором была освещена факелами и кострами, возле которых грелась ночная стража Брийта. Мы вместе с Двалином и Строри, окутанные клубами пара, вырвавшимися из теплого обеденного зала, прогулялись до конюшни, взаимно уверяя друг друга в бесконечном уважении, а затем оказались свидетелями очень красивого поединка. Рослый и худощавый гвардеец Черных Драконов по имени Алгус решил померяться силами с гномом. Последний (как пояснил старейшина Двалин, носивший имя Ниди) был невысок — всего-то три с половиной локтя — но невероятно широкоплеч и силен. По уговору, дрались на топорах. Выбежавшие из трактира гномы и гвардейцы взяли поединщиков в круг и старательно сочувствовали им, выражая свое отношение к героям раскатистыми криками.

Так как и Алгус, и Ниди были изрядно пьяны, лезвия рассекали лишь воздух. Но вскоре гном особенно изощренным приемом выбил у гвардейца топор, ударом обуха в грудь завалил его в сугроб и, не устояв на ногах, упал сам. Поднявшись, Ниди громко заорал, что хочет угостить нового знакомого и вытянул из пояса маленький слиток золота. Уронил, конечно. Все присутствующие начали рыться в наметенном суровыми полуночными ветрами сугробе, а мы отправились обратно в трактир, потому что замерзли на холодном воздухе.

Хальк, пока мы ходили гулять, препоручил свою белую зверюшку одной из девиц матушки Бютт, надо думать, особо ему приглянувшейся. Когда я подходил к столу, маленький синеглазый зверек сидел перед дородной грудастой девицей, жевал сладкое угощение и смотрел на окружающих невинным взглядом новорожденного.

Я уже помню, что Хальк начал обучать найденное в Ямурлаке существо человеческому языку. Оно старательно повторяло услышанные от людей фразы, иногда пыталось сложить отдельные слова вместе, в целое предложение, но было известно — тварь пока не может разговаривать по-людски. А сейчас...

Едва мы расселись по лавкам, а рыжий Строри начал разливать «водку» по серебряным стопочкам, тварюшка переползла со стола на плечо Халька и громко изрекла с изрядным акцентом:

— Мы все сидим Брийт. Тебя зовут, — розовый пальчик передней лапки коснулся щеки библиотекаря, — Хальк. Ты писать книжки.

Конан откровенно заржал, а Мораддин ехидно посмотрел на загордившегося Халька. Летописец снял зверька с плеча, посадил перед собой на столешницу и, раздельно выговаривая слова, спросил:

— Я, — он приложил руку к груди, — я — Хальк. А как тебя зовут?

Существо по-птичьи наклонило голову, рассматривая библиотекаря, ткнулось острой мордочкой ему в рукав тигеля и пискнуло:

— Меня звать Тицо. Я маленький. Я долго спал. Пошли все в задницу.

— Та-ак, — протянул Хальк. — Ваше величество, кто научил Тицо подобным гадостям? Я, кажется, много раз просил оставить зверька в покое!

Конан искренне расхохотался, да и мы с Морадином к нему присоединились. Уж больно смешно было слышать от маленького существа с белоснежной пушистой шкуркой и невинными голубыми глазками речи наемников.

— Забудь, Хальк, — сквозь слезы прохрипел киммериец. — Пускай учиться жить в большом мире, а не в Ямурлаке!

Хальк остался недоволен. Он взял на руки зверя, пересел подальше и начал с ним сюсю-

кать. Судя по иногда озарявшейся радостью физиономии барона Юсдаля, Тицо отвечал правильно.

А мы продолжали веселиться. Господин Бютт и трактирная прислуга едва успевали менять кружки, а старейшина Двалин, позвав нескольких сородичей, с чувством исполнил залихватскую гномью песню, из которой я запомнил лишь несколько строк:

Изгиб секиры острой блеснет при лунном свете,
Стрела из арбалета пронзит тугую высь.
Тут и слепой увидит, что, вопреки советам,
У логова дракона все гномы собрались..

Вперед выходит Дьюрин с длиннющей бородою,
Дракону из пещеры он грозно молвит: «Брысь!»
А ящер усмехнулся, подумав плотоядно:
«У логова дракона все гномы собрались...»

Для дракона, разумеется, все кончилось плохо. Гномы ящера запинали, сокровища поделили, а потом начали пить. Смешная песня...

Я не помню, кто и как отвел меня спать в комнату. Вспоминаю лишь, что глубокой ночью в дверном проеме появился Конан, разбудив меня, сбросил куртку и сапоги и свалился на широкую постель рядом со мной. Мораддин, подошедший вслед за королем, устроился на полу. Потом я провалился в дрему и не видел никаких снов.

Все-таки гномы — хороший народ. Гостеприимный и добродушный. Но пить с ними нельзя ни людям, ни оборотням... Перепьют. Уж больно крепки они, как в битве, так и в застолье.

* * *

Утро началось скверно. Рассвет тринадцатого дня третьей осенней луны я запомню надолго.

Великие Боги, Митра и чтимая Иштар, ну почему всегда лучшее оборачивается худшим? Только

лишь минувшим вечером мы пили вино с уважаемым Двандом, сыном Зиланта, и его рыжебородым плащником... Пели хорошие песни, заигрывали с девицами матушки Бютт, ходили гулять по Брийту... Как было хорошо! И никаких подземных чудовищ, дворцовых интриг или взбесившихся оборотней.

Нас разбудил громкий, настойчивый и непрерывный стук в дверь. Двери, между прочим, в трактире Барли Бютта толстенные, навешены на три петли и сделаны из добрых сосновых досок. Такие притворы сломать практически невозможно, а если задвинуть тяжелый железный засов, можно подумать, будто ты находишься в крепости с окованными сталью воротами.

— Кого принесло в такую рань? — простонал Конан и, повернувшись на бок, сильно толкнул меня локтем. — Эй, Мораддин, ты пил меньше всех. Пойди открой! Пожалуйста...

Граф Эрде, лежавший на полу возле кровати, завернувшись в теплые овчинные тулупы, поднял голову и, неодобрительно посмотрев на киммерийца, проворчал:

— И почему я должен вечно исполнять роль прислуги? Конан, я прошу тебя как короля — запрети свите пить с гномами. Светлый Митра, как голова болит...

Однако Мораддин поднялся на ноги и пошел открывать. Я одним глазом наблюдал за ним. Со стороны коридора некто продолжал молотить по двери увесистыми кулаками. Грохот стоял невообразимый.

Мораддин повозился с засовом и, наконец, дверь распахнулась. Я увидел Паллантида, одетого лишь в рубаху да теплые штаны. За плечом центуриона виднелась бледная физиономия месьора Барли Бютта. Хозяин, если судить по заплывшим глаз-

кам и взъерошенной шевелюре, был только что поднят с постели.

— Милорд граф, — Паллантид быстро кивнул Мораддину. — У нас беда. Где государь Конан?

— Дрыхнет, — сообщил Мораддин. — Что случилось на этот раз?

Паллантид невежливо отстранил графа Эрде и прошел в комнату. Конан, все еще лежавший на постели, приподнялся на одном локте и мрачно воззрился на своего верного гвардейца.

— Паллантид, какого демона?.. — король был весьма недоволен тем, что его столь рано разбудили. — Твои лейтенанты подрались с гномами? Или разгромили по пьяному безобразию обеденный зал?

Паллантид, этот вышколенный и умеющий держать себя дворцовый служака, неожиданно вытянулся и холодным, бесстрастным голосом сообщил:

— Мой король, минувшей ночью был убит лейтенант гвардии Алгус, а с ним — младший офицер, барон Тергин, остававшийся на страже в коридоре. Только что мне доложили: у нескольких наших лошадей, помещенных в конюшню господина Бютта, подрезаны сухожилия. Месьор Барли Бютт послал за пятидесятником стражи Пограничья. Государь, что будем делать?

Конан несколько мгновений раздумывал, затем вскочил с постели, натянул сапоги. Мораддин, стоявший у дверного проема, не дожидаясь приказов, подошел к столу и, взяв лежавший там ремень с ножнами, опоясался. Я, будучи пока не в силах уложить в голове короткий рассказ Паллантида, потянулся к своим сапогам.

«Что происходит? — мысли проносились в моей голове с быстротой молнии. — Кому нужно было убивать гвардейцев и калечить лошадей? Клянусь всеми богами, оказывающими покровительство на-

шему племеню — мы ввязались в игру, где можно выиграть жизнь, либо, проиграв, оказаться в могиле...

Мы троим — я, Конан и Мораддин — вышли вслед за Паллантидом и потерявшим дар речи трактирщиком Барли Бюттом в коридор. За пять шагов от двери нашей комнаты на деревянном полу лежало тело младшего офицера Тергина.

— Убит ударом ножа в глаз, — Мораддин наклонился над трупом и старательно рассматривал страшную рану. Затем граф Эрде осмотрел руки мертвеца, расстегнул воротник на шее и ощупал кожу. — На первый взгляд следов борьбы нет. Он явно не ожидал удара. Паллантид, что именно этот молодой человек делал в коридоре ночью?

— Я вечером запретил барону Тергину пить хмельные напитки, — отчеканил центурион. — Молодой барон был обязан постоянно находиться неподалеку от комнаты короля. Если бы появились недоброжелатели, Тергин разбудил бы остальных гвардейцев. После того, как Ваше величество ушли спать, барон оставался в коридоре.

Невероятно... Теперь ясно, что среди нас есть, как выразился Паллантид, «недоброжелатель». Однако встают другие вопросы. Гвардейца убили тихо, и никто до самого утра не поднял тревоги. Что мешало убийцам проникнуть в нашу комнату? Засов? Есть способы открыть его бесшумно. Или они испугались? Граф Мораддин — отменный воин, Конан за годы бесконечных странствий по миру приобрел громадный опыт в драках, как с оружием, так и без него. Я тоже могу постоять за себя...

— Идемте дальше, государь, — холодно произнес Паллантид. — В обеденный зал.

Мы спустились по лестнице. Девочки матушки Бютт не успели прибраться до открытия трактира, и потому в главной зале все было оставлено нетрону-

тым. На полу черепки от разбитой вчера посуды, две-три сломанных лавки, столы не вытерты, а посуда не помыта... Неподалеку от стойки, возле стола, где мы вчера возглашали тосты за здоровье старейшины Двалина, простерлось тело лейтенанта Алгуса. Того самого, что вызвал на поединок гнома.

— Не понимаю, — качал головой Мораддин. — Конан, Веллан, посмотрите! Алгус убит тем же приемом — удар ножа в глаз. А вот и оружие...

Тело лейтенанта находилось возле деревянной скамьи с широким сиденьем. Возле правой ножки скамьи лежал окровавленный нож. Клинок был дорогой, украшенный кристаллами горного хрусталя и с костяной рукоятью. Оружие не боевое, а скорее, используемое как украшение. Самым печальным было то, что на гарде была выбита метка — «Х. Ю. Ганд.»

«Хальк, барон Юсдаль из Гандерланда.»

— Та-ак, — низко протянул Конан, осмотрев кинжал. — Поверить не могу. Этого не может быть.

— Не может, — кивнул Мораддин. — Однако и лейтенанта Алгуса, и барона Тергина убили именно этим ножом.

Граф Эрде, коснувшись лица убитого, показал характерный разрез, который могло оставить только узкое лезвие с зубцом на кончике. Зубец на кинжале был сделан для того, чтобы удобнее разрезать пергамент...

— Где Хальк? — с угрюмым спокойствием спросил Конан. — Честно говоря, я не верю, что это сделал он. Однако расспросить Халька необходимо...

Мы рванулись обратно, на второй этаж трактира. Комната Халька располагалась почти напротив нашей, лишь чуточку подальше. Киммериец вознамерился ударить в дверь кулаком, чтобы пробудить спящего летописца, однако створка приоткрылась, едва рука короля коснулась ее. Не заперто.

Мы вошли в комнату Конан и Паллантис, за ними я и Морадин. Почтенный хозяин, не произнесший и единого слова, остался в коридоре.

Хальк спал в кресле. На постели похрапывал старейшина Двалин, а возле нее, завернувшись в дорожный плащ барона Юсдаля, почивал Строри. Неподалеку от племянника старейшины стояла сплетенная из ивовых прутьев корзина. Сквозь прорехи было видно, что белая зверюшка по имени Тицо спит, свернувшись калачиком на дне. Благолепие...

Конан, прогрохотав сапогами по дощатому полу, решительно подошел к барону Юсдалю и грубо потряс его за плечо.

— Поднимайся! — рявкнул король.

Летописец встрепнулся, протер глаза ребром ладони и недоуменно воззрился на киммерийца.

— Уже едем? — еле слышно, почти шепотом спросил Хальк. — Конан, посмотри за окно, солнце только восходит!

Гномы, разбуженные голосами, зашевелились. Строри, вынырнув из-под плаща, непонимающе посмотрел на ворвавшихся в комнату людей, а почтенный Двалин глубоко вздохнул.

— Хальк, — преувеличенно спокойным голосом начал Конан. — Убили двоих наших. Ночью. Никто не видел, как. Возле тела Алгуса мы нашли твой кинжал. Если это сделал ты — лучше признайся сразу.

— Спятели, да? — воскликнул Хальк, метнувшись к столу, на котором лежал его пояс с ножнами. — Зачем? Зачем мне убивать своих? Какого демона?..

Он схватил широкий гандерский пояс и оторопело уставился на пустые ножны. Кинжала не было.

— Что ты делал ночью? — этот вопрос задал Морадин. — Когда мы с Конаном уходили спать, ты еще сидел внизу.

— Правильно, — растерянно кивнул Хальк. — Потом я пригласил уважаемого Двалина и его племянника к себе. Мы долго разговаривали. Глубоко за полночь Строри сходил вниз, за едой. Спать мы легли перед самым рассветом и все это время были вместе.

— Тела не успели остыть, — заметил Морадин, посмотрев на Конана. — Следовательно, наших гвардейцев убили совсем недавно.

— Досточтимый Хальк абсолютно прав, — сказал Двалин. Гном посматривал на нас серьезно и с опаской. Он видел, что свита Конана раздражена и наверняка предполагал худшее — в убийстве, по человеческому обыкновению, обвинят инородцев. — Мы постоянно находились вместе с молодым бароном и вели многоразличные беседы. Он никогда не оставался один.

— ...Таким образом, — продолжил Морадин речи старого гнома, — получается, что некто, после того как вы заснули, пробрался в вашу комнату, взял кинжал Халька, убил гвардейцев, а затем бесследно исчез. И заодно успел подрезать сухожилия лошадям.

— Пойдите! — вдруг выкрикнул Хальк. — Как были убиты Черные Драконы?

— Ударом твоего кинжала в глаз, — подал голос Паллантис. — И что дальше?

— Вот как... — Хальк вскочил и запагал по комнате взад-вперед. Некоторое время стояла напряженная тишина, нарушаемая лишь шумом его шагов. — Конан, мне это не нравится.

— Почему? — холодно спросил король.

— Вспомни события последнего дня в Тарантии. Как пытались убить нашего грифона? Ударом клинка в глазницу! Тогда нашли кинжал Беллана! — Разбуженный громкими речами Халька белый зверек зашебуршился в своей корзинке

и вызывающе буркнул. Летописец машинально подошел к нему, быстро открыл замочек маленьким ключиком и взял Тицо на руки. Мораддин неожиданно подошел к Хальку, ладонью повернул мордочку зверька к себе и спросил:

— Тицо, ты не видел, кто входил ночью в комнату?

— Оставь зверюшку в покое, — буркнул Хальк. — Она недостаточно знает наш язык, чтобы отвечать.

Но тварь из Ямурлака громко выговорила:

— Человек. Ходить тут. Тихо ходить, все спать.

— Та-ак, — протянул граф Эрде. — Нашли свидетеля... Какой человек, ты можешь сказать, Тицо? Большой, маленький? Волосы длинные или короткие?

— Темно, — ответствовало существо. — Я не видеть. Человек. Все спать. Люди с борода спать, Хальк спать. Не знаю.

— Мне думается, уважаемые господа, что мы, говоря прямо, оказались в заднице, — вздохнув, доложил Хальк, выслушав речи своего любимца. — А самое неприятное в том, что убийца находится в отряде. И едет с нами из самой Тарантии.

— Логично, — кивнул Мораддин. — На грифона и на гвардейцев покушались одинаковым способом. И тогда, и сейчас пытались бросить подозрение на невиновных. Я посмотрел, как выглядели раны — удар был несильным, нож вошел в глазницу параллельно земле, под прямым углом. Вывод таков: действовал знакомый всем нам человек, ростом повыше убитых и знающий, на кого можно в данный момент свалить вину.

— Отличные приметы, — хмуро усмехнулся Конан. — Любой подходит. Что я, что Паллантин, что Хальк...

Тут я решил, что нужно вмешаться в разговор. В голову пришла неожиданная мысль. Недаром я оборотень.

— Подождите немножко, — я вышел вперед. — Перво-наперво хочу сказать, что нас пытаются посорить. Согласны?

Остальные кивнули.

— Далее. Некто очень не хочет, чтобы мы ехали в Пограничье. Самый простой способ остановить наш поход — убить короля. Однако минувшей ночью Конан находился в одной комнате со мной и Морадином. Его было не достать. Сейчас нас предупредили. Это второе предупреждение, если первым считать покушение на Энунда.

— Что ты предлагаешь? — буркнул киммериец, посмотрев на меня исподлобья. — Вернуться в Тарантию? Никогда не отступал и теперь не желаю!

— Я предлагаю найти убийцу. Прямо сейчас.

— Но как? — поднял брови Мораддин. — У нас нет никаких свидетельств, кроме слов Хальковой зверюшки.

— Да очень просто. Сидите и ждите, сейчас приду.

Я выбежал из комнаты библиотекаря, оставив там разозленных, настороженных людей и недоумевающих гномов. Нырнул в дверь нашего с Конаном покоя, быстро разделся и лег на пол. Спустя несколько мгновений мое тело изменило облик...

Я — волк. И теперь я могу чувствовать гораздо больше, чем пребывая в теле человека. Все-таки хорошо быть оборотнем. Улавливаются даже самые слабые запахи — вот здесь лежали сапоги Конана (фу-у...), здесь спал Мораддин. Кровать пахнет мной самим. Из коридора наплывает запах крови. И смерти.

Никто не удивился моему превращению. Месьор Бютт и другие знают, что оборотни живут по соседству и не боятся, а из нашей компании глаза на меня полезли только у Паллантида — центурион лишь единственный раз видел, как я превращаюсь, и не привык к особенностям оборотней. Впрочем, гвардеец промолчал.

— Ну? — Конан посмотрел на меня сверху вниз. — Хочешь проверить запахи?

— Р-р,— рыкнул я утвердительно, развернулся, выбежал в коридор и обнюхал тело Тергина. Кровь, запах мозга и еще что-то непонятное. Никогда не сталкивался с подобным. Человек, оборотень или гном подобным не пахнет. Обычно так воняет «чужим». Запах магического предмета, демона, духа, воплощенного в тело... Только этот «чужой» все-таки пахнет по-другому. Нет ощущения принадлежности к нашему миру... Великие боги, благостная Иштар и Светлый Митра, да что же здесь произошло?

Я со всех ног ринулся вниз, к трупу Алгуса. То же самое. Непонятный чужой запах здесь ощущается слабее — его перебивают ароматы проходивших недавно людей и гномов. Но все равно... Здесь был *чужой*. Поймите, поймите, кто в нашей компании может быть чужим?

Перемахивая сразу через три ступени, я оказался наверху. Вошел в комнату. Ткнулся носом в Халька и Конана. Потом в Паллантида. Самые обыкновенные люди. Самый обычный запах, ничего странного. Господин Барли Бютт тоже пахнет человеком, а еще кухней и пивом. Двалин и Стори отличаются — запах гномов, давно, впрочем, мне знакомый. Мораддин пахнет интересно — чуточку гном и чуточку человек. Еще ощущается аромат масла, которым смазывают оружие. Стоп, а это что?

Ах да, разумеется... Маленькая белая старь на руках у Халька. Пожалуй, только ее могу назвать чужой. Однако, похоже пахли Эзунд и прозрачный сармак, оставшийся в Тарантии. Просто необычное животное. Ничего общего с запахом убийцы-«чужого». Ничегошеньки не понимаю!

Оп-паньки! Как я раньше не заметил! Почему-то в комнате Халька немного сильнее пахнет «чужим». Устойчивый запах, пускай и слишком слабый. Если вспомнить речи Тидо, убийца заходил сюда. Но куда он пошел потом? Я обнюхал порог комнаты, пол коридора — ничего. Такое впечатление, что злодей растворился в воздухе, а воплощался только рядом с телами жертв. Или это колдовство, или существо, убившее гвардейцев и попортившее лошадей, обладает удивительными качествами.

Потом меня отвели в конюшню, но и там ничего выяснить не удалось. «Чужой» здесь был, но куда исчез?

Я начинаю понимать, что ввязался в очень нехорошую историю, по сравнению с которой даже охота за Бешеным Вожаком может показаться лишь небезопасной прогулкой.

* * *

Нас провожали и гномы во главе с Двалином и Стори, и Барли Бютт с семейством. Трактирщику досталось больше всех — месьор Бютт пришел в ужас от того, что на его знаменитом постоялом дворе случилась подобная неприятность. Он долго извинялся перед Конаном, даже хотел заплатить виру. Киммериец отказался. Приказал только отправить тела погибших гвардейцев обратно в Аквилонию и выдал Барли полсотни золотых для обеспечения подвод и заказ домовин у местного

плотника. Господин Вютт, раскланявшись, сказал, что сделает это в точности.

Сухомысли на передних ногах подрезали семерым нашим скакунам. Следовательно, некоторые гвардейцы остались без заводных лошадей и вынуждены были сгрузить поклажу на своих. Разумеется, мы могли купить в Брийте трех-четырёх коняг, но это были обычные рабочие лошади, непривычные к дальним переходам. Поэтому Конан решил раздобыть лошадей в Вольфгарде, благо золота мы с собой взяли предостаточно.

Пускай я и рассказал королю о том, что обвинение не может упасть ни на кого из нашего отряда, среди аквилонцев появилась нехорошая подозрительность. Кто знает, может быть, этого и добивался неизвестный ублюдок, чью совесть уже отяготили два убийства? И мы не знаем, выживет ли оставшийся в Тарантии грифон...

Распрощавшись с Кетилем, возглавлявшим стражу ворот, с гномами и хозяином «Танцующей лошади», отряд вышел на заснеженную дорогу, ведущую к полудночному восходу. Спустя день и ночь мы должны были оказаться у деревянной ограды Вольфгарда. В столице нас ждали король Эрхард и стигийский волшебник Тотлант.

А ближе к полуночи, в горах Граскааля, по-прежнему бушевал зеленый огонь, и твари, созданные из людей, старательно выкапывали упавшую с неба гору.

Мы не знали, чем кончится поход. Однако надеялись на лучшее.

Через две лиги после Брийта Конан, посмеиваясь, первым начал кидать в нас снежками...

ДОКУМЕНТ

Послание Мораддина, графа Эрде, королю Немедии и протектору Коринфии Нимеду I. Отправлено из Тарантии, Аквилония, со спешной посольской почтой в 27-й день второй осенней луны, 1288 г.

«Приветствую тебя, мой король!

Обстоятельства сложились таким образом, что после принятого мною решения отправиться в Аквилонию я не имел возможности постоянно извещать тебя, владыка, о своих действиях и сопровождавших их чрезвычайных событиях. Однако за минувшую луну свершилось так много исключительно важных происшествий, что я, как подданный немедийской короны, счел обязанным сообщить тебе лично о недавних приключениях и планах на ближайшее будущее.

Склонен разбить мое послание на четыре части: во-первых, необходимо рассказать об обстановке в самой Аквилонии; во-вторых, поведать о поездке в удивительный край, именуемый Боссонским Ямурлаком. Третьим и четвертым пунктами последуют мои планы относительно путешествия в Пограничье, столь необходимого, сколь и неотложного, в финале же я изложу свои предположения об ожидающем нас безрадостном будущем.

*Итак, Аквилония. Будучи в гостях у короля, держащего под своей рукой Трон Льва, я пользуюсь почти безграничной свободой в действиях, отчего и могу беспрепятственно наблюдать за всеми перипетиями в отношениях между нынешним королем и частью дворянства. Не сомневаясь, государь, что мой помощник, граф Майль, уже посвятил тебя в тайну особой государственной важности — я имею в виду возможный заговор против Конана I, устраиваемый, скорее всего, конфиден-
тами кофийского короля Страбонуса.*

Не столь давно мне пришлось быть свидетелем покушения на жизнь аквилонского монарха, к счастью для всех нас, неудачного. Увы, но из-за моего недомыслия и промашек королевской свиты ни один злодей не был пойман и допрошен. Однако я связываю сей инцидент с крупным заговором, возможно, имеющим место. После конфиденциальной беседы с полномочным послом нашего государства в Тарантии, я выяснил, что особое недовольство королем Конаном проявляют представители высшего слоя аквилонского дворянства.

Впрочем, вероятность всеобщего мятежа сомнительна. Потенциальные заговорщики будут не в состоянии ввести в Тарантию войска или взять королевский замок штурмом — гвардия Черных Драконов, состоящая из безземельных дворян и младших сыновей аристократии, верна Конану и будет защищать его всеми силами.

Гораздо более опасной мне представляется иная перспектива. Вероятно, заговорщики попытаются пойти на физическое устранение короля Конана. После чего немедленно провозгласят королем своего ставленника и заручатся симпатиями плебса, не слишком доверяющего нынешнему королю. Я думаю, не надо тебе, государь, объяснять, что в этом случае Аквилония будет ввергнута в ужас гражданской войны. Наиболее приемлемым был бы вариант распада этой державы на полуденные (Тауран и Пуантен) и полуденные (Гандерланд и Боссония с метрополией в Танасуле) области. Однако непременно начнется затяжная борьба за обладание Тарантией, основными сухоходными путями, ведущими к Зингаре и Аргосу, а также приносящими колоссальный доход лесными массивами, что располагаются возле Немедийских

гор. Не думаю, что стоит напоминать моему королю о широчайшей торговле поваленным лесом, монополию на которую вот уже не одно десятилетие держит правительство Аквилонии.

Неугомонные пикты, видя ослабление границ, непременно внесут свою лепту в возникшую сумятицу.

Таким образом, гражданская война в Аквилонии принесет на Закат полное расстройство торговли, безвластие в отдельных областях и, разумеется, появление немыслимого количества разбойничьих отрядов, возглавляемых как мелкопоместными дворянами, так и просто отпетыми головорезами, а самое главное — полным разрушением достигнутого с таким трудом стратегического равновесия. Усиление Кофа (чей ставленник, возможно, будет сидеть на аквилонском троне) грозит бедой лишь нашему любезному отечеству — если новый аквилонский король удержит в руках власть над всей территорией страны, армией и будет плясать под дудку Страбонуса, мы можем получить затяжную войну сразу на двух направлениях — закатном и полуденном. Если ты помнишь, государь, я показывал тебе донесения наших агентов из Хоршемиша, говорящие о претензиях Страбонуса на часть Заморы и полуденные пределы лежащего под твоим скипетром Коринфского протектората.

Выход один: либо тайной службе Немедии следует подготовить план свержения возможного кофийского ставленника и самим найти человека, способного занять аквилонский трон, либо всемерно охранять жизнь нынешнего короля Конана Киммерийца. Последний вариант предпочтительнее, ибо, как ни странно, варвар, проводящий разумную и взвешенную политику, устраивает большинство крупных землевладельцев, дворян средней руки и торговые дома известней-

ших купцов. Мудрые прекрасно понимают, что любая несправедливость в жизни страны существенно скажется на их доходах, а земельные магнаты не могут допустить разорения своих ленов.

Теперь, государь, время перейти к новостям, привезенным мною из Боссонского Ямурлака...»

Значительно позже стало известно, что король Нимед I всемерно одобрил действия графа Морадина, а за непосредственное участие в уничтожении подземного чудовища Его светлость граф Эрде был удостоен немедийского Ордена Чести.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ РАЗУМНЫХ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАСАХ ХАЙБОРИИ

(Составлено по изысканиям Евсевия Цимисхия, Халька, барона Юсдаля и Орибазия Достопочтенного)

Известно, что земли Закатного материка заселены не одними лишь людьми. В древнейшие времена, предшествовавшие хайборийскому завоеванию, на обширнейших пространствах к закату от Кезанкийских гор обитали многочисленные племена, имевшие отдаленное родство с человеческой расой или вовсе не имевшие к людям никакого отношения. Смутные предания, сохранившиеся к завершению XII—XIII веков от основания Аквилонии, гласят, что перед приходом людей материк имел несколько иные географические очертания и был населен самыми странными существами.

Прежде всего следует упомянуть народ бессмертных альвов. Обликом схожие с прекраснейшими из людей, альвы жили на побережье Закатного океана (там, где нынче располагаются Пиктские Пущи), строили города в тайных, обособленных долинах и густых лесах и, будучи обуяны гордыней, презирали остальных разумных тварей. Некая катастрофа, произошедшая много тысячелетий назад, повлекла за собой затопление части континента. Тогда же были уничтожены большинство поселений альвов. Если верить в правильность рассказов некоторых аквилонских путешественников, обследовавших Эйглофиатский хребет в той его части, что разделяет Киммерию и Нордхейм, то местные жители утверждают, что якобы до сих пор встречают следы немногочисленных альвов неподалеку от горы Бен Морг. Ходят слухи, будто один из городов высоких альвов сохранился полностью и его обитатели поныне хранят мудрость и величие этой древ-

ней расы. Однако никаких убедительных доказательств сему утверждению не обнаружено.

В то же время альвы Ямурлака, обитающие в древесном городе в самой глубине этой загадочной страны, существуют в действительности. Несчетные тысячелетия беспощадно изменили облик бессмертного народа. Хальк, барон Юсдадь, в своих записках, посвященных путешествию в Ямурлак, а также основанных на рассказах грифонов и старейшего василиска, поведал нам, что племя альвов выродилось, сами они живут охотой и собирательством, никого не подпуская к своему городку, чем весьма напоминают своих отдаленных родичей, всем известных паков из провинции Темра.

Мы знаем, что люди, именовавшие себя хайборийцами, относились к альвам и прочим разумным существам подозрительно, а то и враждебно. Впрочем, вражда была взаимной и послужила причиной многочисленных стычек между людьми и иными разумными племенами. Увы, по людей было гораздо больше, они были хитры, умны и свирепы. В течение нескольких сотен лет большинство альвов было истреблено, те же, что уцелели, либо поселились в недоступных горах и лесах на полуночи, либо, как свидетельствуют записи святого Эпимитриуса, «построили корабли и скрылись в неизмеримой дали Закатного океана».

Встает разумный и обоснованный вопрос — какие же разумные твари сумели приспособиться к новому для них миру людей и выжить? Совершенно точно известно, что к восьмидесятым годам XIII столетия от основания Аквилонии в мире существовали помимо людей три достаточно многочисленные расы, не относящиеся к человеческому роду: гномы, оборотни и гули. Представители других редких и вымирающих существ обычно сторонились человека и сохранились в малонаселенных людями провинциях. Имеются в виду темрийские паки, народ Холмов из Пиктских Пущ, грифоны, кентавросы и гарпии Ямурлака, а также весьма редкие единичные особи различных видов драконов и василисков.

Впрочем, таковых (стараниями людей) осталось настолько мало, что они не представляют особого интереса.

Для того чтобы выжить в полном опасностей и враждебном мире людей, все три крупнейшие разумные расы прибегли к различным способам защиты. Гномы, как и было искони,

заперлись в подземельях Эйглофиата, Граскаала и Кезанкии, общаясь с людьми лишь по торговым делам; оборотни нашли возможность мирно жить с переселенцами, занявшими Пограничное королевство; а гули прибегли к самоизоляции в лесах Рабирийских гор. В их поселениях не бывал ни один из ныне живущих людей, так что о расе гулей можно судить лишь по рассказам отдельных ее представителей, сумевших прижиться среди нас.

Теперь же, воспользовавшись трудами многомудрейших и славных мужей, посветивших себя наукам, мы попытаемся вкратце рассказать об истории и особенностях гномов, оборотней и гулей. Вероятно, источники, коими пользовались вышеупомянутые мэтры, не всегда были истинными, а потому возможны некоторые искажения действительной правды...

Флавий Аркон, граф Сарзак,
Хранитель анналов истории
библиотеки Тарантийского замка,
7-й день первой осенней луны, 1398 год

О гномах Граскаала

О происхождении гномов людям известны лишь отрывочные и неполные сведения, дошедшие из преданий альвов и самих маленьких рудознатцев. Обобщая эти удивительно древние и смутные истории, восходящие корнями к временам господства бессмертного народа, когда о кхарийцах, змееногих или атлантах и слыхом не слыхивали, мы можем с определенной долей уверенности утверждать: гномы были созданы одним из сыновей Бога Единого, коего зачастую называют Илу.

Гномы помнят семь древнейших Праотцов, старшего из которых именуют Дьюрином. Все короли подгорного племени по традиции носят это имя. Вскоре после сотворения мира Илу гномы появились в пределах обитаемых земель, вызвав немалое удивление у высоких альвов и немногочисленных тогда людей. Уже в те баснословные времена карлики были недоверчивы, себялюбивы и обуяны преком стяжательства. Однако в древнейшие годы, ныне именуемые в Хайбории «Темными Веками», гномы удалились от дел большого мира и, используя природные пещеры в качестве своих поселе-

ний, начали расползаться подгорные царства. Знаменитые копи Мориа (или «Вадна», а также «Хадходронд»), находящиеся в горах Кезанкийских горах (тогда именовавшихся «Железными») — около 10—15 тысяч лет назад стали крупнейшим центром гномьего мира.

Достоверно известно, что гномы основали свои поселения также в Голубых горах (ныне этот хребет, находившийся на побережье Пиктских Пущ, затоплен водами Закатного океана), затем в Серых горах (хребты к северу от Нехрема и Хаббатен, на землях Гиркании) и в Железном Кряже, который ныне почти уничтожен выветриванием и обвалами (располагается он к полуночи от ничейных земель, между гирканийцами и закатными областями Кхитая).

Великая Катастрофа, послужившая причиной гибели и затопления части плодородных и лесных угодий Закатного материка, располагавшихся к полудню и закату от Боссонии и лесов пиктов, была вызвана борьбой светлых богов против великого и злобного духа, обосновавшегося на полуночи материка, в Черной крепости у трех вулканов. Темный бог был изгнан из пределов мира, его тысячелетняя твердыня разрушена, но в то же время подверглись уничтожению как города альвов, так и многочисленные поселения гномов. С тех времен народ рудознатцев начал клониться к несомненному упадку.

К 1288 году Хайборийской эры людям известны три крупнейших королевства гномов. Первое, сохранившее лишь жалкую тень прежнего могущества, расположено под Кезанкийскими горами, ближе к полуночи. Главенствует там государь Трайн I, а известный старейшина Гроин, сын Фарина (отец графа Мораддина), входит в «Совет мудрых», управляющий королевством под надзором короля.

Второе государство подгорных карликов лежит под горами Граскааль. Тамошний владыка — Дьюрин VIII — считается среди гномов наивысшим авторитетом и владеет титулом «Наследника Длиннобородого Отца». Для людей это примерно то же самое, что «император всего Заката».

После событий, связанных с появлением подземного огня и последующим разрушением Небесной горы, часть Граскаальского королевства была разрушена, нижние уровни затоплены водой от расплавившегося льда, а огромные подгорные

пространства выгорели. Когда Небесная гора погибла в Изначальном пламени, исторгающемся из глубин земли, гномы, отблагодарив приютивших их на время людей Пограничного королевства, вернулись в свои вековые обиталища. Хальк, барон Юсдаль, побывал в королевстве Дьюрина всего через год после событий, связанных с Небесной горой, и не смог узнать страну рудознатцев. Разрушенное было восстановлено, вода выкачана на поверхность, а в подземельях, полностью уничтоженных взрывом Небесной горы, были прокопаны новые ходы и велись работы по обустройству. Желая узнать об этом подробнее мы отсылаем к известному сочинению месьора Халька «Путешествие в царство гномов, или Мои встречи с государем Дьюрином VIII». Найти эту книгу можно в библиотеке Тарантийского замка, а любой желающий обнаружит списки с нее в Университете аквилонской столицы и королевских библиотеках Бельверуса, Ианты и Кордавы.

Третье, и самое малоизвестное, государство гномов находится на полуночном закате материка, в недрах Эйглофиатского хребта, протянувшегося от полуночных границ Пиктских Пущ до Пограничья, разделяя Киммерию и Нордхейм. Тамошние гномы еще более, нежели их сородичи с восхода, необщительны и лишь иногда выходят на поверхность, чтобы закупить у киммерийцев, пиктов или асиров необходимое продовольствие. Но мы знаем, что копи Эйглофиата наиболее богаты золотом, и потому в упомянутых странах людей путешественник может за дешево купить великолепное оружие, выкованное на Изначальном огне, а также удивительные и невероятно красивые предметы из золота и других драгоценных металлов, украшенных мастерски ограненными камнями. Имя короля Эйглофиата известно — Трор IV. К величайшему сожалению всех ученых мужей Закатных стран, в этом королевстве рудознатцев никто из людей донине не бывал.

После событий 1288 года от основания Аквилонии гномы прониклись большим доверием к людям, и потому торговые обозы карликов можно встретить даже в Гандерланде, на полуночи Немедии и Бритунии. Теперь мы знаем, что представляет из себя, если так можно выразиться, «типичный гном».

Все разговоры о том, что рудознатцы удивительно малы ростом (по некоторым утверждениям, не выше человеческого пояса), не соответствуют истине. «Карлики» не являются

карликами в полтора раза этого слова. Рост обычного гнома составляет не более трех локтей, а некоторые рудознатцы и вообще достигают высоты человека среднего роста. Говорят, будто самый высокий гном вырос аж до трех с половиной локтей, то есть до 58 дюймов. В то же время гномы отличаются изумительно крепким сложением, широкой костью и невероятно развитой грудной клеткой, что создает впечатление немислимой для человека широкоплечести. Знаменитую «гномью бороду» носит любой мужчина и чрезвычайно ею гордится. Дернуть противника за бороду или нанести этому непременно украшению лица какой-либо ущерб считается величайшим оскорблением, а некоторые законодательные акты Граскаальского и других королевств предусматривают в качестве наказания особо тяжело провинившимся «усекновение бороды». Каждый гном удивительно силен и вынослив, стойко переносит все испытания, незаменим в качестве работника и обычно спокоен до флегматичности. Но если гном вступает в драку, то она заканчивается либо его победой, либо смертью.

Необразованные люди утверждают, будто гномы живут не менее тысячи лет. Это неправда. Да, действительно, рудознатцы по сравнению с людьми имеют гораздо более длинный срок жизни, и он составляет в среднем 250 — 300 лет. Хальк в своих «Записках» упоминал, что однажды познакомился со старейшим гномом Граскааля. На момент встречи этому ослепшему и потерявшему от старости слух гному было 479 лет.

Также ходят слухи о том, что «гномов порождает камень и в камень же они уходят». Это тоже неверно. У гномов, как у всякого народа, подобного людям, есть женщины, рожающие детей. Правда, их число весьма невелико — не более трети от общего населения. Мужчины-гномы частенько не заводят семью, посвящая свою жизнь труду на благо клана. Женятся обычно лишь старшие сыновья. В гномьих семьях зачастую рождается один, максимум два ребенка, растут дети очень медленно, отчего срок совершеннолетия гнома приходится на его сорокачетырелетия. После этой даты гном имеет право заплести бороду в косицу и стать полноправным членом клана. Говорят, будто из-за малочисленности женщин гномы частенько вступают в предосудительную связь с человечески-

ми женщинами (что, впрочем, не мешает последним вынашивать крепких и здоровых детей), а также в законодательстве гномьих царств разрешена связь между мужчинами-гномами, среди людей считающаяся «противоестественной».

Излюбленное оружие гномов — боевые топоры любых видов. Чаще всего это тяжелая секира с зацепом на длинной рукояти либо двусторонний лабрис. Очень редко гномы носят мечи — более удобные для них короткие гладиусы.

Великая Катастрофа, произошедшая осенью-зимой 1288 года послужила причиной разрушения части Граскаальского королевства и гибели, как минимум, четырех кланов, из которых наиболее известен клан Фрерина, решивший во что бы то ни стало выкопать Небесную гору. После пожара, уничтожившего подземелья этой семьи, остальные гномы королевства сочли за лучшее выйти на поверхность и просить помощи у короля Пограничья (см. Вольфгардское уложение от 1286 года «О взаимовыгодном союзе меж людьми и гномами»). От 10 до 12 тысяч гномов были вынуждены на время поселиться в королевстве Эрхарда, чем причинили ему изрядный урон, затем, правда, возмещенный спасенным из гибнущих лабиринтов золотом. Скучные земли Пограничья и еще более тощие запасы продовольствия не могли прокормить такое количество неожиданно явившихся нахлебников, не умеющих существовать в открытом мире, на поверхности. Положение спас король Дьюрин, распорядившийся передать пятую часть всего золота и драгоценных камней в государственную управу Пограничья для закупки припасов в Немедии и Аквилонии. Не без интереса можно заметить, что истрачена была лишь десятая часть этой огромной суммы, судьба же остальных драгоценностей неизвестна. Однако можно с уверенностью предположить, что гномье золото пошло на благо нищей казне Пограничного королевства.

Небесная гора погибла, гномы вернулись в подземелья, вызвав немалый вздох облегчения у людей и оборотней, населяющих эту далекую полуночную страну, и вот уже много лет подданные Дьюрина с изрядной охотой торгуют с людьми, а их несравненные изделия из многообразных металлов и цветных камней составляют серьезную конкуренцию работам офирских золотоделов и кофийских оружейников.

В целом можно считать, что гномы являются миролюбивым, работорговцам спокойным народом. Некоторые странности, приписываемые рудокопам и зачастую шокирующие людей, можно списать на необычность их образа жизни и глубоко укоренившиеся традиции.

Гномы никогда не встречаются в дела сопредельных государств, и лишь однажды (зимой с 1284 на 85 год) по просьбе людей и сохранивших здравомыслие оборотней Пограничья хирд гномов вышел на поверхность и полностью истребил стаю Бешеного Вожака. Сие событие весьма живописно описано в повести Гая Петрониуса «История о племени Карающей Длани». Однако не стоит забывать о том, что боевое построение гномьей пехоты практически непобедимо, и людям нужно возблагодарить Митру за нежелание гномов завоевывать земли, лежащие под солнцем.

В завершение этого краткого рассмотрения истории гномов можно сказать, что король Граскааля Дьюрин VIII в 1293 году направил в Аквилонию посольство, радушно принятое королем Конаном и королевой Зенобией.

Оборотни пограничья (Племя Карающей Длани)

В отличие от альвов, гномов или рабирийских гулей, история появления разумного народа полулюдей-полуволков (обычно именуемых «оборотнями») широко известна. Вот как об этом рассказывают сами оборотни. Цитируемый ниже отрывок взят из исследования Орибазия Достопочтенного, родом происходящего из Бельверуса, и был записан им со слов одного из Вожаков этого народа:

«...Существует такая Книга Начал, по которой мы молимся нашему Создателю. Она гласит: «Был день, и создал Творец землю, был второй день, и создал он различных животных, птиц и других тварей земных, и был третий, когда явил Создатель богов и сказал: «Вот чада мои возлюбленные, они будут править созданным мною миром». Тогда встал среди богов один, светлый ликом, и сказал: «Некем нам править, ибо на земле нет тварей, обладающих разумом, сходным с нашим». «Хорошо,— молвил Создатель.— Я создам по вашему образу и подобию ваших подданных — людей».

Легенды приписывают создание людей Митре, но это не так — Митра лишь попросил Илу Единого сотворить людское племя.

Люди расселились по всей земле и вскоре в гордыне своей перестали почитать богов. Разгневался Илу и сказал: «Сотворю я тварей, схожих обликом с людьми и волками — врагами их. И пусть они станут моей карающей дланью!» Так и произошло. На свет явилось племя оборотней, и долгое время по слову Создателя они уничтожали людей, а те не могли противостоять им. Тогда видевший это Кром спустился с небес и долго беседовал с вождями могучего народа, из которого вышли потом киммерийцы. Это было давно, еще до Великого Потопа и основания Валузии, и наши сказания не сохранили названия сего племени. Так вот, Великий Кузнец решил помочь людям и выковал из металла, сияющего как звезда, прекрасный меч. Он покрыл клинок рунами богов и даровал ему часть своей Силы, а еще наложил заклятие — только потомок этого сгинувшего народа, давко ушедшего на Серые Равнины, сможет пробудить Силу меча. А свойство этого оружия было таково, что в присутствии превращенного волка или полувола и любого другого колдовского существа он начинал сиять. Имя мечу было Рангильдор, что в примерном переводе означает: «Звезда, срывающая маски». Кром передал этот меч в дар вождю людей, и оборотни начали терпеть поражение за поражением...

«Узнав об этом, Создатель разгневался на Крома. Но простил, потому что боги были его созданиями и он сам даровал им свободу воли. Илу освободил оборотней от своей власти, сказав: «Теперь вы свободный народ и вольны поступать так, как считаете должным». Оборотни решили установить мир с людьми, и так было, хотя люди не забыли и не простили нам тех времен, когда оборотни были Карающей Дланью Создателя, и ненависть к нашему роду живет в человеческих сердцах по сей день...»

Почтеннейший читатель может видеть, что здесь вкратце изложена история появления оборотней в пределах обитаемого мира. Разумеется, за последние столетия эта красивая легенда обросла множеством всевозможных домыслов и преувеличений, причем последние исходят обычно от людей, не слишком доверяющих полуволкам. Однако все ученые мужи

Заката склонился к соглашению с трактатом Орибазия, благо подтверждение его словам ныне более чем достаточно.

Итак, где же такие оборотни?

Первое упоминание о племени Карающей Длани принадлежит, разумеется, святому Эпимитриусу. В одной из проповедей, произнесенных перед войском первого аквилонского короля Алькоя, преподобный Эпимитриус утверждал: «...Не оскверняйте себя сошествием с иными тварями, особливо возможившими себя Карающей Дланью Создателя, ибо известно, что человек создан для человека и для бога, а оборотень лишь для мерзости. И каждый мужчина и каждая женщина, не соблюдающие этого закона, будут прокляты перед людьми и солнцезарным ликом».

Безымянный летописец, донесший до нас эти слова легендарного святого, снабдил хронику комментариями, из которых мы видим, что времена основания Аквилонии отличались крайней нетерпимостью ко всему «нелюдскому» и просто чуждому обычной природе человека. Надо полагать, что оборотням, населявшим тогда обширные полуночные земли от Кезанки до Пиктских Пуш, приходилось весьма туго. Как вы поняли из приведенного здесь отрывка, Эпимитриус предостерегал людей от кровосмешения с Карающей Дланью и вообще был склонен считать всех не относящихся к человеческому роду существ вырожденками Тьмы.

Последующие столетия принесли в митраистскую религию более либеральные взгляды, и отношение людей к оборотням, гномам или пакам стало гораздо терпимее. Около 600 лет назад, приблизительно в 800—810 году, один из Вожаков Карающей Длани принял решение объединить свой народ под единой рукой и на одной земле. Вожак по имени Конхобар избрал для сбора оборотней страну, ныне именуемую Пограничным королевством. Тогда эти обширные пространства, зажатые меж Немедийскими и Кезанкийскими горами с заката и восхода и огороженные от ледяного дыхания Нордхейма непроходимым Граскаалем, были практически не заселены людьми. В то же время Пограничье было занято обширнейшими хвойными лесами, охранялось с полудня топкими болотами и было славно невероятно расплодившимися дикими животными, среди которых встречались и существа наподобие василисков, болотных ящеров, мантикор или знаменитых дрохо.

В последующие 250—300 лет оборотни жили отдельно от людей. Тогда были основаны первые поселения (Брийт, Хезер и другие), в которых оборотни жили в человеческом облике и сохраняли перенятую от аквилонцев и немедийцев культуру.

В конце IX — начале X столетия Пограничье стало активно заселяться людьми. Как ни странно, переселенцы с полуночи Немедии, из Бритунии и даже Турана очень быстро нашли общий язык с оборотнями, каковые стали настоящими хозяевами земель будущего Пограничья. Переселенцы в основе своей были либо беглыми крестьянами-кметами, покинувшими родные страны из-за жестокости и несправедливости дворян, либо нищими и желающими найти постоянное пристанище младшими сыновьями известнейших благородных семей цивилизованных государств. Последние, возжелав основать свои собственные лены, заняли менее лесистые и более плодородные территории к закату от Брийта, воздвигли с немногими сподвижниками замки, и вскоре на закате Пограничья образовалось «лоскутное одеяло» небольших, но независимых баронств — Земли Кланов. С той же поры государство обрело свое название — «Пограничье», а заодно и институт королевского правления. Король был выборным, а не наследным, и его власть была чисто номинальной.

Оборотни не обращали внимания на людские афронты и продолжали жить своей жизнью охотников, рыбаков и земледельцев. Тем более что одним из первых законов Пограничья был «Эдикт о вольностях», свято чтимый по сей день. В этом законодательном акте указывалось, что никто из баронов не имеет права притеснять племя Карающей Длани, а равно вольные крестьянские общины, занявшие земли вокруг нынешнего Вольфгарда. Люди прекрасно понимали, что, начав войну с необычными и обладающими удивительными способностями существами, они лишь наживут неприятностей.

Постепенно число истинных оборотней сокращалось, и вовсе не потому, что стаи Карающей Длани враждовали с человеческим родом. Просто случилось так, что несклонные к расовым предрассудкам люди все больше скреплялись с оборотнями, выдавая за их детей своих сыновей и дочерей. Соответственно, кровь бывших «любимых детей Илу» размывалась, потомство теряло способности к превращению в волков, и со временем многие семьи Карающей Длани навсегда очеловечились.

В 1002 году ~~в~~ Бритт, что в тридцати лигах к полуночи от ~~немецкой~~ границы, состоялся сход Вожаков всех уцелевших ~~стаи~~ (напомним, что «стаей» у народа оборотней имеются обширная и разветвленная семья, имеющая единого предка). Вожаки уяснили, что, если не принять срочных и безотлагательных мер, племя Карающей Длани полностью исчезнет через 100—200 лет. В течение нескольких дней был выработан общий для всех оборотней закон: разрешаются лишь внебрачные связи с людьми, но мужчина обязан брать жену только из своего племени либо...

А вот здесь кроется одна из тайн этого странного народа. Известно, что оборотень способен передать детям по наследству свои способности, и неважно, от кого происходят эти дети — от человека или от настоящего волка (имеется в виду обычное животное). Скорее всего, мужчины-оборотни, превращаясь в зверей, с тех пор все чаще начали уходить в лес, изыскивая матерей-волчиц для своего потомства. Постепенно это стало традицией и привело к тому, что перекося в крови выровнялся и в семьях появлялись дети, сохраняющие все удивительные способности племени Карающей Длани.

Но резкое разрушение границ между животным миром и миром человеческим (или «околочеловеческим») привело к очень неприятным последствиям. Приблизительно один раз в столетие рождалось существо, именуемое «Бешеным Вожаком», а на многих других оборотней, родившихся в том поколении, нападало «бешенство». Чтобы объяснить суть этого феномена, мы должны вначале рассмотреть некоторые непреложные обычаи, принятые в племени Карающей Длани.

Каждому известно, что оборотень по сути своего бытия стоит гораздо ближе к миру животных, нежели любой из людей. Следовательно, сохраняются и многие законы животного мира. Вот несколько основных уложений: слово Вожака превыше всего, и его решения не оспариваются; нельзя обижать младших, а при любой опасности их нужно спасать прежде всего; стая для тебя — все, и потому ты без колебаний должен отдать жизнь за родичей; без лишней необходимости не вступай в союз с людьми и никогда не рассматривай человека в качестве добычи (между прочим, в связи с последним законом у настоящих оборотней практически никогда

не встречается случаев воровства, грабежа, убийства или другого насилия над человеком или себе подобным).

Семьи оборотней возглавляются самым старшим мужчиной или, если таковой пребывает в преклонном возрасте, его первым сыном. Такой оборотень зовется Вожаком, а его приближенные — «Теми, кто бежит рядом с Вожаком». По традиции, установленной помянутым легендарным Вожаком Конхобаром, всем народом Карающей Длани правит единый вождь, а главы семей ему беспрекословно подчиняются. К 1288 году и событиям, связанным с пробуждением Небесной горы, первым Вожаком стаи был король Пограничья Эрхард, тщательно скрывавший от людей и владык сопредельных государств свое истинное происхождение. Ныне имя Вожака неизвестно, а правящий сейчас его племянник, престарелый король Эртель, скорее всего, является «Бегущим рядом».

Возвращаясь к пресловутому Бешеному Вожаку, мы можем отметить, что таковой обладает невероятной силой убеждения, наверняка родственной гипнотическим проявлениям магии, и, используя это, отменяет все законы оборотней, кроме первого: беспрекословное подчинение старшему. Его звериная мощь настолько велика, что слабые сердцем и духом молодые оборотни следуют за ним по пути убийств и насилия, забывая все уложения своего народа.

Обычно кредо Бешеного Вожака состоит в следующем: племя Карающей Длани должно оставаться возмездием человеческому роду. Люди недостойны быть потомками Илу Единого, а потому подлежат истреблению. Единственный народ, способный привести мир к процветанию, — оборотни.

Впервые Бешеный Вожак появился в 1107 году и нанес Пограничью невообразимый ущерб, затем повел взбесившуюся стаю на Британию, но погиб во время невероятной силы снежного урагана, налетевшего на его безумное войско. Второй раз (приблизительно 1200 год) Бешеный не сумел развить свои способности и был убит не поддавшимися его чарам сородичами, а в третий раз (1284—1285 годы) явление этого чудовища едва не привело к самым плачевным последствиям для Пограничного королевства и всех близлежащих земель. Нет смысла рассказывать здесь всю эту историю, можно лишь заметить, что восставшие против тирании Бешеного оборотни во главе с Эрхардом, будущим королем Пограничья, и при по-

мощи небезызвестного **Конана Канах** (в те времена лишь наемника) убит, и это стало и положили конец его экспансии в земли людей (см. сочинения Гая Петрониуса).

После недолго царствовавшего короля Дамалла трон Пограничья неожиданно занял никому не известный в те времена Эрхард, сын Этельвульфа (1285 год, зима), став одновременно повелителем королевства людей и Вожаком всего народа Карающей Длани. Это уникальный случай в истории Хайбории, и, по-видимому, совместить эти два титула не удастся более никому. Его владычество отмечено небывалым расцветом Пограничья, превратившегося в страну, достойную занять место рядом с величайшими державами Заката, и объединением Земель Кланов под единым скипетром. Следует упомянуть, что здесь есть и немалая заслуга короля Конана Аквилонского (большого друга Эрхарда), который в 1302 году послал на помощь королю-оборотню пехотные легионы для умирения баронской вольницы.

Как же выглядит самый обыкновенный оборотень? В человеческом обличье это существо не отличается от прочих людей. Для представителей этого рода весьма характерны необычно хорошее физическое развитие, довольно высокий рост и подчас недоступная человеку сила. Волосы у них в основном светлые, но иногда встречаются оборотни с каштановыми или черными волосами — все зависит от места рождения и крови предков-людей. В облике волка оборотень являет собой крупного зверя, несколько превосходящего размерами обычное животное, а главным отличием служат глаза, удивительно похожие на человеческие.

Третий образ, который способны принимать оборотни, характеризуется среди людей словом «чудовище». Это промежуточная стадия превращения, и она зачастую приводит в смятение любого, кто незнаком с этими невероятными существами. Жуткое клыкастое создание, фигурой сохраняющее черты человека, выглядит поистине устрашающе. Голова похожа на звериную, пальцы рук и ног украшены длинными изогнутыми когтями, глаза отражают любой свет, а хребет и наружные части конечностей обрастают жестким длинным волосом. В таком облике оборотень сохраняет способность разговаривать как человек, а заодно приобретает все качества зверя — слух, обоняние и невероятно обостренное зрение.

Сейчас, ко временам правления Его величества Конна II, оборотни по-прежнему сохраняют Пограничье своей вотчиной. Правит страной, как уже упомянуто, знаменитый Эртель, племянник Эрхарда, доживший до преклонного возраста. Сейчас королю Эртелю 135 лет. Нет нужды напоминать о том, что представители рода Карающей Длани живут несколько дольше людей (120—140 лет), хотя и не способны соперничать в долголетию с гномами или гулями Рабириков, о которых будет наш следующий рассказ.

Рабирийские гули

Ни в одной летописи Закатного материка, даже в известных своей точностью и обширностью «Немедийских хрониках» не встречается упоминания о происхождении народа гулей или вампиров. Однако доподлинно известно, что в 300-х годах от основания Аквилонии, когда были заложены города на Полуденном побережье, Рабирийские горы (точнее, холмы) уже считались местом, весьма неблагоприятным для жизни человека. Таковыми они остаются по сей день.

Рабирийские горы (в просторечии Рабиры) представляют из себя цепь довольно высоких, густо поросших смешанным лесом холмов, тянущихся вдоль правого берега Хорота от устья до его слияния с Алиманой. Разумеется, леса Рабириков всегда притягивали взоры предприимчивых купцов, однако их освоение затрудняло малое количество известных троп, а также известные своими дурными привычками обитатели этих мест, до последнего времени беспощадно уничтожавшие всякого, осмелившегося переступить границу их владений.

Существует несколько противоречащих друг другу предположений о том, откуда взялись странные жители Рабирийских гор. Самое распространенное — гули являются несколько необычной разновидностью нежити и, скорее всего, выведены магическим путем либо кхарийцами, либо их потомками — стигийцами. В качестве аргумента защитники этой гипотезы ссылаются на те же «Немедийские хроники», в которых описаны подобные процессы создания существ, не являющихся людьми, а также на бытующие на Полуденном побережье народные суеверия и, что уже совсем нелепо, на гулей Иранистана. Как известно, гули Иранистанских гор не имеют

ни малейшего ~~сходства~~ к народу Рабиров, действительно представляя ~~иногда~~ ~~таких~~ (то есть не сумевших полностью материализоваться демонов), существующих только за счет добытых ими жертв — людей.

Предположение о том, что гули — потомки или создания кхарийских завоевателей, кажется нам не совсем правдоподобным, ибо между двумя этими народами издавна идет непримиримая вражда, причины коей скрыты в толще времени.

Более истинными представляются две иные версии. Первая гласит, что гули — изначально такие же создания Илу, как и все прочие разумные расы, только наделенные некоторыми определенными таинственными способностями. Вторая называет гулей потомками альвов, некогда перешедших на службу Темному властелину и позже наказанных за это. Существует также утверждение, что гули и в самом деле потомки альвов, однако за свою непомерную гордыню и надменность они были прокляты богами и изгнаны из мест обитания всех прочих племен.

Но какова бы ни была настоящая история их появления на свет, гули существуют и поныне, владея почти третьей частью зингарийских земель и твердо придерживаясь политики самоизоляции. На текущее время их численность составляет приблизительно около трех тысяч, разделенных на семьи, или кланы, под управлением единого правителя. Еще около 400—500 особей-одиночек рассеяны по городам Полуденного побережья, Аквилонии, Немедии и, видимо, Турана. Некоторые из гулей полностью отказываются от традиций своего народа, некоторые сводят их до минимума, однако есть и такие, что считают поселения людей своей личной охотничьей вотчиной. Разыскать их и убить бывает весьма затруднительно, ибо гули от природы наделены редкостной изобретательностью и находчивостью.

Именно в силу этих качеств выходцы из Рабиров, решившие покинуть свою родину и поселиться среди людей, предпочитают не смешиваться с населением городов, а лучше всего — постараться занять какую-нибудь должность, требующую постоянного напряжения умственных и физических сил. Известны случаи, когда гули служили при дворах самых известных владык Заката, как правило — в качестве лазутчиков или телохранителей.

Самоназвание народа гулей неизвестно. Люди придумали им множество прозвищ, самыми распространенными из которых являются «Дети ночи», «Те, кто рыщет в сумерках» и «Гвиллион», то есть «Ночные бегуны». Народные предания утверждали, что гули поклоняются Сету в образе летучей мыши, однако выяснено, что это не так. Гули действительно чаще всего избирают своим символом летучую мышь — за склонность к потаенному образу жизни, однако воплощениями их богов являются луна (обычно двурогая, то есть нарождающийся месяц) и вороная лошадь (расхожий символ пугающих сновидений).

Также выяснено, что гулям совершенно несправедливо приписывали умения обращаться в туман и летучую мышь, отрачивать перепончатые крылья и полнейшую неспособность переносить солнечный свет. Как доподлинно установлено, к врожденным свойствам гулей относятся умение видеть в темноте, наводить морок на иные разумные существа и удивительная восприимчивость к практической магии любых видов. Они с легкостью овладевают почти любыми существующими заклинаниями, предпочитая боевые и позволяющие каким-либо образом отвести противнику глаза, но не могут создавать их самостоятельно. С другой стороны, они почти неспособны противодействовать направленной на них темной магии, чем частенько пользуются их давние враги — стигийцы.

Солнечный свет гули действительно не любят, однако никакого физического воздействия таковой на этих существ не оказывает, в отличие от их иранистанских тезок, которые под лучами солнца буквально рассыпаются в прах. Не влияет на гулей и серебро, а распространенное средство уничтожения нечисти — осиновый кол — опасно в той же степени, как и для любого живого существа, в которое ткнули заостренным предметом.

Зато утверждение о длительном сроке жизни гулей оказалось верным. Они живут до 300—400 лет, долго сохраняя внешнюю молодость, но их старость не затягивается, как у людей, а наступает почти мгновенно.

Основываясь на рассказах гулей, переселившихся к людям, можно попытаться создать приблизительный портрет жителя Рабиров. Они невысоки ростом (около 3 локтей), телосложения скорее хрупкого, однако достигают неплохих результатов

во владении оружием, предпочитая метательное или стрелковое. Характерная черта всех гулей — очень бледная, почти бесцветная кожа, широко поставленные и более крупные, нежели у людей, глаза желтоватого или зеленого цвета, темные волосы и резкие черты лица. Они действительно имеют клыки — по два сверху и снизу, — сходные видом с клыками мелких хищных животных. Гули, живущие в городах, иногда их стачивают, дабы не выделяться среди людей. Также гули обладают данным природой оружием — втяжными когтями, в спокойном состоянии скрытым в подушечках пальцев. Эти когти не слишком крупного размера, зато невероятно заостренные и прочные.

И, наконец, несколько слов о самой непривлекательной черте этого народа — привычке к употреблению чужой крови. Как можно судить из кратких замечаний гулей, живших при дворах некоторых правителей Заката, кровь совершенно необязательно должна быть человеческой (однако это предпочтительнее). Объем потребляемой жидкости составляет в среднем три-четыре чашки в течение седмицы, остальная пища гулей — такая же, как и у людей. Полностью отказаться от потребления крови они не в состоянии, ибо как в этом случае начинается процесс стремительного старения, который почти невозможно остановить.

Характер гулей можно обозначить одним словом — «непредсказуемый», а их взгляд на жизнь выражается девизом: «Если уж мне чего-то хочется, то я этого добьюсь!» Они с презрением относятся к человеческой расе, именуя людей «двуногими животными» и любыми средствами не допуская их в пределы Рабирийских холмов.

Правители Полуденного побережья никогда не заключали никаких договоров или соглашений с гулями. Несколько раз предпринимались попытки проникнуть в Рабирь и силой привести их обитателей к повиновению. Все эти попытки заканчивались неудачами — войска либо попадали в ловушки, либо истреблялись исподтишка. После чего было здраво решено предоставить гулей их собственной судьбе.

По некоторым сведениям, последние 200 лет правитель народа гулей не сменялся. Известно только его имя — Драго. Одной из его дочерей была небезызвестная Ринга, графиня Эрде, «Немедиjsкая Ищейка». Большинство приводимых здесь сведений о гулях получено именно от нее.

Первые упоминания о таинственной Закрытой земле на полуночи Аквилонии относятся к периоду крушения огромной Кхарийской империи. Эти разрозненные и зачастую противоречащие друг другу сведения едины в одном — у истоков реки Ширки и возле закатных отрогов Киммерийских гор находится маленькая (около трех тысяч квадратных лиг) область, населенная невиданными существами. Непроницаемой облачной стены вокруг Ямурлака тогда еще не существовало, однако почти непроходимые заболоченные леса и удаленность от людских поселений служили ему надежной защитой. Кхарийцы не интересовались этим загадочным мирком и его обитателями, лишь изредка отлавливая некоторых существ, части тел и шкур которых могли быть использованы в проведении определенных магических ритуалов. Хайборийское нашествие тоже не затронуло Ямурлак — основной поток переселенцев с полуночи двигался восходнее, через более низкие перевалы закатного Граскаала.

Происхождение наименования «Ямурлак» поныне остается загадкой. Основопологающим считается предположение, что это сильно искаженное хайборийцами кхарийское слово, означающее: «Тайна», «Таинственное место» или «Опасность». Эта версия выглядит вполне правдоподобной — переселенцы с полуночи частенько сохраняли кхарийские названия местностей или городов, со временем трансформируя их в соответствии с канонами своего языка и произношения.

Естественно, что образование Ямурлака в его теперешних границах произошло не сразу, а постепенно, возможно, в течении нескольких столетий или даже тысячелетий. Есть мнение, что первоначально Ямурлак был постоянным местом обитания какой-то из разумных нечеловеческих рас, позже сгинувшей то ли под натиском людей, то ли в силу безжалостности времени. Поскольку этот край был надежно укрыт лесами и болотами от взоров людей и тогда еще сохранявших прежнее могущество альвов, он стал своеобразным убежищем для тех существ, у которых более не оставалось своего рода или которые изначально существовали на земле в очень малых количествах.

Вытесняемые с мест своего исконного обитания расселявшимися людьми, необычные существа были вынуждены от-

ступать на полночь. Некоторые из этих существ были изначально наделены разумом, иные — нет, представляя из себя лишь примитивную разновидность обыкновенных животных. К таковым относятся, например, обитающие в Ямурлаке голубые медведи, которые ничем, кроме цвета шкуры, не отличаются от своих сородичей, лысые вепри или черные олени. Уничтожаемые или изгоняемые существа, не привыкшие жить кучно и тем самым давать врагам организованный отпор, уходили все дальше и дальше на полночь, пока наконец не достигли границы лесов будущих аквилонских провинций Боссония и Гандерланд. Здесь перед ними встал выбор — отступать дальше, то есть миновать Киммерийские горы и углубиться в холодные, негостеприимные земли полуночи, или предпочесть опасную жизнь в лесах по соседству с людьми? Обитание в лесах давало некоторое преимущество — люди опасались казавшейся им бескрайней пущи и не совались туда без нужды.

Необычные животные и их предводители — представители исчезающих разумных рас, имевших нечеловеческое происхождение, — предпочли леса. Они вошли в пущи у истоков Ширки и затерялись в них, став таинственными призраками в народных сказках, объектами поклонения более отсталых народов и, наконец, кусочками загадочных шкур и черепов, кои иногда попадались на глаза любопытствующим путешественникам по полуночным краям Аквилонии. Однако на расспросы, где и когда было добыто это животное, никому не удавалось получить разумного ответа. Как правило, выяснялось, что странный зверь был случайно подстрелен прадедом или прапрадедом и что пришел этот зверь из Ямурлака, который находится где-то в лесах на полуночи, а дороги туда никто не знает, и вообще лезть в эти гиблые места — все одно что добровольно подвизаться в самоубийцы.

Единственный в истории Хайбории случай попытки организованного насильственного проникновения в эту область и попытки завоевания Ямурлака произошел в 1049 году, во времена правления небезызвестного Сигиберта Завоевателя. Эта попытка не увенчалась успехом — армии удалось приблизиться к пределам запретного края, но затем всеми захватчиками — от последнего солдата до главнокомандующего — овладел такой непредставимый ужас, что было решено

срешно покинуть леса. Более подобных враждебных действий в отношении Ямурлака не предпринималось.

Приблизительно в ту же эпоху, к которым относится зарождение и становление Аквилонского королевства, Ямурлак обзавелся дополнительной защитой от людского рода — так называемой «Призрачной стеной». Насколько можно судить по рассказам немногочисленных очевидцев, она представляла собой непрерывную полосу зеленоватого тумана, сохранявшуюся даже в самые жаркие и холодные дни. Человека, неосторожно приблизившегося к этой заградительной полосе, охватывало беспричинное чувство страха, возрастающее по мере углубления в лес. С тех пор Ямурлак окончательно превратился в легенду наподобие «городов-призраков» Шема и Стигии или «Запретных пещер» Кезанкийских гор. Люди перестали тревожить его обитателей, а они, вероятно, именно к этому и стремились.

Принцип создания и поддержания «Призрачной стены» остался доселе невыясненным. Немногочисленные маги и волшебники, пытавшиеся проникнуть сквозь нее, вскоре отказались от своих попыток, определив их как «безнадежные». Также затруднялись они и в классификации Силы, отвечавшей за поддержание Стены. По их отзывам, эта Сила не могла быть объявлена доброй или злой, а более напоминала стихийное проявление сил природы, к коим относятся воздушные вихри, ураганы или землетрясения. Очевидно, Призрачная стена являлась плодом трудов кого-то из обитателей Ямурлака, достаточно древнего, чтобы знать подобные заклинания, и достаточно могущественного, чтобы удерживать непостоянную магическую энергию в определенных, жестко заданных рамках.

Осенью 1288 года Призрачная стена внезапно исчезла. Поводом к этому, видимо, послужил разрыв земной тверди и извержение зеленого подземного огня на границах этого таинственного края. Стена пропала, а напуганные обитатели Ямурлака разбежались по окрестностям. К сожалению, они слишком долго пробыли в изоляции, и для многих из них оказалось роковым то обстоятельство, что люди во множестве освоили и заселили ранее недоступные области полуночных лесов. И, разумеется, жители Боссонии и Гандерланда восприняли нашествие небывалых и невиданных доселе животных

как угрозу собственным жизням и владениям. Многие из обитателей Ямурлака были в горячке перебиты или изловлены. Прекращение это лишь тогда, когда со всей очевидностью стало ясно — жители Ямурлака, несмотря на свою причудливую и частенько угрожающую внешность, не испытывают к людям ненависти и не склонны видеть в них объекты для охоты. К тому же большая часть животных, особенно те, что были наделены разумом, сообразили вернуться в родные края или отступить на полночь, в предгорья, пребывание в которых было для них более безопасным.

Стена отсутствовала ровно три луны, в конце 1288 года по неизвестным причинам вновь возникнув на прежнем месте. Это дало повод некоторым ученым мужам выдвинуть гипотезу, согласно которой Призрачная стена Ямурлака является естественным природным образованием, а не творением чьих-то рук или порождением неведомой магии. Однако это предположение не объясняет самого факта образования Стены, ее внезапного исчезновения, а затем последующего появления. Можно лишь с некоторой долей уверенности предположить, что разрывы земной тверди имели какое-то влияние на Стену и после того, как по воле богов разрывы прекратились, Стена вернулась на свое место, как пересохшая река после обильных дождей возвращается в проложенное века назад русло.

Однако люди успели воспользоваться столь неожиданное дарованным им шансом побывать внутри Запретного Края. Результатом этого похода стало исследование уже не раз упоминавшегося Халька, барона Юсдаля, озаглавленное «Путешествие в Ямурлак, или Забытая страна». Это сочинение достаточно распространено во всех библиотеках и книжных лавках стран Заката, а потому нет необходимости пересказывать его содержание. В целом оно сводится к изложению истории этого края, описанию встреченных в Ямурлаке видов уникальных животных и кратким выдержкам из бесед со своеобразным старейшиной этих земель — василиском по имени Тлаочауака, или, сокращенно, Тач. Возраст этого невероятного существа приближается к восьми тысячам лет, и оно, вероятно, является одним из последних представителей своего народа.

Наиболее многочисленными в Ямурлаке являются следующие виды разумных нечеловеческих существ: грифоны (около

тысячи голов), измельчавшее и вырождающееся племя альвов, люди-пауки, кентавросы, оборотни из рода Карающей Длани, некогда бежавшие сюда с полуночи, и, видимо, гарпии. Сведения об иных разумных и неразумных видах немногочисленны и расплывчаты. Бытует утверждение, что на полуночи Ямурлака обитает маленький выводок какой-то из разновидностей драконов (что представляется маловероятным, так как все достоверные случаи встреч с драконами происходили на Восходе, в землях Кхитая и на побережье моря Вилайт; кроме того, эти существа на протяжении нескольких столетий целенаправленно разыскивались и уничтожались людьми, так что вряд ли где-то могли сохраниться способные к размножению самцы и самки), а также что где-то в глубинах лесов можно встретить крохотные популяции животных времен Валузии и Атлантиды. Все вышесказанное, к сожалению, не имеет никаких документальных подтверждений, а потому может быть смело отнесено на счет безудержной человеческой фантазии, склонной преувеличивать существующие опасности и раздувать самые малейшие страхи.

Барон Юсдаль, путешествовавший по Ямурлаку в течение нескольких дней и дотошно расспрашивавший гигантского василиска Тача о населяющих эту землю существах, донес до сведения потомков одну важнейшую истину: человек, проникший в Забытый край, не подвергает себя особой опасности, если только не ведет себя вызывающе и не пытается навредить жителям Ямурлака. Также Хальк утверждает, что присутствие в Ямурлаке созданий, именуемых обычно «нечистой силой», ничем не доказывается. Единичные экземпляры лесных вампиров (эти твари похожи на очень крупных росомых, однако, как и положено вампирам, питаются кровью и имеют некоторые врожденные магические способности) или выходящих на охоту по ночам вурдалаков (это тоже животное, питающееся падалью, а никак не известное демоническое существо, изредка появляющееся возле крупных человеческих кладбищ) отнести к «нечисти» невозможно только лишь потому, что это — живые существа из плоти и крови, а никак не воплотившиеся демоны.

Ходят слухи о находящихся на территории Ямурлака развалинах огромного города изначальных альвов (предположительно называвшегося «Крепость Королей»), однако порос-

шие лесом руины дают дурную славу. Якобы там сохранилась существующая «сама по себе» враждебная (а что вероятнее — чуждая) людям магия альвов. Еще во времена правления государя Конана Канах в Тарантийском Университете была предпринята попытка снарядить экспедицию для обнаружения и исследования этих развалин, но внезапно вмешались жрецы Митры и сумели доказать университетским профессорам и заинтересовавшемуся сим проектом королю, что делать этого не следует — любые найденные предметы, созданные альвами, могут нести в себе чуждую человеческому роду магию.

В настоящее время Ямурлак пребывает в своем прежнем состоянии — Призрачная стена, как и раньше, надежно защищает его от всех незваных гостей. Что происходит за этой непроницаемой оградой — остается неразрешимой загадкой. Однако имеются несколько не совсем достоверных сообщений о том, что люди проходили через Стену (даже не испытывая при этом полагающегося безумного ужаса) и возвращались обратно, сохранив жизнь и здравый рассудок. К сожалению, мы не располагаем ни одним подтвержденным надежными свидетелями рассказом очевидца, а потому Боссонский Ямурлак, как и прежде, остается лесистым краем на полуночи Аквилонии, полным неразрешимых тайн, населенным невиданными животными и хранящим свои секреты от посторонних глаз.

РЕЛИГИИ В ХАЙБОРИИ. СВЕТ И ТЬМА

О многообразных формах богопочитаний на Закатном материке говорено неоднократно, однако люди, митраисты в основе своей, не всегда знают о богах народов, про которых сказано выше. Незнание же порождает недоверие и, зачастую, страх. А вдруг обитающие в подгорных пределах гномы поклоняются жутким демонам Черной Пустоты, гули чтут кровавых божеств Валузии, а оборотни кладут требы забытым зверобогам?..

Спешу утешить неведающих: эти три разумные расы не обратились к Тьме, несущей хаос. Отрывочных сведений о религии гномов достаточно для того, чтобы уяснить — Великий Длиннобородый Отец, родоначальник подгорного племени был создан в Предначальные эпохи одним из сыновей Бога Единого — прозвание сего великого духа неизвестно людям, но в старинных хрониках встречается имя звучащее приблизительно как «Аул Кузнец».

Оборотни не имеют собственной религии и, как большинство людей, чтут Митру, Иштар, Эрлика или например Бела. В то же время Племя Карающей Длани обожеествляет природу, и в некоторых деревнях Пограничья можно найти священные деревья, камни или тотемных животных, чаще всего волков.

Гули Рабиоров скрывают от людей имена своих богов, но судя по тому, как Ринга, графиня Эрде в течении всей жизни боролась с порождениями Тьмы, рабирийцы, несмотря на странный образ жизни и необычные для людей нравы, не обратились к черным божествам.

Я не вправе говорить о том, какой из богов лучше или хуже, добронравнее или жесточе. В этом мире есть две вели-

кие силы, оказывающие влияние на род человеческий и на наших близких — родителей. Имена этих вековых противников — Свет и Тьма. И никто не сказал о них лучше великого богослова из Аграпура Авестиниана Туранского. Богов нельзя делить на «своих» или «чужих», но только лишь на приверженных хаосу или созиданию, сиречь Тьме и Свету... Прочтите же отрывок сочинения легендарного мыслителя и убедитесь в истинности его слов.

Выдержка из философского трактата «Огнь многоликий», авторство коего трактата Авестиниану Туранскому (ок. III в. Х.Л.) приписывается

И вот говорят: добро и зло, свет и тьма, правда и ложь — не суть ли то две ветви единого древа, и не суть ли одно — брат другого от единого Отца, и что не будет первого брата без близнеца его. И зло для одного оборачивается добром для иного; и нет добра, когда не видно зла; и что худого славить Тьму, ибо как незнаема Тьма, так и незнаком Свет; и что всякая правда не вечна, и все суета сует и томление духа; и посему всякий лжет, и нет никого, пред кем держать ответ, и все позволительно, когда есть сила и знание.

И вот говорят: что с того, славить ли Митру, бога Света, либо чтить Великого Змея, Отца Тьмы, когда тьма есть не-свет, а свет есть не-тьма? И что блюсти истину помыслов, слов и дел, когда истина — зеркало лжи, а ложь — зеркало истины? И не есть ли служение истине худшее рабство нежели служение силе, ибо истина иллюзорна, и следование иллюзии удерживает сильного и мудрого и ведет к гибели, а тот лишь бессмертен, кто свободен от иллюзии и чтит лишь большую силу и мудрость, но, служа им, и сам получает чрез них часть силы и мудрости и тем становится сильнее и мудрее и превозмогает смерть, поелику и она не более чем сила.

И вот говорят: что толку жалеть и каяться и чтить закон и тем обрекать себя и иных на страдание бесплодное, когда добро и справедливость лишь иллюзия, и не лучше ли избрать свободу, когда дарована она от начала всем, и не лучше ли не быть, но и не умирать, и не есть ли в том свобода, к коей стре-

миться всякий? И не есть ли то, что именуют злом — единственное добро, зане убийство иллюзий и служащих им избавляет мир тварный от несвободы?

И верно: есть мир сущий, и есть суждения о нем, кои есть отражения сущностей, явленные тварям, наделенным свободною волей. Но коли есть отражения, то есть и зеркало. И коли исходят лучи от сущего, то отражаться должны от не-сущего, сиречь от пустоты. И се, на то и дана тварям свободная воля, дабы узрели отражение сущностей в зеркале. И когда видится суть неискаженной, то и есть истина, а посему и тот, кто стремится узреть отражение неискаженное, имеет намерения истинные, и в сем стремлении помыслы имеет, и слова говорит, и дела производит к истине его приближающие. А полную истину зрит лишь тот, кто во всякой сути пребывает, а есть то ни кто иной, как Отец Всего Сущего и Творитель, несотворенный и творящий.

И вот говорят иные: нет лжи и нет истины, ибо есть зеркальные отражения друг друга, взаимно друг друга искажающие. Но коли есть сущности и отражения их, то и есть отражения неискаженные и есть искаженные. И те, что неискаженные, есть истина, а те, кои искажены, и есть ложь. И постигнут суть лишь те, кои стремятся к истине, ибо имеют истинные намерения, а иные, провозглашающие ложь равной истине, сути не постигнут, ибо ищут ее в несуги и к несуги стремятся.

А как несуги и есть пустота, то и цель их пустота, и пусты знания их, ибо невозможно познать то, чего нет, несотворенное и нетворящее, кое может явить себя лишь в мире тварном и в противодействии ему. А как есть это противодействие единственно в изничтожении мира тварного и обращении сути в несуги, то и является злом великим, а значит и ложные намерения есть зло, и помыслы, к оным намерениям приводящие, есть зло, и дела тех, кои поклоняются лжи, есть зло.

А и есть свет лишь там, где есть суть, и, значит, есть он у добра, а там, где нет сути, а, значит, есть и зло, и нет никакого света.

И как есть и был всегда Несотворенный и Творящий, так есть и сотворенное им, творящее либо нетворящее. И есть сво-

бодная воля у сущностей и творящих, и как наделены ею, то и свободны они от истины ото лжи и избирать истину либо ложь, и творить могут, преумножая сущности, либо изничтожать их. И в том также есть их свобода. И есть сотворенное и творящее люди, и боги, и демоны, и духи; а сотворенное и нетворящее есть прочие сущности и твари, изменяющиеся, но воли не имеющие.

И есть посему два пути: либо творить и преумножать сущности, света неискаженного от Несотворенного и Творящего чрез них исходящего взыскаю и тем к истине стремясь и к Отцу Сущего всемерно приближаясь, либо иной путь — ко лжи обратиться и почитать ее за истину и к утверждению ее стремиться, взыскаю тьмы, все, от чего свет исходит, отвергая, и, тем самым, сущности уменьшая и изводя.

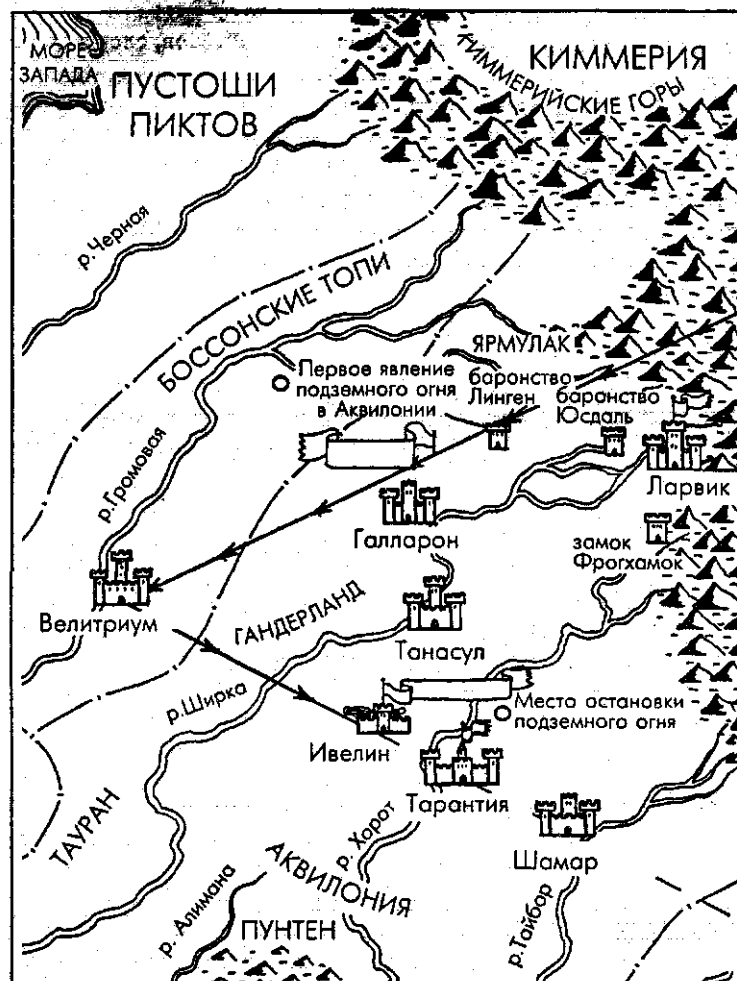
И первый путь есть путь Митры, ибо для преумножения сущностей следует мир сей приемлеть и любовь и жалость к тварному питать, а посему и блюсти чистоту помысла, слова и дела. И противный путь есть путь Сета, ибо допускает ложь и почитание несути за суть и ведет к несути, стремясь извратить творение сообразно лжи дабы подчинить его, а для того сущности уменьшить и сделать творящее нетворящим, а нетворящее низвести до небытия.

И вот говорят: нет истины единой, и всякий, утверждающий, что имеет намерения истинные, ведет ко лжи, ибо всей истины нет ни у кого кроме Отца Всего Сущего, и всякое истинное намерение в воплощении своем — сиречь в помысле, слове и деле — ложно и сулит одно лишь страдание, а посему и нет ни единого пути истинного, и все равно ложны, и посему путь Сета лучший, ибо сулит свободу столь большую, сколь сможет достигнуть, сильному и мудрому. А Отец Всего Сущего недвижим и удален безмерно, и Отец Тьмы — архонт мира сего, а потому и следует поклоняться ему и почитать его и ложь приемлеть.

Но зане есть Отец Всего Сущего во всем, кроме несути, то и путей к нему великое и безмерное множество, как есть он бесконечен и сама полнота сущего. А вотому и всякий путь, отличный от пути лжи, к несути ведущему, истинный и Ему угодный, страдание же — суть наказание за помыслы, слова и деяния

ложные, а смерть — избавление от оных страданий. А если и есть Отец Тьмы архонт мира сего, то и будет благим деянием ему противодействовать хотя бы и тем, что на путь его не ступать, для чего и следует блюсти чистоту помыслов, слов и деяний.

И посему истинен путь Митры, ибо к свету ведет и постижению сути через истинные намерения и соблюдению Договора как меж Творцом и творением его, такожде и меж сущностями. А овеществлен тот договор в огне и свете, сиречь в правде помысла — истинном намерении, правде слова, а не в клятве либо заклятии, и не в силе, но в правде деяния.

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Бьорн Локнит: своя Хайбория 7

О. Локнит ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ

Предварение	29
Глава первая	33
Глава вторая	57
Глава третья	83
Глава четвертая	111
Глава пятая	143
Глава шестая	171
Глава седьмая	215
Глава восьмая	245
Глава девятая	283
Глава десятая	321
Глава одиннадцатая	347
Глава двенадцатая	389
Глава тринадцатая	413
Глава четырнадцатая	457
Приложение I	505
Приложение II	534

Литературно-художественное издание

ОЛАФ ЛОКНИТ

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Художник *Владислав Асадуллин*
Верстка *Екатерины Пеняевой*
Корректоры *Алевтина Борисенкова,*
Вера Чаленко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.11.98 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать высокая
с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 1899.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97 г. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого

24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь

ДИРЕКТОР
МИРОВ

**Читайте в новой серии
издательства «Северо-Запад»
лучшие книги отечественных
авторов!**

*Научная фантастика и фэнтези,
альтернативная история и мистика
ждут вас на
"Перекрестке миров"*

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •

ЧИТАЙТЕ

ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА
«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

ТОМ 1
 «Миддорский оборотень»

ТОМ 2
 «Нефритовая Страна»

ТОМ 3
 «Стальное сердце»

ТОМ 4
 «Ветры Катраза»

ТОМ 5
 «Раб Сармы»

ТОМ 6
 «Тварь в лабиринте»

ТОМ 7
 «Край Вечных Снов»

ТОМ 8
 «Золотой скакун»

ТОМ 9
 «Мятежник»

ТОМ 10
 «Проигравший — умирает»

ТОМ 11
 «Погибший мир»

ТОМ 12
 «Корнуэлльский кровосос»

fantasy

Издательство «Северо-Запад»
 представляет серию
«fantasy»

*Каждая новая книга этой серии —
 волшебное полотно, на котором
 чудесными нитями мифов выткано
 повествование о борьбе с силами
 Хаоса и Тьмы.*

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»

Т. Сванн «День Минотавра»

М. Муркок «Город в осенних звездах»

Готовятся к выходу книги:

Р. Сильверберг «Книга Черепов»

Г. Бир «Концерт бесконечности»

Б. Ламли «Воин древнего мира»

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

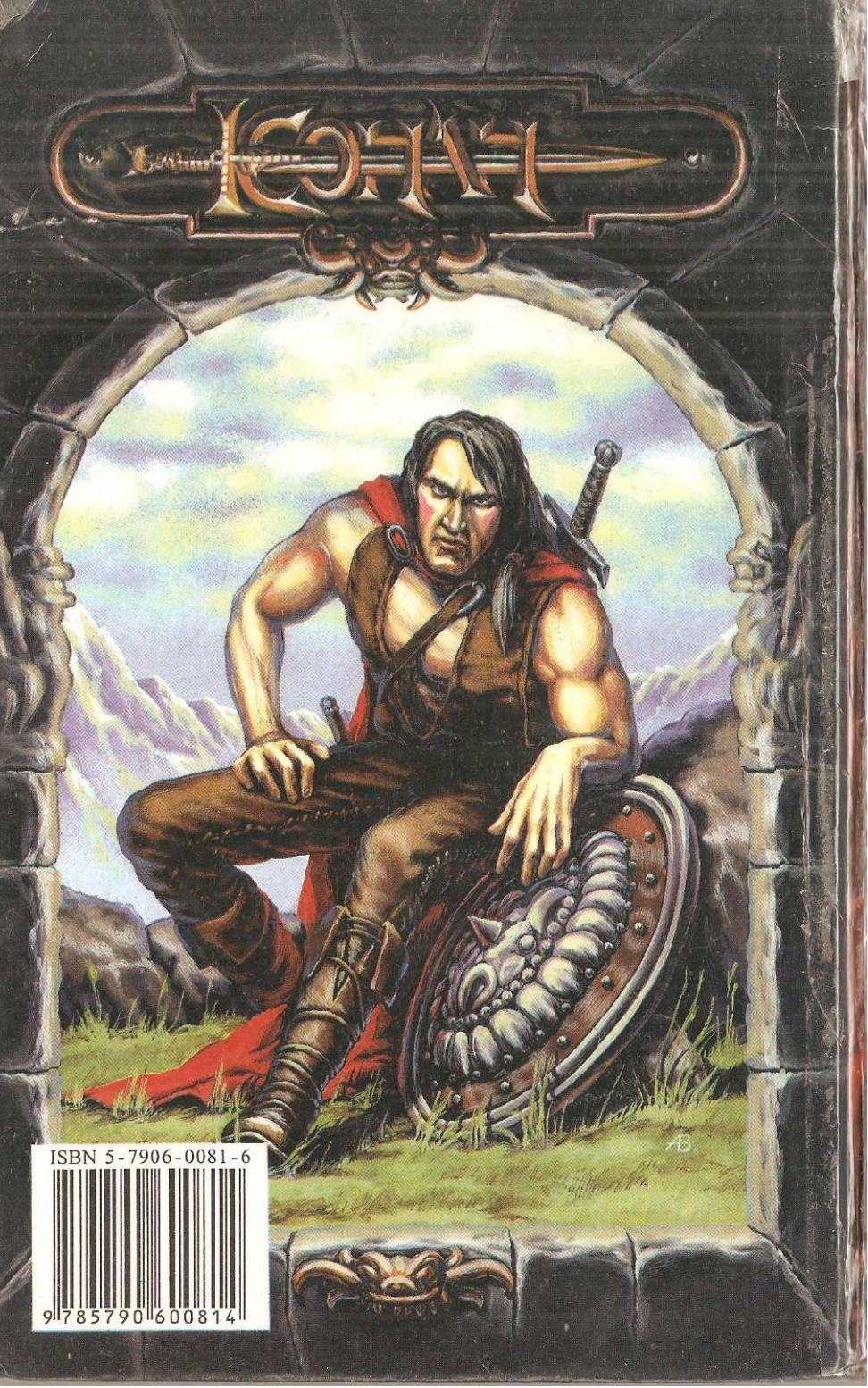
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-7906-0081-6

9 785790 600814